

Гай Юлий Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
лорд-протектор

Новинка
от самого
таинственного
и самого
знаменитого!

Ричард Длинные Руки —
лорд-протектор

Я окружен верными рыцарями и
ми вассалами. За эти годы
дательства, интриг, коварства
и хитрости, зато честь
здесь словно разлитая

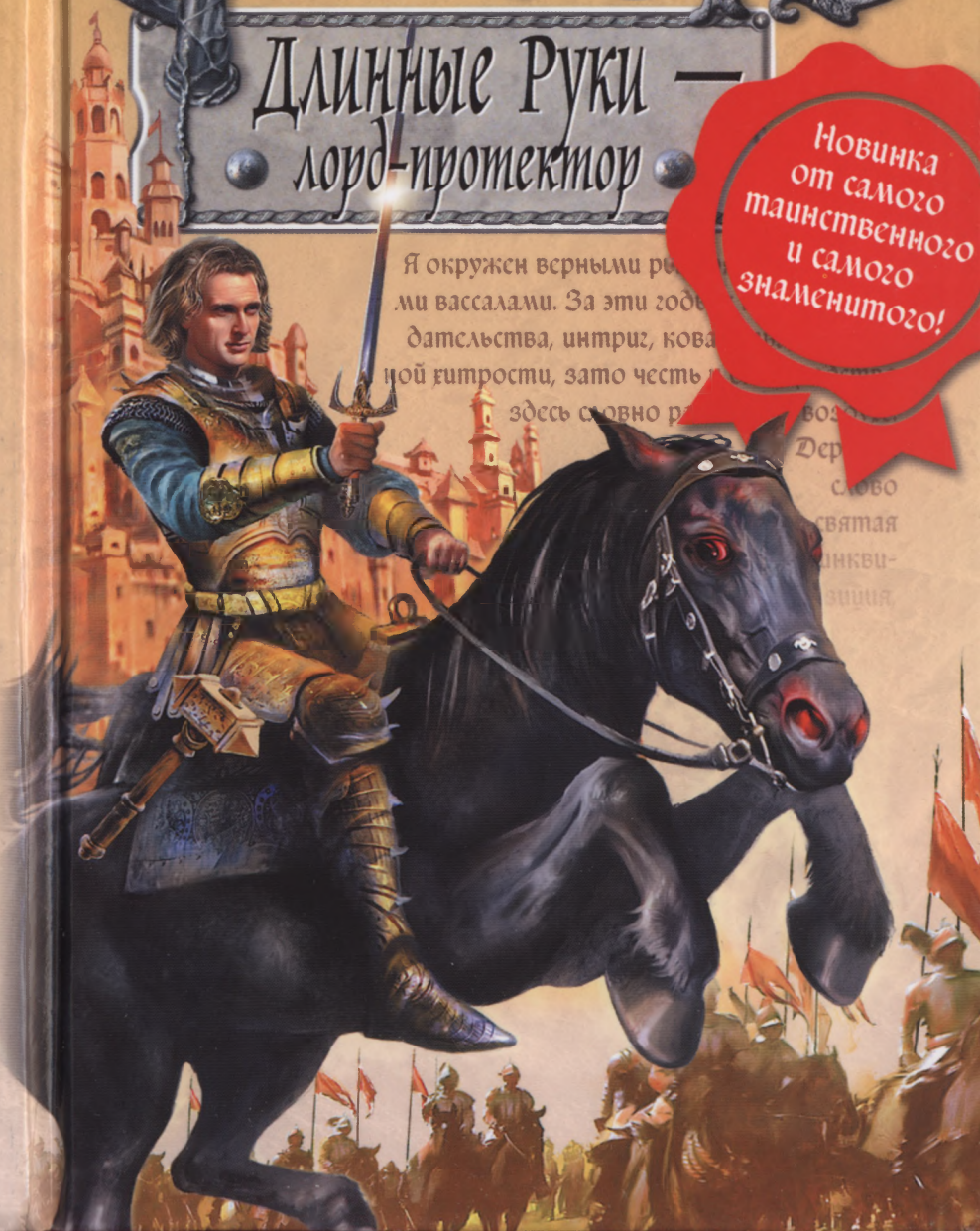
возвратился
Дер

слово

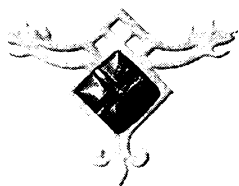
святая

инкви

зиция

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ризард Длинные Руки
Ризард Длинные Руки — воин Господа
Ризард Длинные Руки — паладин Господа
Ризард Длинные Руки — сеньор
Ризард де Амальфи
Ризард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ризард Длинные Руки — виконт
Ризард Длинные Руки — барон
Ризард Длинные Руки — ярл
Ризард Длинные Руки — граф
Ризард Длинные Руки — бурграф
Ризард Длинные Руки — лэндлорд
Ризард Длинные Руки — пфальцграф
Ризард Длинные Руки — оверлорд
Ризард Длинные Руки — коннетабль
Ризард Длинные Руки — маркиз
Ризард Длинные Руки — гротсграф
Ризард Длинные Руки —
лорд-протектор

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
лорд-протектор

Москва, 2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Рисунок на переплете *П. Трофимова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — лорд-протектор: Фантастический роман / Г. Ю. Орловский. — М.: Эксмо, 2008. — 448 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-29910-2

Я окружен верными рыцарями, надежными вассалами. За эти годы я не видел предательства, интриг, коварства, низменной хитрости, зато честь и благородство здесь словно разлиты в воздухе. Держит слово святая инквизиция, держат слово чести маги, держат его даже огры, тролли и демоны. Мне кажется, им даже в голову не проиходит, что можно схитрить, сподличать, предать и на этом нехило пожить.

И только я, пришедший из мира, где все покупается и продается, где предать, ударить в спину, подставить ножку, пройти по трупам — норма жизни, с ужасом понимаю, как трудно такой сволочи быть одним из правителей этого чистого мира.

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-29910-2

© Орловский Г. Ю., 2008
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2008

Часть 1

Глава 1

Аеди Лоралею под усиленной охраной доставили в спешно выделенную для нее палатку. Я проводил отряд угрюмо-властным взглядом, сердце тревожно ноет, как дерево со снятой корой, чувствительное даже к легкому ветерку.

Лорды поглядывают на меня с неодобрением. Кажется, уже многие с затаенным дыханием ждут, когда же сдуется непобедимый Ричард Длинные Руки! Эти истощенные вопли, что утих, завял и даже лопнул — слышу давно, и такое все громче, а я всего лишь отлучился на Юг, потому на Севере обо мне ничего не слышно. Мол, ну не может человек идти так долго без поражений! Все уходят на покой после двух-трех громких побед. Лучшие из лучших, удачно стартовав, затухали после пяти-шести походов...

Это другие не могут, подумал я злобно, перевел дыхание и постарался расправить спину. Я вам, гадам, еще покажу! Еще долго придется кусать локти и бессильно пищать под моим тяжелым сапогом с золотыми рыцарскими шпорами, что вот уже окончательно, совсем окончательно сдулся!

Голос барона Альбрехта ворвался в мои мечущиеся, как стая воробьев в горящем сарае, мысли:

— Сэр Ричард, но что с этим прекрасным призом?

Я огрызнулся:

— А что вам непонятно?

— Многое, — ответил он нейтральным голосом. — Лорды, может быть, и скажут спасибо... потом, когда-нибудь, может быть... хотя и не верится в такое, но вам самому нужны эти заботы?

— Мне вообще-то никакие не нужны, — огрызнулся я. — Я натура беззаботная и необремененная. И прожил бы без забот и нагрузок, если бы не криворукие. Одна криворукость, куда ни плюнь. Что делать, что делать!.. Да выдать ее замуж за стратегического противника! Хорошо бы за Гиллеберда... Тот еще гад.

— Женат, — сообщил сэр Растер деловито. — И жена у него в порядке. В смысле, вторую и близко не подпустит. Разве что совсем кривую какую... Нет, и кривую не подпустит. Кривые — они в одном кривые, в другом совсем наоборот...

Я отмахнулся.

— Да это так, мысли вслух. Пока препроводите в какой-нибудь замок. Не оставлять же в лагере... Мужчины взбесятся. Гормоны у нее такие, что ли? А там придумаем. Других дел выше крыши.

Растер перекрестился и спросил опасливо:

— А может, эта женщина — сам дьявол? Ишь, два таких разумных лорда сошлись в никчемушной кровавой резне!

Сэр Норберт пробормотал:

— Но дьявол вроде бы самец? Да еще какой...

В его угрюмом голосе послышалась зависть. Растер ликующе воскликнул:

— Вы что, не слыхали, дьявол часто принимает женский облик, чтобы сбивать с пути праведного отшельников и аскетов?.. и таких праведных рыцарей, как вот вы, сэр Норберт?

Норберт буркнул:

— Не слыхал. Что, правда?

— Почитайте труды святых отцов!

— Как же, как же, — пообещал Норберт, — обязательно почитаю. Непременно. Как только, так сразу... И что там в тех трудах? Барон, вы человек ученый, вы тоже читали?

— Естественно, — откликнулся Альбрехт невозмутимо и указал на Растера: — Как и наш дорогой сэр Растер: от корки и до корки!

Норберт в изумлении повернулся к Растеру:

— И что там?

— Интересно, — сообщил сэр Растер значительно. — Это ведь Священное Писание, а не... словом, ага. Я, правда, буквы все пропускал, но картинки посмотрел, посмотрел! Битвы всякие, замки, кони... Все понять можно, если всматриваться. А насчет дьявола я вам авторитетно скажу, если он даже козлом перекидывается, то почему не женщиной? Чем женщина хуже?

Норберт пробормотал:

— Козел — тоже мужчина, все мы козлы, если уж... но женщиной... гм...

Растер ахнул, вытаращил глаза.

— Сэр Норберт, а как же содомия? Дьявол на то и дьявол, что ему без разницы!.. Так что вполне, вполне дьявол может перекинуться женщиной. Ему ж не для удовольствия, это работа у него такая — пакостить человеку! А проще и легче всего человеку пакостить — прикинуться женщиной. Говорит же старинная мудрость, запечатленная в древних рукописях: Бог создал три зла: бабу, черта и козла.

Все трое, даже барон Альбрехт, перекрестились, дружно поплевали через плечо и потрогали амулеты, соединив христианство, язычество и черную магию, ибо белой, как известно, не бывает.

Сэр Растер подумал и сказал твердо:

— Нет, это никакой не дьявол! Это настоящая женщина. Подлинная.

Норберт спросил с недоверием, умственные способности Растера ставят не слишком высоко:

— Почему так решили?

— Мудрые люди говорят, — ответил тот с тяжеловесной обстоятельностью, — что где дьявол сам не сможет, туда женщину пошлет! Ему не надо перекидываться женщиной, это все враки. Настоящая женщина всегда искуснее дьявола.

Я слушал с раздражением, о чем бы мудром и высоком речь ни зашла, всегда перейдет... перейдем на баб-с, такое нужно пресекать вовремя, но тут и сам заслушался.

— Все! — сказал я решительно. — Жаль, моя крепость

для жилья еще не очень, так что леди Лоралею надо размес-
тить поближе к нам, но в пристойном месте.

Растер подумал, предложил рассудительно:

— Тогда в замке Кнаттервиль. Он небольшой, но там уютно и чисто.

— Кнаттерфель? — переспросил я.

— Нет, — поправил он несколько удивленный, — Кнат-
тервиль.

— А-а-а, — сказал я, — тогда ладно.

— Что-то не так?

— Все так, — ответил я. — Вези в Кнаттервиль. Надеюсь,
там уютнее, чем в том проклятом... Все время гроза громыха-
ла да покойники вылезали... Главное, что это близко к нам и
далеко от графа Арлинга и барона Кристофера. В том замке
содержать под охраной.

— Усиленной, — подсказал барон Альберт.

— Усиленной, — повторил я автоматически. — А у нас
другие дела. Великие! А женщины к великим никаким бо-
ком.

— Боком — это да, — подтвердил Растер знающе. — Бо-
ком это вообще непонятно что за выверт. Я и женщин таких
не видел...

Они снова начали о бабах, а я поехал готовить войско в
обратный путь.

Под усиленной охраной леди Лоралею временно перевез-
ли в Кнаттервиль, замок, по отзывам, маловат и хил, но сей-
час нет войны, а леди Лоралея пробудет там недолго, пока не
решу ее судьбу. Надо будет посоветоваться со знатоками вро-
де Растера и Альбрехта, как лучше поступить и что сделать,
дабы интересы всех были учтены.

Или задеты в наименьшей степени.

Как я понимаю, интересы ее родителей можно вообще не
учитывать. С тех пор, как она пошла по рукам, они наверня-
ка махнули на нее рукой. А то и перекрестились за ее спиной.

На всякий случай я велел, если есть необходимость, ук-
репить ворота и увеличить стражу в ключевых точках на сте-
нах.

Барон Альбрехт вдогонку распорядился отремонтировать стену, я поблагодарил его мысленно: хоть кто-то берется отдавать неприятные хозяйственные приказы помимо меня, вечного эксплуататора.

Я в перевозке этого факела войны не участвовал, не по чину гроссграфу такой фигней заниматься. С частью войска сделал марш-бросок, к своей крепости.

Подсвеченные желтыми огнями облака плывут очень медленно, зато плотно, как стадо пасущихся овец. Солнце проглядывает редко, как раз в такое мгновение мы увидели далеко впереди мою крепость: вспыхнула под прямыми лучами, словно игрушечный замок, выточенный из цельного куска янтаря.

А ведь в самом деле из цельного куска, мелькнула мысль. Только это не янтарь, а перестроенный не то гранит, не то вообще нечто, лишь напоминающее камень.

Крепость приближалась, росла, и яснее становились ее исполинские размеры, где во внутреннем дворе легко поместится немаленький город.

Народ высыпал навстречу с ликующими воплями, я улыбался и отчески поводил по воздуху рукой. Что означает этот жест, не знаю, но видел, что так делал Барбаросса.

Бобик унесся инспектировать кухню, Зайчик ушел за конюхами, те шепотом сообщили ему, что припасли горсть гвоздей и полдюжины сломанных подков. Я, на ходу в свои апартаменты, велел вызвать Миртуса. Когда он прибыл, я строго поинтересовался, составил ли он по моей просьбе — да-да, просьбе! — подробнейшую карту с опасными для человека местами, где либо обитают опасные твари, либо там что-то коварное, вроде Зыбучих Камней, скукоженных долин, Гиблых Рош, исчезающих озер, просто огненных трещин, к которым лучше не приближаться, а также всяких подозрительных сел, где либо могут водиться оборотни, либо все жители там оборотни, перевертни и волкодлаки.

— Все готово, ваша милость, — заверил Миртус. — Я только ждал, когда вспомните и возалкаете.

— Что за возалкаю? — спросил я с подозрением.

Он чуть смутился.

— Это я стараюсь осваивать и церковные слова. Священники любят, когда вот так...

— Возалкаю, — сказал я твердо, — не то слово. Подозрительное какое-то. Возжелаю — другое дело. Даже возизволю! Ну вот, возжелал и возизволил. Давай!

— Сейчас принесу...

Карту опасных мест я изучал куда внимательнее, чем любой бы из рыцарей. Не потому что трус, хотя свою шкуру очень ценю и не хотел бы лишний раз получить молотком по пальцу, но мне придется чаще других мотаться из конца в конец Армландии, а на Зайчике с разгону могу вскочить в какую-то большую неприятность. Хотя, конечно, могу и проскочить...

— Ну лучше не вскакивать, — проговорил я вслух. — Спасибо, Миртус! Как дела у магов-естествоиспытателей?

Он торопливо поклонился.

— Ваша светлость, некоторые с помощью магии сна себя лишили!

— Зачем?

— Чтобы подольше заниматься работой.

— Чревато, — изрек я. — Быстро перегорят. Пусть соблюдают рабочий режим. Передай как пожелание, а не приказ! Я хочу, чтоб их хватило надолго. А то есть такие, что сперва с головой в работу, а потом бросают все и по бабам, и по бабам... Закон маятника, не слышал?

— Нет, ваша светлость.

— Услышишь, — пообещал я. — Сволочной закон. Так что береги наших магов-естественников.

Он снова поклонился.

— Все сделаю, ваша светлость.

— Но не дави, — предупредил я. — Наука не терпит насилия.

Он попятился, кланяясь, как раб перед лицом восточного деспота. Я морщился, Миртус никак не может себя найти в новой роли, предпочел бы сдать властные полномочия, но я теперь понимаю тех высоких политиков, которые держат на руководящих постах не самых способных, а самых преданных.

Едва он скрылся за дверью, я хлопнул в ладоши. Прибе-

жал оруженосец, поклонился быстро и преданно, но с достоинством верного шенка.

— Мое повеление, — сказал я. — Нет, просьба, понял?.. Пригласишь в главный зал сэра Растера, барона Альбрехта, не забудь пригласить отца Дитриха, сэра Максимилиана, барона Варанга, графа Ришара...

Пока я перечислял наиболее отличившихся соратников, военачальников и знатных лордов, что приняли участие хотя бы в заключительном походе, он поклонился и сказал просителем:

— Может быть, в малом зале?

— А стола здесь еще нет, как погляжу. Будем пить, как на привале?.. Но это поправимо, я сам распоряжусь и прослежу. А что в большом?

— Ничего, — признался он. — В смысле, пусто.

— А в малом?

— Тоже ничего, но туда легче принести стол и кресла. Все поместятся. И уютнее будет.

— Ну, смотри, — сказал я милостиво и в то же время с угрозой. — Старайся! Все будешь делать хорошо, сенешалем поставлю. Главное, не бойся проявлять инициативу. Как вот сейчас...

Через час в холодный и пока что абсолютно голый зал входили мои орлы, довольные и гордые, одни в роскошных праздничных одеждах, другие в практичной походной, что хороша на все случаи жизни, а Растер так и вовсе явился, гремя и бряцая железом на плечах, голове, поясе и в наколенниках.

Наконец явились Варанг и Ришар, уже в походной одежде, готовые к отъезду в свои земли, пришел бодрый и всегда готовый к драке Митчелл. Отец Дитрих вошел последним. У него все поспешно испросили благословения, он перекрестил всех, на меня поглядывал вопросительно.

Я указал на середину зала.

— Первый стол уже сколотили, сейчас принесут. Сидеть пока что придется на табуретках. Но мы ведь рыцари, заноза в заднице для нас не смертельна. Прошу садиться!

Барон Варанг остановился, осматривая стол и стулья.

— Где садиться?

Я отмахнулся.

— Пока табличек не изготовлено. Садитесь, кому где табуретка покажется надежнее. Или где заноз меньше.

— А вы, сэр Ричард?

— Сяду туда, где останется место, — ответил я сварливо. — Барон, мы судьбы вселенной решаем, а вы о каком-то гребаном этикете! Мы же мужчины, женщин нет, о каком этикете речь?

Граф Ришар сдержанно усмехнулся, на меня поглядывает с любопытством, словно видит впервые. Отец Дитрих перекрестился.

— Да, сэр Ричард прав, — сказал он поспешно, — глубоко прав. Это великое счастье, что здесь одни мужчины.

— Можно даже перднуть, — сказал Растер счастливо, — а не душить шипуна. Что-то в нашем чисто мужском рыцарском братстве есть, есть великое, благородное и свободное...

Барон Альбрехт брезгливо повел носом, вздохнул и пересел на другую сторону зала. Сэр Норберт помотал головой, громко зевнул.

— Простите, — сказал он виновато. — Только собирался соснуть...

Отец Дитрих с неодобрением покачал головой.

— В полдень? Сын мой, всякий повод для лени есть повод для греха.

— Я трое суток не спал, — возразил Норберт. — Чуть с коня не упал...

Растер поддержал одобрительно:

— Я слышал, слышал, что вы тогда сказали! Не стесняйтесь, сэр Норберт! Богохульство дает такое неслыханное облегчение, какого не может дать никакая молитва.

Я похлопал ладонью по столу. Все посерьезнели, повернули головы. Я оглядел их, стараясь выглядеть старым и мудрым.

— Когда человеку, — заговорил я веско, — лежать на одном боку неудобно — он перевортывается на другой, а когда жить неудобно — только жалуется. А ты сделай усилие: перевернись! Мы вот взяли и перевернулись... Заодно и Армландию перевернули.

Отец Дитрих кивнул.

— Хорошо сказано, сын мой. Хотя я где-то это уже и слышал.

Я сказал уязвленно:

— Мудрые мысли приходят не в одну-единственную голову на свете, отец Дитрих. Но не будем отвлекаться. Наша миролюбивая Армландия никому не грозит, а сама занимается мирным трудом и... сосредотачивается. Нам нужно сперва зализать раны войны... к которым настолько привыкли, что вроде бы уже и не раны. Одновременно займемся воинской реформой, существующая система никуда не годится. Армландской армии, как таковой, вообще-то и нет, хотя воюем постоянно. Следующим шагом будет некоторая осторожная экспансия нашего влияния... Конечно, культурная, а вы о чем подумали?

Растер посмотрел с непониманием.

— Что за... экс... канция? На кого нападём?

— Меня здорово раздражает этот Хребет, — заявил я. — С одной стороны, защищает от вторжения южных соседей, там довольно крупное королевство Кейдана и... гм... богатое.

Растер оживился.

— Богатое? Вы хорошо смотрели, сэр Ричард?

— Хорошо, — заверил я мстительно. — Но, увы, в нашем мире богатство обычно идет рука об руку с могуществом. Так что это мы должны благодарить Хребет за его защиту, а не кейдановцы. Однако я придумал, как сделать так, чтобы мы могли выходить к океану свободно, а вот оттуда к нам... только через наши таможни.

В зале воцарилась тишина. Все смотрели с ожиданием в глазах, Растер спросил прямо:

— Как?

— По зрелому размышлению, — заявил я веско, — Хребет я решил не убирать. Пусть стоит. Это значит, граница на замке. Но один таможенно-пропускной пункт надо сделать. В смысле, прорубить окно к океану. По сути, ни одно великое государство не считается великим, если не имеет доступа к большой воде.

Все смотрели ошарашенно, барон Варанг и граф Ришар сблизили головы и тихонько переговаривались, часто по-

смаattering на меня. Митчелл помалкивал, он вообще ни над чем не ломает голову, а Растер спросил обалдело:

— К-какой воде?

— К океану, — объяснил я любезно. — Или к морю, что то же самое, если море — море, а не большое озеро.

Растер потер широкой ладонью каменный лоб, там зашкряпало, словно водили наждачной бумагой. Глаза стали совсем озадаченными.

— Нет... — промычал он, — я это... не понял. Как прорубить окно к океану? Я понимаю одно: с мечом в руке, а лучше с топором, прорубиться через ряды врага...

— Мы уже строители, — объяснил я. — Давидостроители и реформаторы. И сменим боевые топоры на плотничьи... или чем там они камень рубят? Конечно, иносказательно сменим. Вы ж Библию, говорите, читали, а там одни иносказания, хрен что разберешь!.. Так что вам все понятно. Ну, почти все.

Глава 2

Они смотрели с непонимающими лицами, а я жестикулировал коротко и скупно — так выгляжу энергичнее, лорд всегда должен видеть себя со стороны, как в зеркале, а еще следил за всеми разом и за каждым в отдельности — такова судьба того, кто наверху.

Барон Альбрехт осторожно обронил:

— Сэр Ричард, вы задумали расширить существующий Перевал?

— Углубить, — осторожно поправил Макс и посмотрел на меня с обожанием. — Разве такое возможно?

— Человек все может, — заверил я. — Такие дурости иногда творит, на голову не лезет... Но мы углублять не будем. Мы вообще-то по натуре не углубленцы. Пусть алхимики и всякие грамотные углубляются, а мы пойдем другим путем. Зачем нам весь Хребет перерезать ущельем? Для эстетики, как египетские пирамиды? В то же время существующий Перевал не слишком популярен из-за некоторых трудностей при переходе...

Барон Варанг спросил с интересом:

— И что вы задумали?

— Пробить тоннель, — объяснил я весомо. — Таким образом будет прямой доступ к королевству Кейдана. А самое главное — прорубим окно в... словом, к океану. Тоннель будет начинаться здесь, в Армландии, так что все северные королевства, которые восхотят получить допуск своим товарам на Юг, должны будут платить нам за транзит. А также восточные и западные. И за топтание земли нашей, естественно.

Он покачал головой.

— Я опущу сложности, связанные с прорытием такого тоннеля, это займет лет семьсот-восемьсот, скажу только, что с той стороны тут же хлынут армии южных королевств.

Я вскинул ладони вверх и заулыбался.

— Во-первых, на той стороне только одно королевство, а дальше океан. Во-вторых, небольшую, но очень весомую часть тех земель занимает герцогство Брабант...

— И что?

— Я в нем наследник, — ответил я скромно, — мой голос там тоже что-то значит. К тому же герцогство расположено так, не стану вдаваться в тонкости, что вторгнуться в него — гиблое дело.

Граф Ришар на глазах посерьезнел, задумался, Варанг помалкивал, как и остальные, только барон Альбрехт громко вздохнул, лицо омрачилось.

— Сэр Ричард, скажу честно, у вас велик авторитет благодаря одержанным победам. Но ни один лорд не даст и человека для этих, как вы их называете, общественно-полезных работ. Камень придется ломать десяткам поколений! Увы, у всех есть более неотложные задачи.

Сэр Норберт сказал мечтательно:

— Тоннель под Хребтом пробить под силу только великим магам.

— Таких ныне больше нет, — согласился отец Дитрих и перекрестился. — К славе Господа и силе Его.

Я сдержанно и примирительно улыбнулся, дескать, это были только мысли, а не решения, тем более — не указания, так что не забывайте наливать кубки, у нас пир, после которого все разъезжаются по своим землям и владениям.

И пир продолжался, а я, улыбаясь и поднимая кубок при каждом очередном тосте, напоминал себе, что у грессграфа власти никак не может быть больше, чем у короля, а короли не в состоянии принудить феодалов даже в войне участвовать столько, сколько нужно. Или сколько желает король: две недели, как записано в хартии вольностей лордов, — и все! В разгар войны такой лорд сворачивает знамена и со всем своим войском преспокойно отправляется домой.

Тем более не смогу вывести ни народ, ни лордов на великую стройку. Каждому свой огород ближе. Великие свершения возможны, когда вся власть в руках просвещенного тирана. Петр Великий так строил город своего имени, дядюшка Джо рыл Беломор-канал, Волго-Дон, прокладывал БАМ, а начало положил Айвэн Террибл, придумавший опричнину, прообраз славного Чека...

Я вздохнул, я же демократ, мне даже думать о таком нельзя, хоть и очень хочется, и весьма сладостно представить всю власть в своем недрогнувшем кулаке: все запищите у меня, сволочи!

Слуги неслышно убрали посуду и сменили скатерть, для пожирания сладкого нужны золотистые и оранжевые цвета, музыканты заиграли что-то легкомысленное, но сэр Растер сердито цыкнул, чтобы умолкли: из-за дурацких трелей не слышно благородного чавканья.

Я мучительно подсчитывал свои ресурсы. Если вложить все золото и драгоценности, что у меня остались, смогу оплачивать работу довольно большого числа людей по разбору завалов.

Но на мне еще и крепость, опора Армландии, не крепость — голый скелет, на который нужно и мясо нарашивать, и внутренности чем-то заполнять. Если брошу золото на раскопку тоннеля, не смогу закупать продукты, кожи и все необходимое для функционирования сложного организма выстроенной мною крепости.

Слуги снова наполнили лордам кубки, сэр Растер сразу сделал мощный глоток, проверяя, из того ли подвала подали лордам, а то себе могли припасти выдержанное, а хозяевам подать бурду, мол, уже перепились, не разберут. Барон Альбрехт поглядывает на меня, но помалкивает.

— Хорошо, — ответил я со вздохом. — Я понимаю, когда война, я — главнокомандующий, ну а так я всего лишь один из лордов. И хозяйствую на своих землях сам... Что ж, постараюсь решить эту проблему в одиночку. Тем более что вход в тоннель начинается на моей земле. Но, предупреждая, в этом случае тоннель будет моей личной собственностью.

Все тут же поспешно и с облегчением согласились, только барон Варанг заметил с сочувствием:

— Сэр Ричард, нам очень не хотелось бы, чтобы вы надорвали силы в каком-то безумном предприятии.

Я прищурился.

— Полагаете, пришло время от меня откреститься?

Он ответил с легкой улыбкой:

— От этого предприятия отрешиваюсь.

— Баба с воза, — ответил я, — телеге легче.

— Надорветесь, — сказал он серьезно. — Я же говорил, наступит момент, когда успехи вскружат голову. Настолько вскружат, что решите, будто вам все по плечу...

Я заставил себя засмеяться как можно более легко и беспечно.

— Вы знакомы с бароном Альбрехтом? Вот он предупредил, что он со мной лишь до тех пор, пока мне сопутствует успех. Для меня это вполне приемлемое соглашение, сэр Варанг.

Все оглянулись на Альбрехта, тот застыл на миг с гусиной лапой в руках, но, видя что все внимание приковано к нему, не растерялся, с достоинством поклонился.

— Сэр Ричард, я подтверждаю сказанное, однако искренне желаю, чтобы вы продержались как можно дольше. Это и в моих интересах.

— Думаю, — ответил я, — вам еще придется ахнуть.

По его лицу видел, что если и ахнет, то от жалости, видя, как падаю в яму, что вырыл себе сам, но он смолчал и удалился в себя, даже за столом и на пиру подтянутый и строгий, наблюдающий за собой со стороны, сверху и вон с того балкона.

Граф Ришар загадочно улыбнулся, но снова смолчал. Я уже слышал, как он сообщил ближайшим рыцарям, что это его

последняя кампания, отныне повесит меч на стену и будет разводить коней.

Отец Дитрих всякий раз таинственно улыбался, поглядывая на меня, наконец сказал громко и торжественно:

— Сэр Ричард, я для вас лично получил послание из Ватикана...

— Ого, — вырвалось у меня. — Быстро как!

Рыцари оживились, вытягивали шеи, рассматривая обычно молчащего Великого Инквизитора. Он загадочно улыбнулся.

— С оказией. Иногда удается в самом деле быстро.

Он бережно развернул шелковый платок с вышитыми вручную непонятными значками по краям. В центре блеснул небольшой крестик на тонкой цепочке.

— Это крест святого Антония, — произнес он с великим почтением. — Вообще-то церковная реликвия, Ватикан не любит такие выпускать из рук...

— Так чего же? — спросил я опасливо.

Он сказал строго:

— Во-первых, вы сделали очень много для церкви, отпечатав Библию. В Ватикане это оценили даже выше, чем я ожидал. Там в самом деле мудрые головы, заглядывают далеко вперед. Есть целый отдел таких особых священников, что только заглядывают вперед... Во-вторых, вы в самом деле на переднем крае борьбы с Врагом. Вам понадобится защита.

Я бережно и с почтением принял обеими руками платок с крестиком на нем. Рыцари шумно захлопали в ладоши, отец Дитрих взял реликвию и повесил мне на грудь, упрятав деловито под рубашку.

— Он против чего? — спросил я.

— Только от нечисти, — ответил отец Дитрих с легким вздохом. — А сейчас как раз наоборот... на первый план выходит борьба с людьми, которые тоже в какой-то мере нечисть. На них, увы, сила святого креста не действует. Разве что как укор.

— Да уж, — согласился я. — Есть человек нечисть, то это всем нечистям нечисть. Любая нечисть удавится от зависти!..

Вечером, после шумного пира в честь завершения объединения Армландии, некоторые лорды, в том числе и барон Варанг, сразу же и отбыли, несмотря на близкую ночь, другие остались допировывать. Отбыл и Митчелл, сказав напоследок, что мне стоит только свистнуть, он тут же появится с его разросшимся — слава лорду Ричарду! — отрядом.

Сэр Будакер, в отличие от всех, достаточно церемонно попросил разрешения отбыть в пожалованную ему землю. Этот никогда не забывает скрупулезно напомнить, что это не его земля, а все еще моя, только пожалованная ему в пользование, выгодно отличаясь от остальных, что буквально с первого же дня начинают чувствовать себя не управителями, а полными хозяевами.

— Конечно, — сказал я с готовностью, — конечно, сэр Будакер! Вы сделали очень много. Если бы все так служили Отечеству, у нас была бы держава от можа и до можа. Приводите в порядок земли, я прекрасно помню, вам досталось довольно запущенное хозяйство...

Он скромно улыбнулся.

— Но достаточно обширное, сэр Ричард. Спасибо! И земли там плодородные.

— Вы еще понадобитесь, — пообещал я. — Возможно, скорее, чем думаете...

Он всмотрелся в мое лицо.

— Из-за женщины?

Я удивился:

— Какой?

— Которую отняли у сэра Арлинга. Или Кристофера, не помню.

Я отмахнулся.

— Я уже и забыл о ней. У меня более грандиозные планы. Теперь моя женщина — Армландия! Прекрасная и гордая, самолюбивая и неблагодарная, но я хочу заботиться только о ней.

Он вздохнул с облегчением.

— Я рад, что ошибся. А то уж подумал...

Я сказал усталым, разочарованным голосом мудрого человека:

— Сэр Будакер, вы же прекрасно знаете, что все женщины одинаковы...

Он серьезно посмотрел на меня с таким видом, словно всерьез ожидает услышать что-то умное.

— Все ли?

— Все, — ответил я решительно.

Он проговорил осторожно, явно колеблясь:

— Ах, сэр Ричард... если бы я не боялся разбередить вашу рану, я бы напомнил...

— Что? — спросил я настороженно.

Он посмотрел с вопросом в глазах, насколько я крепко стою на задних конечностях, сказал мягко:

— Напомнил бы о леди Беатрисе. Вы страдали, сэр Ричард, не отпирайтесь!

Я оцепенел на мгновение, по телу прошла волна, сладкая и болезненная одновременно. Перевел дыхание и ответил уже медленно:

— Там иначе...

Он покачал головой.

— Насколько? Если все женщины одинаковы?

— Леди Беатриса не женщина, — выговорил я наконец. — Я увидел в ней личность. А женщины в самом деле одинаковы все. И потому нам проще пойти воспользоваться служанкой, чем сперва исполнить хоть какой-то сложный и ненужный, если честно, но почему-то обязательный ритуал с ее госпожой. Я был в непуганом краю дураков, которым ничего другого в жизни не осталось, как заниматься этим самым делом. Так вот они, чтобы как-то заполнить пустоту... ибо человек нуждается в чем-то выше, чем простое совокупление!.. придумали сложнейшие ритуалы по обольщению, соблазнению... потому что в конце всех этих ухищрений всех нас ждет простой и незатейливый коитус, как у собак. Так вот, чтобы не как у собак, долго и очень изощренно сперва играют, приближаясь к этому простенькому коитусу мелкими шажками, распалая себя ожиданием!

Он пробормотал:

— Непуганом краю дураков... Хорошо звучит! Но не поверю, сэр Ричард...

— Во что?

— Что вы их не поугали.

Я отмахнулся.

— Попугал, как без этого? И не хотел пугать, но так получилось. Из меня пугатель куда лучше получается, чем государственный деятель с мудрым взором и отеческой улыбкой. Так вот женщины ниже пояса все одинаковы. Как и мы, кстати. Различия начинаются выше.

Он изрек глубокомысленно:

— Да, сиськи у всех разные...

— Я не о сиськах, — сказал я сердито. — Хотя, конечно, сиськи — это важно. Сиськи — лицо женщины. Но если она личность, то даже размер сисек как-то уходит на другой план. Женщину начинаем ценить за то, что у нее выше женщины! Как и нас ценят не за то, какой размер у нас в штанах... Господи, мы даже жеребцов ценим за их силу, выносливость, скорость, а уж людей? В леди Беатрисе меня поразила сила духа... в такой маленькой и хрупкой женщине дух, как у исполина! У меня душа рвалась... и до сих пор капает кровью, когда это хрупкое существо сталкивается с трудностями и преодолевает их сама, не желая быть в роли всего лишь женщины, игрушки в руках сильных мужчин! Только такие достойны любви и восхищения. А те, которые просто женщины... Ну, не знаю, для гаремов разве что?

Он улыбнулся, отступил с поклоном.

— Отбываю в спокойствии. Как только понадобится, шлите самого быстрого гонца!

— Спасибо, сэр Будакер. Я в вас уверен. И вы в свою очередь можете на меня полагаться.

Глава 3

В типографии сильно пахнет смолой, красками, вареной бумагой, ее готовят из тряпок, мощно и безостановочно потрескивает пресс. Несколько могучих мужчин, обнаженных до пояса, ходят по кругу, как волы на мельнице, поворачивая гигантское колесо с выступающими рукоятями.

Я сделал знак, чтобы работу не останавливали, мне кла-

нялись, не отрывая рук от колеса, навстречу зашепшил Миртус, тоже кланяясь часто и пугливо моргая.

— Натворил что? — спросил я негромко.

Он помотал головой.

— Нет-нет, ваша светлость! Все хорошо, даже опережаем график!

— Так чего ты какой-то?..

Он спросил жалко:

— Какой?

— Не такой, — ответил я. — Нет в тебе фильдеперсовости!

— А что это?

— Не знаю, — признался я. — Слышал как-то... Слово больно красивое. И таинственное, как марципан или еще что-то волшебное.

Он понурился.

— Какой из меня фильдеперсовый?

Я сказал с неудовольствием:

— Миртус, все хочу спросить, что ты какой-то тихий и пришибленный? Никогда от тебя не услышишь ни возражений, ни даже подсказки.

Он ответил с поклоном:

— В старых книгах сказано: если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребенку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю.

Я добавил нравоучительно:

— И гроссграфу. Но обсуждать с ним и спорить можешь и должен! Даже обязан, это твое гражданское право... Надо будет как-нить на досуге составить свой кодекс Юстиниана. Не перечить, а спорить! Спорить можно, понял?..

Он переспросил несколько растерянно:

— А как это: спорить, но не перечить?

Я подумал, отмахнулся.

— И я пока не вижу разницы, но она ж есть? Есть. Должна быть. Так что право спора за тобой. В споре ты можешь мягко поправить меня... но только мягко, морда!.. деликатно указать на более короткий и менее ухабистый путь.

Он кивал, лицо становилось все несчастнее.

— Да-да, ваша светлость...

— Ты же теперь не просто забитый маг, — напомнил я строго, — от которого требуют побыстрее переплавлять свинец в золото. Ты уже руководитель!

Он улыбнулся искательно, на меня посматривал снизу вверх вовсе не из-за нашей разницы в росте: будь он на коне и тогда бы ухитрился смотреть снизу.

— Ваша светлость, — произнес он умоляюще, — не мое это... Вы пригласили инквизиторов, а меня от одного их вида трясет сам не знаю как. Так и кажется, что присматриваются... вот бы пригласили еще и своих магов!

— Так ты ж сам пригласил, — напомнил я. — Куча приехала.

Он сказал умоляюще:

— Они тоже не хотят командовать.

— Почему?

— Каждый чего-то стремится добиться в своем тайном... или не тайном деле!

— Ну-ну, — ответил я сварливо, — все дерутся за власть, только вы, чертовы маги, от нее отбрыкиваетесь? Ладно, чё-нить придумаю... Но пока давай руководи. Понимаешь, из тех, кто рвется руководить, не всегда получаются эти... руководители.

Он вздохнул.

— Понимаю.

— Вот я, к примеру, — сказал я, — красавец, умница, весь из себя, а руководить не люблю! Как и ты. Но — приходится. И уже наруководил лучше, чем любители... Надо, Миртус, надо! Будь проще с людьми, и тролли к тебе потянутся.

Теперь я то и дело выезжаю на Зайчике, держа амулет-копалку в опущенной руке, проношусь по обочинам дорог, возле приметных утесов и одиноко стоящих древних деревьев. Люди везде одинаковы: домохозяйки прячут деньги в бельевом шкафу между третьей и четвертой стопкой белья, семьдесят процентов юзеров Инета ставят пароль «123456...», а клады закапывают возле приметных утесов недалеко от проезжей дороги.

Сэр Растер охнул, когда вечером я вывалил на середину стола кучу сокровищ, где одних золотых монет на два кувшина, а еще множество драгоценнейших женских украшений.

— Где вы отыскиали?

— По дороге к тоннелю, — объяснил я. — Валяется по дороге, коню пройти мешает! Думаю, надо собрать, а то копыта надколет. Хотя, правда, бабки и высокие.

Он посмотрел вытаращенными глазами.

— Что, прямо на дороге золото?

— Я езжу только прямыми дорогами, — ответил я уклончиво. — Как ворона летит! Бог меня любит, как видите. Как Верховный Паладин ме-е-е-лкого такого паладина. И помогает. Если бы я просил на пропой, думаете, послал бы такое богатство? Самого бы послал, еще бы и наподдал в шею.

Он посмотрел опасливо наверх, словно ожидал увидеть во всем грозном блеске Небесного Паладина, но взгляд уперся в неотделанный свод, крепкий, как Хребет.

— Вы завтра собирались осматривать место...

— Не стесняйтесь, — сказал я благожелательно, — да, осмотрю место, откуда начну рыть. Тоннель. Даже — Великий Тоннель. Или Туннель. Кому как нравится, я демократ. Клич я уже бросил...

— Думаете, много народу откликнется?

— Я обещал платить хорошо.

Он подумал, согласился:

— А-а-а. Если еще и платить будете, тогда откликнется много. Прокачусь-ка я с вами!

Я удивился:

— Сэр Растер! А как же насчет попировать?

Он сказал значительно:

— Пир — святое дело! И самое главное. После походов и битв, конечно. А мы с вами сделаем вид, что в походе. Не зря же вы решили копать этот чертов тоннель?

— Не зря, — согласился я.

— Хитрый вы, сэр Ричард! Настоящий правитель.

— Спасибо на добром слове. Хорошо, только я встаю рано.

Он хохотнул.

— Не раньше меня.

Утром я вскочил пораньше, в окна вливается тугими вол-

нами очень уж бодрящая свежесть, просто чересчур, пупырышки по всему телу. Ступни промахнулись мимо шкуры на полу, кожу ожег холодный, как лед, камень. Оделся торопливо, в окно видно, как двое вытаскивают бадью из колодца, проползла подвода, полная желтых голов сыра...

Я высунул голову из окна как раз в момент, когда из конюшни неторопливо вышел сэр Растер. На пороге вспыхнул, словно направил десятки зайчиков мне в глаза, доспехи всегда держит начищенными. За ним топает оседланный брабант, спокойный и невозмутимый, как плато, на котором стоит крепость.

Я не успел отскочить от окна, Растер заулыбался и помахал рукой.

— А вы в самом деле ранняя пташка, — крикнул он жизнерадостно. — Я тут заодно покормил и вашего Зайчика.

— Совсем разбалуете, — откликнулся я. — Знаю, что таскаете ему тайком...

— Ну что вы, сэр Ричард! — воскликнул он сконфуженно.

— Знаю-знаю, — сказал я ворчливо.

Кое-как одевшись, перевязь с мечом нацепляя уже на ходу, я выскочил из покоев. За мной вприпрыжку бежали паж и оруженосцы, стараясь одеть лорда, будто я калека. Я отмахивался, приводя всех в недоумение: в чем другие видят знаки престижа и высокого положения, я вижу совсем другое. Еще бы инвалидную коляску притащили.

Наши кони бодро вынесли нас за ворота, Бобик ликуя, бежит впереди, часто с надеждой оглядывается на Растера. С утра солнце палит сильнее, чем на Юге, зеленая долина неуловимо быстро перешла в каменистое плато, а оно сменилось сухим песком. И хотя далеко на горизонте видны зеленые холмы, но здесь раскаленные пески, ветер усиливается, я чувствовал, что поднимается буря.

Растер тоже тревожно оглядывался, но голос его прозвучал бодро:

— Нам вот только добраться до тех отрогов...

— И что?

— Там всегда затишье!

Я смерил взглядом расстояние, совсем близко, а за спиной уже небо красное и тяжелое от тучи песка.

— И что, в самом деле?..

— Увидите!

Его брабант идет тяжелым, но рассчитанным на долгую дорогу галопом, вынослив, как жилистый черт, Бобик убежал далеко вперед, Зайчик держится близ коня Растера, ревниво сравнивая высоту его холки со своей.

За спиной туча становилась все ближе и ужаснее. Я чувствовал ее тяжесть, пригнулся к конской гриве, рядом точно так же наклоняется Растер, но лицо спокойное, а потом он распрямился, его брабант перешел на шаг, хотя все еще не в мыле.

Я оглянулся, туча не только осталась позади, но и как будто начала рассеиваться, подобно стае саранчи. Растер не оглядывается, все знает, больше зыркает по сторонам, неожиданностей не любит, хотя чего ж тогда напросился со мной, странное это существо — человек...

Дорога резко вильнула в сторону. Я очнулся от дум, повернул голову, но в той стороне ни обрыва, ни высоких скал, ни опасного скопления деревьев...

Растер ухмыльнулся.

— Не там ищите, сэр Ричард!

— А где искать? — спросил я.

Он кивнул в сторону, на то место, которое объезжаем так старательно.

— Отсюда плохо видно. Вон вскарабкаемся на тот холмик, оглянетесь... Красота.

— А отсюда нельзя? — спросил я.

— Можно, — ответил он, — только рассмотрите плохо...

— Большое видится на расстоянии? Ладно, а если поеду напрямик?

Он пожал плечами.

— Приедете быстрее.

— Так почему же...

Он снова пожал плечами.

— Одни верят в дурные приметы. Другие... так, на всякий случай. Долго ли объехать?

Я дождался, когда дорога взобралась, правда, не на холм, но все же в высокую развилку между холмами, повернулся в седле. Сердце охнуло и остановилось.

Гигантская зеленая фигура лежащей на боку женщины метров так сорок-пятьдесят в длину, пропорциональная, юная, каждая деталь проработана с такой тщательностью, словно все высечено из зеленого мрамора, даже блеск вижу, хотя налетел ветерок, по зеленой коже прошло движение, и я потрясенно понял, что это создано из растений. Ну как садовники подстригают кусты в виде шаров, а кто поискуснее — в образе птиц, животных...

— Это... что же... — прошептал я, сглотнул слюну и уточнил: — Как давно?

— В точку, — ответил Растер грустно. — Никто не знает.

— То есть...

— Да, сотни лет проходят, а то и тысячи, по этой долине проносилась тяжелая конница, вбивая в землю все, даже камешки, но через несколько дней... это вот... оживало...

— А почему заброшено? Такая красота!

Он пожал плечами.

— Сэр Ричард, людям корм добывать надо, а не красотничать. Красота — это... когда всего в избытке. Каждый в первую очередь опасается, а не будет ли худа? Потому и обходят на всякий случай.

Я еще оглядывался, но мы въехали в лес, Растер весел и разговорчив, восхищался птичками, спрашивал, как мне вот эти зяблики или эти дрозды, а я кивал и говорил по-гроссграфьи солидно, что да, замечательно. Я вообще-то из всех птиц знаю воробьев и голубей, да еще видел уток с утятами как-то в пруду, моя подружка даже булку щипала и бросала им. Но, оказывается, в лесу живут скопа, сапсан, стрепет, филин, совы, сычи, пустельга, балабан, красавка, а за лесом в кустах, а то и прямо на земле гнездятся дрофы, кроншнепы, байбаки, луни, цапли... если я ничего не попутал, потому что сэр Растер сыпал названиями, а я даже не соображал, о птицах говорит или о каких-то сусликах.

Все это, оказывается, что-то предсказывает своим чириканьем и возней: засуху, дожди, сильный ветер, неурожай, мор, войну и многое другое, нужно только уметь слушать, а сэр Растер умел, умел, и всю дорогу толковал, что ждет Армландию. Я слушал невнимательно, Армландию ждет лишь то,

к чему приведу ее я, а меня самого пока что ведут, как бычка на веревочке.

Растер не понимал, почему выбираю такие дороги: то хорошо протоптанные, то пру через чашу, но помалкивал: я уже трижды останавливался и говорил, что вот тут в земле золото, и Растер тут же соскакивал и начинал судорожно рыть.

Все клады зарывают недалеко от дорог и в приметных местах, чтобы потом легко найти, но не все дороги сохраняются. Я иногда просто угадывал, где была дорога раньше, Зайчик послушно направлялся туда, у меня в кулаке амулет, из всех свойств которого я знаю только, что он реагирует на спрятанное в земле золото.

Я находил как отдельные, просто потерянные монеты, так и тщательно упрятанные клады в горшках, сундучках, ящичках. Кроме золотых монет обычно немало сережек, золотых украшений, чаще — погнутых, смятых, попорченных, на многих следы торопливых ударов топора, что значит — сдирали с дверей королевских спален или других мест для знатных. Попадают фигурки из золота, означающие либо животных, либо людей.

Наконец удалось наткнуться на целый ларец. Растер быстро, но бережно вытащил его обеими руками, не отрывая жадных глаз, поставил передо мною.

Я поднял крышку, в глаза тускло блеснула груда прозрачных камешков, а под ними, как крупная чешуя, масса золотых монет.

Растер прошептал в восторге:

— Какая огранка!.. им не меньше, чем двести лет! Только тогда так делали...

Я сказал утешающее:

— Не будем чересчур привередливы. Лучше иметь старые подержанные бриллианты, чем не иметь никаких.

Он взглянул на меня с упреком.

— Сэр Ричард, я только хотел сказать, что такие бриллианты еще дороже.

— Пустяки, — ответил я. — Все равно уйдут на оплату работ. У нас нет рабства, всем нужно платить!

Он все еще не мог оторвать взгляда от россыпи бриллиантов, с сочувствием качал головой.

— Так вы, сэр Ричард, никогда не составите себе состояния.

— У человека ничего нет, кроме души, — сообщил я. — Так что все эти состояния... Кто там кричит?

Он прислушался, сказал неуверенно:

— Вроде бы женские голоса...

— Тогда пусть кричат, — рассудил я.

Он немедленно согласился:

— Все верно, от них одни неприятности. Да и ловушка какая-нибудь. Для мыши кладут сыр, для рыцаря — леди... Вы в самом деле оплатите работу копателей тоннеля?

— В самом деле.

— С ума сойти!

— Что делать, за труд надо платить.

— Тогда вам не хватит всего золота Армландии!

— Это на первых порах, — сообщил я. — Потом подоспеют налоги, поборы, взятки, разовьем коррупцию на высшем уровне... Словом, даже рыть не придется, золото сами начнут приносить! Иначе зачем власть?

Бобик примчался, с шумом и треском ломая кусты, нравится вот так, настойчиво совал Растеру огромную рыбину с вздыбленными перьями. Рыба угрожающе разевала рот и пыталась извернуться, цапнуть Адского Пса, но лишь шлепала хвостом по его толстой заднице.

Растер впервые не среагировал, не мог оторвать зачарованного взгляда от бриллиантов, пока обиженный Бобик не ухитрился сунуть добычу так, что рыбина вцепилась Растеру в руку.

Он охнул от боли, когда железо наручника заскрежетало и начало сминаться, как тонкая жесть. Свободной рукой выхватил нож, но лезвие с неприятным скрипом скользнуло по чешуе.

— Палицей, — посоветовал я.

Бобик оставил рыбу висеть на руке Растера, отступил и наблюдал за их игрой с живейшим интересом. Растер, ругаясь и постанывая, опустил руку с повисшим чудовищем на ствол упавшего дерева и тремя сильными ударами кулака в стальной перчатке раздробил ей голову.

— Ничего себе, — сказал он, тяжело дыша, — вот гадин... Таких еще не встречал!

— Я думал, вы здесь уже все знаете, — заметил я.

Он огрызнулся:

— Я ж не прущу через чашу, аки не знаю кто! Все по дорогам, по дорогам, как приличный... Всегда то постоянный двор, то трактир, то таверна, то вообще шинок... И подраться всегда есть с кем.

— Надо осваивать просторы Отечества, — заявил я с философией. — Оно теперь наше! Надо знать, что, где и сколько будем грабить. Чтоб по справедливости. Не переграбить лишнего. Когда грабит не разбойник, а правительство — это уже не грабеж, а налоги.

Он не отвечал, сопел люто, остервенело вспарывал рыбье пузо. Кожа трещала и скрежетала, как железо. Растер напрягся, будто поднимал скалу, лицо побагровело.

Бобик дождался, когда ему бросят кишки, поймал на лету и проглотил. Тут же затрещали кусты, он исчез, Растер только успел крикнуть:

— Больше не надо... Эх, не услышит! Ну, это понятно, азарт. Я сам такой...

Я быстро собрал сухие ветки, бросил из ладони огонек, а дальше просто лежал и смотрел на проглядывающее между зелеными ветвями синее небо.

Эта рыба лишь напоминание, что даже сейчас мы хозяева не всей земли, а только обжитых нашими предками территорий. И хотя эти земли медленно расширяются, но есть участки, куда человек старается даже не показываться.

Небо странно светлое с темно-синими, почти черными, лохматыми облаками... нет, тучами, а среди них, как огненная лава, проглядывают раскаленные громады, больше похожие на оранжевые скалы, чем на создание атмосферы.

Я то и дело поглядывал вверх, не оставляет странное ощущение, что там в облаках двигаются лишенные гравитации целые горные хребты, изредка вот так высвечиваемые солнцем. И хотя это глупо, но иногда зрение вытворяет дикие шуточки.

Мысли вдруг сдунуло, как горячим ветром, ноздрей кос-

нулся дивный аромат. Я прислушался и не сразу сообразил, что просто пахнет жареной рыбой.

Растер любовно раскладывал большие куски на широких зеленых листьях, глаза довольно блестят.

— Чудесная рыба, — сообщил он. — Я думал, только кожа да перья такие ценные... М-м-м, что за аромат!

Я дождался, когда он вытащит из седельного мешка сыр и хлеб, конечно же, большую флягу с вином, без этого нельзя в походе, вино обеззараживает любую воду. Снова треск по лесу, Бобик принес еще такую же рыбину, только вдвое больше.

Растер вскочил, уже настороженный, умело добил чудовище и, отсапываясь, спросил, оправдываясь:

— Эту возьмем в крепость?

— Да, — согласился я. — Столько не съедим... Бобику только дай кишки за старание.

— Это обязательно, — заверил он. — Это просто чудо, а не пес. У него настоящая рыцарская душа! Уже можно перевести из пажей в оруженосцы. А там, глядишь, и до рыцарского звания дослужится.

Куски диковинной рыбы таяли во рту, я сразу ощутил прилив сил, усталость куда и делась. Растер довольно облизал пальцы, прежде чем вытереть о траву.

— Как хорошо в лесу, — сказал он довольно. — Деревья, птички, рыбы... И никаких баб-с... в смысле, леди.

— Сплюньте, — посоветовал я и нервно оглянулся. — А то возьмут и появятся! И скажут хором: спасайте.

Он философски вздохнул.

— И что делать? Придется спасать. Никуда не денемся. Мы, можно сказать, для того и рождены.

— Для чего мы только не рождены, — проворчал я с тоской. — Как начнешь перечислять, пальцев не хватит.

— Но здесь мы в безопасности, — заверил он. — Лес, только мы, Бобик и наши кони... Ведь не следует голой женщине гулять одной по темному лесу... тем более подходить к костру с незнакомыми мужчинами?

Взгляд его был устремлен мне за спину, я подпрыгнул и резко обернулся, хватаясь за рукоять меча.

Кусты вроде бы чуть колыхнулись. Там зачирикало, я перевел дыхание и сказал с угрозой:

— Еще одна такая шуточка... и Армландия останется без гроссграфа!

— Зато какие похороны устроим, — ободрил Растер. — А напьемся... Вообще-то, сэр Ричард, вы, как вижу, несмотря на молодость, зверь уже битый, птах стрелянный... Я имею в виду, в женских делах. Кто не горел в этом огне, кто не страдал, чье сердце не рвалось от горя, тот еще не мужчина. А я вот совсем недавно понял, что гораздо легче любить всех женщин, чем одну-единственную. И сразу стал счастлив! И все женщины меня любят.

— Удобная позиция, — согласился я.

— Могу поделиться, — предложил он. — Совсем не жалко. Ни одна женщина никогда не видит того, что мужчина делает для нее, но очень хорошо видит то, чего для нее не делает. И ходишь всегда виноватый...

Я спросил, поддразнивая:

— А как же любовь?

— Если женщина тебя любит, — ответил он мрачно, — то, в сущности, тот, кого она любит, — не ты. Но тот, кого она больше не любит, — именно ты. Меня это в конце концов добило... Когда я понял, что любимая женщина — это та, из-за которой у тебя всегда болит сердце, я понял вашу мудрость, что любите только своего коня и собаку.

Бобик, чувствуя мое блаженно-расслабленное состояние, попробовал напрыгнуть сзади на плечи и едва не свалил в костер. Я уперся, отпихивался, он наконец понял, что не до него, потащился жаловаться Зайчику. Тот сочувствующе фыркал, что-то шептал теплыми мягкими губами в черное мохнатое ухо.

Растер наконец забросал остатки костра землей, затоптал, лицо его оставалось непривычно серьезным.

— Знаете, сэр Ричард, я бы не решился сказать этого отцу Дитриху, но вам скажу откровенно... По моему глубокому убеждению, в раю женщин нет! Женщина для рая просто опасна.

Я поднялся, хмуро подумал, что и тут, в диком лесу, где

бабами и не пахнет, все равно говорим о них. И хоть ругаем, но говорим и думаем о них.

— У меня теперь тоннель, — сказал я. — Зайчик, Бобик и тоннель!..

Глава 4

Обратно ехали той же дорогой, снова дорога вильнула, а мы с пригорка рассмотрели гигантскую зеленую женщину. Отсюда ракурс похуже, голова маленькая, зато жопа большая, ягоды не просто горы, а сочные горы, я проворчал с тоской:

— Никуда от баб не деться... даже здесь они настигают.

Растер спросил задумчиво:

— Может, нам мерещится? Никакой бабы там нет?

— А что?

— Да просто кусты.

— Обоим разом померещилось?

— А что нам еще могло померещиться? Домики, собачки?.. Не дети, поди...

Я кивнул, дальше поехали, не оглядываясь. Видимо, кто-то из туристов или созревающих подростков прошлой эпохи на ходу создал этот вот образ на подходящем месте. Ну, как мы рисовали баб с вот такими на стенах общественного туалета или чертили прутиком соблазнительные контуры на песке...

Дорога снова опасно вильнула, на всякий случай обходя черную башню, что, как чудовищный кусок угля, вздымается к безмятежной безоблачности. По иссиня-черным стенам блещут грозовые сполохи, хотя небо чистое. Вокруг башни свежая зелень трав и кустарников, мир чист, носятся бабочки, жуки, по зарастающим стежкам-дорожкам прыгают кузнечики.

Я то и дело поглядывал на это пугало, напоминает осколок снаряда, воткнувшийся в землю, но острием все еще направленный вверх.

— На чьей земле? — спросил я и, не дожидаясь ответа задумавшегося Растера, сказал державно: — Впрочем, неваж-

но. Зачислю в памятники старины, а это значит — собственность государства.

— Государства?

— То есть моя, — пояснил я.

Растер кивнул.

— Никто возражать не будет, сэр Ричард! Такие замки пользуются дурной славой. Все равно никто туда не ходит, забирайте. Еще и спасибо скажут. Вы скажите лучше, что с драгоценностями делать будете?

— Миркус проверит, — объяснил я, — нет ли среди них чего-то полезного. В смысле, с магическими свойствами. А так... все на продажу. Я не ворона, чтобы таскать в гнездо блестящие побрякушки.

— Золото должно работать, — согласился он. — Только там много стариннейших монет.

— И что?

— Их можно продать дороже. Намного!

Я вздохнул.

— Некогда. Мне уже сейчас нужны средства, чтобы выдать аванс, а затем оплачивать две-три бригады дюжих камнерубов. Пусть стараются, работают посменно. Еще нужно построить им барак для жилья и наладить доставку продуктов... да много чего нужно!

Он посматривал сожалеюще, но помалкивал. Он рассуждает, как нормальный человек, я — как державный деятель. И хотя я сам порой не знаю, что это такое, и путаю свой карман с государственным, но стараюсь быть по возможности честным.

Чтобы оправдать свое странное для общечеловека отношение к произведениям древнего искусства, как же — археологические находки, я заранее занес их все одним махом в язычество, а это значит, что как верный паладин церкви я просто обязан переплавить сатанинские изображения в золото.

Можно бы и такими монетами расплатиться, кто спорит, камнерубы будут только рады, но отец Дитрих воспротивится: пропаганда языческих ценностей, подрыв христианской базы и еще много чего можно мне присобачить, не особенно и напрягаясь.

Еще за милю до крепости я увидел, что жизнь в ней кипит, судя по тому, сколько в ее сторону движется нагруженных телег и сколько бодро и налегке подпрыгивают на каменной дороге пустых.

Растер тоже заметил, держится с гордостью, словно это все его заслуга. Впрочем, он прав, в это время не отделяют себя от сюзерена и все его дела и заботы принимают, как свои.

Открылась сама крепость, солнечные лучи падают отвесно, она блещет странным металлическим светом, уже не янтарь, а золото возвышается над миром, царит и надменно говорит каждому, что после отгремевшей Войны Магов еще не строили столь величественное и громадное.

Плотники у входа в крепость разложили бревна и широкие полосы железа, меряют, ругаются, отпиливают, снова меряют. Я не сразу догадался, что не гигантский плот строят для передвижения по океану, а сколачивают ворота.

Внутри крепость настолько огромная, что еще долго ехали по внутреннему двору, что не двор уже, а громадная площадь, пока пустая, прежде чем приблизились к головному зданию. Я его привычно называю донжоном, хотя, конечно, это скорее, дворец. Хотя да, укрепленный, укрепленный.

Бригадиры и мастера сразу же поспешили с докладами, что сделали и что сделают, я перенаправил к Растеру, а тот с медвежьей грацией указал на некстати появившегося барона Альбрехта. Бобик унесся огромными прыжками проверять кухню, Зайчика любопытные соблазнили старыми подковами, он их грызет, как карамельки, я хозяйским взором оглядывал растущие постройки.

Миртус вышел из своего подвала, что вообще-то давно уже не подвал, и, как чучундр, попытался проскользнуть под стенкой ко входу в другой подвал, где располагается расширенное помещение для алхимиков, бывших магов.

Вообще-то алхимики, по мнению церкви, тоже что-то нечистое, но я уговаривал отца Дитриха не обострять вопрос в этот сложный переходной период.

— Миртус, — сказал я предостерегающе, — ты, что же, не замечаешь самого гротеска?

Он смутился, заговорил виноватым голосом:

— Простите, ваша светлость...

— Да шучу, — сказал я с досадой. — Как там идут дела?

— Идут, — ответил он. На лице то появлялась, то исчезала бледная улыбка. — Вы набросали столько идей... Не спят неделями! Да и то.... Там же, на месте...

— Хорошее время, — сказал я, — никто не берет меня за глотку насчет условий труда. Что с типографией?

Он ответил виновато:

— Там этот инквизитор...

— Отец Дитрих? — перепросил я. — И что?

Он сказал с легким укором:

— Это вам он отец Дитрих. А для нас — Верховный Инквизитор. Знаете, вот такие мурашки бегают...

Я вздохнул.

— Знаю. Наука и религия никогда не уживались. Тем более что вы еще не совсем наука, а инквизиция... не совсем церковь. Но надо, Миртус, надо. Считай присутствие отца Дитриха самым лучшим прикрытием своей деятельности.

Он бросил на меня короткий взгляд снизу.

— Моей?

— Нашей, — согласился я. — Потому я и стараюсь, чтобы Великий Инквизитор получил доводы для вашей защиты.

Он сказал робко:

— Мы под вашей защитой, ваша светлость. Но как насчет остальных, их в Армландии много! Их церковь вылавливает и уничтожает с неслыханной жестокостью...

Я пробормотал:

— Ну, насчет неслыханной, это преувеличение... Весь мир жесток, тут уж ничего не поделаешь... пока что. Надо уживаться. К сожалению, ничего пока предложить не могу... Но постараюсь выработать какую-то дорожную карту по сближению научного метода и религиозного. Иди, все впереди!

Я перекинул мешок с найденными драгоценностями на другое плечо, золото весит ох как много, но не успел сделать и пару шагов в донжон, как в бок впился острый взгляд.

Отец Дитрих хмуро смотрел, как я отпустил алхимика, на лице полнейшее неодобрение, губы поджал, а брови сдвинулись на переносице, отчего взгляд приобрел остроту дамаского клинка.

Я пошел к инквизитору, кланяясь еще издали, постарался, чтобы в вороте рубашки поблескивал подаренный им крестик.

— Нечестивые люди, — буркнул он. — Вообще-то я с типографией уже и сам разобрался.

— Поздравляю, святой отец!

— Могу заменить этих, — продолжал он неумолимо, — добропорядочными христианами. Книги нужно делать чистыми руками!

— Да, конечно, — поддакнул я. — А как же!.. Книги — это ж святое дело!

— Да, — сказал он мечтательно, — кроме Библии можно все труды святых отцов отпечатать!.. Это ж какая библиотека будет...

— Да, — согласился я, — это будет... да...

Он видел, что не нахожу слов, я в самом деле не находил, так как именно книгопечатание и нанесло по религии и верованиям самый сильный и непоправимый удар.

— Я уже заказал плотникам еще один типографский пресс, — сообщил он. — Такой же.

— Прекрасно, святой отец. Но эти люди, которых мы медленно и бережно выводим из пагубных заблуждений и приобщаем... ага, приобщаем к свету Христову... весьма полезны в ряде усовершенствований!

Он нахмурился.

— Да, но... рано или поздно и простые плотники бы додумались.

— Но пока додумываются алхимики, — напомнил я. — И благодаря им работа по печатанию Библии и трудов отцов церкви идет быстрее! Вы уж, святой отец, повремените с кострами!

Он поморщился.

— Я ничего не сказал про костры. Но печатание книг — слишком важное и священное дело. К нему нельзя допускать кого попало. И без молитвы начинать такую работу нельзя.

— Совершенно с вами согласен, — сказал я с энтузиазмом. — Абсолютно! Но не менее важно и работать с людьми, как говорит Христос. Одну блудницу важнее перевоспитать, чем сто девственниц уберечь... Блудница — это ого-го, все

познала, все умеет, а девственницы — просто дуры дикие. Потому работа с алхимиками — важная нравственная составляющая нашей... словом, всего нашего!

Он хмурился, в глазах зарождался опасный блеск. Я собрался, отец Дитрих очень серьезен, где-то я подступил к более опасному рубежу, чем тот, который он переступить не намерен и мне не даст.

— Они не просто язычники, — возразил он. — Они — противники. По некоторым просто костер плачет...

— Отец Дитрих, — сказал я с упреком, — вы скоро и меня на костер!

Он сказал серьезно:

— Кого люди не любят, того не любит и Бог.

Я спросил настороженно:

— И?

— Вас любят, — ответил он. — Даже простолюдины. Чем вы сумели... Хотя еще ничего для них и не сделали, между прочим. Так что вас, сэр Ричард, пока никто на костер не потащит. Пока.

Я сказал горько:

— Ждете? Или, как сказано в Писании: падающего толкни?

Он поморщился:

— Сэр Ричард, с вашими шуточками... Кто-то в самом деле подумает, что в Писании есть такие гадкие слова. Народ неграмотный, но даже грамотные читать не любят, больно труд тяжелый. Проще мечом махать или дрова колоть. Вас любят, за вами идут — это главное. К тому же политику проводите, угодную церкви. Конечно, не так, как хотела бы сама церковь, но мы понимаем, что желания и возможности редко когда совпадают.

— Нельзя творить зло, — сказал я, — или ненавидеть какого бы ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика, пока не приносит он вреда нашей душе!

— Иоанн Златоуст, — сказал отец Дитрих, — хорошо сказал... и хорошо, сын мой, что помнишь такие золотые слова. Но, как сказали отцы нашего учения, тот не может иметь отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь. А эти еретики...

— Какие из них еретики? — воскликнул я поспешно. — Отец Дитрих, это просто очень увлеченные работой люди!

А Господь любит работающих и не любит праздных. Вы видели, чтобы эти люди когда-то пребывали в праздности?

Он посмотрел на меня гневно, затем черты лица смягчились.

— Да, похожи на муравьев, — проговорил он нехотя, — Божьих существ, которых Господь создал раньше человека, чтобы проверить, как будут смотреться и работать сообща люди... Но работа, сын мой, может идти и во зло, если человек не задумывается, одобрил бы ее Господь или нет. А вот если будет сверять с Божьими планами...

— Прослежу, — пообещал я поспешно. — Это ценные... блудницы! Мы их исправим. С их опытом работы заставим приносить пользу обществу.

Он милостиво благословил меня, я отвесил поклон, но не успел потащить найденное золото в свои покои, как сэр Растер, успев пораспоряжаться насчет установки ворот, увидел, что я все еще на том же месте, замахал руками и бодро направился к нам, весь сверкающий в доспехах, будто увешанный зеркалами.

— Отец Дитрих, — воскликнул он патетически, — Господь любит сэра Ричарда! И специально для него закопал у дороги та-а-а-кие бриллианты!

Отец Дитрих посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Вы нашли клад?

— Увы, нашел.

— Десятую часть на церковь, — решительно сказал отец Дитрих. — Только так можно смыть возможную кровь и преступления с этих нечестивых бриллиантов.

Растер крикнул и умолк, на лице виноватое выражение.

— Да, конечно, — ответил я поспешно. — А бриллианты продаж и оплате камнерубам их работу. Так что все только на благое дело.

Отец Дитрих кивнул.

— Да-да. А та десятая часть уйдет на уплату работникам типографии. А еще нужно закупить больше ткани для выделки бумаги. Ее понадобится много. И краски.

— Все решим, — пообещал я. — Вот оживится торговля, пойдут инвестиции, установим налоги... Никакие клады не

понадобятся! Клады спасают от нищеты отдельных людей, но не государства.

Сэр Растер ощутил, что на него за промашку никто не сердится, взыграл и сказал, потирая руки:

— Мы там в лесу такой аппетит нагуляли! Самое время пойти и хорошенько пообедать!

Я удивился:

— Сэр Растер, мы же совсем недавно так хорошо перекусили! Какая была дивная рыба...

— Я поел, — ответил Растер с достоинством, — но не пообедал! Запомните, сэр Ричард, обедают только в хорошей компании! В одиночестве — всего лишь еда. Жрем, в смысле.

Отец Дитрих, уже довольный предстоящей долей бриллиантов и все никак не расставшийся с громадным томом Библии, сказал благожелательно:

— Когда однажды Лукулл обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он рассердился и позвал приставленного к этому делу раба. Тот ответил, что, раз гостей не звали, он не думал, что нужен дорогой обед, на что его господин сказал: «Как? Ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?»

Сэр Растер довольно взревел, вот уж не ожидал поддержки от инквизитора, с несвойственной ему торопливостью поцеловал отцу Дитриху руку, тот благословил милостиво, но принять участие в пире отказался, дескать, куда за стол с таким сокровищем. Растер предложил помочь отнести в кабинет, отец Дитрих прижал книгу к груди и отказался, сам отнесет, для него это не труд, а счастье.

Я наконец потащился к себе, в голове стучит: каков мой долг — быть гроссграфом или ревностным христианином? Почему, по мнению отца Дитриха, это входит в такое дикое противоречие? Как гроссграф, я обязан защищать всех, а также заботиться о благополучии и процветании Армландии. Я должен нещадно карать преступников, кем бы те ни являлись, а вот, как христианин, я должен заботиться о том, чтобы духовные заботы превалировали над мирскими... конечно, не впадая в крайности. Еще нужна и здоровая рыночная экономика. К сожалению, все эти маги, алхимики и колдуны уведут развитие общества в сторону, толкают на ложную тропку

поиска легких путей, бездумного получения могущества и богатства...

С другой стороны, они платят налоги, а кто побогаче, еще и сверх жертвуют деньги то на помощь бедным, то на постройку дорог, то на украшение города.

Но я служу обществу! И в то же время — церкви. И когда интересы сталкиваются с такой сокрушающей силой, на чьей стороне я должен быть? Ни одна из них не кажется единственно правой.

Глава 5

На склоняющееся к западу солнце больно смотреть, весь мир под ним блестит и переливается огнями, словно везде просыпаны осколки слюды. Западная часть неба в клочущих вулканах и тучах сизого пепла, солнце огромнеет и царственно алеет...

...а во двор крепости все въезжают и въезжают телеги и подводы с бревнами, досками, черепицей, грудами битой дичи. Босоногие погонщики шелкают кнутами, направляя в сторону бойни стадо овец. Прошел отряд стражников, время сменить караулы, а возле кухни нарастает оживление, ворота винного подвала распахнуты, возле них сэр Растер размахивает руками, указывая, что и куда, а дюжие мужики выкатывают солидных размеров бочку...

Я вздохнул, сэр Растер верен себе: если не поход — то пир, а для чего еще живет человек? Но для меня важнее вон те люди, крепкие и кряжистые мужчины, прибывшие в длинной повозке на тяжелых колесах. В упряжке не кони, а могучие волы, что значит: работники прибыли со своим инструментом, запросят больше.

Пока пир не начался, я поспешно спустился. Каменотесы дружно сдернули с голов шапки и поклонились, но не чересчур, они не мои люди, а кто чересчур роняет достоинство, тому и платят меньше.

Вперед выступил мужик с длинными волосами и бородой, где седых волос больше, чем черных, но здоровенный и мускулистый, как выросший на камнях дуб.

— Мастер Маргулер, — назвался он. — Линдон Маргулер.

— Приветствую, мастер Маргулер, — сказал я. — Работу вы знаете, вижу. И не новички. Аванс выдам сейчас, а к работе чем раньше приступите, тем больше заработаете. Плачу от объема вырубленного...

Он спросил с сомнением:

— Мы слышали, что рубить камень придется... гм...

— Под Хребтом? — договорил за него я. — Все верно. И вы подумали, какой дурак этот лорд!.. Но раз платит хорошо, почему не принять даже такое предложение?.. Кто-то спорит, но вы все-таки приехали. И правильно сделали.

Он смотрел несколько ошарашенно, каменотесы за его спиной переглядывались, на лицах смущение, отводили взгляды.

Мастер Маргулер сказал осторожно:

— Ну, это не наше дело обсуждать...

— Ваше, — заверил я. — Обсуждайте сколько угодно! У нас свобода слова. Но работу делайте. Можете сразу, как приедете, начинать рубить камень, я там отметил от и до.

— Там кто-то уже есть?

— Вы уже третья бригада, — заверил я. — Первые две начали с того, что срубили себе бараки для жилья.

— Разумно, — проворчал Маргулер. Он все еще посматривал на меня настороженно, я хоть и дурак со своей дурацкой затеей, но какой-то не такой дурак. — Мы тоже сделаем свой. У нас цех со своим уставом. И своим котлом.

— Ваше право, — согласился я. — Лишь бы работе это не мешало. Пойдемте, мастер Маргулер, в мои покои. Получите плату на свою бригаду...

Маргулер деловито пересчитывал монеты, когда вбежал раскрасневшийся и запыхавшийся паж в нарядном камзоле и разноцветных штанишках: одна штанина красная, другая — зеленая, отвесил церемонный поклон и прокричал звонким и срывающимся от усердия голосом:

— Доблестный сэр Ричард! Ваши верные рыцари со всей почтительностью не начинают пир до вашего появления!

Я поморщился, сказал мастеру:

— Вам хорошо: камень долбите! А мне вот идти пить надо.

Он впервые ухмыльнулся, в запавших медвежьих глазках появились веселые искорки понимания.

— У всех свои трудности. Спасибо за щедрую плату, ваша светлость.

— После завершения работы, — пообещал я, — всех ожидают премии!

Он крикнул, но смолчал, только посмотрел на меня снова, как на припадочного. Я ответил широкой улыбкой, мол, а ты возьми и откажись от премии, раз не ждешь ее при жизни.

— Спасибо, — повторил он осторожно. — С вашего позволения, мы завтра с утра и отбудем.

Отлично, — сказал я. — Скажите о себе на кухне. Вас покармят за государственный счет...

Он удивился:

— Это за какой такой?

— За мой, — сказал я сердито. — Могу я хоть когда-то не хвастаться своей щедростью?

Он улыбнулся и ушел, а я отправился вслед за пажом, что прямо раздувается от гордости. Вообще-то паж должен топтать позади, но в нашем постоянно перестраиваемом муравейнике они лучше ориентируются, где что и как, а я в своей огромной крепости-городе могу и заблудиться.

Большой зал с голыми жутковатыми стенами из литого камня, настолько гладкими, что кажутся металлическими. Ни одного ковра или шкуры, зато успели навезти и расставить под стенами светильники. Пахнет горящим маслом, ароматы приятные, что-то подмешивают для запаха, посреди три узких длинных стола, составлены подковой, пестро и ярко одетые рыцари слушают песню барда.

Я остановился в дверном проеме, разом оглядывая как своих рыцарей, так и лордов, что уже отправили свои медлительные войска в их земли, а сами задержались на несколько дней, заканчивая пир. Сразу уехали только те, кто привел с собой небольшие конные отряды, они с ними и вернутся, а у кого еще и пешие, те все равно их обгонят по возвращении.

За столом — Растер, Макс, Норберт — понятно, голытьба, если так уж начистоту, самые надежные для любого вла-

стителю люди, но гораздо важнее, что в зале барон Альбрехт, граф Ришар де Бюзй и другие владетельные лорды, у которых свои земли и крепкие замки. Могли бы, отбыв повинность перед сюзереном, с чувством выполненного долга поспешить вернуться в собственные владения, где вся законодательная, а также исполнительная власть — у них...

Вместе держатся рыцари из Амило и Амальфи: Зигфрид, Тюрингем, Ульман, Вернигора, виконт Теодерих, еще с десятков приехавших вместе с ними. Хотя уже освоились со всеми и передружились, но все же чувствуют общие корни. Сближает и то, что не все они «чистые рыцари»: если барон Альбрехт или даже малоприметный Норберт могут легко назвать по двенадцать поколений своих знатных предков, то эти почти все рыцари в первом поколении, сами чувствуют свою недостаточную рыцарственность и по манерам, и по знанию благородных обычаев.

Асмер и Бернард тоже сидят вместе, хотя ни тот ни другой не комплексует из-за соседства знатных лордов. В Зорре, где жестокие бои равняют всех, ценится только доблесть, а не черед великих предков.

Из новичков выделяется сэра Жоффруа де Шарни, уже немолодой, но крепкий, как дуб в расцвете сил, прокаленный походами и войнами, что вытопили из него не только жир, но и лишнее мясо, весь перевит жилами, крепкий и костистый. Он еще по прибытии под мои знамена сообщил гордо, что побывал даже в Иерусалиме и, наслушавшись о молодом и амбициозном гроссграфе, хочет предложить ему свой меч и услуги в надежде, что не придется доживать в старости, а удастся красиво погибнуть в бою за какое-нибудь справедливое дело.

Чем-то он показался мне похожим на Макса, таким наш Максимилиан станет лет через двадцать-тридцать, и уже потому, что к Максусу чувствую симпатию и доверие, сэра Жоффруа принял с сердечным теплом и сразу пригласил поучаствовать в пире.

Появился отец Дитрих в сопровождении тихого монашка, в руках Великого Инквизитора толстенная Библия. Рыцари наперебой бросились к нему спрашивать благословения. Растер суетливо придвинул инквизитору кресло. Отец

Дитрих с неохотой передал книгу монаху, даже я со своего места уловил запах свежей типографской краски, опустил на сиденье, разговоры сразу стали сдержаннее, исчезли грубые шуточки.

Сэр Растер с оттоптаннми медведями ушами первым сквозь шум и гам услышал скрип открываемой двери, я не успел сделать и пару шагов, как он заорал радостно и как бы с удивлением:

— Сэр Ричард!

Я улыбался и красиво помахивал рукой.

— Да-да, я самый. Все свободны, всем сидеть.

Начался пир, шумный, веселый и бестолковый, но бестолковость вижу только я, для всех остальных в нем заключен большой и сакральный смысл. Я, как положено, широко улыбался и милостиво наклонял голову, произнес тост из общих слов, все дружно и лихо осушили кубки, а затем уже пошло по накатанной.

Я ухитрился урывками думать о Тоннеле, в то же время улыбался и снова кивал, иногда пожимал плечами, даже не расслышав вопроса, снова поднимал кубок, улыбался, наклонял голову.

Сэр Растер, уже красномордый, очень веселый, наклонился к уху сэра Норберта и проревел весело:

— Против кого молчим? Сэр Норберт, если ты глуп, то поступаешь умно, но если умен, то поступаешь глупо. Но ты же не глуп, скажи тост!

Норберт отнекивался, но на него насели, заорали, начали подталкивать, недовольный Норберт Дарабос наконец встал, кубок в правой руке, посмотрел на меня бесстрашно и прямо.

— Сэр Ричард старше доблестью, чем годами. Мне повезло, что я среди его соратников. Полагаю, нам всем повезло. Так сдвинем же кубки, чтобы и дальше наш путь был так же прям и славен!

Со звоном и радостным стуком кубки встретились над столами, красные капли щедро орошают красные скатерти, я улыбался и снова милостиво наклонял голову, отвечая на поднятые бокалы тех, кто не в силах ко мне дотянуться.

Растер толкнул барона Альбрехта.

— Теперь ты!

Барон с улыбкой покачал головой.

— Нет-нет.

— Почему? Вон даже Норберт и то...

Барон снова покачал головой.

— Простите, но в чем я силен, сейчас не ко времени, а что сейчас ко времени, в том я не силен.

— Ну вот, — сказал Растер разочарованно, — снова умирает, ничего не понятно... Ненавижу тех, кто помнит, что было на прошлом пиру!

Сэр Варанг и сэр Ришар сдвинули головы и тихонько переговаривались, Растер дотянулся до Ришара и бухнул его по спине кулаком.

— Граф, — взревел он мощно, — беседа должна быть столь же общим достоянием пирующих, как и это прекрасное вино! Не так ли, сэр Ричард?

Я кивнул.

— Когда за столом больше двух, говорят вслух.

— Золотые слова, — проревел Растер. — Сэр Ришар, не расскажете ли, как вы весной поймали оленя с золотыми рогами? Говорят, ваши кони догоняют любого оленя так, будто бегают за черепахами!

Сэр Ришар со сдержанной гордостью улыбнулся.

— Как приятно, когда спрашивают о том, о чем самому хочется рассказать и без всякой просьбы! С удовольствием расскажу. Но в другой раз. Сейчас сам хочу спросить сэра Ричарда...

Он замялся, я сказал громко:

— Даже знаю, о чем. Спрашивайте.

— О чем? — спросил сэр Ришар осторожно.

— О тоннеле? — уточнил я. — Вижу-вижу, что у вас на уме...

Сэр Ришар шутливо пощупал свое лицо.

— Неужто я так прям? Неприлично даже... так вот поговаривают, вы послали к Хребту почти тысячу копеещиков?

— Не только, — уточнил я, — там и мечники, и лучники. Два десятка с арбалетами. А что вас интересует?

Он снова замялся, за столом начали стихать разговоры, прислушивались, я ловил на себе заинтересованные взгляды.

— Да как-то непонятно, — пробормотал он. — От кого охранять камнерубов? Или друг от друга?

Я сказал благожелательно:

— Сэр Ришар, вы отказались участвовать в прорытии тоннеля под Хребтом. Так что, уж простите, не допущены к корпоративным тайнам. Но если хотите и рыбку съесть, и девственность сохранить, могу рекомендовать придвинуть ваши войска поближе к тому месту, где начались работы.

Он посмотрел на меня в недоумении, взгляд его упал на пустой кубок передо мной, из-за спины выдвинулась рука с кувшином, из горлышка полилась темно-красная струя.

Лицо Ришара прояснилось, он решил, что все понял.

— Великий император Траян, — сказал он, — не разрешал исполнять приказы, данные после долго затянувшихся пиров.

— Это не приказ, — сказал я, приятно улыбаясь, — совет... Но вы откажитесь, откажитесь!

— Конечно, откажусь, — сказал он очень уверенно, даже чересчур уверенно. — Зачем бы я туда послал мои войска!

— Правильно делаете, — одобрил я. — Это я так, по доброте своей сделал вам такое предложение. Вам с другого конца Армландии двигаться? Последним придете, когда все хлынут... ладно, наливайте, а то все такие серьезные... и меня как-то странно понимаете...

Они в самом деле посматривали с недоумением, а отец Дитрих сказал очень заботливо:

— Македоняне, потеряв Александра Великого, по силе стали равны циклопу, потерявшему глаз. На тебе вся Армландия, так что береги себя. Уже не ради себя, а ради этой прекрасной страны.

Я сказал поспешно:

— Святой отец, не волнуйтесь, я не переработаюсь.

— Да кто знает...

— Я знаю, — ответил я уверенно, самому стало весело, что обо мне такое лестное подумали. — Я такой.

— У человека силы не беспредельны, увь.

Я открыл рот для шуточки и закрыл. В самом деле смотрят с тревогой и даже то, что я почти откровенно признался в лени, поняли как хвастовство неиссякаемыми силами, что

позволят мне работать и работать на благо. Ага, на благо. Работать.

Я развел руками в великом смущении.

— Дело не во мне... Святой отец, я хочу, чтобы, когда в других странах спрашивали, кто правит в Армлиндии, им отвечали: закон. Или: закон и порядок! А про гроссграфа упомянуть могли и забыть. Я бы такой формой правления только гордился.

Он сурово улыбнулся:

— Юность, юность...

— Но это возможно, святой отец!

Его сухие губы скептически изогнулись.

— Как? Да, я знаю, в Элладе была демократия... Потому и пала под натиском сперва Александра, потом римлян, у которых во главе всегда люди.

— Но разве там люди стояли выше закона? Римляне создали юриспруденцию!

Он развел руками.

— Закон всего не предусмотрит. Он может стать камнем на шее, что потянет ко дну глубокой реки. Однако в Риме люди в нужные моменты могли брать законы в свои руки. И потому Рим стал вечным.

Рыцари с интересом прислушивались, барон Альбрехт заметил с некоторой ехидцей:

— Где нет закона, нет и преступления, не так ли?

Отец Дитрих подтвердил с улыбкой:

— Формально, да.

— Это аксиома! — сказал Альбрехт. — Потому сэр Ричард вообще-то должен бы тормозить принятие любых законов.

— Э-э-э, — возразил я, — а как насчет заповеди: не судите, да не судимы будете, взявший меч от меча и сгинет, какой мерой меришь — такой отмерят и тебе...

Они смотрели с пониманием: слишком уж в глубокие дебри я влез, умничаю, значит, такой вот лорд у них, даже Библию читал или хотя бы видел издали, только сэр Растер завозился и недовольно хрюкнул:

— Сэр Ричард, в чем дело?.. Как нет закона? Наш закон — вы. Ваша воля — закон!

Рыцари согласно зашумели.

— Как говорит мой повар, — сказал я, — самое вкусное мясо не похоже на мясо, а самая вкусная рыба не похожа на рыбу. Потому и закон должен быть похож не на закон, а на божественный голос свыше. Мол, приказывает, а не вступает в дискуссии. Эй, что там медлят с горячим?

Сэр Растер прогулел с достоинством:

— Закон должен быть краток, чтобы любой дурак мог понять и усвоить. А то иной раз ломаешь голову, ломаешь, а все не поймешь, что сказано...

Слуги торопливо вбегали в зал и убирали опустевшие тарелки с остатками салатов и холодных блюд, следом другие спешно ставили перед проголодавшимися господами горячее парующее мясо.

Я отломил руками гусиную лапу, из-под стола раздалось рычащее напоминание, я бросил лапу туда, а для себя разорвал гуся пополам. Изнутри посыпалась горячая разварная гречка, золотыми зернами заблестела под ярким светом множества светильников по всему по широкому блюду.

Я сказал твердо:

— Народ любой страны будет полностью счастлив и управляем, если сумеет желания большинства направить... скажем, не в политику, объявив ее грязным делом, о которую ни один порядочный человек не станет пачкать руки, и не в накопление богатства, дескать, трудом праведным не наживешь палат каменных, а в...

Я задержал мясо перед пастью, подбирая профессию, все смотрят с ожиданием, я сказал:

— К примеру, в бродячих актеров!.. в фокусников, что жонглируют факелами на площадях. Дескать, почетнее жонглировать факелами или ножами, чем обещаниями перед народом.

Все перестали прислушиваться так внимательно, что даже горячее мясо осталось в тарелках или в руках, расслабились, начали переглядываться, а прямодушный Растер сказал с облегчением:

— Все шутите, сэр Ричард! А мы уж подумали, что в самом деле надо обманывать... В актеров, ха-ха, надо же!

— Ха-ха-ха, — расхохотался Макс. — В бродячих фигляров!

Даже барон Альбрехт, который посматривал сперва с восторгом в глазах, рассмеялся, понимая, что сюзерен шутит. Нельзя представить, чтобы достойные юноши стремились не к ратным подвигам, не к управлению областью, краем, страной, а к тому, чтобы изображать и высмеивать тех, кто управляет страной, кто стремится к ратным подвигам, кто отдает жизнь во славу своей страны, сюзерена, церкви, святой Девы Марии.

Я жевал, это дает возможность не отвечать сразу, а когда проглотил, уже все умные ответы благоразумно затолкал взад и заставил свои губы растянуться в примирительной улыбке.

— Да-да, конечно...

А сэр Норберт сказал глубокомысленно:

— Вообще-то я могу представить, что из самых низов, где только воры и шлюхи, кто-то из детей, может, и стремится убежать в бродячие артисты. Достойные люди землю пахут, дома строят, коней куют, а недостойные, что работать не хотят и не умеют... гм... в актеры. Но, к счастью, есть еще благородное сословие, откуда никогда ни один человек не захочет уйти в столь низкую и недостойную профессию!

Я кивнул.

— Вы правы, сэр Норберт. А если вздумает — то он уже не из благородного сословия.

Я торопливо обгладывал кости, хватал другие куски, по телу расплзается приятное тепло. Барон Альбрехт насыщается не так торопливо, блюдет манеры. Я поглядывал искоса, он обычно улавливает, когда я что-то недосказываю или резко сворачиваю, чтобы не проговориться, но сейчас ничего не заподозрил. Такую резкую смену интересов и ценностей в обществе и представить не в состоянии.

Но, проговорил холодно внутренний голос, это один из стержней власти. Направить желания большинства туда, где нам, властелинам, перестанут быть конкурентами. Пусть грезят не пугачевщиной или разинщиной, а возможностью находиться на виду толпы, самому постоянно любоваться собой и другим показывать, какой красивый, умный, мудрый, знающий, замечательный... Когда актеры по славе сравниваются с политиками — сейчас об этой дикости даже брякнуть нельзя, засмеют или сочтут за шуточку — тогда народ оконча-

тельно превратим в толпу, в стадо баранов и заставим его повиноваться, будто сами двигаем их руками и ногами.

И тогда раздолье для нас, умных, талантливых, дальновидных и хорошо знающих, что для народа нужно. Другое дело, захочет ли он это есть... Гм, заставим!

Отец Дитрих поглядывал на монашка, застывшего с книгой у груди, будто держит грудного ребенка, но внимательно рассматривает, как я заметил, и веселящихся рыцарей. Брови то и дело сдвигаются на переносице, в глазах проскальзывает тревога.

— Отец Дитрих, — сказал я, — они все — верные сыны церкви!

Он поморщился.

— Не сомневаюсь, сын мой. Но даже некоторая небрежность прощительна... в некоторых случаях. Я не о вере, а об устойчивости беспокоюсь.

— Нашей?

— Да, Армландии. К сожалению, любыми переменами всегда стараются попользоваться соседи. Я только что получил сведения, что есть неприятности на границах...

— С Турнедо? — догадался я.

— Ну да, Гиллеберд будет первым, кто вас проверит на прочность. Пусть даже чужими руками.

— Чужими? А где там чужие?

— Руками якобы своевольных сеньоров, — пояснил он. — Для этой цели очень хороши буйные лорды, что бравируют независимостью. Иногда король их использует куда лучше, чем если бы были его верными подданными!

Барон Альбрехт поинтересовался медленно:

— Святой отец, туда совсем недавно отбыл сэр Тамплиер. Вы так быстро уже получили вести?

Отец Дитрих буркнул:

— У меня свои источники, барон.

— Простите, святой отец.

— Ничего, сын мой. У всех свои тайны.

Сэр Растер спросил бодро:

— Может быть, послать Тамплиеру военную помощь?

— Лучше бы гуманитарную, — сказал я с тоской. — А еще

лучше дипломатическую поддержку. Совсем ни к чему конфликты на границах!

— Надо, сэра Ричард! — возразил Растер. — Врага надо учить!

— А миром не получится? — спросил я. Посмотрел на их ошеломленные лица, пояснил торопливо: — Хороший полководец, как хороший врач, берется за клинок лишь в крайней надобности.

Сэр Растер ответил с достоинством:

— Так эта надобность всегда при нас!

— Народ у нас такой, — поддержал барон Альбрехт, — великодушие правителя, как и вежливость, толкует как слабость.

— И не только правителя, — уточнил Растер и нахмурился грозно. — Приходится идти напролом и раздавать зуботычины всем встречным... заранее, а то подумают, что слаб!

Я спросил удивленно:

— Что, уже пришла пора? Мы еще экономику не подняли! Даже поднимать не начали! Не-е-ет, сперва укрепимся. Я хочу воевать так, чтобы противник сразу видел: лучше сдаться сразу, это дешевле.

Барон уточнил деловито:

— Значит, воевать будем скоро? Я только хотел уточнить этот момент.

— А вопрос задать подтолкнули сэра Растера? — сказал я укоряющее. — Эх, барон... К сожалению, воевать приходится всегда раньше, чем хотелось бы. Так что держите ячмень сухим.

Глава 6

Сэр Растер провозгласил новый тост, я подал знак, чтобы на меня не обращали внимания, поднялся и вышел из зала. Если для Растера окончание войны в Армландии — сигнал к бесконечному пиру, пока не придет пора нанести превентивный удар по вероятному противнику, то у меня сердце колотится от перевозбуждения: шас возьмусь, шас наконец-то горы переверну, Тоннель прорублю, Юг и Север соединю и

сам встану таможенником, Армландию заэталоню для всех соседних королевств, подниму вэвэпэ на небывалый уровень, разовью науку и хайтэк, все у меня от счастья запоют и даже заплашут, гады...

Дворец выстроен из желтого камня, и когда я быстро шел в сторону выхода вдоль длинного ряда колонн, в широкие окна льется закатный свет солнца, окна горят, словно огромное солнце стоит прямо за окнами. По всему залу оранжево-красноватый свет, а стены словно из старого доброго янтаря, потемневшего от времени, но сохранившего в своих глубинах накопленный солнечный свет.

На Юге случился тот ужас, который я видел в другом месте: обмен ценностей на удобства. В том мире, откуда я пришел, ценностей фактически не осталось. Одни отменены, как «ограничивающие человека», другие втоптаны в грязь и осмеяны, потому что не дают наслаждаться тем, что раньше считалось смертным грехом: плотскими утехами, чревоугодием...

Зато взамен получили неслыханные удобства, что принесли высокие технологии. Да, обмен ценностей на удобства. Но здесь я добился полного контроля над громадной территорией, и в рамках Армландии смогу совместить высокую мораль и высокую технологию... Да, смогу, и пошли вы все! Несогласных буду вешать прямо на городской стене поближе к воротам.

Стражи у выхода вытянулись, я сказал: «Вольно», охраняют пока не ворота в донжон, а пустой проем. Здесь пока нет ворот, как и в саму крепость: против простых дружно возражают все рыцари, а поставить вычурные требует времени.

С широкого крыльца, не то мраморного, не то еще из какого-то не самого дешевого камня, я вдохнул ароматный вечерний воздух. Далеко-далеко над стеной возвышаются сиенюющие к вечеру горы, все еще свежо и чисто вздымаются из пооранжевевших облаков. Над ними бездонное покрасневшее небо, уже грозное и грозящее огнем...

Деревьев и вообще долину отсюда не видно, но и она, как полагаю, сейчас из зеленого быстро окрашивается в багровый цвет заката, по ней от приземистых деревьев бегут

длинные черные тени, такие непропорционально грозные в сравнении с мелкими и невзрачными стволами...

Может, мелькнула мысль, выехать к Хребту прямо сейчас? Ну и что, если на ночь? Ни Зайчик, ни Бобик ночи не боятся. Зато сразу успею войти в курс дела, что уже сделано, что нужно сделать...

Говорят, мы быстро подмечаем в себе малейшие достоинства и медленно обнаруживаем недостатки, но я не таков, я недостатков вообще не имею, у меня одни достоинства, поэтому я без всяких колебаний свистнул конюху.

Он примчался, глаза преданные, руки по швам.

— Что угодно вашей светлости?

— Оседлай Зайчика! — велел я.

Он охнул:

— Ваша светлость, куда на ночь глядя?.. Говорят, здесь темные призраки оживают с заходом солнца...

— Вот и хорошо, — сказал я. — Будет с кем перемолвить-ся по дороге. Если, конечно, они за мной поспеют.

— Как скажете, ваша светлость, — ответил он послушно и как-то обреченно.

Тоже заботится, мелькнуло в голове. Да, теперь я — надежда. Они все предпочли бы посадить меня в стеклянную банку с ватой и держать в безопасном месте.

Зайчик выбежал весело и беззаботно, конюх с вымученной улыбкой висел на удилах, делая вид, что все-таки руководит конем. Под брюхом болтается незатянутый ремень подпруги, помощники конюха выбежали следом и торопливо затягивали, поправляли, сдували пылинки.

Я приготовился вскочить в седло, со стороны входа в крепость прогрехотали конские копыта. Во двор ворвался на полном скаку, высекая стальными подковами искры, измученный жеребец. С удил срываются лохмотья желтой пены, всадник прижимается к его шее, почти зарывшись в гриву, — низкорослый и шуплый воин, почти мальчишка.

Соскочил он достаточно бодро, конь растопырил все четыре и тяжело хрипел. Его подхватили под уздцы и повели по двору, чтобы охладился медленно.

Воин смотрел на меня сияющими глазами, впервые видит великого и ужасного гроссграфа так близко.

— Ваша милость, — крикнул он срывающимся голосом, — вам срочное сообщение от сэра Уорвика!

— Давай, — сказал я благодушно, — это лорд замка Кнаттерфель?

— Кнаттервиль, ваша светлость!

— Ах да, — сказал я, — вечно путаю... И что там такое случилось?

Он выпалил, выпучивая глаза и приподнимаясь на цыпочки, чтобы быть выше и значительнее:

— На замок было совершенно нападение!

Я вздрогнул.

— На замок Кнаттерфель... тьфу, Кнаттервиль?

— Да, ваша милость!

— И... отбиться удалось? Или замок захвачен?

— Нет, сэр Ричард. Да, сэр Ричард! Отбились с большим уроном для нападавших, хотя часть сумела прорваться в замок. Но сэр Уорвик послал меня сообщить, что, возможно, попытку повторят. Он будет, конечно, настороже, но замок не готов ни к осаде, ни к штурму.

— Кто сделал такое? — потребовал я.

Он взглянул виновато.

— Напали ночью, никто не ожидал. Они как-то сумели перелезть через стену... она там совсем низкая... был бой, но сэр Уорвик и его рыцари умело защищали все проходы в замок, и те, когда увидели, что врасплох не удалось, отступили. Одежда на убитых дорогая, как и доспехи, но ни одного знатного не оказалось... Так что неизвестно, кто напал. И зачем.

В дверном проеме появился барон Альбрехт. Он ничего не говорил и даже не двигался, но посланец пару раз зыркнул на него, барон умеет производить впечатление, потом устался на меня.

— Что прикажете, ваша светлость?

Я не успел сообразить, в голове каша, барон проговорил медленно и раздумывая:

— Я бы предположил, что негодяи пытались выкрасть леди Лоралею.

— Почему? — спросил я.

Он ответил хладнокровно:

— А вы как думаете? Больше ничем тот замок не приме-

чателен. И раньше на него, как я помню, вообще никто не нападал в силу его незначительности.

— Леди Лоралею? — переспросил я. — Да, конечно... Вообще-то она, вспоминаю, в самом деле дивно хороша. А если у здешних мужчин нет более высоких целей, то дерутся из-за баб-с. Благородная дурь, так сказать. Эх, в тоннель бы вас всех запрячь, ни о каких бабах бы не думали! От безделья бегсят... Хорошо! Я прибуду лично, разберусь.

Посланец вытянулся, даже на цыпочки привстал.

— Я поскачу, сообщу?

Я покачал головой.

— Отдыхай.

Он всполошился, начал разводить руками, глаза круглые:

— Сэр... но нужно сообщить, что прибывает лорд! Пусть приготовятся... Мне бы только коня сменить.

— Отдыхай, — повторил я строже. — Иди, пусть тебя покормят.

Старший слуга дернул его за рукав, гонец поспешно поклонился и неохотно отправился с ним. Я сдержал вздох, это мелочи, нефиг жаловаться, все пока идет гладко. На Зайчике я туда и обратно смотаюсь за ночь, все решу и все устрою, не успеют и «мама» сказать.

Всякий человек себя любит. И вообще он любит себя больше всего на свете, что и понятно. И никто не любит человека больше, чем он сам. Единственное исключение — собака, действительно любит человека больше, чем он себя, восхищается им, уверена, что он самый-самый замечательный во всем, и вообще обожает смотреть на него, а себя считает счастливой уже тем, что принадлежит ему.

Бобик мчится впереди, огромный и черный, иногда исчезает за ближайшими деревьями, но вскоре выпрыгивает совсем в другом месте, в глазах ликующая радость, что видит нас, а когда мы встречаемся взглядами, я всякий раз вижу в его глазах любовь и обожание.

Солнце опускается все ниже, встречный ветер непривычно холодный, от деревьев и скал падает призрачно-пепельная тень. Там за горизонтом таится печальная и суровая

тьма. Она вынырнет и мгновенно пронесется по земле, подминая все, как только скроется верхний краешек солнца.

Я придержал коня: наперерез несется всадник на темном коне, худошавый, в бархатной шляпе с большим искрящимся пером, в темном, богато расшитом камзоле, вообще вся одежда отличается странным соединением простоты ткани и дороговизны отделки.

Он издала снял шляпу и отвесил поклон, а когда приблизился, крикнул дружелюбно:

— Рад встретить в этих пустых местах живого человека!.. Куда путь держите, сэръ?

— Пока прямо, — ответил я.

Он широко улыбнулся.

— Достойный ответ! Мужчины не должны ломать головы над выбором цели. Куда бы мы ни направились, приключения всегда найдут нас.

— Верно, — согласился я.

Он пустил коня рядом с Зайчиком, тот покосился ревниво, но под моим спутником конь все же ниже и чуть мельче, хотя все равно удивительно рослый и с могучими мышцами.

— Сэр Гуингнем, — представился он. — Барон Горячих Камней, а также владелец Лапуты.

— Сэр Ричард, — ответил я. — Злая судьба обременила меня целой гроздью титулов, и когда я еду даже вот по такой пустыне, они гремят за мной следом костями всех вымерших предков.

Он весело и вкусно захохотал. Лицо его почему-то казалось нездешним, хотя для меня все лица должны казаться нездешними, но если Растер, Альбрехт или Макс для меня более, чем здешние, почти родня, то в этом бесшабашном спутнике проступает нечто совсем иное.

Ветер треплет волосы, копыта стучат особенно гулко и звонко, будоража кровь и обещая приключения. Глаза сэра Гуингнема сверкают дико, в них то и дело проскальзывает недоброе веселье, как у человека, который выкрал обратно свою похищенную возлюбленную, укрыл ее в надежном месте, а теперь возвращается мстить, карать и сравнивать владения врага с землей.

— А вас приключения находят часто? — поинтересовался я.

— Я бы хотел, — ответил он самоуверенно, — чтобы еще чаще... мы рождены для приключений и кровавых схваток, разве не так?

— Не знаю, — ответил я достаточно откровенно, — но, все верно, большая часть моей здешней жизни проходит именно так...

Он переспросил с интересом:

— Здешней?

— Ну да, — ответил я осторожно, — я приехал... издалека. Как и вы.

Он переспросил с некоторым беспокойством:

— По мне заметно?

— Почти нет, — заверил я. — Просто я несколько настроен. В последнее время меня били часто, вот я и... стал таким подозрительным. Это пройдет после очередной серии побед. Конечно, блистательных.

Он беспечно расхохотался.

— Вы прекрасно сказали! После серии побед. Но нам нужно время от времени, не слишком часто, но все же терпеть поражения. Чтобы потом победы чувствовались на вкус ярче.

Я поинтересовался:

— Вы эти края знаете?... Кто живет поблизости? Есть ли гостеприимные хозяева? Есть ли места, где укрыться, если вдруг за мной будет погоня?

— Если погоня, — ответил он незамедлительно, — надо драться!

— Но если врагов много?

— Все равно драться!

— А если слишком... а конь устал, пальцы уже не держат меч, а в голове гудит, как в дупле с рассерженными пчелами?

Он подумал, ответил нехотя:

— Ну, укрыться здесь можно разве что в замке Горячих Мечей.

— Он кому принадлежит?

Гуингнем покосился на меня с легкой иронией.

— Королю Тангеру.

— Королю Тангеру, — повторил я с недоумением. — Вот

уж не думал, что в Армландии есть места, которые принадлежат какому-то королю.... За исключением короля Барбароссы!

Он чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

— И да и нет, дорогой друг.

— Это как? — поинтересовался я. — Хотя по этим краям странствую недавно, но я не слышал о таком замке! Как и о короле... как вы его назвали?

— Король Тангер.

— Да-да, король Тангер! Насколько помню, такого короля нет и в соседних королевствах.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— Да, чувствуется, что вы в этих землях недавно... Король Тангер жил тысячу лет тому назад. Замок его давно разрушен, но каждые триста лет в некую лунную ночь он поднимается вновь во всей грозной красе.... и стоит, как новенький, почти лунный месяц. В нем никто не живет, слава о нем дурная, но смельчаки раз за разом проникают во все щели в поисках сокровищ.

— Что-то находят?

Он покачал головой.

— Нет. Там и не было ничего особенного. Заговорщики, свергнувшие короля, вывезли оттуда все ценное, даже мебель, а уже потом велели разрушить замок.

Легкая дрожь пробежала по моему телу.

— Где этот замок?

— Вон там...

Он указал вперед.

— За той горой?

— Нет, ближе. Видите, роща?.. за ней пустошь, еще одна роща, а в ней этот замок. Увидите внезапно. Его увидеть можно, когда подойдете совсем близко, что бывает и небезопасно.

Он хохотнул, я спросил настороженно:

— Подстрелят со стены?

Он махнул рукой.

— Если есть люди, то явно разбойники. Но и звери привыкли нападать оттуда внезапно. Как-то чувствуют, что их не видят...

Впереди показался берег реки, сэс Гуингнем внезапно умолк, на лице проступило беспокойство.

— Река? — пробормотал он. — Здесь уже река?..

— Да вот выпрыгнула, — ответил я ему в тон. — Тыщи лет текла вон там, потом тыщи лет здесь...

Он несколько принужденно засмеялся:

— Да, реки часто меняют русло...

— Иногда — с каждым наводнением, — заверил я.

Он вздохнул.

— Тогда придется искать мост. Или паром.

— Не спешите, — сказал я доброжелательно. — Мы не знаем, что здесь за река. Может быть, курице по шиколотку?

Кони бодро избежали на пологий берег, с той стороны тоже плавный спуск к воде. Уже отсюда я рассмотрел, что река разлилась во всю ширь, а широкие реки не бывают глубокими. К тому же просматривается песчаное дно, значит, в самом деле неглубоко. Конечно, не по шиколотку курице, но вряд ли вода поднимется выше стремян.

— Вперед! — сказал я бодро.

Зайчик ринулся вниз, полоска воды стремительно приближалась. За спиной раздался испуганный вскрик:

— Сэс Ричард, стойте!.. Это опасно!

Я обернулся в седле, улыбнулся и помахал рукой.

— Для меня? Вы шутите...

Сэс Гуингнем на своем могучем коне маячит на том же месте, не спустившись даже к воде. Я помахал рукой и отвернулся. Зайчик ускорил шаг, сверкающие крылья воды выросли справа и слева, а когда вылетели на отмель, сэс Гуингнем все еще оставался на прежнем месте.

Я махнул ему рукой вполне дружелюбно, хотя уже понятно, кто это, но для меня важнее интеллигентность и куртуазность собеседника, чем линия благородной крови или массивный крест на пузе, что якобы указывает на ревностного христианина.

Спасибо Миртусу, предупредил, что на этих землях время от времени появляются некие демоны, не трогают тех, кто едет через их территорию в одиночку. Потому в старину было немало недоразумений, когда через жуткие земли свободно проезжал какой-нибудь запуганный гонец, но истреб-

лялись отряды могучих рыцарей. Погибло немало народу, пока удалось вычленить эту закономерность.

Я, конечно, трусил, все-таки не один, вон мчится Бобик, странно не обративший на демона внимания вовсе, словно его и нет, но Бобик вроде бы не в счет, так что теоретически я неприкосновенен для прямого физического вреда. А для непрямого защищен прежде всего осторожностью и, может быть, скрытым под рубахой крестиком из Ватикана.

Демоны не в состоянии пересечь любую текучую воду, потому так легко определить в случайном спутнике демона и отвязаться от него, почаще пересекая речушки, ручьи, даже подводя к бьющим из-под земли ключам.

Замок Кнаттервиль, как мне и сообщили, в самом деле не ахти, я придержал Зайчика на холме, откуда хороший вид на окрестности, покрутил головой. Бобик пронесся было по инерции чуть ли не до самых ворот, оглянулся, зло гавкнул и ринулся обратно, морда рассерженная, что это его всегда дурят.

Хотя место для замка неплохое, тоже на вершине холма, но деревья то ли не вырубил, то ли выросли за это время, а это очень неблагоприятно, когда вот так можно под их защитой подобраться совсем близко к стенам. А вот с того роскошного и великанского ясеня можно по ветке проползти и опуститься прямо на стену. А на самой стене башни расположены не совсем удачно: много слепых мест, куда не проникает взор стражей, левая стена прохудилась настолько, что вываливаются камни.

— Вперед, — сказал я Зайчику. — Ну, я их всех вздрючу... Всех дураков и лодырей на лесоповал!

Ворота распахнуты — вообще непотребство. Хотя надо разобраться, а вдруг это местные так поверили мне, что отныне везде рай и теперь даже воровать не будут.

Двое плотников и кузнец, матерясь, возятся у штырей, где висят створки, звякает металл, слышится надсадное дыхание. По ту сторону ворот, правда, сразу несколько человек выставили было копья, но сразу же опустили, признав лорда всех лордов.

— Где сэр Уорвик? — потребовал я.

— С отрядом пустился в погоню, — отрапортовал браво один.

— Давно?

— Сразу же, как отбили нападение!

— Гм, — сказал я, — вообще-то разумно. Но ворота нужно закрыть, это что такое?..

Страж сказал виновато:

— Да их повредили чем-то... Скоро сделаем.

Я пустил коня по двору, следы схватки быстро убирают, женщины заливают водой каменные плиты и мокрыми тряпками смывают кровь.

Конюх выбежал навстречу, я бросил ему повод, Пес метнулся было к донжону, но, видимо, не уловив вкусных запахов, благовоспитанно дождался меня и пошел рядом, солидный и важный, гордо посматривая по сторонам: все ли видят, с кем он идет.

Глава 7

В замке прохладно, стены из массивных гранитных глыб, в щелях даже зеленеет мох, который на внешней стороне сожгло солнце.

Мы с Псом шли по анфиладе залов, небольших, похожих на пещеры с множеством сталагмитов, так выглядят массивные колонны, поддерживающие свод.

В двух залах на стенах мозаика из цветных кирпичей, героические сцены борьбы и насилия, но слишком уж, на мой взгляд, крупные камешки. Зато хоть какие-то цветные пятна среди сплошной серо-зелености векового камня.

Стражи моментально застыли, я подумал с удовлетворением, что моя слава крутого гроссграфа докатилась и сюда, потом заметил, как они в ужасе вытягиваются и даже привстают на цыпочки при виде подбегающего Бобика.

— Тебя бы в гроссграфы, — сказал я ему с завистью. — А я бы дурака валял. Это я умею лучше всего. Дурака валять — это... эх! Увы, ты хитрее.

Вдали широкая дверь с затейливым гербом, стражи по-

спешно распахнули и отступили от середины как можно дальше, вжались спинами в стены, царапая камни металлом доспехов.

Бобик вбежал первым, слышались испуганные крики. Я не стал кричать «Бобик, ко мне», «Бобик, не пугай людей». Уже ради этого стоит огроссграфиться, никто не потребует, чтобы пса на поводке в наморднике и чтоб непременно совочек в пакетике.

Навстречу заспешил старший слуга, шарахнулся от Бобика, но не забыл угодливо кланяться и разводить зачем-то, как в танце, руками.

Я спросил грозно:

— Где управляющий?

Он ответил поспешно, взгляд прикован к Бобику:

— Укреплял стену, а потом увидел каких-то бродяг... или разбойников, погнался за ними.

Я поморщился.

— Сперва сэр Уорвик, а теперь и сенешаль... Так и в засаду вскочит, не заметит. Горячий больно. Молодой, видать?

— Пятьдесят три этим летом исполнилось!

— Совсем малец, — сказал я великодушно, чувствуя себя намного старше, я ведь знаю и умею больше. — Горячий пока ищшо... Ладно, где леди Лоралея?

— В своих покоях, — ответил он еще поспешнее. — Она не покидает их вовсе. Даже в сад не выходит.

— А обедает где?

— Ей приносят прямо в ее спальню.

— Сибаритка, — сказал я с удовольствием. — Ладно, навестим ее там.

— Послать предупредить?

— Обязательно.

Он сам помчался на второй этаж, я проводил его задумчивым взглядом. Лоралея не покидает отведенного ей места, это исключает ее участие в попытке удрать. Иначе стремилась бы почаще выходить в сад, а то и совершать прогулки за пределами замка. Что ж, это снимает с нее часть вины. Но только часть. А так виновата уже тем, что женщина. Ишь, незрелые юнцы, вроде Кристофера де Марка и графа Арлинга готовы ради нее на всяческие безумства! И неважно, что те

юнцы уже в возрасте. Мужчины мужают вне зависимости от календаря.

И остаются дураками тоже вне смены сезонов.

Я не пошел сразу к пленнице, пусть оденется, если вдруг еще в постели, кто их знает, этих избалованных красоток, пошел осматривать замок.

Вообще-то надо быть олухами, чтобы не пробраться сюда незамеченными и не выкрасть все, что плохо лежит. Замок он только потому, что здесь принято называть замком любой укрепленный дом. Помню, в каком-то королевстве достаточно было на крыше поставить из камня зубчики, чтобы хата обретала статус замка.

Зубчики — самая важная часть. Потому и на всех коронах всегда зубчики. На одних больше, на других меньше. У гротеска вроде бы нет отдельной короны, но можно модернизировать обычную графскую, сделав ее побольше и пошире. Но так, конечно, чтобы не смахивала на герцогскую, а то покажусь самозванцем.

У коновязи двое коней уныло жуют овес из подвязанных к мордам торб, ноги заляпаны грязью по самые животы. В сторонке телега с вскинутыми к небу оглоблями.

Я задрал голову, стены низковаты, перебраться через них раз плюнуть. За спиной послышались шаги, старший слуга снова кланяется низко и часто, за ним трое понурых челядинцев.

— Ваша милость, — сказал он торопливо, — сэр Уорвик вернется и захочет наказать вот этих...

— За что? — спросил я.

— Вот этот, — сказал он и указал пальцем, — заметил чужаков, но не поднял тревогу... Этот тоже увидел их чуть позже, но смолчал...

Челядинцев трясет, я вперил в них грозный взгляд.

— Это верно?

Один пролепетал, дрожа, как осиновый лист:

— Вер...но...

— Почему не поднял тревогу?

Он вскрикнул жалобно:

— Простите, ваша светлость! Я просто не подумал, что

это нападение. Чужие люди... они могли проехать через ворота, откуда я знаю? Я из подвала как раз вышел, долго око-рок выбирал для господина Уорвика. Он требует, чтоб мясо с прожилками...

Я повернулся ко второму.

— А ты?

Он упал на колени.

— Помилуйте, виноват!

— Как? — спросил я. — Взял у них деньги?

Он затряс в ужасе головой.

— Нет, никак нет! Но я собирался пойти спать, голова трещит, еще и нога болит, мой дурак напарник уронил мне на ступню целое бревно... и когда увидел чужих людей, то не до них было... И тоже не подумал, откуда они вдруг взялись на ночь глядя. Гости, думал.

Все затаили дыхание, я снова посмотрел поверх голов на низкие стены. Да, Лоралею здесь не уберечь...

Старший слуга сказал угодливо:

— Может быть, сами накажете, ваша светлость?

Я перекрестился — это надо делать время от времени, пусть слухи идут, как о благочестивом, — и ответил словами из Библии, память у меня благодаря дару предков герцога Готфрида, как у стада африканских слонов, что, как известно, крупнее индийских:

— Отец Небесный повелевает солнцу восходить над злыми и над добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. А я, как правитель, должен тоже... гм... проявлять, да, проявлять. Если перебить всех неправедных, живых в Армландии не останется... а последним должен буду удавиться я сам! Нет уж, себя оправдываю, оправдаю и других. Хотя других, понятно, оправдывать ой как неохота... Все свиньи, один я в белом, но не скажешь же такое вслух, не поймут, дураки... Словом, пошли все вон.

Старший вскрикнул обрадованно:

— Премного благодарны, ваша светлость!

Умчались, будто их несло ветром, а я подумал с досадой, опять меня использовали. Понимают, сволочи, что гросс-граф в мелочи вникать не будет, махнет рукой и просто прогонит. А вот сэр Уорвик или управитель замка могли бы и выпороть жестоко.

В небе зажглись звезды, когда поднялась решетка ворот, во двор въехали при свете факелов с десятком всадников на усталых конях. Медленно слезали, раздавали поводья слугам.

Я вычленил взглядом сэра Уорвика, ему уже шепнули насчет прибытия лорда, он выпрямился и пошел ко мне, стараясь согнать печать усталости с лица.

— Сэр Ричард, — сказал он еще издали, — к сожалению, следы отыскать не удалось...

— Уходили по каменной дороге? — спросил я.

— Нет, — ответил он сумрачно. — Магия. Мы попадали то в болото, то в лес, хотя чувствовали, что едем по старой дороге, которую знаем вдоль и поперек. Один раз даже влетели в огонь.

— Магический?

— Да. Но ожоги остались. А на одном из наших сгорела одежда.

Я присвистнул, вот уж за что не люблю магию, ею умеют пользоваться и противники.

— Отдыхайте, — велел я. — Пожалуй, насчет леди Лоралеи придется принять меры.

Он сказал, защищаясь:

— Мы их хорошо встретили! У них половина полегла.

— Вы молодцы, — похвалил я. — Но в другой раз могут придумать что-то круче. Отдыхайте. А я навешу пленницу.

На этот раз я не стал отвлекаться на что-либо, прошел в донжон. Где взбежал по лестнице и толкнул дверь в комнату пленницы.

Помещение невелико, с низким потолком... даже не потолком, а сводом, здесь в каждом помещении, как в деревенской церкви, не крыша, а купол. Еще большой ковер на полу, а так все бедненько, убого, но чисто и опрятно.

Леди Лоралея спиной ко мне за столом, перед ней ларец, тонкие изящные пальцы перебирают блестящие безделушки. Даже со спины я увидел, что она печальна и подавлена, роскошное богатство волос плотно укрыто странного вида платком, что прячет даже малейшие пряди.

Бобик, повинаясь моему строгому взгляду, сразу же сел и, высунув язык, смотрел на пленницу со снисходительным интересом. Леди Лоралея при стуке двери обернулась, я сра-

зу увидел, что побледнела с последней нашей встречи, под глазами болезненная синева, щеки запали еще больше.

Но глаза ее вспыхнули, она вся заискрилась радостью, порывисто вскочила, едва не уронив стул.

— Сэр Ричард!.. Ох, какая прелестная собачка... Это ваша? Малость озадаченный, я коротко поклонился.

— Да, леди Лоралея.

— Что-то случилось?

Бобик поднял зад, Лоралея не дрогнула и бровью, когда он подошел к ней и ткнулся мордой в живот. Перебирая ему толстый загривок, она смотрела мне в лицо с вопросом в прекрасных глазах.

Еще больше озадаченный, — ишь, не убегает с по-женски привычно поросычьим визгом, — я пробормотал:

— Вообще-то многое случилось и даже стряслось... Я прибыл за вами, леди, дабы перевезти вас в более подходящую... комнату.

Последнее слово я успел вставить взамен уже слетавшего с языка «тюрьму». Лоралея спросила в удивлении:

— Перевезти? В комнату?

Бобик поворачивал голову, подставляя новые места для чесания. Ее пальцы мяти ему жирную холку, больше похожую на медвежью, а глаза не отрывали от меня вопрошающего взгляда.

Я пояснил неуклюже:

— Комната, вернее, ваши покои, будут находиться в другом замке. Я его как раз только выстроил. Крепость, а не замок, так что там вас уж точно не выкрадут!

Она смотрела спокойно и бесхитростно, не пытаясь ни кокетничать, ни получить какое-то преимущество, я эти штуки просекаю, ученый, а я смотрел и пытался понять, почему лорды так дрались за нее смертным боем. Хороша, даже красива, очень красива, но красивых женщин я успел повидать по Армландии... и не только в ней. Из-за них не сходятся на поле битвы, не захватывают замки, не похищают. Даже морды друг другу не всегда бьют.

— Леди Лоралея, — сказал я с учтивым поклоном, — я прибыл позаботиться о вашей безопасности.

Она мягко улыбнулась.

— Считаете, это необходимо? Сэр Уорвик очень хорошо охраняет здесь. Несмотря на то, что замок так мал...

— Вот-вот, — согласился я. — Замок маловат, это чревато боком.

Она смотрела на меня блестящими глазами, на бледные щеки начал возвращаться румянец.

— Да, я сама люблю, чтобы не так все военизировано. Когда меня собираются перевезти?

— Если вы не против, — сообщил я с новым поклоном, — то немедленно.

А если против, добавил про себя, напоминая себе, кто я и каков я, то пофиг, все равно поедешь. Не хочет коза на базар, так ведут же.

— Я готова, — сообщила она быстро. — Какая прелестная собачка... Обожаю таких толстых! Уютные, теплые... А какие мягкие!

— Гм, — проговорил я уже обалдело, — вы это... хоть блестяшки заберите. Ларец это... красивый. Ага.

Она отмахнулась.

— Да зачем они? И не мои это, сэр Уорвик подарил... Пусть остаются, мне они ни к чему.

— Пусть, — согласился я, а нечто во мне поставило ей крохотный плюсик за такую немеркантильность, немислимую для женщины. Эти дуры от многого могут отказаться, но не от блестящих безделушек... — Вообще-то это вы их украшаете, а не они вас. Тогда, если не против, я пойду распоряжусь насчет повозки. А вы готовьтесь.

Она снова заверила:

— Я готова! Переодеваться? Зачем?

Редкая женщина, подумал я озадаченно. Такая красotka, а не стремится менять наряды каждые полчаса. Вот леди Элизабет только и делала, что прыгала из одного платья в другое, сооружала новые прически, цепляла побрякушки, как и все дамы в Люнебурге. А с этими мушками так и вообще что творят... Хорошо, тут их не знают.

Я бросил взгляд на ее чистое безукоризненное лицо. Нет, даже если сюда дойдет эта глупая мода, Лоралея не клюнет. Почему-то чувствую, что обезьяньи ужимки не для нее.

— На дворе ночь, — сказал я.

— Небо ясное, — ответила она таким же ясным голо-
сом, — луна светит... А я еще и днем поспала... Тут совер-
шенно нечем заняться!

— Хорошая привычка, — одобрил я. — Но все же... гм...
ждемся рассвета. Я плохо знаю эти места, а в Армландии
есть земли, где ночью шастают совсем другие звери, чем
днем. Встречаются такие, на которых совсем не хотел бы на-
ткнуться.

Улыбка тронула ее пухлые, красиво очерченные губы.

— Шутите! Я наслышана о вашей неустрашимости.

— Это другое, — буркнул я. — Днем мы проскочим за па-
ру часов, а ночью придется драться всю дорогу, и все равно
приедем в то же самое время, как если бы выехали утром!

Она улыбаться перестала, теперь в ее глазах было только
безграничное уважение.

— Да, я уже вижу, что вы настоящий мужчина, а не без-
головый драчун... Хорошо, сэр Ричард, к рассвету я буду го-
това!

Я поклонился и вышел, хотя вообще-то до свинячьего
писку хотелось остаться и поговорить. Но надо научиться об-
рывать разговоры раньше, чем они наскучат, и уходить, как
только сказано главное.

Глава 8

Странное возбуждение не отпускало меня остаток ночи.
Я ходил по комнате, ложился, ворочался с боку на бок, вста-
вал и снова ходил, наконец оделся и подошел к окну, сми-
рившись, что короткая летняя ночь пролетит без сна.

Воздух только к утру посвежел, в окна потянуло прохла-
дой. Я ощутил, что вот сейчас мог бы заснуть, однако на
крыше проснулась и чирикнула сонно птаха, а во дворе за-
скрипело колесо колодца.

Я попинал Бобика, он открыл один глаз и посмотрел на
меня с укором.

— Как хошь, — сказал я, — оставайся и спи, если хочешь.
А я поехал.

Он закрыл глаз, еще и морду прикрыл лапой, толстой,

как у откормленного медведя. Я вышел и закрыл дверь, но когда спустился по лестнице и открыл дверь во двор, Бобик носился от стены до стены, пугая кур, а на меня посмотрел с великим удивлением: не засыпал ли я на каждой ступеньке?

— Ладно, — проворчал я, — займемся делом...

Он помогал мне выбирать лучшую повозку, и даже указал на лучших коней, но когда я посмотрел на них и прикинул, сколько же будут тащиться, взвыл в тоске. А как же мои грандиозные планы? Я и на час не могу и не хочу их откладывать, уже наоткладывался.

Дверь распахнулась, в сопровождении служанки вышла леди Лоралея. В дорожной темной одежде, высокая, строгая, похожая на монахиню в этом платке, когда миру открыто только лицо, сплошная одухотворенность и возвышенность, из-за чего только и дрались, как бараны, эти ошалевшие лорды.

Только теперь я обратил внимание, что леди Лоралея в изящном платье довольно простого покроя, но сшитого с таким чувством меры и пропорций, что даже и не знаю...

А вообще, одежда — ерунда. Леди Лоралея сложена так чудесно, что, в каком бы туалете ни появилась, платья на ней не видно.

Бобик понесся к ней, взбрыкивая, как козленок. Сэр Уорвик, стоя сбоку от крыльца, подал руку. Она слегка коснулась ее кончиками пальцев, принимая услугу и в то же время демонстрируя, что лишь из вежливости, а так пошла по ступенькам, не отрывая вопросительного взгляда от моего лица.

Когда она была уже у повозки, я проговорил, решившись:

— Впрочем... время не ждет. Леди Лоралея, вы поедете со мной на моей лошадке.

Она обернулась, тонкие брови в изумлении приподнялись.

— Полагаете, так будет быстрее?

— Уверен, — сказал я.

— А... удобно ли?

— Абсолютно, — заверил я. — Никакого урону вашей чести.

— А вашей?

— Тоже, — сказал я совершенно бездумно.

— Как скажете, сэр Ричард, — ответила она послушно.

Я с облегчением вспрыгнул в седло. Озадаченный сэр Уорвик приготовился помочь ей подняться ко мне, но Лоралея ухватила за мою требовательно протянутую руку, я вздернул ее к себе, она сразу очутилась в моих объятиях.

Служанка осталась смотреть с открытым ртом в великом изумлении. В руках у нее два узла с одеждой. Я хотел было принять их, но посмотрел на Лоралею и сказал служанке:

— Оставь себе. А для леди Лоралеи найдем что-нибудь, как только она восхочет сменить туалеты.

Служанка пробормотала испуганно:

— Как прикажете, мой лорд.

Зайчик фыркнул, в нетерпении переступил копытами. Сэр Уорвик подал знак стражам на воротах, там заскрипела решетка, пошли в стороны тяжелые створки.

Сэр Уорвик что-то говорил, я чувствовал в его голосе облегчение и сожаление разом, но слышал плохо, в ушах все громче грохот водопадов крови, она нагревается и нагревается.... Тьфу-тьфу, недолго и до кипения.

Зайчик выметнулся из-под арки ворот горделивый и красивый, это чтоб не сомневались, что донесет и двоих, некоторое время шел крупной рысью, а когда башни замка скрылись за деревьями, начал набирать скорость.

— Закройте глаза, — сказал я Лоралее. Она послушно закрыла глаза и уткнулась лицом мне в грудь. — Не пугайтесь, я укрою вас, а то ветер почему-то...

Она прошептала:

— Я не боюсь. Вы же знаете, сэр Ричард...

— Что?

— Женщинам никогда с вами не страшно.

Мимо мелькают уже не деревья, а рощи и леса, сменяются холмами, под нами проскакивали ручьи и мелкие речки, мельтешит от сменяющихся зеленых и желтых пятен, а я, обхватив Лоралею обеими руками, сам пригибался от встречного урагана, в черепе стучит непонимающе-лестное: что она имела в виду? Приятно, конечно, однако...

В крепости меня заметили лишь в момент, когда мы влетели под арку и остановились во дворе. Ворот еще нет, как и решеток, есть только каменный остов грозной и несокрушимой крепости из монолитного гранита повышенной прочности, если это гранит, ну пусть гранит, его не сокрушить ни катапультами, ни даже из пушек, когда те появятся.

Я спрыгнул с коня, народ начал сбегаться со всех сторон, стражи пристыженно опускали головы. Я протянул руки к Лоралее, она легко и бестрепетно соскользнула с высокого коня мне в руки, легкая и нежная, разогретая за время скачки.

По моему телу пробежал сладкий трепет. Я медленно опустил ее на землю, сердце тукает счастливо, как довольный цыпленок, которому насыпали целую горку вкусных зернышек.

— Все в порядке, — сказал я стражам и поспешившим в нашу сторону рыцарям. — Занимайтесь своими делами. Я сам покажу леди Лоралее ее... место.

Стражи, видя мое лицо, начинали ухмыляться, двери перед нами распахивались с подозрительной поспешностью. Последнюю дверь я открыл перед нею сам, сделал широкий жест.

— Леди Лоралея, ваши апартаменты.

Первым вбежал Бобик, заметался из стороны в сторону, все высматривая и вынюхивая. Лоралея сделала шаг, глаза широко распахнулись, я услышал восторженное:

— Сэр Ричард! Как здесь чудесно!

— Нормально, — ответил я польщенно, — вообще-то недостаточно женственно, чтобы соответствовать... гм... Это военная крепость, здесь не до удобств...

— Что вы, сэр Ричард! Все замечательно!

Я покачал головой.

— Располагайтесь, а я подумаю, чем украсить эти покои.

— Зачем?

— Чтобы вам понравилось больше.

— Мне и так все нравится.

— Совершенству не бывает предела.

Я поклонился и, хотя мучительно хотелось остаться и обшаться с нею, глядя в ее удивительные глаза, наслаждаясь

звуками ее щебечущего голоса, все же отступил и вышел за дверь.

Гроссграф или не гроссграф, мать вашу, а если гроссграф, то думай о судьбах Отечества, а не о ее весьма аппетитных даже с виду сиськах. Да и вообще, надо о высоком. Не чистом, об этом пусть эстеты, не о грязном, об этом политики, а именно о высоком, крупном и значительном, как и надлежит крупному государственному деятелю. Это я теперь крупный, запомни, балда.

Слуги разбегаются при моем появлении, словно я не только крупный, но и ужасный. Типа, для забавы могу на кол. Это хорошо, пусть боятся. Я, конечно, демократ, но я ближе к эллинской демократии, когда все равны, все имеют избирательные права, все свободны и у каждого не меньше двух рабов.

Через пару часов, наобщавшись с рыцарями, наотдавав распоряжений и даже проголодавшись, я напомнил себе, что надо посмотреть, как чувствует себя наша знатная пленница. Или не знатная, но прекрасная. Во всяком случае, дрались за нее знатно, значит — знатная.

Ей передали, что я пообедаю в ее обществе, это не выглядело просьбой, я сразу взял курс на жесткость, пусть знает, что здесь ей не там, тут не пройдут хиханьки и ужимки, здесь суровые и жесткие мужчины. И в ее покои я вошел уверенной походкой хозяина.

Леди Лоралея вскочила, довольная и сияющая, в глазах блестят звезды, платок сняла, блеск волос затмевает свет люстры, сердце мое застучало чаще.

Я сглотнул слюну, голос мой прозвучал не так уверенно, как мне хотелось:

— Надеюсь, вам передали, что я изволю обедать с вами.

Она воскликнула:

— Да, я счастлива, сэр Ричард!

— В самом деле? — переспросил я с сомнением.

Стол накрыт на двоих, это заметно по двум креслам, а так на нем еды и питья на отряд тяжеловооруженных кнехтов или троих растеров.

Все-таки я дождался, когда она сядет, тяжело и солидно опустил задницу в кресло напротив. У Лоралеи ни следа от усталости и бледности, щеки покрыты живым естественным румянцем, пухлые губы стали вдвое пухлее, глаза блестят, а в голосе прозвучал откровенный восторг:

— Какое великое дело вы затеяли, сэр Ричард! Мне тут рассказали слуги, я просто не поверила сперва.

Я насторожился.

— Какое? С вашего позволения начну сразу с горячего, проголодался, уж простите...

— Да-да, сэр Ричард, все что угодно!.. Объединить всех этих лордов в одну большую семью, чтобы прекратились эти ужасные войны, которые я, как женщина, ненавижу!.. Какое великое дело, вы уж, сэр Ричард, пожалуйста, не бросайте на полдороге!.. А теперь, когда удалось, постарайтесь, чтобы не развалилось.

Я едва не удавился куском горячего мяса, вытаращил глаза, просипел полузадушенно:

— Да-да...это главная цель...

— А будет прекрасно, — воскликнула она с таким жаром, что даже ложку с драгоценным бульоном задержала у рта, а потом и вовсе опустила в тарелку, — когда дороги освободятся от разбойников!.. Торговцы проедут везде свободно, у нас появятся шелка из Турнедо, драгоценности из Шателлена, а в Фоссано шьют такие изумительные сапожки!..

Я кое-как совладал с застрявшим мясом, запив вином, в голове сумбур, пробормотал смятенно:

— Вы настолько правы, что даже не знаю... Могу добавить разве насчет цены... Товары резко подешевеют, когда исчезнут поборы на границах лордств. Все люди станут одеваться красивее, что... гм... вызовет новый подъем... энтузиазма. В смысле, производства. Наверное. Тут надо посоветоваться со специалистами. В смысле, сесть и обдумать.

— Не бросайте, — повторила она умоляюще. — Никто, кроме вас, такое даже не брался делать!

Да что за хрень, мелькнуло у меня ошалелое. Я же привез по-быстрому устроить эту куколку так, чтобы никто не дотянулся, пока не сплавлю подальше, лучше за пределы Арм-

ландии! А сижу, раскрыв рот, слушаю удивительно умные речи.

Я торопливо взялся за сладкое, надо пожрать и слинять, пока эта сирена не очаровала и меня, пробормотал, разрезая широким ножом истекающие медом соты:

— Не брошу, не брошу... Ради этого и стал гроссграфом. Вообще-то мне куда лучше было странствующим рыцарем... Ни за что не отвечаешь, никому ничем не обязан, едешь себе и бьешь по голове встречных и даже поперечных. Спасает кого-нибудь, за что тебя благодарят так, будто мир спас. Мелочь, а приятно.

Ее глаза вспыхнули, а лицо воспламенилось.

— Правда? — выдохнула она с жаром. — Тогда вы пошли на великую жертву, сэр Ричард!.. Умоляю вас, продолжайте держать Армландию единой. Это не только потому, что мы, женщины, предпочитаем мир и живых мужчин, а не гробы, но... все расцветает, когда войны нет... долго! Или хотя бы продержитесь гроссграфом подольше.

— Как скажете, — ответил я с галантной улыбкой. — Значит, держать Армландию единой и неделимой?

— Да!

— Свобода торговли и никаких пошлин?

— Да, — произнесла она с жаром. — Разве это не самая великая цель? Воевать каждый может! Для этого ума не надо. А вот строить... На это решаются только самые мудрые и мужественные. Ведь славу проще всего обрести разрушениями, как ни грустно.

В обалдении я машинально создал чашку с горячим кофе, спохватился, но отступать поздно, протянул ее Лоралее, а себе создал другую.

Лоралее взяла чашку не глядя, взгляд ее прикован к моему лицу, и поднесла ее к губам тоже не глядя. Я смотрел, как пьет мелкими глотками, ни разу не изменилась в лице, ни тени недоумения при виде незнакомого напитка, даже не спросила опасливо, что это: раз я дал — пьет.

На стол опустила уже пустую, все так же не отрывая от меня взгляда.

— Понравился кофе? — спросил я.

— Да-да, — ответила она сияюще, — просто великолепен!

Вы очень любезны, сэр Ричард! Под вашей внешней суровостью бьется нежное и чувствительное сердце.

А вот уж хрен, ответило во мне нечто насторожившееся. На комплименты не ловлюсь. Но вот чашке кофе совсем не удивилась, гм...

— Я рад, — сказал я и торопливо поднялся. — Сожалею, но вынужден оставить ваше общество, леди. Дела, дела.

— Я понимаю, — ответила она кротко и в то же время с непонятной гордостью. — Дела не простые у вас, сэр Ричард! Ради дел государственных нужно жертвовать всем.

Я развернулся на деревянных ногах и двинулся к двери, чувствуя, как особенно не хочется топтать к этим государственным. Бобик наконец вскочил и выскользнул за мной в коридор, когда я уже закрывал за собой дверь.

— И тебя подкупили? — спросил я обвиняюще. — Чем?

Он повил хвостом, глаза виноватые, но оглянулся на дверь и вздохнул.

Крепостные стены отхватили и отгородили от мира участок земли, на котором мог бы разместиться крупный город. Сейчас прибывшие плотники заканчивали строить барак на триста человек, а в ворота, которые пока еще не ворота, а только проем для них, как раз гнали крупное стадо овец под охраной полудиких пастухов и почти диких собак.

У большого костра с десятков крепких мускулистых мужиков беседуют вполголоса, а когда простучали копыта Зайчика, обернулись, вскочили, ломая шапки.

— Вольно, — сказал я. — Итак, ребята, вам предстоит важная и ответственная работа. Дабы ничто не отвлекало, я распорядился сперва насчет инфраструктуры, так что теперь есть где спать, будет что есть. Инструментом тоже обеспечим. Выберите из своей среды старосту... Я ему выдам аванс на всех, чтобы у вас было на что покупать еду. А уже он под вашим бдительным оком раздаст остальным.

Они слушали почтительно, но с достоинством. Камнерубы и каменщики всегда в повышенном спросе, их чаще не хватает, чем они в избытке.

— Работы будет много, — предупредил я. — Когда закон-

чим крепость, переброшу на другой объект. Впрочем, часть переброшу еще раньше... Платить буду хорошо, щедро. Это не пустые слова, я заинтересован, чтобы вы и дальше работали и работали.

Один из камнерубов, я его определил по мощной мускулатуре, спросил заинтересованно:

— Это под Хребтом другая работа?

Я насторожился.

— Что ты знаешь о Хребте?

Он пожал плечами.

— Что и все. Хребет и есть Хребет. За ним Юг. Но, говорят, вы направили несколько бригад камнерубов к Хребту. И платить обещали хорошо.

На его лице я не прочел ничего, кроме материальной заинтересованности, сделал серьезное лицо и ответил, понизив голос:

— Да, там отыскивали залежи хорошей руды... Но сперва надо разобрать камни, расширить нору.

Он кивал понимающе, выражение заинтересованности растет, что понятно: здесь работы много, но она конечна, а камни ломать можно годами.

— Мы все сделаем, — заверил он. — Моя бригада отделяла собор в Реймсе!.. И эту крепость сделаем таким орешком, что сам дьявол обломает зубы!

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Я всем им, гадам, обломаю.

Глава 9

Долина, где я расположил крепость, вся открыта солнцу, и к полудню здесь накалено, пахнет не столько цветами, как прокаленной пылью. Когда солнце в зените, даже в тени видишь, как дрожит и поднимается струями перегретый воздух. Далекие горы вздымаются в грозном блеске, вершины раскалены добела, вижу, как искрятся, сгорая вот так при каждом полдне.

Хозяйствование — самая бессмысленная и утомительная работа на свете. Взмок от жары, пыль со злорадством оседала

и облепляла, быстро превращаясь в засохшую грязь, и к вечеру я чувствовал себя стариком, которому нужна палочка.

Тащиться до башни, где я устроил себе временное логово, надо через весь двор, потом наверх по лестнице, а уже затем по стене в обратную сторону, это всего метров десять вверх...

Дурак, о чем мечтаешь? Тебе тоже здесь не там, иди и не ропщи. И я пошел, а когда поднялся на стену, услышал знакомый голос. Разговаривали Лоралея и, если не ошибаюсь, виконт Карлейль, воин хороший, человек честный, хотя и слишком негибкий.

Расслышать, о чем говорят, не удастся, слишком в двадцать молотов стучат кузнецы, визжат пилы, доносится тупой стук топоров по дереву, я вздохнул, вогнал себя в личину исчезника, авось да виконт не запасся нужным амулетом, вышел на открытое пространство.

Лоралея и виконт стоят у парапета, опершись руками о каменный край и смотрят вниз. Волосы Лоралеи закрыты платком так, что снова только лицо на виду, я вижу их обоих в профиль, виконт в легком доспехе, голова открыта, в коротких волосах поблескивает седина.

Я потихоньку подходил ближе, стало слышно даже угрюмое сопение виконта. Лоралея говорила убеждающе:

— Нет-нет, сэр Карлейль, вы не правы!.. Как вы не понимаете, что только полное объединение Армландии приведет к расцвету жизни во всех ее землях!.. Эти таможенные заставы на границах даже крохотных баронств рубят на корню торговлю между городами сильнее, чем разбойники на дорогах!.. Только сейчас наконец-то купеческие караваны начинают робко перевозить товары из одного графства в другое, не страшась, что на границе все отберут...

Виконт морщился, кривился, возмужал вяло:

— Дорогая Лоралея, но это же исконное право лордов брать плату за топтание своей земли...

Она всплеснула руками.

— Право? Какое право?

— Установленное нашими предками, — сообщил он.

— А у них было это право?

Он пожал плечами.

— Дорогая Лоралей, наши предки получили это право.

— Как?

— Не знаю, — ответил он с достоинством. — То ли от самого Господа, то ли взяли его острием меча... это неважно!

— Неважно?

— Да. Любое право, если это идет из глубин веков, уже освящено.

Он прав, мелькнула у меня злая мысль. Любая глупость, если ее исповедовали отцы и деды-прадеды, становится священной и неоспариваемой. В самом лучшем случае ее оставляют как знамя, герб или гимн, а живут по новым законам, но все же английская королева что-то там подписывает и произносит какие-то речи перед парламентом. Правда, попробовала бы не подписать или брякнуть не то, что на поданной ей бумажке!

Но здесь лорды настоящие, свои права помнят и так просто отступать от них не собираются. Тем более что чувствуют свою правоту: освящена и закреплена не только памятью предков, но и навязанными прошлым королям законами.

— Любое право на чем-то основано, — возразила она. — Нет, дорогой виконт, я понимаю только то право... и принимаю!.. при котором люди будут жить лучше.

Он буркнул, все так же глядя вниз:

— Люди? Это вон те, которые носят доски?

— И они, — ответила Лоралей с жаром. — Как вы не видите? Если эти люди станут богатыми, то и мы все станем богатыми!

Он покачал головой.

— Не понимаю вас, леди Лоралей. Как можно интересы этого мелкого люда ставить выше интересов могущественных лордов?

Она покачала головой, глаза ее заблестели ярче, и виконт Карлейль не отрывал от них зачарованного взгляда.

— Нет, — ответила она убеждающе, — нет противопоставления! Эти же люди кому-то да принадлежат, на чьих-то землях живут! И чем они богаче, тем больше платят налога...

Он хмыкал, пожимал плечами, не соглашался, а я отступил, вконец ошарашенный. Из личины вышел только в коридоре, ввалился в свои покои, срывая пропотевшую одеж-

ду, заорал, чтобы приготовили ванну. Служанки торопливо наполнили горячей водой бадью. Я поскорее забрался и с наслаждением сдирал когтями липкую грязь, а девушки, хихикая и делая вид, что стесняются, скоблили меня тряпочками из грубой ткани.

Когда я, чистый и чуть посвежевший, заглянул в соседние покои, Лоралея уже швыряла там игрушки в разные концы комнаты, а Бобик старался перехватить их в воздухе.

— Поужинаем вместе? — предложил я деловито. — А то у меня такой аппетит разыгрался... Коня бы съел!

— С удовольствием, — ответила она радостно. — Бобика берем?

Я заколебался, Бобик опустил зад на пол и смотрел на меня в требовательном ожидании.

— Только не давать ему ничего со стола, — ответил я наконец. — И не бросать под стол. А если бросать, то придется заказывать на десятерых. Я не знаю, куда в него столько влезают, но жрать может безостановочно.

Она счастливо улыбнулась.

— Бобик, ты приглашен!

Стол с массивным подсвечником в самом центре, три толстые свечи дают яркий оранжевый свет, настоящий яркий и праздничный, не люблю так называемые интимные полумраки.

Сверху огнем солнечного спектра заливает стол и почти всю комнату огромная люстра на сто свечей. Лоралея щебечет, щечки счастливо разругались, глаза блестят, веселая и довольная. Я все перебирал ее разговор с виконтом Карлейлем, странно как-то, что с виду безумно красивая, а значит, в такой же мере и безумно пустоголовая женщина так точно и правильно понимает плюсы и выгоды объединения Армландии, а не понимает такой неглупый с виду виконт Карлейль.

— Вам нравится это мясо? — спросила она живо.

— Очень, — ответил я искренне.

— Я сама его готовила, — похвасталась она.

Я раскрыл рот.

— Вы? Благородная дама?

Она удивилась:

— А почему нет?

— Но... гм... кухонная работа... грязная работа...

— Любую работу, — возразила она, — грязной или чистой делает сам человек. Во-первых, мне нравится готовить. Во-вторых, сама вижу, как работает челядь, чем занимается управитель... Кстати, вам тоже придется заниматься кухней! Только государственной. Самое главное при всяком государственном устройстве — поставить дела так, чтобы всякие управители, мелкие и крупные, не могли наживаться.

— Гм... — произнес я.

Она удивилась:

— Вы против? Сэр Ричард, иначе это разрушит страну! Управителями ставят обычно смысленых людей из народа, так как лорды ею брезгают, но когда эти управители становятся богаче и могущественнее лордов, то возмущены и лорды, и народ!

— Только соседи радуются, — сказал я.

— И злорадствуют, — добавила она.

— Гм... — повторил я. — Проблемы коррупции государственного аппарата... я еще над этим не думал... Эта зараза еще впереди...

Семирамида, мелькнула мысль, будучи женщиной, снаряжала походы, вооружала войска, строила Вавилон, покоряла эфиопов и арабов, переплывала Красное море, а Сарда напал, родившись мужчиной, ткал порфиру, восседая дома среди наложниц; а по смерти ему поставили каменный памятник, который изображал его пляшущим на варварский лад и прищелкивающим пальцами у себя над головой, с такой надписью: «Ешь, пей, служи Афродите: все остальное ничто». Лоралей не снаряжает походы, но знает о государственном устройстве больше, чем мои преданные военачальники.

— Вы решите эти трудности, — произнесла она убежденно. — Возьмите этот соус. Не я готовила, но проверила — очень вкусно.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Да, приятный запах и

обворожительный вкус. Насчет коррупции... займемся, займемся.

Она сказала убежденно:

— Прежде всего нужно издать, и как можно скорее, хорошие законы! Где правит тиран, там не просто дурное государство, там вообще нет государства!

— Гм, — сказал я и поперхнулся куском в горле, — я... плохой тиран?

Она возразила лучезарно:

— Мой лорд, вы еще не тиран! Но помните, ни одну из трехсот статуй Деметрия Фалерского не успела съесть ни ржавчина, ни грязь, все были разбиты еще при его жизни. А начинал он тоже как освободитель и объединитель вечно сражающихся между собой греческих рэксов. Увы, в делах государственных ничто жестокое не бывает полезным.

— Это что же, — пробормотал я озадаченно, — обо мне уже такая слава? Гм... впрочем, я объединял Армландию, как Бисмарк Германию, железом и кровью... Но я обошелся и кровью меньшей, и провернул все быстрее... теперь мне что же, улыбаться, кланяться и разбрасывать дары панэму и цирцензесу?

— Законы, — повторила она, — только законы! Будут законы — будет государство. Даже у разбойников есть свои законы.

— А у Армландии еще нет, — согласился я.

Она сказала утешающе:

— Потому что не было и самой Армландии... как единого целого.

— Спасибо на добром слове, леди Лоралея.

— Распри среди лордов, — произнесла она грустно, — приходится расхлебывать даже не вам, сэр Ричард, а всей Армландии. Потому нужны законы, и только законы... Прочные, нерушимые, обязательные для всех. Основанные на обычае, а не на силе оружия. В Спарте полководец, достигший своей цели благодаря хитрости и убедительным речам, приносил в жертву быка, а победивший в открытом бою — петуха. Если даже спартанцы полагали слово и разум более достойными средствами действия, нежели сила и отвага, то надо ли нам уповать на оружие?..

«Нам», отметил мой мозг автоматически, но в душе шевельнулось теплое: эта женщина так искренне и горячо приняла мои проблемы, будто они и ее личные.

— Эх, — сказал я, — если бы мои военачальники вот тоже так же...

— Мужчины любят воевать, — произнесла она грустно, — и очень боятся, как бы никто не подумал, что они трусят.

Я сказал невольно:

— Но ведь трусость... гм... всегда и везде была... ну, не совсем достоинством.

Она сказала живо:

— Нет стыда убежать с поля боя, если грозит неминуемая гибель! Ахилл, Аякс и все герои, которых ставят в пример, выходили в бой, закованные в доспехи и вооруженные до зубов. Это что, трусость?

Я сказал с усмешкой:

— Пока что такого никто не говорил.

— Когда Ахилл, — продолжила она, — лишился из-за гибели Патрокла своих доспехов, которые тот одолжил, он вообще не выходил из шатра, разве не так?

— Так, — подтвердил я.

— А в бой пошел, когда ему дали доспехи, которые вообще невозможно пробить никаким оружием! Разве это его позорит?

— Гм, — сказал я, — как-то даже не подумал... С точки зрения рыцарства он провел поединок с Гектором нечестно.

— Но воспевают Ахилла? — спросила она живо. — То-то! Греческий закон карал того, кто бросил щит, а не того, кто бросил меч или копье! Потому что важнее избежать гибели самому, чем погубить врага!.. И вообще, мой господин, хороший полководец должен умереть от старости, а не на поле боя!

Она улыбалась чисто и светло, от нее исходит материнское тепло, в то же время выглядит такой обольстительно зовущей, что я сказал себе жестко: нет уж, нет уж. Я — государственный деятель, нам не до баб-с. Тем более что я уже открыл великую истину, что бабы все одинаковы, а если так,

зачем переплачивать? Надо брать, что подешевле. Служанок, к примеру.

Закончили медовыми пирогами, я снова сотворил кофе, Лоралея отпивала мелкими глотками, но безбоязненно, чему я снова восхитился. Когда она поднимала веки, казалось, что снимает с себя всю одежду. И когда опускала их, я тоже чувствовал, как опускает платье с белых нежных плеч, вот ткань сползает еще ниже, обнажая полную грудь, нежный женский животик, наконец платье складками укладывается на полу, а она грациозно переступает через этот лишний ворох, идет ко мне, словно плывет по воздуху...

Я вздрогнул, перехватив ее взгляд, по-женски понимающий. Женщины если и не разбираются в движении небесных светил, то очень хорошо понимают, что значат наши взгляды.

Она медленно поднялась, отодвинув стул, снова бросила взгляд на дверь, ведущую в спальню. Я застыл, когда она, оставив дверь открытой, начала медленно и грациозно сбрасывать одежду. Стыдливость, вспомнилось, это свойство, которые мы почему-то приписываем женщинам.

Лоралея сбрасывала одежду просто и естественно, без всякого кокетства и ужимок, без эротики, присущей стриптизу, но получилось у нее так, что внутри меня все взвыло.

Так же медленно и грациозно она опустила под одеяло. Я перехватил слегка удивленный и вопросительный взгляд. В черепе замесились горячечные мысли, как суметь отказаться, я железный, вон лежит голая женщина и смотрит на меня в требовательном ожидании, ни один мужчина не сможет отбрыкаться, трусы закомплексованные, как бы чего про них не подумали, а я вот сумею, сейчас подойду и скажу...

Я подошел, она протянула ко мне белые нежные руки. Одеяло соскользнуло, обнажив дивной формы грудь с широкими алыми сосками. Ниппели уже затвердели и поднимаются мне навстречу, похожие на спелые ягоды земляники.

— Как хорошо, — выдохнула она счастливо, — как замечательно... принадлежать самому могущественному человеку в Армландии!

Руки мои, почти не подчиняясь мне, совлекли одежду. Я нырнул к ней в ложе и сразу погрузился в негу и счастливое блаженство, которого не испытывал с момента рождения на свет.

Я, наверное, безумствовал бы в постели всю ночь, но Лоралей мягко, но настойчиво напомнила несколько раз, что завтра у меня с утра трудный день, надо поспать, сама уложила меня в позу эмбриона и придержала так, пока я не провалился в глубокий счастливый сон.

Выныривал я, переполненный ликованием и таким счастьем, словно уже по всей Армландии провел широкополосный Инет. Лоралей спит рядом, прижавшись щекой к моей руке. Ресницы затрепетали, щекоча кожу, я решил, что приснилось нечто, однако веки поднялись, открывая чистые глаза небесно-голубого цвета.

— Спи, — шепнул я.

Она счастливо улыбнулась.

— Ну как я могу спать, когда мой повелитель проснулся?

Она чмокнула меня в щеку, поцелуй был чист и свеж, словно поцеловал ребенок, впервые в жизни не возникло желания тайком вытереть щеку.

Я замедленно выполз из постели, а она, одевшись не по-женски быстро, вызвала слуг и продиктовала, что подать на завтрак.

К моему замешательству, принесли именно то, что я хотел бы сожрать, откуда только и знает мои вкусы...

В завершение завтрака выпили по чашке крепчайшего кофе. Лоралей выглядит еще больше посвежевшей, лицо разругмянилось, глаза счастливо сияют, как две утренние звезды, губы еще ярче и сочнее.

— Мой лорд, — сказала она щебечуще, — не забудьте, что вчера прибыла большая группа каменщиков из Ясперса. Лучше с ними переговорить лично, потому что их возглавляет сам мастер Моавит, он возводил собор в Фоссано! Теперь туда идут все паломники полюбоваться и помолиться, ибо в красивом месте и Господь к людям ближе.

— Ага, — пробормотал я обалдело, — ну да... если так... Обязательно!

— Все остальное лучше оставить вашим помощникам, — прошептала она, поглядывая на меня хитро и весело поверх чашки. — А вас ничто не будет отвлекать от вашего тоннеля.

Я вскрикнул:

— Откуда ты все это знаешь?

Она удивилась:

— Так даже слуги говорят обо всем!

— Они о всякой фигне больше говорят, — пробормотал я совсем ошалело. — Что с них возьмешь.

Она возразила:

— Из множества слухов всегда можно отобрать нужное!

Через крепость прошли уже три каравана, два из них доверху нагружены всякими висюльками и колокольчиками для знатных и богатых дур, Лоралея наверняка о них слышала, но из всей информации выбрала только то, что в самом деле важно для меня.

Отставив чашку, я вскочил, поцеловал ее в щеку и сказал торопливо:

— Да-да, ты права!.. Побегу, нельзя заставлять таких мастеров ждать слишком долго. А потом... ага, да, тоннель... Рыть, рыть...

Я выскочил, забыв закрыть за собой дверь, на это есть стражники в коридоре, в голове ураган сшибающихся мыслей, из которых каждая считает себя самой умной и требует, чтоб послушались именно ее, потому что все остальные — дураки и дуры.

Как там один вопит обиженно: женился на красивой — оказалась умной! А здесь и красивая бесподобно, и... умная? Нет, тут мало просто ума. Что за сверхъестественное чутье, что мне нужно, как быстро она сумела понять мои цели и сообразить, что именно нужно для их достижения?

Глава 10

Полдня я занимался крепостью, пока это только скелет, вернее, панцирь, очень крепкий и надежный, но из-за его величины работы еще много. Я принимал прибывающих строителей, сам выдавал аванс, так выглядит внушительнее, часть работников сразу отправил к Хребту.

К обеду вернулся в покои, Лоралея уже сменила одежду, я хлопнул себя по лбу, дурак, хотел же позаботиться, ее узлы остались в Кнаттервиле, но, к счастью, как-то выкрутилась, не обременяя меня такими досадными мелочами.

Сегодня у нее на лбу серебряный обруч и висюльки по бокам, опускаются, закрывая уши почти до плеч. Благородный блеск серебра на лбу перекликается с блеском в ее глазах, по-детски чистых и ликующих.

— Прекрасное платье, — сказал я смущенно. — Здорово смотрится... Леди Лоралея, если понадобится что, только помните!

— Все в порядке, — ответила она смеющимся голосом, — не обращайте внимание на такие пустяки!

— Леди Лоралея, — спросил я, — вы пообедаете со мной? Она ответила вопросом на вопрос:

— А вы хотите?

— Конечно! — вырвалось у меня.

Она тихо засмеялась:

— Но если мой муж и повелитель так желает, кто смеет воспротивиться?

Я на секунду запнулся, услышав, что я муж и повелитель, но тут же чувство гордости и довольства накрыло с головой, как морская волна.

Нет ничего более приятного, если женщина гордится тобой и с радостью выполняет твои желания, потому что ты — лучший, ты лучше знаешь, что надо и как надо. И не скрывает перед другими, что все твои желания выполняет с превеликим удовольствием.

Она улыбалась, поглядывая на меня поверх чашки с кофе. Глаза сияют, щеки слегка порозовели, словно ее смущает мое внимание. Тепло, что разливается в моей груди, начало распространяться по всему телу.

Я ощутил себя свежим, полным сил, но сердце сладко зануло. Я с ужасом понял, что хочу схватить ее в объятия прямо сейчас, во время обеда, не дожидаясь ночи.

— Вам нравится это печенье? — спросила она.

— Вы пекли? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, но проследила, чтобы испекли по рецепту моей бабушки.

— Ваша бабушка была сластена.

— Еще какая, — подтвердила она, улыбаясь. — Я тоже

люблю сладкое. И не понимаю, почему некоторые даже травяные чаи пьют без сахара.

— Я тоже не понимаю, — пробормотал я. — Что-то я вообще многого не понимаю... ой, меня ждут, надо бежать!

Она проводила меня несколько удивленным взглядом, а я, теряя достоинство гротеска, суетливо подхватился и выбежал за дверь. Уже там, в коридоре трясущимися пальцами пригладил волосы, выровнял шаг и постарался выпрямить спину.

Что-то со мной происходит непонятное. Я вроде бы начинаю терять голову. Ну, еще не совсем, но какие-то позорящие настоящего мужчину сдвиги есть. Первый сдвиг — все время думаю об этой женщине.

Мужчина, что вот так часто думает о женщине или о женщинах вообще, — не заслуживает высокого звания мужчины. Это так, бабник, юбочник, чтобы не сказать жестче: грузики выражаются откровеннее, зато точнее и образнее.

Сегодня же отправлю ее куда-нить подальше. Нет, завтра утром. Правда, ночью моя воля ослабеет еще больше...

Вечером мне пришла в голову гениальная идея, как переоборудовать повозку, превращая ее в «карету», нечто пока неизвестное местным мастерам.

Я начертил эскиз кареты и дал старшине.

— Вот здесь и здесь, понял?.. А вот тут для кучера... Нет, сюда не вещи, а пару слуг на запятки. Это так и называется, «запятки». Если, конечно, ехать недалеко. А то заморятся стоять, заснут и попадают... С лесенкой нефиг бегать, надо стационарную из железа. Ступеньки можно из дерева, но основу — из хорошей стали... Чтоб и легкая, и прочная...

Я знал, что требую, и уже через три дня столеры и колесники начали срывать передо мной шляпы уже не как перед лордом, а как перед великим мастером.

Кузнецы еще ковали и перековывали рессоры, зато колесных дел мастер все понял, пришел в восторг и сам торопил их и объяснял, дуракам таким, как надо и что надо.

Леди Лоралей от такого подарка пришла в восторг, в первый же день совершила круг по крепости, выявила несколько мелких недостатков, сама объяснила, что и как исправить.

Я заметил, что работники и ее слушают очень внимательно

но и уважительно. Лоралей никогда не задирает нос и не кичится, со всеми разговаривает, как с равными, а с этими работниками выказала себя тоже очень даже понимающей и знающей толк в их ремесле.

Потом она велела объехать вокруг крепости, я встревожился, но виду не подал, однако велел выделить охрану. И хотя понятно, что к имуществу гротсграфа протянуть лапу — это протянуть ноги, но пусть ни у кого даже мысли такой не возникает.

Лоралей охрана вряд ли понравилась, хотя виду не подавала. Возможно, подумала, что я подозреваю, чтоб не убежала к тем лордам, которые так дрались за нее.

Я подозвал сэра Норберта.

— К вам необычная просьба...

— Я выполню любой ваш приказ, — отчеканил он.

— Это просьба, — сказал я смущенно, — а никакой не приказ.

— Слушаю вас, сэр Ричард!

— Вы помните, из-за чего вспыхнула война между сэром де Марком и сэром Арлингом?

Он коротко усмехнулся.

— И все мы также помним, как просто вы устранили причину вражды.

— Да, но теперь эта причина здесь, в крепости. Сэр Норберт, я очень не хотел бы, чтобы кто-то попытался выкрасть ее и отсюда. Как уже была попытка увезти ее из замка Кнаттервиль.

Он посерьезнел.

— Располагайте мною, сэр Ричард! Я понимаю, у вас ничего личного. Только забота о благе Армландии.

— Да-да, — сказал я торопливо. — Если ее украдут, снова вспыхнет война... Ну, пусть даже не война, не те времена, но я не хотел бы, чтобы между лордами начались какие-то раздоры. Я полагаю, что рыцари должны погибать только на службе Отечеству.

Он сказал очень серьезно:

— За веру и за Отечество, вы очень хорошо сказали, сэр Ричард! Я обеспечу ей самую надежную охрану.

Я сказал почти просительно:

— Только надо это сделать так, чтобы даже она ее не видела!

— Почему? — спросил он. — Все всегда довольны, потому что охрана — это прежде всего престиж, статус!

— Да, конечно, но... Я все думаю, а вдруг ее попытаются похитить даже отсюда? Увидят охрану — удвоят осторожность. А так они сразу и попадутся вашим людям.

Он подумал, посмотрел на меня с уважением.

— Да, так лучше. Хотя я не верю, что кто-то настолько безумен, чтобы пытаться украсть у вас женщину, но... я буду охранять ее скрытно.

— Спасибо, сэр Норберт!

Мы расстались, я подумал, что тоже не считаю, будто какой-то сумасшедший рискнет что-то украсть у меня, грозного гроссграфа, тем более — женщину, за такое оскорбление всегда только смерть. И все эти предосторожности даже не для леди Лоралеи, а для себя, чтобы не дергаться в тревоге.

Отец Дитрих, совсем забыв о своих обязанностях и священника, и Великого Инквизитора, все дни напролет проводит в типографии, превратившись в помесь мастера с надсмотрщиком.

Я спустился в подвал, вкусно пахнет типографской краской и просвещением, а работающие с прессом священники почти неотличимы от плотников.

Благословил отец Дитрих рассеянно, при этом поглядывал поверх моей головы на работающих и едва сдерживался, как мне показалось, чтобы не покрикивать на недотеп, которые все делают не так.

— Хорошо у вас, — вздохнул я.

— Благодаря вам, — ответил он серьезно. — Сэр Ричард, что-то случилось?

— Да ничего...

Он посмотрел на меня уже внимательно, глаза стали строгими.

— Вы в смятении, сэр Ричард. Говорите, священникам доверяют все. Даже преступники.

Я сказал с тоской:

— Да лучше быть преступником. Зато все ясно. Я сам не знаю, что со мной, отец Дитрих. Может быть, вы скажете?

— Что тебя тревожит?

— Как паладин, — проговорил я с трудом, все-таки не люблю говорить неправду, тем более хорошим людям, — я защищен от магии... Так я думал раньше. Но теперь я чувствую, что у меня совсем нет защиты! Я весь в огне. Надо об Отечестве думать — мы ж мужчины! — а у меня все мысли о том, как вот вернуться, как ее увижу, как она меня встретит...

Он смотрел устало, в глазах проступила и тут же исчезла, как будто устыдилась и спряталась за непроницаемый занавес, странная тоска.

— Сэр Ричард...

— Да, отец Дитрих?

— Нет никакой магии, — произнес он мягко. Уточнил: — Со стороны леди Лоралеи, если вы имеете в виду ее. Она чиста, как голубь.

Я стукнул себя кулаком в бок.

— Но почему я так безумствую? Наполеон сказал, а я это себе все время повторяю, что государственный деятель должен избегать любовных утех, как мореплаватель — рифов!

— Верно сказал.

— А я сам навстречу импру, как лось весной...

Он покачал головой.

— Нет, сын мой. От Лоралеи нет тебе вреда.

— Как же нет?

— А вот нет, — ответил он настойчиво. — От нее только чистота и ласка. И поддержка. Поддержка во всем.

Я сжал кулаки, кожа на костяшках пальцев побелела.

— Это вижу, но... что со мной? Это же чары, да? Магия? Наваждение? Где моя голова, где мой разум?

Он произнес негромко:

— Необычное, да? Однако не тревожься. Ликуй, сын мой. Ты встретил настоящую женщину. Может быть, впервые?

Я вперил в него требовательный взгляд.

— Это... как?

— Настоящая женщина, — произнес он четко, — верная женщина. Все остальные — подделки.

Глава II

Я шел к донжону, повторяя про себя эти странные слова. Настоящая женщина — верная. Все остальные — подделки. Странно, как-то больше оперируем такими значениями, как умная или красивая, богатая или бедная, добрая или злая, еще знаем, что женщины в массе своей всегда брешут, часто плачут, капризничают, чего-то требуют и так далее и тому подобное, хотя где-то в глубине подсознания живет и эта далеко запрятанная и практически недостижимая мечта о верной женщине.

Приближался вечер, я с такой интенсивностью представлял наш ужин с Лоралеей, а потом ночь, с такой страстью желал, чтобы время ускорилося, что сжал кулаки и позвал громко:

— Бобик! Ко мне, морда!

Морда на лапах прибежала, в глазах изумление: что, куда-то едем? И меня берете?

— Едем, — подтвердил я. — Иди зови Зайчика.

Конюхи изумились еще больше, куда же на ночь глядя, я едва не ответил, что куда угодно, лишь бы подальше от этого искушения, где моя стойкость пошатнулась в моих же глазах, где уже не чувствую себя незыблемой скалой, крутым мордоворотом и вообще пупом мироздания.

Зайчика вывели из конюшни, начали седлать, стараясь то нацепить дорогую узду с золотыми накладками, то укрыть его нарядной попоной, достойной гротеска, но я велел убрать, не люблю попугаистости, пусть буду выглядеть небритым героем. Так даже лучше, зато выделяюсь на фоне пышно и ярко разодетых лордов. И церковь, кстати, одобряет мой вкус, усматривая в нем не то христианское смирение, не то опять же христианское равнодушие к богатству, что мне очень даже на руку.

Когда Зайчика подвели ко мне, еще раз напомнив, что уже вот закат, куда же ехать на ночь, через проем ворот крепости вошла большая группа плохо одетых людей. Мужчины впереди, десятка два женщин, дети в середине. В пыли даже лица, на всех лежит печать странствий, обувь истрепана, кто-то вообще бос, все худые и жилистые, даже дети.

Старший, сразу определив гроссграфа даже по моей не-приметной одежде, что ему в заслугу, перенаправил весь отряд, и за несколько шагов все опустились на колени.

— Ваша светлость, — заговорил старший сильным голо-сом прирожденного вожака, — мы беженцы. Просим при-ютить нас на землях Армландии.

Я собирался уже вступить в разговор, многое надо выяс-нить, но ехидный голос напомнил, что это просто отговорка, не решаюсь признаться даже себе, что ищу повод остаться.

Озлившись, я поймал взглядом барона Альбрехта, он на-правляется в нашу сторону, сказал властно:

— Барон, займитесь. К сожалению, неотложные и сроч-ные дела требуют моего присутствия у Хребта.

Альбрехт кивнул.

— Не беспокойтесь, сэр Ричард. Здесь все будет в поряд-ке. Решайте там и побыстрее возвращайтесь.

Я вскочил в седло, Бобик бросился к воротам, Зайчик на-стобурчил уши и переступал нервно, готовый броситься в погоню. За моей спиной барон спросил требовательным го-лосом:

— Кто вы и почему сбежали от господина?

Из типографии вышли двое молодых священников, оста-новились на пороге, хватая широко раскрытыми ртами све-жий вечерний воздух. Я увидел, как оба уставились с любо-пытством на новых людей и на меня, готового к отъезду.

— Барон, — сказал я, поворачиваясь в седле, — сперва уточните, что хотят эти люди.

Альбрехт удивился:

— Зачем, мой лорд?

— Сказано в святом Писании, — напомнил я, — тех, кто просит одежду, подвергают расспрашиванию, прежде чем да-дут ее. Тех же, кто просит еды, — не спрашивают ни о чем.

Барон кисло поморщился, но смолчал. Против Писания не попрешь, а я, как политик, научился вовремя выдергивать из него нужные цитаты и подкреплять свою позицию. Мол, мы тут с Богом заодно, так что потише там, мелочь всякая.

— Разберитесь, — велел я, — но примите в любом случае. Во-первых, мы должны демонстрировать христианские цен-ности милосердия и гостеприимства. Во-вторых, политику

открытых дверей. В-третьих, это добавочные рабочие руки... В-четвертых, нам это даже выгоднее, чем им. Если обдумаете со всех сторон, увидите.

Барон проговорил с некоторым неудовольствием:

— Но если это беглые...

— От хорошей жизни не бегут, — напомнил я. — Вспомните, Ромул и Рем построили город и объявили, что принимают в него даже беглых рабов. И всякий, переступивший ворота Рима, становился свободным!.. Соседей это возмутило, но где теперь те соседи? А слава святейшего Рима сияет еще ярче, чем во времена дремучего язычества!

Я пустил Зайчика к воротам, мельком отметив внимательно слушающих священников. Надышавшись, вернутся в типографию и расскажут отцу Дитриху об увиденном. Еще одна подпорка моей шаткой репутации, потому что для с высоты небес нет беглых рабов, свободных ремесленников и всемогущих лордов — все люди, все человеки, и все равны перед Богом.

Едва выметнулись из ворот крепости, навстречу надвинулся холодный дождь, настоящий осенний. Небо в тучах, будто весна без всякого перехода превратилась в осень, унылую и грязную. Ветер промозглый, отвратительный, я вжимался в гриву Зайчика и торопил проскочить эту гнусную область.

Затем темная земля мгновенно зазеленела, свет стал радостно алый, на плечи обрушился не столько зной, сколько ласковая теплынь. Солнце уже наполовину за вершинами гор, а воздух перед закатом всегда теплый, напоенный запахами земли, травы и пыли.

Черные тучи остались за спиной, небосвод очистился и грозно заблестал кровавым пурпуром, напоминая о величии Господа. Бобик появился, облепленный грязью от кончиков лап до макушки, но уперся всеми четырьмя, чтобы не улечь, мощно потряс всем телом, так что уши захлопали, будто целая стая взлетающих гусей, и сразу заблестал чистой черной шерстью, блестящей и здоровой.

Впереди река, слева по берегу две башни и скромный до-

мик, я направил было Зайчика к берегу, там широкая песчаная коса тянется почти до противоположного берега, он заржал и замедлил шаг.

— Давай быстрее, — сказал я с досадой, — но не слишком, а то могут увидеть с башен. А мы с тобой скромные, верно?

Зайчик вздохнул и начал спускаться. До песчаной полосы оставалось не больше пяти шагов, как вдруг озноб пробежал по телу, Зайчик сделал еще два шага, озноб превратился в холод, я инстинктивно натянул повод. Зайчик, как мне показалось, остановился с великой готовностью.

Река выглядит, как обычная река, такую в солнечный день лучи пронизывают до неглубокого дна, видишь суetyащихся у берега мальков, а коса так и вовсе выглядит как из золотого песка: глубина по шиколотку. Конечно, я повидал здесь и особые реки: одни сносят любые мосты даже в тихую погоду, другие по ночам заполняются хищными гадами, а с утра снова безопасны, есть реки с почти кипящей водой, есть ядовитые, и вообще есть всякие, но те и выглядят как-то иначе, а эта река, как река, ничего необычного, только холод промораживает так, что начинают стучать зубы.

Зайчик вздрогнул, уши задвигались, я сам уловил странный усиливающийся шелест. Еще не поняв, что это, я поспешно повернул коня от воды.

— Уходим!.. Бобик, не отставай!

Песчаная коса вздулась, выгнулась блестящим от воды горбом. Начал подниматься некий чудовишный зверь. Страшный рев, от которого задрожала земля, с силой ударил меня уже в спину. Зайчик пошел не галопом, а сразу немыслимым карьером, на мои плечи обрушилось мокрое и влажное. Я вжался в конскую гриву и кричал, чтобы Зайчик не спал на ходу.

Потом он без команды остановился, я в страхе оглянулся, на зубах скрипит, из складок одежды посыпался мокрый песок. Далеко над рекой колыхается нечто, похожее на смерч из загустевающей крови.

На фоне докрасна раскаленных громад в небе он почти теряется, я с дрожью видел его громадность, чувствовал ужасающую мощь.

— Что за... — сказал я дрожащим голосом, — на своей же земле!.. Вот так ходи и боись?.. Не-е-ет, я когда-то доберусь до этих непотребств... даже раньше, чем подниму вэвэпэ!

Бобик часто дышит, глаза такие же багровые, как весь этот ужас, только Зайчик уже успокоился, убравшись подалее, однако уши подрагивают.

— Переправимся в другом месте, — решил я. — С разгону, чтобы охнуть не успели... Да не мы, а эти гады...

Высыпали звезды, когда я увидел огни трех костров, а через несколько минут, сбавляя скорость Зайчика, подъехал к баракам. Еще издали услышал металлический грохот, это в камень забивают стальные клинья, потом увидел голые до пояса мускулистые тела, покрытые потом, пылью и мелкой каменной крошкой.

Меня не ждали, но человек десять размахивают кирками и молотами, хорошо, люди стараются заработать.

Ко мне заспешили двое от костра, я бросил им повод, появился мастер Маргулер, отвесил поясной поклон.

— Ваша светлость, какие-нибудь новые указания?

— Никаких пока, — заверил я. — Вижу, работы идут. Хорошо. Насколько углубились?

— Всего на семь шагов, — сказал он виновато. — Скала больно твердая. Что-то мы продешевили...

— Да, — согласился я. — Так и должно быть. Твердая, в смысле.

— Непохожа, — продолжил он с тяжелым вздохом, — на остальные... Сплошной камень, что удивительно! Нигде ни единой трещинки. Нет ни одной глыбы, которые вы изволили видеть за баракom, которую удалось бы вытащить не откалывая от массива... Так что работа оказалась труднее, чем мы представляли...

Я насторожился.

— Это ты к чему?

— Добавить надо...

Голос его был просительный, но я чувствовал, камнерубы уже поговаривают, что их надули.

— Хорошо, — заверил я, — малость добавлю. Но учти, там дальше пойдет уже рыхлый камень. Нужно будет только

грузить на телеги и вывозить. Так что оплату могу еще и снизить.

Он сказал с сомнением:

— Рыхлый? Знаю по опыту, что чем дальше, тем камень плотнее.

— Здесь будет иначе, — сообщил я уверенно. — Чем вас тут кормят?

— Мы сами закупаем продукты, — объяснил он. — У нас артель, лишних денег не тратим.

— Но жрать надо хорошо, — сообщил я им новость. — А то на работе попадаете. Пойдем к котлу, я перекушу с вами. Так спешил, что в крепости даже не поужинал.

Он был в шоке, видно по лицу, но лишь проговорил смиренно:

— Неужто ваша светлость будет есть из одного котла с простыми каменотесами?

— Увидишь, — пообещал я. — Вообще, я сегодня заночую здесь! Чтоб, значит, ближе к народу. Заодно и проникнуть вашим духом, всех на чистую воду выведу.

Маргулер отшатнулся.

— Ваша милость... Да у нас и переночевать негде такой высокой светлости! Так, мужики одни...

— Ну вот и хорошо, — ответил я. — Женское общество разнеживает.

Глава 12

У камнерубов я пробыл двое суток. Не потому, что нашел себе дело, просто трусливая, если честно, попытка отгородиться от Лоралеи десятками миль расстояния.

И, конечно, пара дней для того, чтобы постараться забить голову делами, делами, делами... И когда пустился в обратный путь, старался думать о Тоннеле, даже о Великом Тоннеле, который откроет такие исполинские и широкие перспективы, что сейчас даже их все не могу просчитать. Действую, скорее, по правилу: ввязаться в драку поскорее, а там видно будет...

На горизонте грозно и величественно заблестала кре-

пость, похожая на выточенный из янтаря сказочный домик. Я перевел дыхание, здесь тоже куча дел, нужно за все браться самому... и только сейчас ощутил, что не осталось впечатлений от строительства тоннеля. Только потные спины, груды каменных глыб по обе стороны от черного входа в каменную стену, да жидкий суп с бараниной...

Янтарная крепость вырастала с каждой минутой, мы неслись через встречный ураган, я увидел наконец, насколько она огромна, настоящий горный массив с широкими трещинами, отгородившими стены от главного дворца.

Народу за двое суток прибавилось чуть ли не вдвое. На подводах беспрестанно везут горы битой дичи, мешки с зерном и мукой, окорока, это в объемные подвалы, дефы поставались, во двор загоняют скот на убой, плотники уже поставили несколько строений для вспомогательных работ, а столы в дворе вытесывают достойную такого дворца мебель.

Меня встретили радостными воплями, я с подозрением прислушался, но, к моему удивлению, кричат довольно искренне. Как-то странно услышать в адрес власти доброе слово, тыфу-тыфу, подольше бы так...

Я отдал повод Зайчика конюхам, Бобик умчался проверять меню на кухне, я посмотрел на окна своих покоев, там Лоралея... Мимо прошмыгнул священник из тех, что прибыли с Великим Инквизитором, я ухватил его за плечо.

— Погоди, брат. Отец Дитрих где сейчас?

Он посмотрел с сочувствием в мое взволнованное и, боюсь, смятенное лицо.

— Он занят... Если нужна помощь, я обучен. Могу принять исповедь, могу снять душевные муки...

— Молод ищщо, — ответил я грубо, злой, что по мне видно мое состояние, — гроссграфов исповедовать. Дорасти хотя бы до епископа. А лучше — до архиепископа.

Он потупил взор.

— Прости, брат. Мне показалось, что душа твоя очень неспокойна, и очень захотел помочь... Прости.

— Да ладно. Где отец Дитрих?

Он кивнул в сторону одинокой башни.

— Он там в подвале.

Я удивился.

— А что там интересного?

Священник взглянул с укором.

— Работа... Ваша светлость поощряет алхимиков да еретиков, а отец Дитрих их уничтожает.

— Гм, — пробормотал я. — какое-то недоразумение... Пойду посмотрю.

Священник сказал мне вдогонку:

— Туда нельзя! Там священная инквизиция!

— У нас светское государство, — отрезал я. — А хозяин в нем, по праву развитой демократии, я один.

Дверь от моего пинка распахнулась с треском. Я так торопился в подвал, видимо — пыточный, что едва не покатился по стертым ступенькам. Снизу тянет дымком и сладковатым запахом горелого мяса.

На стенах заплясали багровые отблески, я торопливо обогнул угол, перед глазами распахнулся во всей мерзости отвратительный пыточный подвал: на стенах железные крюки и клещи, в широкой жаровне груды пурпурных углей, суровый мужик накаляет до вишневого цвета металлический прут, а отец Дитрих спиной ко мне склонился над растянутой на дыбе женщиной и что-то спрашивает негромким требовательным голосом.

Он обернулся на стук моих сапог, глаза его перехватили мой взгляд, на губах появилась горькая усмешка.

— Не нравится, сэр Ричард?.. Но кто-то эту работу должен делать... Идите сюда, послушайте...

Деревянными шагами, сдерживая негодование, я подошел к дыбе. Женщина средних лет, худая и очень некрасивая, руки туго перехвачены толстой веревкой, что наматывается на ворот, ноги закреплены за лодыжки такой же толстой веревкой, ею бы корабли удерживать...

Она повернула голову в мою сторону, лицо перекривилось в злобной гримасе.

— Ух какой красавчик... Я не одного такого соблазнила, а потом положила его печень и сердце на алтарь своему великому и благородному господину Везельвулу...

Отец Дитрих сказал невесело:

— Крестьяне давно жаловались, но только вчера удалось поймать с поличным. Выкрала ребенка...

Женщина дико захохотала:

— Ты дурак, священник! А может, я хотела его усыновить и воспитать хорошим человеком, ха-ха?..

— У родителей нельзя красть детей, — произнес отец Дитрих кротко. — В любом случае.

— А если родители — дураки? — крикнула женщина. — А я могла бы воспитать умного и красивого?

Отец Дитрих спросил:

— А где те пятеро детей, которых ты выкрала раньше?..

— Докажи, — крикнула она. — Их могли волки унести! Родители-то нерадивые...

— Могли, — согласился отец Дитрих. — И родители в самом деле нерадивые. Но ты не отрицаешь, что заманивала колдовским зельем молодых мужчин, тешилась ими, а потом убивала?

— Я приносила их в жертву, — возразила она, — а не просто убивала! Приносить в жертву можно и нужно. Это не преступление, а награда, дурак!

Я наконец разлепил смерзшиеся губы:

— Сколько мужчин ты убила?

Она захохотала.

— Не помню. Десять или пятнадцать — какая разница? Ты должен радоваться, красавчик.

— Чему?

— Тебе больше баб достанется.

— Хорошая логика, — ответил я. — Отец Дитрих, одно могу сказать, она вполне вменяема, потому может отвечать по всей строгости закона. Одно не пойму, зачем эти пытки? Она же созналась... На костер или просто повесить.

Он взглянул на меня с укором.

— Сэр Ричард, как можно...

— А что, — спросил я зло, — помучить хочется?

Он посмотрел уже не с укором, а с сочувствием.

— Вы хороший человек, сын мой, — произнес он почти тепло, — но я не уверен, что будете хорошим правителем. Вы так многого не знаете... А власть у вас непомерная. Для ваших ли плеч?

Я спросил зло:

— А что не так с этой женщиной? Почему ее нельзя просто казнить, раз вина доказана?

Он покачал головой.

— Вина как раз еще не доказана.

Я в удивлении охнул и развел руками.

— Отец Дитрих, что у вас со слухом? Она только что призналась!

— Ну и что?

— Как что? Казнить и все, — отрезал я, повышая голос. — Нельзя мучить человека просто так.

— Нельзя, — согласился он. — Даже осла нельзя мучить. Даже муху нельзя, сэр Ричард. Тем более убивать без нужды. Вы бы вот ее уже повесили, сэр Ричард, не так ли? А она, возможно, совершенно невиновна! И никого не убивала.

Я смотрел ошалело, спросил тупо:

— А... это... ее признание?

Он грустно улыбнулся.

— Признание под пыткой считается недействительным, сэр Ричард! Как и любые другие, если не подтверждены. Пытка как раз для того, чтобы вынудить дать подтверждение. А казни мы ее, как вы предлагаете, то можем убить невинного человека, а истинная ведьма останется на свободе. И снова будет похищать детей для сатанинских ритуалов...

Я спросил совсем уж тупо:

— Зачем ей брать вину на себя?

— А если истинный убийца, — спросил он, — ее муж, сын или любимая сестренка, которых она готова защитить даже ценой жизни? Такое бывает...

Я охнул:

— Ну... да, такое не пришло в голову. А в чем она должна признаться?

— Где закопаны останки, — пояснил он. — Печень и сердце положила на алтарь, мясо могла бросить собакам... а то и сама съесть, такое случается в их ремесле, но берцовые кости взрослого мужчины даже медведи не сгрызут! Если отыщем, то и мы скажем, что она виновата. А пока только под подозрением.

Я посмотрел на веревку и понял, почему такая толстая: не повредит кости рук и лодыжки.

— Не говорит?

— Упорствует, — ответил он со вздохом.

— Потому что ваши пытки, — сказал я хмуро, — развлечение какое-то, а не пытки. У нас так растягивают, чтобы позвоночник лечить... Попробуйте молотком по пальцам! И боль дикая, и все заживает прекрасно. Не по суставам, конечно, а по ногтям.

Я повернулся и вышел, а мужик с накаленным прутотом смотрел мне вслед с громадным уважением. Наверное, вспомнил, как сам попал себе молотком по пальцу.

Выйдя из пыточного подвала, я морщился от яркого света, не сразу понял, кто меня облапил и дружески мнет, как медведь козу. Бернард, довольный и чуточку даже раздобревший, похлопал меня по спине.

— Рич, народ беспокоится, зря едешь один. Знаешь, не напрасно беспокоится! Дело даже не в тебе...

— Знаю-знаю, — ответил я недовольно, — Аттила помер, и вся держава рухнула. Как и Македонский... Но выборное правление да еще по четыре года всего пока вводить рано. Так что уж трепещите за мою драгоценную жизнь... Как там Асмер?

— Счастлив. Ты ему отдал всех лучников, он с ними с рассвета и до заката. Говорит, ты какие-то особые луки заказал?

— Да, но пока слишком дорого обходятся. Надо организовать производство на месте. Но в этом разве что если ты поможешь, ты ж у нас хозяйственный...

— Если поручишь...

— С удовольствием. Я тебя знаю.

— Возьмусь, — пообещал он. — После Зорра здесь тишь да гладь, хоть ты и плел насчет переднего края борьбы с Югом и Царством Тьмы...

— Все впереди, — пообещал я сурово. — И очень скоро, Бернард! Скорее, чем хотелось бы.

По двору в нашу сторону медленно двигался сэр Карлейль в сопровождении трех своих рыцарей, он еще издали оглядел Бернарда с головы до ног надменно и презрительно. Бернард набычился и посмотрел исподлобья. Кулаки его начали медленно сжиматься. Рыцари виконта остановились и

тоже начали рассматривать Бернарда, как если бы увидели прирученного и в человеческой одежде тролля.

— Сэр Бернард, — произнес виконт с величайшей тщательностью, словно шел по узкой тропке, стараясь не наступить на кишасих крайне вонючих жуков, — сэр Бернард... а позволительно ли мне будет спросить...

Бернард буркнул, видя, что все взоры обращены на него:

— Ну... спрашивайте...

Сэр Карлейль улыбнулся светло, даже брови приподнял в удивлении, мол, оно еще и разговаривает, поклонился и спросил с еще большей учтивостью и опасливой осторожностью:

— У вас, видимо, очень знатные в роду полководцы... если вот так фамильярно хлопаете по спине грессграфа Армландии?

Бернард стиснул челюсти, желваки выпятились под кожей, похожие на стальные кастеты, но с ответом замешкался, слов на свете много, и выбрать из них трудно, в то время как удар в челюсть, удар в нос или просто в рыло...

Я увидел, что сейчас это произойдет, — мне это ни к чему, сэр Карлейль пользуется влиянием, — сказал:

— Ах, виконт, вы прямо в точку!

Он изумился:

— В самом деле? Я не знал, что у этого человека знатные предки...

— Не совсем так, — пояснил я. — Великий род сэра Бернарда на нем как раз только и начинается! Согласитесь, быть стволом дерева, даже корнями, намного почетнее, чем просто веточкой или листком на генеалогическом дереве!

Бернард разжал кулаки, я перехватил его благодарный взгляд, мол, я ответил за него куда лучше, чем он смог бы сам, даже продумывая ответ всю оставшуюся жизнь. Правда, сам вид его по-прежнему говорил, что если его великий род только начинается, то род виконта на нем и закончится. И прямо сейчас.

Виконт бледно улыбнулся, Бернарду не уступит ни отвагой, ни силой, да и к схватке всегда готов, но ощутил, что победа по очкам пока за Бернардом, а начинать ссору в невыгодной для себя ситуации глупо.

— Что ж, — сказал он с сомнением, — надеюсь, скоро у нас будет возможность убедиться, насколько сэр Бернард заслуживает стать основателем рода... ха-ха!

Он поклонился мне, они прошли мимо, Бернард угрюмо сопел и зло смотрел вслед.

— Спасибо, Рич, — проговорил он, не поворачиваясь ко мне. — Ты знаешь, я всегда был туговат на ответы. У нас Асмер остер на язык, Ланзерот умеет ответить, но не я...

— Пустяки, — сказал я. — Народ в крепость стягивается со всех сторон разный. Вот приедет еще маркиз Ангелхейм, известный бретер, обязательно напросится на драку.

— И что с ним делать? Убить?

— Подраться малость, — посоветовал я, — без этого никак, потом пригласить выпить. И у вас одним приятелем будет больше.

Он захохотал.

— Я такое люблю! Это как раз по мне!

— Я рад, — сказал я с облегчением, — что ты так быстро перестал хмуриться.

Глава 13

Занавеска колыхнулась на одном из окон моих покоев, по телу пробежала сладкая дрожь. Не смотрю же туда вовсе, почему замечаю, что со мной, но уже надо идти, все причины задержаться исчерпал...

Взгляд мой упал на новых не то странников, не то паломников: все почему-то на мулах, только две лошади, да и те под вьюками. Ехали издали, лица измождены, пыль покрыла потные лица так плотно, что выглядят земляными масками.

Я охнул, плечи мои передернулись, словно я голым выскочил под холодный дождь. В середине прибывших странников восседает на крупном муле очень худой человек в серой сутане, которого я меньше всего хотел бы видеть. И, честно говоря, которого с превеликим удовольствием предпочел бы утопить, чем впустить в свою крепость.

Но ворот в моей крепости еще нет, точнее — есть, но еще

лежат на земле, плотники безуспешно пытаются вбить между каменными блоками стальные крюки. Пока еще не сообразили, что отдельных камней нет, а вся крепость вместе с опоясывающей стеной и даже каменное основание, по которому ходим и ездим — одно целое.

Из донжона уже спешил Растер, довольный и улыбающийся, но затормозил и с тревогой взгляделся в мое лицо.

— Что случилось, — спросил он испуганно, — сэр Ричард? Вы переменялись в лице... Как будто призрак убитого вами дракона увидели!

— Хуже, — ответил я горько.

— Что может быть хуже?... А-а, два дракона?

Я вздохнул.

— Да нет, хуже всяких драконов гости. Надо идти встречать...

— Пошлите барона Альбрехта, — предложил он. — Скользкий, как вьюн! Много слов наговорит и ничего не скажет.

— Увы, — ответил я тяжело, — это ко мне... лично.

Растер смотрел с недоумением, как я пошел навстречу невзрачному и очень худому священнику. Я держался величественно и надменно, это на всякий случай, хотя для этого гостя нет авторитетов, он императора будет обличать с тем же жаром, как и пьяного дровосека, избившего жену.

Отец Ульфилла слез с мула, ему помогли два монаха. Я ощутил оторопь, всматриваясь в его худое лицо. Еще в прошлый раз я изумился, как он из крохотного деревенского попики быстро превратился, благодаря бешеной энергии и самоотдаче, в человека, который сосредоточил в руках власть над огромной областью и даже учредил местный суд инквизиции. Самое неприятное, что его поддерживают массы простого народа, он выступает с гневными обличениями богатых и сильных мира сего, а народ такое обожает.

Сейчас он еще больше исхудал, глаза ввалились, скулы торчат, от всей фигуры веет неистовством и страстью, а во взгляде горит мрачная решимость борьбы до конца.

Люди, с которыми ехал отец Ульфилла, торопливо и, как мне показалось, с огромным облегчением разошлись во все стороны, оставив священника возле его мула. Думаю, поста-

раются остановиться для ночлега в дальнем конце крепости, чтоб даже не видеть этого злобного попа.

Я шел медленно и царственно, всматриваясь в священника и стараясь сразу настроить себя на покровительственный тон, да так, чтобы и Ульфилла его принял.

Он выглядит, как будто только что вышел из тюремного застенка. Худой, изможденный, с голодным блеском глаз и яростным нетерпением во всем облике. Первый раз, когда я увидел его, он показался похожим на толстого шарпея, настолько морда вся в жирных складках, что напоздали одна на другую и вздымались лоснящимися валиками, а сам отец Ульфилла походил на неопрятный стог сена. Я тогда еще, сейчас вспомнить стыдно, строго посоветовал ему не о милосердии разглагольствовать, а заняться «своим прямым делом: ведьм жечь и топить в озерах, еретиков изобличать, дыбу апгрейдить, а то стыд какой, а не дыба...»

И вот, можно сказать, с моей легкой руки отец Ульфилла и начал ведьм жечь, еретиков изобличать... начав с меня. Нет, конечно, не я подтолкнул к такой фанатичности, нечего себе приписывать такие заслуги. Он проявил мужество, во все не считая это мужеством, а лишь своим долгом, еще во времена рыцаря Галантлара, который продал душу дьяволу. Тогда местный священник был зверски убит, на его место тут же бесстрашно пришел другой из ближайшего села, но его в замке выпотрошили живьем... уже не люди, как мне тогда сказали кратко. Третьим был Ульфилла, тоже сельский, он пытался так же пройти в замок, но его отшвыривал колдовской ветер с длинного и тонкого моста, что ведет к замку Галантлара через пропасть.

И лишь когда я одолел Галантлара, Ульфилла сумел пройти в замок. Увиденное ужаснуло до такой степени, что из мирного сельского толстячка, больше озабоченного своим обедом, чем обедней, он превратился в яростного борца с дьяволом и его войском. А дьявол — это не орки и тролли, дьявол в нас самих, он это все больше понимает и борется со все возрастающим рвением малограмотного и невежественного человека, впервые увидевшего и ужаснувшегося глубине падения существа, сотворенного самим Господом Богом...

Когда я видел его в последний раз, в одиночку ворочаю-

шего глыбы гранита в каменоломне, он уже был худой и жилистый, злой, желчный и непримиримый до такой степени, что я отступил позорно, отдав ему даже больше, чем тот хотел. Сейчас же он выглядит еще нестигаемое, злее и решительнее.

— Отец Ульфилла! — сказал я радостно. — Как вы вовремя!.. А мы как раз ведьме кости ломаем! Вот радость для вас какая... Придете счастливо любоваться на зрелище? Это рядом, вон в том подвале!

Он взглянул на меня исподлобья. На лице отразилось отвращение, свято уверен, что мой рост и ширина плеч — могила не только уму, но и духовности.

— Чему радоваться? — спросил он неприятно скрипучим голосом. — Только Сатана ликует, когда люди людей мучают и убивают... А люди такому радоваться не должны.

Я опешил.

— Но ведь... ведьма...

— Ведьму надо сжечь, — сказал он с неприязнью, — но не ликуя, а скорбя!.. Человек погибает, какая тут радость?

— Но ведьма, — возразил я. — Как-то вы неправильно, отец Ульфилла!.. Ведьм надо жечь, вы сказали верно. Вы будете дровишки в костер подбрасывать?.. Если ее приговорят к сожжению?.. Или камень на шею собственноручно привяжете, если святейшая инквизиция решит утопить... чтоб, значит, тоже милосердно и без пролития крови?.. Что привело вас в наши пенальти?

— Пенаты, — поправил он язвительно, даже не подумав, что поправлять лорда — невежливо. Даже опасно, учитывая, что приехал к этому лорду с каким-то делом. — Мы начали строительство монастыря.

— Только начали? — изумился я.

Он сказал раздраженно:

— А что, должны были закончить?

Я перекрестился и сказал значительно:

— А вот я на пустом месте возвел во славу Господа эту крепость! Отец Дитрих, Верховный Инквизитор, освятил место, где мы собрались строить, а потом и саму крепость... И, благодаря Божьей помощи, крепость была выстроена за одну ночь!.. Ангелы на небесах всю ночь пели и звезды двигали.

— Что? — переспросил он. — За ночь?

— За одну ночь, — повторил я с удовольствием, — под пение ангелов и ночную радугу, которую Господь повесил в ознаменование, да... Впрочем, здесь передний край борьбы со Врагом, помощь святых сил нужнее, так что они всегда здесь.

Он буркнул:

— Здесь борьба просто заметнее. Но когда зараза проникает вглубь христианских земель, а она проникает, она там опаснее во сто крат!.. Болезнь нужно останавливать, когда разъедает кожу, а не печень. Монастырь выстроен почти наполовину, но там уже живут монахи и начинают заниматься книгами...

— Кстати, — прервал я, — о птичках... Я имею в виду, птичек Божьих, это я так вспомнил о книгах. Пойдемте, я покажу нечто особенное...

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Опять что-то сатанинское?

— Вы сами определите, отец Ульфилла, — ответил я скромно.

Мои рыцари с удивлением наблюдали, как я веду незрального священника в огромное помещение, где мы расположили типографию. Одни видели в этом мое ревностное почитание церкви, мол, даже рядового священника провожаю лично, выказывая уважение Господу, другие решили, что я заподозрил шпиона и сам его проверяю, но на самом деле я трусил перед неистовством Ульфиллы и спешил побыстрее доказать, что я свой, христианин, более того — ревностный.

В большом зале пахнет типографской краской, столярным клеем, стучат топоры и молотки: плотники и столяры приступили к сборке второго печатного станка. На телеге привезли огромное колесо с торчащими спицами, похожее на штурвал.

Отец Ульфилла сразу же начал надуваться, как бык при виде красной тряпки, лицо налилось багровым, начал медленнее, но все убыстряя темп и повышая голос:

— Что за дьявольское сооружение!.. Слышу запахи ада...

— Стоп-стоп! — прервал я. — Отец Ульфилла, не выплесните, как сказано в Священном Писании, вместе с водой и ребенка! Сперва осмотрите сами...

Он замолчал, но, судя по сдвинутым бровям, напряженно перелистывал мысленно Библию, пытаюсь найти такое выражение, вообще-то очень удачное, а к нам навстречу заспешил маг Филициус, который теперь именуется только ученым-естествоиспытателем.

Я издали крикнул:

— Книгу!

Филициус тут же повернулся и тоже крикнул в глубь помещения:

— Тернер, книгу!..

Отец Ульфилла злобно озирался исподлобья, вид как у бультерьера, который ищет, кого бы укусить, да чтоб побольнее.

Молодой помощник Филициуса примчался, держа перед собой толстый и тяжелый том Библии. Он покраснел от натуги, глаза навывкате, руки дрожат, книга весит под два пудика, торопливо смотрел, кому вручить.

Я указал на Ульфиллу.

— Вот святой отец ознакомится с великим интересом.

Тернер поспешно сунул ему тяжеленный том. Ульфилла от неожиданности едва не выронил, покраснел еще больше, это же святотатство — уронить на пол такую книгу, напрягся от макушки до пят. Я указал на свободный в двух шагах стол.

— Отец Ульфилла, положите сюда. Кстати, у меня идея... Мастер Филициус, отец Ульфилла, как истинный специалист, ознакомится с нашей совместной работой... во славу Христа, понятно, мы ведь все делаем только в его славу, иначе на хрен вообще жить... ага, ознакомится и подыщет места, где расположить иллюстрации...

Филициус воскликнул:

— Иллюстрации? Но... как?

— Гравюры, — сообщил я. — Ах, вы не знаете, что такое гравюры?.. Ладно, научу. Гравюры на досках — самое то, что не умею, но научу, научу... Учить — не самому учиться.

Он спросил в панике:

— Но тогда доски... переделывать? Нет, их переделать невозможно... Придется выбросить?

— Зачем? — удивился я. — Будут просто разные издания! Одно для простых: виконтов, баронов и графов, а другое, что с иллюстрациями, — для гроссграфов, королей и императоров. Несколько штук отпечатаем для особо важных даров. Послы их получают для ведения сложных переговоров, сулящих большие экономические выгоды. Вроде бы и не взятка, а так... приобщение варваров к культурным ценностям Армландии!

Разговаривая, мы поглядывали искоса на Ульфиллу, тот с опасением, будто брал в руки ядовитую змею, перевернул толстую обложку: тонкую деревянную пластину в тщательно выделанной коже, разрисованной золотыми узорами. Пока он осторожно брал листки бумаги и перекладывал на другую сторону, явно выискивая несоответствия, что могут означать только ересь и даже служение дьяволу, мастер Филициус быстро оглянулся на работающих, сделал какие-то быстрые знаки. Двое опустили головы и, оставив работу, тихонько скрылись из типографии.

Я сказал с важностью:

— В Священном Писании сказано: из-за одной лишней или недостающей буквы в книге мир может быть разрушен. Не так ли, отец Ульфилла?

Он кивнул с настороженностью.

— Так.

— Мы только сейчас, — сказал я с пафосом, — избавляемся от этой угрозы! С переписыванием книг закончено! Больше не будут малограмотные писцы делать ошибки, а то и вставлять свои идиотские комментарии.

Он спросил с еще большей настороженностью:

— Что? Вы перешли в лагерь дьявола уже открыто?

Я вздохнул, но смирив гнев и сказал с христианским смирением:

— Смотрите, отец Ульфилла, смотрите... Ладно, не буду вам мешать, у меня дела. А страниц у книги много.

Глава 14

Нет преступления любить несколько раз в жизни, сказал я себе злобно, как нет заслуги любить только один раз! Упрекать себя за первое и хвастаться вторым — равно нелепо.

Да, я снова люблю, хотя сам не понимаю, как это случилось, почему так вот все рухнуло... или обрушилось на голову, почему вдруг подхватило ураганом и понесло, даже противиться не могу.

Ну не понимаю, не понимаю, что со мной! Я же любил и восхищался принцессой Азалиндой... любил нежную и женственную леди Лавинию... а чего стоит леди Беатриса?.. Да она в сто крат выше этой Лоралеи!.. Но почему же все лорды к леди Беатрисе всего лишь женихались, а за Лоралею бьются смертным боем?.. Почему даже я, такой умный, что просто плюнуть хочется, сумел перебороть любовь к Беатрисе, дескать, она — бизнес-леди, а я бизнес-человек, но ничего не могу сделать с собой, когда касается Лоралеи?

Почему высокое так легко уступает низменному?

Холодный трезвый голос вдруг произнес в мозгу: дурак, потому что она — женщина. Первая настоящая женщина, как прозорливо сказал отец Дитрих, которую ты встретил. А что, спросил я, защищаясь, Азалинда — не женщина? Лавиния — не женщина? Беатриса?..

Тот же голос продолжал мрачно: тебе, идиоту, все разжевать или хоть что-то сам догадаешься? Азалинда для тебя была и осталась прекрасным светлым образом, чем-то средним между ангелом и сказочной феей. У тебя даже в мыслях не было ее пощупать! Не говоря уже о большем... ты даже представить себе не мог, что у нее есть сиськи, хотя, конечно, их видел.

Леди Лавиния — большая и вполне искренняя любовь, подсознательная тяга к уюту и семейному очагу. Про Беатрису сам сказал: бизнес-леди. А для мужчины любая бизнес-леди — уже не женщина. Во всяком случае, не совсем полноценная женщина... как женщина. Ты ж восхищался ее силой воли, железным характером! При чем тут женственность?

И вот теперь жаркая чувственная любовь к женщине, что совершеннейшая из женщин, ибо в ней воплощены самые

жадные и тоскливые мечты мужчин о недостижимом идеале: верности. Ибо как ни крути, как ни спорь, что лучше: умная или красивая, но все понимаем, лучше всех — верная. Да где они? Существуют только в сказках, рожденных нашей тоской о прекрасном идеале.

Доброта всегда одержит верх над красотой, твердил я, поднимаясь по лестнице. Доброта лучше красоты. А лучше и красоты, и доброты — женская верность, это невероятное чудо из чудес, о котором столько песен, но в жизни никто не встречал.

В коридоре стражи вытянулись, морды довольные, что застал не за игрой в кости.

— Благодарю за службу, орлы, — сказал я и добавил с отеческой строгостью: — На службе не спать, не спать!

И хотя оба старше меня, один так почти вдвое, но ответили с почительностью младших перед старшим:

— Никак нет, ваша светлость! Муха не пролетит!

Я толкнул дверь, сердце уже не стучит, а колотится, вошел твердой, надеюсь, походкой. В покоях ничего не изменилось, а Лоралея сидит у окна и, склонившись над шитьем, работает иголкой.

Сердце мое уже едва не выскакивает, Лоралея подняла голову, ахнула, и не успел я раскрыть рот для приветствия, как оказалась у меня на шее. Нежные руки обхватили с таким жаром, что я задохнулся, губы прижались к моим губам.

Поцелуй длился вечность, хоть и меньше секунды. Лоралея не вкладывала в него никакой чувственности, тут же оторвалась и посмотрела мне в лицо, счастливая и с розовеющими щеками.

— Мой лорд, — сказала она, — вы наконец-то вернулись!

— Я спешил, — сказал я и понял, что в самом деле спешил: неся во весь опор, а в крепости хоть и пытался задержаться, самолично решая какие-то пустяки, но все равно старался решить все дела побыстрее. — Я очень спешил, дорогая Лоралея...

— Вы устали, мой лорд, — произнесла она, — хотя, надо сказать, выглядите хорошо... Я сейчас распоряжусь, чтобы приготовили горячую воду.

— Да, конечно, — сказал я неуклюже, — я собрал всю пыль от Хребта до крепости.

Она не позволила вызвать оруженосца и сама с удовольствием помогала снять оружие, доспехи, стянула с меня сапоги, хотя я и пытался протестовать, но она твердо заявила, что снимать сапоги с любимого мужчины — привилегия его женщины, и никому она ее не уступит.

У истоков всякого пессимизма, вспомнил я народную мудрость, лежит измена женщины или болезнь желудка. У меня с тем и другим в порядке, так что я и выглядеть должен неплохо и чувствовать себя орлом сизокрылым...

В горячей воде я совсем разнежился, ласковые ладони Лоралеи сперва отскребали грязь, потом размяли перетрудившиеся мышцы, я балдел и чувствовал себя на небесах от блаженства. Говорят, в общении с женщиной сердце и ум имеют лишь совещательный голос, а решающий остается за телом, но это для придурков и совсем уж малолеток. Я давно не девственник и понимаю прекрасно, что секс ничего не имеет общего с любовью, то есть с попыткой мужчины удовлетвориться одной-единственной женщиной.

И мне никого на свете не нужно, кроме Лоралеи. Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона, но Лоралея сама идет за мной, угадывает мои желания. Я не пытался с нею разговаривать о недоступных женскому уму делах, но она страстно прониклась идеей единства Армландии и ее возвышения, теперь у нее едва ли не больше, чем у меня, аргументов в пользу единства законов по всей стране и упразднения привилегий и самоуправства лордов...

— Я счастлив, Лоралея, — произнес я шепотом, страшась спугнуть это самое счастье. — Господи, как я счастлив... Я никогда не думал, что могу быть настолько счастлив. Я даже не визжу от счастья и не хожу на ушах, этого слишком мало...

Она обняла и поцеловала меня, чисто и нежно, как ребенок.

— Это я счастлива, мой лорд.

— Я больше!

Она засмеялась, глаза ее сияли, как звезды.

— Нет, я, я, я!

Потом мы обедали, слуги появились только вначале, ко-

гда расставили блюда, потом так же неслышно убрали, заменив крупными гроздьями винограда, медовыми сотами и горячими пирогами.

Я сделал кофе, Лоралея смотрела на меня поверх чашки смеющимися глазами, счастливая и довольная, на щеках румянец все ярче, но вдруг покачала головой, во взгляде веселая укоризна.

— Мой лорд, у вас много дел...

Я пробормотал:

— А как же насчет отдохнуть? Повалиться в постели?

— Мужчина не должен днем валяться, — заявила она со смешком. — Мужчина всегда творит великие дела. Или готовится к ним!

— Я могу готовиться в постели, — сказал я.

Она снова покачала головой, хотя глаза смеялись, в них я видел любовь и желание, чтобы я взял ее в руки и отнес на ложе.

— Мой лорд, у вас будет время после ужина. За ваше отсутствие в крепости накопилось много дел, что требуют вашего вмешательства. Вам хорошо бы назначить управляющих... или тех рыцарей, которым доверяете, чтобы следили за работами они... Гроссграф должен высвободить себя от мелких забот!

Я тяжело вздохнул, пытаюсь согнать страстное желание завалиться в постель с лучшей из женщин вселенной, создал еще кофе, выпил большими глотками, обжигая горло.

В голове не то чтобы прояснилось, но я сумел сказать себе, что да, Лоралея права, у нас впереди ужин вдвоем и ночь в одной постели, а сейчас надо догроссграфствовать остаток дня, я же мужчина, а не тряпка.

Она с сочувствием наблюдала за борьбой эмоций на моем лице. Ее тонкие пальцы коснулись моего запястья, я ощутил дружеское пожатие, мол, я всегда с тобой, мой лорд, мой повелитель, мой господин.

— У вас сейчас нелегкая, — сказала она с глубоким сочувствием, — и недостаточно героическая работа, мой лорд. Легче построить две печи, чем запастись топливом на одну, но вам нужно именно обустраивать уже созданное... Укрепите духом и не спешите строить вторую!

— Понимаю, — ответил я с тоской. — Ты просто чудо, понимаешь... Конечно, сейчас бы на коня да меч из ножен, а не скучная работа хозяйственника...

— Любимым развлечением мужчин, — сказала она, — детей и прочих зверей является потасовка. Потому особо бездельничающим и не знающим, куда себя деть, стоит намекнуть, что упражняться нужно уже сейчас. И очень усердно. Иначе будут битыми... в скорой войне.

— Войне? — переспросил я осторожно. — Вроде бы воевать не собираюсь. У нас мирное строительство.

Она улыбнулась.

— Мужчин нельзя разочаровывать. Иначе будут пьянствовать и валяться в постелях... Но все-таки, думаю, часть войска вам распускать не стоит, мой лорд.

— Ты не по-женски мудра, — сказал я еще осторожнее.

— Нет, — ответила она бесхитростно, — просто я принадлежу вам, мой лорд! Женщина должна чувствовать своего господина.

— И что ты чувствуешь? — спросил я, чуть задержав дыхание.

Она мягко улыбнулась.

— Что вы недолго будете запастись топливом для печи.

Я опустил чашку на стол. В глазах Лоралеи любовь и нежность, но и печальное напоминание, что я — гроссграф, а еще мужчина, а мужчина — это не просто самец, мужчина должен сперва дела, потом — женщину.

— Спасибо, — сказал я, — обед просто великолепный. Я настолько счастлив, Лоралея, что просто с физическими муками отрываю задницу от стула! Больше всего бы я хотел переползти в постель...

— Ни-ни, — сказала она, смеясь, но с твердостью спартанской жены, — дела ждут! Иди, мой лорд. Я подожду. Женщина счастлива, когда ждет.

Я покосился на доспехи, но одевать не стал, достаточно и легкой рубашки из тонко выделанного полотна. Лоралея принесла сапоги и помогла, несмотря на мои протесты, натянуть их на мои задние конечности.

Да, оружие не понадобится, хотя без молота на поясе уже чувствую себя, будто вообще без штанов, но вообще-то надо

привыкать, что я уже в мирной стране, воевать если и придется, то очень не скоро.

Со двора доносится приглушенный гам. Скрип телег и рев животных, тяжелые удары молотов по металлу. Я выглянул на залитый солнцем двор, помимо воли тяжело вздохнул.

Лоралей мгновенно оказалась рядом и обхватила меня тонкими нежными руками, будто пытаюсь поделиться силой и уверенностью.

— Стучилось что-то?

— Да, — ответил я со вздохом. — Все это время приезжали хорошие и нужные люди. Но, чтобы я не решил, что это норма, Господь послал и очень неприятного человека. Пожалуй, единственного, который в самом деле в состоянии доставить мне неприятности. Вернее, к которому я пока не могу подобрать ключи.

Она охнула в удивлении.

— Мой лорд! Как можно?

— Можно, — ответил я невесело. — Это такой гад... не подкупить, не запугать... Прет, как лавина. И, как лавина, не слышит никаких доводов. Я его отвел в типографию и там оставил. Надеюсь, это его займет надолго.

— Я его уже ненавижу, — заявила она страстно.

— Я тоже.

Она спросила негромко:

— Тогда просто убейте его. Мой лорд, вы же — граф! Вам даже не нужно придумывать повод или обвинение.

— Меня эта мысль соблазняет, — признался я. — Сразу, как только его увидел, уже раз сто утопил, зарезал, повесил, затоптал конем, четвертовал, отрубил голову, бросил в болото с камнем на шею.

Она сказала с жаром:

— Никто не смеет причинять вам неприятности или даже беспокойство, сэр Ричард! На вас так много держится... не должна какая-то мелкая букашка подтачивать могучий ствол! Деревья от жуков и червей защищают птицы... у вас много верных людей, которым только мигни, завтра об этом священнике никто и не вспомнит!

— Хорошо бы, — повторил я с тоской.

— Так почему не...

Я вздохнул.

— Потому что это слабость. Против доводов нужно выставить доводы, а не кулак в железной перчатке. Что я, совсем дурак, не смогу ему ответить на его языке?

— Можете! — ответила она твердо.

— Могу, — согласился я. — Только еще не придумал, как...

Нужна сотня мужчин, мелькнула мысль, когда я выходил из донжона, чтобы устроить лагерь, но достаточно одной женщины, чтобы устроить дом. Лоралея обустроила его так, что я почти чувствую физическую боль, покидая здание, словно разрываю незримые нервные нити.

После сладостного обеда, когда мог бы прыгнуть в постель, держа в руках самую сладкую в мире женщину, я механически занимался хозяйством, то есть перенаправлял потоки строительных материалов, перебрасывал мастеровых со срочного участка работы на более срочный, указывал, как отделать внутренности множества залов и помещений в крепости.

Мысли возвращались к Лоралею, но я упрямо заставлял себя думать о Тоннеле, понимая, что и Лоралея одобрила бы, когда сперва о родине, потом о ней. Мужчина должен быть мужчиной, самцов предпочитают только бизнес-леди, которые сами вообще-то больше мужчины, чем женщины, как бы ни прыскались духами, имитирующими женские гормоны.

Ближе к вечеру неожиданно прибыл барон Варанг. Я поспешил к нему с распростертыми объятиями, чтобы он не успел совершить что-нибудь ритуальное из обряда вассального подчинения.

Барон дал себя обнять, я заметил на лице хитрую усмешку, что тут же спряталась. Гад, догадался, от такого скрыться трудно.

— Все замечаете, — сказал я искренне, — хитрый вы барон! Что и доказали уже тем, что я гротсграф и мучаюсь в этой крепости.

Он расхохотался.

— Полно вам, сэр Ричард! Вы все равно стали бы гросс-графом. Так или иначе.

— С вашей поддержкой это было намного легче, — ответил я. — Вообще, барон, мне вас недостает. Ваших мудрых и рассчитанных советов. Как там наш общий друг, граф Ришар?

Он отмахнулся.

— Вы сделали все, что он и хотел. Раньше он ставил меч у изголовья, а теперь его прославленный меч висит в ножнах на стене! Граф наслаждается покоем, которого он, как я хорошо знаю, давно жаждал. В первую очередь, из-за своих коней...

— Коней? — переспросил я. — Я уже слышал насчет коней. Он их любитель или у него что-то особенное?

Барон удивился:

— То и другое, но... вы не слыхали про его коней?

— Честно говоря...

— Сэр Ричард, вы меня удивляете! О его конях вся Армландия наслышана.

Я пожал плечами.

— Как вы догадываетесь, у меня нет проблемы с перемещением моей задницы по просторам страны.

Он хлопнул себя по лбу.

— Ах да, у вас же этот загадочный конь, о котором так много говорят... Да, действительно, вам незачем ловить слухи о конях, которые быстрее всех на свете. Кони графа Ришара вряд ли быстрее вашего черного красавца.

— Расскажите, барон, — попросил я. — Ради чего граф повесил меч на стену?

— Охотно, — ответил он со вкусом, глаза загорелись, о конях и женщинах все мужчины готовы говорить долго и с подъемом. — Граф Ришар еще в молодости славился своей молниеносной конницей. Она досталась ему от отца, тот случайно открыл, что на его угодьях растут особые травы, у коней от них повышается скорость и выносливость. А если такими травами кормить коней несколько лет, то быстрота у них поселится в крови и мускулах, такие кони могут идти галопом сутки напролет и даже не взмокнув.

— Ого, — сказал я невольно, — каждый хотел бы иметь такую конницу! Не в этом ли секрет побед графа?

— Нет, — ответил барон с неудовольствием, — одной скорости мало, хотя, надо признать, быстрота конницы не раз помогала решить исход сражений. Говорят, у графа вообще есть один-два коня, что скачут быстрее летящих птиц и могут догнать выпущенную из лука стрелу! Не знаю, правда ли, все мы склонны к преувеличениям, но у графа в самом деле особые кони...

— Да уж... Покупать у него пробовали?

— Конечно! Граф Ришар продает охотно. Правда, за большие деньги, но когда речь о таких конях... Продает и загадочно улыбается. Как оказалось, на простом корме его чудесные кони вскоре превращаются в обычных лошадей. Пробовали тайком по ночам собирать семена тех трав и засеивать свои луга, но, увы, хотя трава росла и там, но чудесные свойства теряла.

— Понимаю, — пробормотал я.

— Что именно?

— Такое бывает часто, — объяснил я. — Называются эндемиками. Когда растет только на определенном месте. В моем старом королевстве женьшень или маралий палец только в одной области имеют волшебные свойства, в других — простые корни. Да, графу повезло, что у него именно эти земли. Надеюсь, он останется нашим верным союзником.

Барон расхохотался.

— Еще бы! Вы же выполнили за него всю тяжелую работу. Теперь он может заниматься только конями. Сказал мне, что отныне растолстеет, на поясе провертит новые дырочки, чтобы брюхо распускать вволю, а не затягивать, как сейчас... Он мечтает вывести породу вообще крылатых! В старых книгах, дескать, есть описания, как это сделать. Так что объединение Армландии и мирная жизнь как раз то, что нужно графу.

— А вам? — спросил я. — Что нужно вам, барон?

Он посмотрел мне в глаза, лицо стало серьезным.

— Мне хотелось бы знать ваши планы, сэр Ричард. Я понимаю, детали вы должны держать в секрете даже от своей подушки, но в общих чертах... Это для того, чтобы какие-то

неожиданности не заставляли меня врасплох. Я человек вообще-то мирный, неожиданностей не люблю. Опыт уже научил, неожиданности обычно бывают неприятными, очень неприятными и чертовски неприятными.

Я помедлил, барон ждет, хотя вряд ли рассчитывает на откровенность в стратегических планах.

— Запланирована долгая и мирная жизнь, — ответил я осторожно. — Подъем сельского хозяйства. Добыча и переработка руд, развитие промышленности, экономическая экспансия в другие регионы... Увеличение поголовья крупного, среднего и совсем мелкого рогатого скота в интересах малого бизнеса. Переработка мяса, костей и шкур...

Я перечислял еще, путано и хаотично, из чего может нарастать благосостояние такой великой страны, как Армландия, незаслуженно обойденной вниманием и зажатой в тесные границы недружественными соседями. Барон терпеливо слушал, хотя я видел по глазам, что понимает далеко не все. Да я и сам себя не всегда понимал, хотя насчет слагаемых экономического подъема в моем прошлом королевстве каждый может отбарабанить без запинки даже спросонья, тоже не понимая, что они значат.

— Но, — закончил я, видя, что барона это не удовлетворило, — лично я... и строго в конфиденциальном порядке... вы понимаете?... советовал бы далеко не отпускать войско. Или хотя бы сохранить при себе ударную мобильную группу.

Глаза Варанга блеснули острым любопытством.

— Что-то ждете?

— Правитель всегда должен ожидать всего, — ответил я дипломатично. — Но у меня такое предчувствие... понимаете, просто предчувствие...

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Да, понимаю. Всего лишь предчувствие. А на предчувствия можно не обращать внимания. Благодарю вас, сэр Ричард, за доверие!

— А вам спасибо за понимание, — ответил я с тем же подтекстом, что прозвучал и в голосе барона.

Когда мы расставались, снова обнявшись уже на прощанье, он спросил осторожно:

— А мобильную группу... может быть, расположить к вам поближе?

Я подумал, ответил с еще большей осторожностью:

— Лучше без спешки перебазировать ее к Хребту. К тому месту, куда я послал бригады камнерубов. Медленно, не привлекая внимания, стараясь не вызывать лишних вопросов.

Он подумал, сказал решительно:

— Да, я это сделаю. Хотя, уж простите...

— Барон, — прервал я, — мне пока что везло, верно? Просто предположите, что и в этот раз случится что-то такое эдакое. Вы ничего не потеряете, если у меня ничего не получится. Всего лишь неспешная — подчеркиваю! — неспешная прогулка отряда отборных рыцарей к Хребту, чтобы отработать навыки ведения боя на пересеченной местности, в лесу и в предгорьях. И победное возвращение с прекрасно выполненной задачей!

Он кивнул, хотя я видел по его глазам, как трудно будет принудить своевольных рыцарей отрабатывать навыки командной борьбы, ведь каждый из них герой и каждый стремится совершать индивидуальные подвиги.

— Спасибо, сэр Ричард, — повторил он, — за доверие. И не бойтесь, что кто-то посмеется над бесполезностью рейда рыцарей к Хребту и обратно. Сила никогда не бывает смешной.

Глава 15

Я еще некоторое время руководствовал, сам понимая, что чересчур влезаю в мелочи, даже рассудил несколько дрызг между мастерами. Невольно вспомнил, что когда хотят сделать людей добрыми и мудрыми, терпимыми и благородными, то неизбежно приходят к желанию убить их всех. Робеспьер верил в добродетель и потому создал террор. Марат верил в справедливость, потому потребовал двухсот тысяч голов.

Надо править так, чтобы мои подданные чувствовали

давление с моей стороны или моих управляющих не больше, чем давление воздуха.

С этой мыслью я отряхнул руки, огромное багровое солнце уже опускается за край каменной стены, ночи останется совсем мало, вернулся в главное здание. Любить — значит проигрывать, мелькнула мысль, но я впервые наткнулся на исключение. Я выигрываю, только выигрываю...

Лоралея бросилась навстречу, радостная и сияющая.

— Мой лорд!.. наконец-то!

— Работы оказалось в самом деле много, — сознался я. — Хотя, конечно, надо будет спихнуть на управляющих.

— А уже есть?

— Увы...

— Мой лорд, — воскликнула она, — вы окружены преданными вам людьми. Выберите тех, кто уже занимался хозяйством! Они справятся. А вам предстоят великие дела... Эй, слуги! Быстрее ванну! Воду я велела нагреть заранее... Попробуйте сказать, что не сделали!

Я долго нежился в горячей воде, Лоралея совала в нее палец и заботливо подливала из большого кувшина, поддерживая температуру. Когда грязь исчезла под ее заботливыми ладонями и со щеткой, я вылез и сидел, наслаждаясь покоем, в кресле, нисколько не заботясь, что не совсем одет.

Правда, для ужина все-таки натянул штаны, а когда слуги зажгли свечи, мне это уже не показалось архаичным и сентиментальным.

Утром я вышел, счастливый, как просто не знаю кто, щурясь и прикрываясь ладонью от неистового света. словно сто тысяч солнц, как говорится в Махабхарате, разом заблестало, но там ядерный взрыв, а здесь под утро пролунил короткий летний дождь, солнце бьет в глаза изо всех луж и вообще превратило в себя все мокрые поверхности.

Во дворе перед входом в типографию дюжие грузчики снимают с телеги тяжелые отесанные и просмоленные бревна с уже вбитыми железными крюками. Я с трудом узнал части станкового хребта типографского прессы.

Отец Дитрих в дверях указывал в темноту, мол, туда не-

сти и там складывать. Я поприветствовал, он благословил, потом без всякой преамбулы вдруг сказал:

— Та ведьма во всем призналась. Сразу, как вы покинули подвал.

— Хорошо, — сказал я. — От души отлегло.

Он посмотрел на меня сумрачно.

— Еще бы. Вы с такими... делами стараетесь не сталкиваться. Но кто-то делать должен. Закопанные кости отыскиали за ее избушкой. Там же отыскалась и одежда убитых ею детей.

— Костер? — спросил я.

— Медленный, — уточнил отец Дитрих. — Как виновную за особо тяжкие преступления перед Господом.

Я кивнул, уже понимая, что за стук топора я слышал спросонья. В центре крепости, близь ворот устанавливают помост, столб, к которому привяжут виновную, а также подбирают хворост из свежих веток, чтобы больше дымил, чем горел. Нужно, чтобы народ ужаснулся такой смерти. Страшная смерть в мучениях удержит чью-то нестойкую душу от попыток поразвлечься в этой области.

Отец Дитрих смотрел на меня, как показалось, с непонятным укором. Вид смерти для самой обвиняемой неважен, все равно смерть, но пусть посмотрят и ужаснутся те, нестойкие. А мы все, если честно, нестойкие. То и дело норовим свернуть с прямой дороги к счастью на тропку сомнительных удовольствий. И хорошо бы только ограничиться женой соседа! В крайнем случае, в морду даст. Правда, может и топором по башке, бывает... Но тропка может завести и дальше, совсем уж в дебри, где погубишь не только свою душу, но и чужие.

— Хорошо, — сказал я. — Кстати, пусть отец Ульфилла посмотрит, что у нас тоже идет борьба с нечистью. А потом поскорее отправьте его обратно. Вы, полагаю, уже с ним столкнулись?

Он поморщился.

— Где вы такого откопали?

— Сам выкопался, — объяснил я со вздохом. — Самородок. Выходец из народа.

— Да, это заметно. Невежество просто дикое, зато какой напор, какой напор...

— Чем человек грамотнее, — заметил я, — тем напора меньше. Потому нами и правят... не совсем грамотные?

Он посмотрел искоса, не на себя ли намекая, пожал плечами.

— А зачем вы его привели в типографию?

— Чтобы буквы пересчитывал.

Отец Дитрих слабо улыбнулся.

— Представьте себе, он всю ночь этим и занимался.

— Правда?

— Точно-точно. Сперва сверял отпечатанную Библию с рукописным вариантом, потом положил две отпечатанных и сравнивал, сравнивал... всю ночь.

— Он ведет свой род от Фома неверующего, — пробормотал я.

Отец Дитрих покачал головой.

— Не льстите так этому священнику. Богословы спорят по поводу особого отношения Господа к Фоме неверующему. Сын Божий то и дело предъявлял ему доказательства своей божественности. Только ему...

Он прервал себя на полуслове: из помещения вышел, пошатываясь, отец Ульфилла, прикрыл глаза от солнца.

— Легок на помине, — пробормотал я.

Отец Дитрих поморщился.

— Ладно, общайтесь со своим приятелем. Я уже успел наобщаться.

— Когда же вы все спите? — сказал я с неловкостью. — Я вот наделен способностью не спать по неделе... почти, но так ни разу не воспользовался. Здравствуйте, отец Ульфилла! Как спалось?

Отец Ульфилла выглядел ужасно: круги под глазами, невыспавшийся, белки глаз покраснели, как и веки, что еще и набухли, как подушки. Он проводил Верховного Инквизитора неодобрительным взглядом, а когда посмотрел на меня, в глазах была холодная решимость.

— Нам нужен такой станок, — заявил он.

Я задержал дыхание, нужно быть стойким, я предвидел такой поворот, сказал твердо:

— Вы правы, отец Ульфилла. Вам он очень нужен! Слово Божье нужно нести в массы!

Он кивнул.

— Значит, я его забираю?

— Нет, — отрезал я. — Его устройство очень просто. Вы же наблюдали за его работой всю ночь?.. И даже сами пробовали делать оттиски, как могу предположить, зная вашу недоверчивую натуру?.. Вот и постройте в своем монастыре такой же. Это будет даже быстрее, чем разбирать этот и везти в такую даль по частям. Чертежами я вас снабжу.

Он сказал угрожающе:

— Нам нужен такой станок прямо сейчас!

— Совершенно верно, — согласился я. — Потому немедленно увозите чертежи и в первый же день собирайте плотников, кузнецов, оружейников... Я вам объясню, да и вы и сами сообразите, какие детали лучше делают оружейники, а не простые кузнецы. Надеюсь, наладите работу быстро. Отец Ульфилла, а вот мне уже сейчас нужны грамотные монахи. Много! Я вам чертежи печатного станка, а вы мне грамотных монахов, послушников и всех, кто научится у вас там читать-писать....

Он бросил на меня злой взгляд исподлобья.

— Грамотные везде нужны.

— Я за них буду платить, — сообщил я.

Он спросил прямо:

— Сколько?

— За каждого присланного мне грамотного, — уточнил я, — буду платить так, чтобы вы могли на эти деньги обучить еще троих. Очень выгодная сделка.

Он оглянулся на темный вход в типографию. Оттуда доносится непрекращающийся скрип колеса и чмоканье сдавливающего бумагу пресса.

— А зачем вам грамотные? Сатане тоже нужны грамотные!

— Грамотные всем нужны, — согласился я. — Как вам моя типография?

Он поморщился.

— Да, — ответил он нехотя, — хороша. И святые книги выпускает... Но этим людям, а я с ними поговорил ночью,

все равно, какие листки печатать. Они и во славу Сатаны сделают оттиски, если заплатить больше.

Я развел руками. Невежественный и неученый, однако чутья и знания людских слабостей у него выше крыши. Даже отец Дитрих как-то не подумал, что на таком станке так же легко печатать и антирелигиозную литературу.

— У нас все под контролем, — сообщил я.

— А кто контролирует контролера? — спросил он и посмотрел на меня пронизывающе.

Я ощутил оторопь, но совладал с собой и указал пальцем вверх.

— Господь.

— Какая непомерная гордыня, — произнес он с отвращением. — На этом Сатана таких вот и ловит... Купца на жадности, простолюдина — на похоти, рыцаря — на гордыне, властителя — на своеволии... когда над всеми должна быть только одна воля — воля Всевышнего!

Я перекрестился и посмотрел на него вызывающе.

— Да будет над нами только его воля.

Он вынужденно перекрестился и буркнул:

— Аминь.

— Аминь, — согласился я. — Словом, мы договорились. Кстати, ведьму решено сжечь на медленном огне! Придете любоваться?

Он отрезал:

— Этим не любят.

— Почему? — удивился я. — Когда нехорошего человека казнят, это предостережение другим нехорошим.

Рыцари поглядывали на Ульфиллу с опаской, сразу ощутив, что к нему даже я, всемогущий гроссграф, отношусь с непонятным уважением, что ли. А Ульфилла обошел всю крепость, везде совал нос, а затем объявил во всеуслышанье, что церковь, стены которой начали возводить каменщики, недостаточно хороша.

Отец Дитрих только отмахнулся, посчитав ниже своего достоинства, да и ранга тоже, спорить с деревенским попи-

ком, но меня заело, в присутствии народа во дворе я спросил громко, чем же наша церковь его не устраивает.

— Церковь должна быть просторной, — заявил Ульфилла злобно. — Даже в селах их строят побольше!

Рыцари поглядывали на меня с интересом, я сделал смиренное лицо и заговорил кротко, даже очень кротко:

— Не сам ли наш Сын Божий сказал нам: «Когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него».

Отец Ульфилла дергался, узнавая знакомые слова, рыцари переглядывались и, гордые за своего сюзерена, сдерживали ехидные улыбки.

— Господь это сказал для чистых сердцем! — заявил Ульфилла взбешенно. — Ты разве чист? Думаешь, я не зрю твои замыслы?

Я перебил, насторожившись:

— А какие у меня замыслы?

Он выкрикнул громко, привлекая внимание всех проходивших мимо:

— Темные!..

— В чем? — спросил я, сдерживая нарастающий гнев.

Он взвизгнул:

— Не знаю!.. Но чую! Я сердцем чую то, что мудрецы постигают умами сотню лет!.. У тебя свои цели, для этого ты используешь и Святое Имя, но... придет день, с тебя сорвут маску!

Привлеченный его воплями народ останавливался, забывал про свои срочные дела и направлялся в нашу сторону. А кто был ближе, те уже стоят с раскрытыми от удивления и удовольствия ртами, чуть слюни не текут от счастья, как же: лорда обвиняют! Радость-то какая...

Я покачал головой.

— Отец Ульфилла, как не стыдно... Нет чтобы ведьм топить да еретиков выявлять, а все на соратника нападаете!.. Давайте лучше поговорим о делах...

Я взял его за рукав, отводя в сторону, он зло дернулся, вырывая ткань из моей руки, но все же пошел, только сразу спросил раздраженно:

— Каких дел?

Я сказал быстро и как можно более деловито, стараясь взять инициативу в свои руки и не выпускать ее как можно дольше:

— Итак, святой отец, как там дела в монастыре? Пусть даже не в самом монастыре, да-да. Вы его почему-то еще только начали строить... гм... но я вам дал замок, где можно разместить школу. Мне очень нужны обещанные вами молодые и страстные проповедники Слова Божьего! Которых вы, конечно же, уже начали выпускать из монастыря крупными партиями.

Он нахмурился, ответил резко:

— Ничего я не обещал!

— Как? — изумился я. — Почему вы не собираетесь готовить проповедников Слова Божьего?

Он взглянул зло, но не попал в ловушку оправдывающегося, сказал с такой злостью, что лязгнули зубы:

— Ни крупными, ни мелкими!.. И нечего делать вид, что в этом моя вина. Монастырь только строится, еще раз говорю! Хотя мы уже начали набирать послушников...

— Возникли проблемы? — догадался я. — Финансовые?

Он нахмурился.

— Кроме них я решил сам проверить, в самом ли деле здесь идет борьба с Врагом! Я должен знать, куда пошлю монахов!

— Здесь присутствует сам Великий Инквизитор, — напомнил я. — И его люди. Ведьм вон жжем всюю, еретиков выявляем. Но самый главный удар я приготовил в самом неожиданном месте! Такой удар по Сатане, такой удар... Первый удар вы уже видели? То-то.

Он посмотрел с недоверием и, не попадаясь в ловушку, сказал непреклонно:

— Да, типография — это... да, хорошо. Божье дело. Сатане придется несладко. Но... чтобы построить монастырь, чертеж которого я храню, мне нужны каменщики, плотники, столяры. Много!.. Еще я задумал сделать отдельную пристройку для невест Христовых, женщинам тоже бывает нужно убежище от суетности мира...

Господи, подумал я с тоской, он еще и женский монастырь мечтает строить!

— Мне тоже каменщики нужны, — ответил я строго и деловито. — И прочие ремесленники. Тоже много. Но я не сижу, сложа руки, а зазываю со всех сторон. Хорошо, я дам денег, а уж привлечь людей вы сумеете, отец Ульфилла.

— Люди будут, — проворчал он. — Вы здесь в роскоши купаетесь, а у нас там за ломоть хлеба убивают!.. Если вернуться с деньгами, хоть с малой частью, монастырь будет построен быстро. И все будут счастливы.

Я промолчал, знаю это счастье, отвесил короткий поклон и ушел, стараясь держать лицо гордым и надменным. Пусть видят, что я — гроссграф, а беседой с этим деревенским попиком просто облагодетельствовал убогого.

Глава 16

Вечером Ульфилла показал пример, что и без церкви священник должен работать с массами: загнал во дворе в угол челядь и празднующихся рыцарей, выступил с проповедью.

Ему и в голову не пришло спросить разрешения у Великого Инквизитора или других священников, что могут быть постарше, как по рангу или возрасту. Человек, который свято уверен в необходимости нести в народ Слово Божье постоянно и непрестанно, ни у кого не обязан спрашивать разрешения.

Я не стал приближаться, насторожил уши, люди слушают его, как замороженные, смотрят неотрывно на отца Ульфиллу, а он неистовствует, яростный и горящий, как разбуженный вулкан.

— Что за польза, — донесся до меня его злой и горестный

вскрик, — ограбить одного и одеть другого? Милостыня должна идти от сострадания, а у барона Эллеарта мы видим бесчеловечие! И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у других, для нас не будет никакой пользы и не будет прощения! Это показывает Заккей, который тогда умилоствовал Бога, когда обещал возратить похищенное четверицею, смотрите Евангелие от Луки. А мы, похищая весьма много, а отдавая мало, думаем умилоствовать Бога, не зная, что тем самым еще более прогневаем Его!

Яростный и распаленный, он все же заметил меня, оставившегося довольно далеко, мог бы и не усмотреть, злобно зыркнул в мою сторону. Народ тоже задвигался, смотрят вопросительно.

Я подошел ближе, вскинул руки.

— Тихо-тихо! Я не мешаю. Сэр Макс — на выход!.. Не медленно. А вы все слушайте, слушайте!.. Отец Ульфилла верно говорит. Когда Авель и Каин принесли жертву, думаете, Господу нужна была та жертва, если и так все на свете принадлежит Ему?.. Да на хрен ему хоть барашек Авеля, хоть морковка Каина... или что там выкопал и принес он? Бог разгневался, что Каин брал много, а принес для пожертвования — мало! Вы поняли? Продолжайте, отец Ульфилла.

Я повернулся и ушел в сопровождении Макса, чувствуя на спине ненавидящий и в то же время несколько смятенный взгляд неистового священника. Но, думаю, аргумент запомнит и воспользуется им при случае.

Уже из двери я услышал, как его голос возрос до крика:

— Удержи руки от лихоимства — и тогда лишь простирай их на милостыню! Если же мы теми же самыми руками одних будем грабить, а других одевать, то милостыня — это повод ко всякому преступлению! Лучше не оказывай милосердия, чем оказывай такое, как совершил барон Эллеарт...

Хана барону, мелькнула сочувствующая мысль. Но Ульфилла дурак, не понимает, что нельзя на барона нападать, пока не искоренены грехи и преступления куда более тяжкие. Да и вообще не представляю, когда наступят такие времена, чтобы олигархи жертвовали от «своего», а не из награбленных миллиардов. Причем украдет миллиард — пожертвует

миллион, и все счастливы. Прославляют его щедрость: мог бы и ничего не дать. Так что Ульфиллу занесло...

Завтра же постараюсь спровадить, мелькнуло в голове. Дам денег, у самого крохи, упакую книги и... давай, святой отец. Мы на одной стороне баррикады, но рядом нам лучше не находиться, убьем друг друга на радость противнику.

Макс все оглядывался, спросил шепотом, в голосе звучал приглушенный восторг:

— Как говорит!.. Как говорит!

— Как? — спросил я.

— Прямо в сердце слова Божьи вкладывает!

— Гм, — сказал я с сомнением. — Ладно, давай о деле.

В каком состоянии твое воинство?

Он посерьезнел.

— Сэр Ричард, рыцарство распушено по домам. Остались только копейщики, ратники, лучники, арбалетчики...

— Пешие, — сказал я. — Тем более им понадобится больше времени.

— На что, сэр Ричард?

— На пеший переход, — ответил я туманно. — Ладно, отбери сперва лучших в отдельный отряд. И сразу же отправь к Хребту. Я укажу, в какую точку.

— Где роют Тоннель?

— Да. На первых порах pomoжешь сэру Теодориху. Он там организовывает службу охраны.

Макс смотрел с недоумением, в самом деле, что там охранять, однако я смотрел строго и значительно, в глазах намек на нечто более важное, пока тайное, и Макс проговорил достаточно бодро:

— Да, сэр Ричард!.. Будет сделано, сэр Ричард!

— Приступай, — сказал я отечески и, похлопав его по плечу, нырнул в темный полуподвал.

Отец Дитрих с тремя его священниками раскладывал отпечатанные листки на длинной и широкой лавке, просушивая оттиски.

— Благослови, отец Дитрих, — сказал я. — Мне кажется, что вы перепутали свое жилище с типографией.

Он оглянулся, в глазах промелькнуло виноватое выражение.

— Ох, сын мой, ты смеешься, это значит, все хорошо. Ты прав, я забросил все дела, а к себе удаляюсь только для короткого сна, но старые люди спят мало!.. Я до сих пор не могу прийти в себя от этого чуда и всякий раз боюсь, что эта дивная машина исчезнет. Хотя уже вижу, как она устроена, это так просто, что удивительно, почему никто не додумался раньше....

— Когда открытие сделано, — сказал я, — все удивляются, почему не сделали раньше, ведь так все просто!.. Да, теперь типографии будут строить во всех городах. В этом и есть главное отличие науки от магии: всякий может повторить сделанное и получить тот же результат. Эх, отец Дитрих, все бы так радовались, как вы, этому делу просвещения!.. Как же мне опротивел этот священник из моих дальних земель! Только приехал. А уже не выношу... Как он сумел при таком невежестве набрать такую мощь?

Отец Дитрих развел руками.

— Ты же знаешь, сын мой, церковь — для свободных людей. У нас нет родословных, перед Богом все равны. И потому на вершины церковной власти выдвигаются по личным заслугам, а не по размеру земельных владений, количеству войск или древности рода. Отец Ульфилла, судя по его яростным обличениям, умеет затронуть чувствительные струнки в людских душах... А это дает ему власть над ними. И, конечно, не самое низкое место в нашей иерархии. Сам знаешь, умелый проповедник может двигать людскими массами так, что даже папа римский, наследник Господа, иной раз не сумеет...

Я вздрогнул, представив отца Ульфиллу во главе крестового похода за веру против... да против всего, что идет с верой вразрез или для веры не имеет значения.

— Черт бы его побрал, — вырвалось у меня. — Ох, простите, отец Дитрих, но такие люди опасны.

Он кивнул, принимая извинения.

— В чем опасны?

— Во всем, — сказал я. — Не должен малограмотный двигать массами. Это даже хуже, намного хуже, чем когда могучий лорд ведет войско на соседа. Из его войска можно уйти, а из войска отца Ульфиллы никто не уйдет, уверенные,

что творят правое и угодное Господу дело. И такие вот уверенные любые жестокости будут творить, потому что это не для себя стараются, а во имя святых целей!

Он подумал, пожал плечами.

— К счастью, такого еще не случалось.

— Да? — спросил я. — Значит, Савонаролы у вас еще не было. Кстати, я отцу Ульфилле подарил отпечатанный экземпляр Библии! Он воспылал идеей самому наладить печатание книг там на местах.

Отец Дитрих взглянул на меня с некоторым смущением.

— Экземпляр?

— Да, — ответил я, несколько удивленный его тоном. — А что?

Он сообщил со вздохом:

— Я отдал ему свою отпечатанную Библию. И еще два недавно отпечатанных, но еще не переплетенных экземпляра.

— Ого!

Он поморщился, отмахнулся.

— Да ладно, пусть только убирается побыстрее. Он сумеет их использовать даже лучше нас. А мы себе еще отпечатаем.

На другой день прибыли две большие артели каменотесов. Я тут же отправил их рубить Тоннель, а сам, подумав, оседлал Зайчика и понесся в сторону Хребта, не разбирая дорог. Работы идут хорошо, когда, кроме оплаты, и условия труда соответствуют, а также отдыха. Баб и цыганские танцы не обещал, но как строятся бараки, надо проверить: невыспавшиеся в тесноте работники — плохие работники.

Прошлая жизнь приучила напрягаться и смотреть по сторонам, когда перехожу дорогу, а здесь все наоборот: как раз дороги и есть самое безопасное.

Но, во-первых, все еще не хочу показывать настоящую скорость Зайчика и Бобика, пусть это остается моим козырем, во-вторых, когда так вот, напролом через ревущий ураган, самый быстрый монстр не успеет и глазами повести в мою сторону, как я буду за сотни ярдов.

Надеюсь, не успеет.

Когда до предгорья осталось рукой подать, догнал боль-

шой отряд пеших ратников. Они шли небыстрым, но рассчитанным на долгую дорогу шагом, уже покрытые пылью, что значит, с утра без привалов, в полном вооружении, на плечах несут тяжелые боевые топоры, копья, пики.

Заслышав стук копыт, оглянулись, начали сдвигаться на обочину. Я помахал рукой.

— Привет, ребята!.. Кто старший?

— Сэр Теодорих, — ответил с готовностью один из строя.

— Где он?

— С конным отрядом поехал вперед.

Я нахмурился.

— И оставил пеших без прикрытия?

Воин возразил бодро:

— Это он сам остался без укрытия! Лучники и арбалетчики у нас. Молодой ищщо. Не терпится ему увидеть, куда же нас послали...

Я заверил:

— В хорошее место. Будете охранять особо важный объект государственного значения. Поставите посты так, чтобы и муха не пролетела! Не просто незамеченной, а... живой! Ладно, топайте, уже скоро.

Я обогнал колонну, а когда мы скрылись за ближайшим поворотом скалы, шепнул Зайчику:

— Прибавь!..

Однако скоро пришлось вернуться на обычный галоп: показались бараки, блистающие свежевystруганными досками. Уже четыре костра, на треногах большие котлы, ветерок донес запах наваристой мясной похлебки.

У одного из костров сидят люди в доспехах, один сразу вскочил при стуке копыт, я узнал виконта Теодориха. Подтянутый, щеголеватый, он бросился ко мне навстречу, подал почтительно руку, помогая сойти с коня, словно пожилой даме.

— Не могу не выразить свой восторг вашим конем, сэр Ричард, — сказал он. — Галопом поднимался по такой круче!

— Да тут недолго, — отмахнулся я, — что успели увидеть?

Он понял вопрос правильно, ответил четко:

— Четыре очень удобных места, где размещу лучников и арбалетчиков, на дороге выставлю пикет копейщиков. Еще

есть местечко, по которому можно подняться, но и там помешу ребят.

Говорил уверенно, но в глазах я видел недоумение.

— Благодарю, — сказал я. — Сэр Теодорих, я не забываю, что вы были и есть первый рыцарь, который явился ко мне на службу. И потому открою вам великую тайну, но только вам: недолго вам нести эту службу вдаль от городов, замков и развлечений. И недолго вам ходить в виконтах!

Глаза его счастливо и гордо вспыхнули, он выпрямился, сказал прерывающимся от волнения голосом:

— Моя жизнь принадлежит вам, сэр Ричард!

— Но-но, — сказал я со строгостью в голосе, но, понятно, довольный. — Жизнь наша принадлежит только Господу Богу. И только он вправе ею распоряжаться.

Дальше попались одна за другой две подводы, нагруженные камнями. Помимо возчика на обеих по двое дюжих мужиков. Я успел полюбоваться, как они открывают борта подводы и сваливают камни в огромную расщелину. Если учитывать, что Тоннель протянется почти на двадцать миль, то потом должна возникнуть проблема со складированием как этих камней, так и вообще вынутого грунта.

Я похвалил за старание, но даже намекать не стал, что новых мест, куда перемешать камни из Тоннеля, искать не придется. Это не виконт Теодорих, это простые, с ними можно проще. С простым народом никогда не считались, а если и объясняли что, то обязательно дурили.

Тоннель уже зияет широкой дырой, словно его заново рубили проходческим щитом двенадцать метров в диаметре. Из темного зева показалась упряжка из двух волов, тянут такую маленькую повозку, и сами такие маленькие...

Странно, мелькнуло в голове, а ведь никто даже не спрашивал, зачем пытаюсь делать Тоннель таким широким. Сама идея Тоннеля под Хребтом казалась такой дикой, что даже не стали указывать на такие явные несуразицы. Какая разница, пророку я узкий тоннель за пятьсот лет или такой вот широкий за тысячу?

Бобик первый вбежал в темный тоннель, но я громко прикрикнул и указал на место возле входа.

— Жди здесь, толстолобик! Добычи там нет, а людей пугать нечего.

Зайчик гордо и нахально ржанул, он допущен, и мы въехали в темноту, где впереди показались красные пятна факелов. Камнерубы работали не просто в поте лица, а как будто стараются прорыть тоннель до вечера.

Дюжие парни грузили отколотые глыбы на телеги, лица и голые торсы блестят, словно на них вылили все масло из всех запасенных светильников.

Ко мне заспешил мастер Маргулер.

— Ваша светлость, как мы рады, как мы рады...

Я спросил с подозрением:

— Чему?

Он не растерялся, сказал бодро:

— Вы удачу приносите!

— Правда?

— Истинный крест!

— И какую же удачу я вам принес?

Он повернулся, рука описала широкий полукруг.

— Вы говорили, что только первые дни будет долбить трудно. Я не поверил вам, теперь винюсь.

Сердце мое застучало чаще.

— Что, в самом деле?

— В самом, — заверил он. — Вот я и говорю...

— Да, — сказал я, — вам повезло.

Он кивнул, не отводя от меня взгляда.

— Да, ваша светлость. Впервые в моей практике такой случай.

Я спросил:

— Что лорд приносит удачу?

Он помотал головой, но глаза смеялись.

— И это тоже.

— А что еще?

Он ответил серьезно:

— Что камень дальше становится таким... Всегда ведь, чем глубже в гору, тем камень плотнее. И откалывать труднее. А здесь пошли отдельные глыбы...

— Может быть, повезло? — спросил я.

Он не отрывал от моего лица пытливого взгляда.

— Да, наверное... Я примерный христианин и в чудеса верю. Только думаю, что Господь совершает их где-то далеко, с другими людьми. Которые без чудес и жить не могут. Потому сейчас даже не знаю, что думать...

Теперь я сверлил его пронизывающим взглядом.

— Знаешь, — сказал я уверенно, — по глазам вижу. Но держи свои соображения при себе, понял!

Он сказал послушно:

— Как скажете, ваша светлость!

— Так и скажу, — проворчал я грозно. — Не забыл, что по завершении работ всем выдам хорошую премию помимо оплаты?

Он кивнул с готовностью.

— Да, ваша светлость. И теперь я начинаю верить, что...

Я поднял руку, он послушно умолк.

— Ни слова больше, — велел я. — Все догадки держи при себе. Видишь, как остальные? Никто ни о чем не задумывается.

Он развел руками.

— Так они ж доверили задумываться мне, мастеру. Но — молчу, молчу!.. останетесь с нами пообедать?

— Даже поужинаю, — ответил я.

Я в самом деле остался на ужин, а между обедом и ужином трижды ходил в тоннель и ошупывал глыбы. Да, их жар не коснулся, не сплавил в единый монолит. Это говорит в первую очередь о том, что дефы не надули.

Еще можно ожидать, что уже скоро завал кончится, так как тоннель расположен строго горизонтально, потому лавина камней не могла закупорить его слишком уж далеко.

Жгучее ожидание привело к тому, что я остался и на ночь. Камнерубы из кожи вон лезут, выказывая нечеловеческую работоспособность и выносливость, к тому же теперь их полный комплект: одна бригада рубит, две отдыхают.

Ночью в горах слышались странные голоса, не то эндемичных зверей, не то одичавших людей, а может, гномы шпионят за нами и переговариваются, как напасть и все уничтожить...

Заснул под утро, а проснувшись, первым делом бросился в тоннель. Навстречу волы с таким трудом тащат тяжело груженные телеги, что грузчики слезли и, хватаясь за колеса, помогают бедным животным.

Я заторопился до главных героев, выдирают глыбы и скапывают вниз. Мастер Маргулер молча указал наверх. Я охнул, всмотревшись: свод абсолютно ровный, вкатившиеся в тоннель глыбы его даже не поцарапали.

— Этого ждали, ваша светлость? — спросил он.

— Вы мудрый человек, — пробормотал я.

— Я просто старый мастер, — ответил он с достоинством. — Когда вижу такое, я начинаю понимать нечто.

— Скоро поймут и другие, — сказал я.

— Потому и поставили охрану?

— Заметно?

Он кивнул.

— Да, я сперва удивлялся...

— Не хочу, — подчеркнул я, — чтобы раньше времени об этом стало известно.

Он поморщился, но спорить не стал, только развел руками.

— Нашим не понравится, но я понимаю, что это ненадолго.

— Ненадолго, — подтвердил я. — Но я должен выжать максимум выгоды, не так ли?

Он скупно улыбнулся.

— Это понятно. Только, ваша светлость, вы зря так себя измаиваете. Ни сегодня, ни завтра ничего не случится. Судя по тому, как слежались камни, выколупывать их еще долго.

Я спросил требовательно:

— Как долго?

Он пожал плечами.

— Несколько дней — точно. Думаю, с неделю.

Часть 2

Глава 1

Кобеду я совсем издергался, напор падающих с вершины Хребта лавин вбил в тоннель каменную массу, спрессовав ее так, что даже за сотню шагов от входа они чуть ли не монолит, но все-таки не может же Тоннель быть забитым весь! Или даже на четверть... И вообще мастер Маргулер может ошибиться, работы оканнется на полдня...

Раздался грохот копыт. Бобик вскочил, шерсть поднялась, он раздраженно гавкнул. Ровный цокот подков по камню прервался, слышно было, как всадник пытается справиться с конем.

Я подозвал Бобика, он лег рядом, недовольно ворча. Из-за строений вынырнул на легком коне юноша в ярко-желтой одежде гонца, издали замахал руками.

— Ваша светлость, ваша светлость!

Бобик хотел показать зубы, я цыкнул. Гонец прокричал, не покидая седла:

— Несчастье!

Я крикнул зло:

— Быстрее! Что стряслось?

— Леди Лоралея...

Холод охватил меня с такой силой, что лязгнули зубы.

— Что.... Что с нею?

— Похитили...

— Что?

— Украли...

В глазах потемнело, словно Вселенная стремительно собралась снова в единую точку для нового Взрыва. Тяжесть навалилась на мои плечи, вжала в землю.

— Как, — проговорил я не своим голосом, — как это случилось?

— Леди Лоралея выехала в долину, — проговорил он торопливо плачущим голосом. — Она пожелала покататься в той повозке, что вы для нее придумали. И когда они выехали к реке, всю охрану сморил тяжкий сон...

— Заснули? — прокричал я в слепой ярости.

— Колдовской сон! — крикнул он поспешно. — Кто был на коне, так там и заснул! Старшой охраны упал с коня, но не проснулся, хотя конь наступил ему.... на живот. А когда колдовство рассеялось, леди Лоралеи там уже не было. А повозка пуста...

Зайчик выметнулся на свист, уши торчком. Хвост развевается трубой, в глазах готовность мчаться хоть по горам и лесам.

— Бобик! — заорал я. — Бобик!

Гонец пустился следом, но я даже не стал скрывать возможности Зайчика, мы пошли сразу навстречу крепнушему ветру, реву. Мимо пронеслись деревья, снизу пару раз блеснула вода, но даже брызги остались позади, и вскоре блеснула золотом освещенная солнцем крепость.

— Дальше, — сказал я сквозь зубы, — Зайчик, давай левее...

День солнечный и прохладный, но меня терзал внутренний жар, а к горечи потери странно примешивается и чувство оскорбленного достоинства: как, у меня? Украли? Прямо из-под носа увели? Да не корову какую-нибудь, а женщину? Потеря чего больше всего задевает мужчину?

Укатанная колесами тяжелых телег и легких повозок дорога жирно блестит, напоминая глубоко вдавленные рельсы железной дороги. Запахи давно выветрились, я шарил взглядом по окрестностям и прикидывал, что вон там пропасть, а с той стороны горы, а сзади крепость, так что увезти могли только вон в том направлении...

Навстречу помчались двое всадников. Я холодно взглянул на их виноватые лица. Один прокричал торопливо:

— Сэр Норберт уже разослал во все стороны людей! Ищут следы!

— Нашли? — спросил я зло.

— Пока нет...

Я взглянул на быстро надвигающиеся с востока тучи.

— Уже и не найдут.

На том самом месте, где так и осталась осиротевшая повозка, меня встретил сэр Норберт. Глаза запали, под ними повисли темные мешки, но козырнул и отчеканил с неприкрытым лицом:

— Я велел ничего не трогать. Фоллер и Октазмер с разведчиками поехали вниз, надеются расспросить людей, вдруг кто видел каких чужаков. Сэр Ричард, я очень виноват, не сумел уберечь леди Лоралею!

Я сказал раздраженно:

— Да что вы могли против магии!

Он сказал хмуро:

— К сожалению, магию применили не только для колдовского сна.

— А в чем еще?

— Следы, — объяснил он. — Следы были, сэр Ричард. Настоящие глубокие отпечатки копыт. Но оборвались необъяснимым образом. А потом пропали и сами оттиски. Но, судя по ним, всадники явились на очень больших конях. Подковы с блюдце, вдавлены на три пальца, а земля здесь сухая и твердая.

Я кивнул на повозку.

— Там и стояла?

Он посмотрел на меня уважительно.

— Нет. Это еще одна странность. Туда не въехать, видите, какие камни... Но когда все очнулись, повозка была уже там. Всего шагов на десять в сторону, но туда кони бы не прошли.

— Очнулись все разом?

— Да, — подтвердил он. — Одновременно. Так бывает только при магическом сне.

Я вздохнул.

— Ладно, возвращайтесь в крепость. Здесь вам делать уже нечего.

— А вы, сэр Ричард?

— Побуду здесь.

— Так нам что... уходить всем?

— Да-да, — сказал я уже раздраженно, — убирайтесь!

Он поклонился, пряча глаза, полагает, что я просто хочу побыть наедине со своим горем. Прекрасно понимает, как я жестоко оскорблен, даже вдвойне: как мужчина и как могучий лорд. Да еще и вот так на виду у всех, такое смывается не просто кровью, а чтоб еще и всех до седьмого колена...

В самом деле, как загнанный зверь, не знаю, куда метнуться и что делать. Если я не дурак, а я не дурак, то должен вернуться к камнерубам: вот-вот пробьют завал. Дальше таинственный Тоннель, столько надежд с этим проходом под Хребтом, но все-таки я мужчина, а значит — дурак, к тому же оскорбленный мужчина, а это значит — опрометчивый дурак, готовый натворить сколько угодно и каких угодно ошибок.

Но мы ухитряемся не только оправдывать свою дурь, но даже поэтизировать ее, потому я, утерев невидимые миру слезы, встал с камня и сказал Зайчику гордо и красиво:

— Все в наших руках, поэтому их нельзя опускать. Величайшее испытание мужества — потерпеть поражение и не пасть духом. Словом, броня крепка, и кони наши быстры!

Ветер засвистел в ушах. Стиснутая отвесной стеной гор и бездонной пропастью долина оборвалась резко и быстро, простор распахнулся в обе стороны пугающе бескрайний. В какую сторону направить Зайчика? Несколько раз пытался что-то уловить в тепловом или запаховом, но сперва только кружилась голова, наконец пошла носом кровь, а я чувствовал тошноту и дикую усталость.

Бобик однако бежал впереди и все оглядывался в недоумении, наконец я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Бобик, прости дурака!.. Да, твой замечательный хозяин бывает дураком, даже редкостным, только никому не говори.

Он помахал хвостом и побежал быстрее, но все оглядывался, скачет ли Зайчик следом.

— Все в порядке, — заверил я. — Как я, дурак, не сообразил! Затмение какое-то нашло... давай-давай, иди по следу!

Зайчик неся за Адским Псом, я даже не смотрел по сторонам, перед глазами дикие и отвратительные сцены, как ка-

кая-то сволочь срывает с Лоралеи платье, насилует, а она смотрит в потолок умоляюще: ну когда же, когда примчится любимый сэр Ричард, спасет, увезет, вернет в ее уютное гнездышко?

Верну, кричал я мысленно, а там все сожгу, разорю, камня на камне! Никто не смеет наносить мне столь тяжкого оскорбления. Для мужчины нет ничего более оскорбительного, чем украсть у него женщину. В древности из-за этого то и дело вспыхивали войны, чего стоит только десятилетняя резня между Элладой и Малой Азией, а сколько таких, на которые просто не нашлось очевидцев-гомеров? Я, конечно, обойдусь без войны, но молниеносная и крайне кровопролитная кампания будет вполне уместна. И послужит уроком другим, что с гроссграфом шутки плохи.

Лес распахнулся, Бобик выметнулся на простор, я поспешно заорал:

— Назад!.. Ко мне!

И сам подал Зайчика обратно в чашу, потому что впереди на заросшем деревьями и кустарником зеленом холме — замок.

Мне казалось, что уже знаю все замки Армландии, тем более — близко расположенные, но этот в самом деле вижу впервые. Если бы увидел когда — не забыл бы. Даже не потому, что память теперь идеальная, но замок слишком уж не похож на все прочие.

Какие бы они ни были: квадратные, конические, двойные, с мерлонами, апстидами и прочими наворотами, но все выстроены в одну эпоху, это чувствуется, а этот как будто отгрохали римляне, древние египтяне, а то и атлантидцы... хотя тогда замков не строили, но ощущение такое, что этот замок...

Я охнул, вспомнив рассказ сэра Гуингнема о короле Тангере и его возникающем раз в триста лет замке. Похоже, похитители знали, когда появится замок, и воспользовались этим.

Тысячу лет тому землю хорошо унавозили вокруг тогдашнего замка, деревья вымахали великанские, могучие, высокие и с вольно простертыми ветвями. Сейчас этот замок, внезапно возникнув на старом месте, часть деревьев подмял,

а те, что оказались чересчур близко, обломали о его каменные стены слишком уж раскинувшиеся ветви.

— Так, — сказал я бодро, — расплата настигла злодеев быстрее, чем они ожидали... И даже быстрее, чем ожидал расплачивающийся. То есть я, такой вот шустрый.

Зайчик отошел в сторону и перекусывал толстые ветки, до которых дотягивался, Бобик часто дышал и смотрел на меня умоляюще.

— Нет, — сказал я отечески. — Не хочу пробуждать в тебе темные инстинкты. Ты просто милый добрый Бобик! Лови гусей, можешь даже рыбу поймать, где ты ее только в лесу находишь, но из-за деревьев не показывайтесь... Ждите!

Он тяжело вздохнул мне в спину, а я перебежал от дерева к дереву, хотя благоразумно влез в личину исчезника. Когда за стволами холодно блеснули пурпуром в свете закатного солнца стены, пришлось переступать, а потом и вовсе перебираться через горы свежеебломанных веток. Судя по тому, что сок уже не сочится, но листья только-только завяли, однако не засохли, замок возродился не раньше, чем неделю тому.

Выходит, Лоралею похитить готовились давно, не было только шанса уйти от погони. Удобный случай подвернулся, когда этот замок возник перед носом заговорщиков... Это еще значит, если рассуждаю верно, что похитил не кто-то из могущественных лордов. Тот бы не стал здесь прятать добычу, а утащил бы сразу в свой хорошо охраняемый замок.

Я подумал, что вообще-то могу взять если не штурмом, то осадой любой замок в Армландии, но, во-первых, для этого пришлось бы собирать заново только что распущенное войско, а как им это объяснить, во-вторых... что, если похититель не из Армландии?

Сучья потрескивали под моим весом, я взбирался по дереву в личине незримника, часто останавливался перевести дыхание. Солнце наполовину опустилось за далекий лес, облака полыхают страшно и кроваво, зубцы крепостной стены зловеще горят золотым огнем, словно плавятся.

Останься замок здесь на века, хозяева тут же пригнали бы дровосеков. Холм был бы очищен не только от деревьев, но от кустарников и даже травы. Никто не должен подби-

ратся незамеченным, но сейчас замок окружен великанскими деревьями, и сразу с трех сторон над стенами нависают толстые ветви.

Наконец я добрался до сравнительно толстой ветки, что нависает над стеной. Те ветви, что легли прямо на стену, обосновавшиеся в нем люди порубили топорами, вон обрубки, но до нависших над головами просто руки не дошли: не жить здесь собрались.

Черные тени уже давно заполнили внутренний двор, а когда погас последний луч света, замок погрузился в темноту, только в одной из трех башен свет горит в окнах на всех этажах.

Весь мир в сером, это я перешел на ночное зрение, снизу пахло таким мощным запахом жареного лука и яичницы, словно я все еще в запаховом. Из башни вышел и направился по стене в мою сторону солдат в легких доспехах, поджарый и даже в такое спокойное время все еще настороженный.

Хороших воинов подобрала какая-то сволочь, мелькнула у меня мысль. Я изготовился прыгнуть ему на плечи и сломать спину, но внезапное отвращение к убийству остановило в последний миг.

Солдат прошел до башенки на другой стороне, но не вошел, а повернулся и двинулся обратно. Я распластался на ветке, сучок впился в пах, но устраиваться поудобнее уже поздно, терплю, сцепив зубы.

Он шел все медленнее, я мысленно подгонял: давай-давай, проверил пост, теперь иди и вытри еще горячую сковородку куском хлеба, так положено, запей вином, нечего тебе здесь...

Страж остановился, долго копался в штанах, затем так же неспешно и с наслаждением мочился со стены. Сучок уже пропорол мне штаны и впился в нежную плоть.

Наконец солдат потряс чем-то там, плохо видно, двинулся к своей башне. Я разжал пальцы, обрушился ему на плечи всем весом. Подо мной сухо треснуло. Для верности я саданул в висок, там тоже хрустнуло, затем неподвижное тело соскользнуло со стены в темноту.

Нефиг, мелькнула злая мысль, испытывать милосердие человека с нормальной психикой. У нас вообще-то совсем не

стена между «ручку пожалуйста» и «убью нахрен». Я, как политик, это должен учитывать в своем блестящем, надеюсь, будущем.

Луна часто прячется за облаками, но все равно через двор я пробирался, держась в тени, как если бы был зримым для всех. Колдуны видят и незримников, от них надо прятаться так, как тайлся бы на свету.

В донжон перебежал на цыпочках по перекинутому со стены мостику, непростительный промах архитекторов, или же допотопный король Тангер жил в абсолютно мирную и счастливую эпоху. В коридор, освещенный всего двумя чадающими факелами на противоположных концах, удалось пробраться через плохо прикрытую дверь. Понадобилось отворить ее всего лишь чуть шире, и вот уже приставным шагом вдоль стены, а потом дальше, дальше, вслушиваясь в голоса, внюхиваясь в запахи, сладостный аромат тела Лоралеи не пропушу...

Впереди послышались шаги, я прижался к стене. Смена караула, впереди разводящий, за ним двое, но отношения явно дружеские. Один сзади догнал начальника и заговорил раскованно, так и прошли вдвоем, широкие и хмельные, за ними третий, этот вообще пошатывается...

Этот третий, который ухитрялся задевать стены с обеих сторон, коридор ему слишком узок, оступился и задел меня плечом. Глаза его округлились, рот глупо открылся.

— Кто... здесь?

— Миртус... — шепнул я.

— Какой Миртус?

— А вот такой, — прошипел я.

Он открыл рот для вопля, а я зажал ему рот и воткнул длинное лезвие меча в печень. Он охнул, обмяк и начал сползать на пол. Я торопливо догнал двух, ударить в спину успел бы, но что-то чересчур рыцарское удержало, вместо этого сказал злобно:

— Гав!

Они начали оборачиваться, на мордах веселые улыбки,

их дружок дурачится, так и померли, а я с забрызганным кровью мечом побежал быстрее.

И ноздрей коснулся драгоценный запах ее волос, ее кожи! Если верить разлитому в воздухе аромату, Лоралея сейчас вон в той башенке...

Сзади раздался крик, топот, звон железа. Я услышал шелчок, упал на руки. Над головой сердито вжикнул стальной арбалетный болт. Сухой удар в стену, брызнула каменная крошка.

Подхватившись, я успел прыгнуть за угол, еще два болта с силой ударили дальше, тускло брызнули багровые искры. Ускоряя метаболизм, я пробежал по узкому переходу, ворвался в небольшой зал и пронесся там, как дикий кабан через поле. Крики растут, народ хватается за оружие, и, похоже, меня загнали, не как кабана, а как зайца, сдуру забежавшего в псарню. Людей с оружием не меньше двух десятков, это бы еще ничего, но у них арбалеты и проклятый маг, что убрал мою невидимость так же просто, как я почесал ухо.

От бега и напряжения я разогрелся так, что уже начинаю светиться подобно раскаленному слитку металла. Пот стекает по лбу и шипит, будто на раскаленной сковородке.

Тяжело дыша, я спрыгнул, пробежал через темный двор, расцвеченный слабыми пятнами лунного света. Стоптал только одного, пронесся по каменным ступенькам на стену, сердце едва не выскакивает, до распахнутых дверей желанной башенки рукой подать...

Оттуда выскочили трое, за ними еще и еще, а последним выбежал с обнаженным мечом в руке рыцарь в хорошо подогнанных легких дорогах доспехах.

— Вот он! — прокричал он. — Убейте его!

— Эй-эй, — крикнул я, — а как насчет взять в плен?

Его люди остановились в нерешительности, один произнес с вопросом в голосе:

— Сэр Рикардо, а если он сдастся?

— Все равно убейте, — прокричал рыцарь разъяренно. — Он в любом виде опасен!

— Но как же...

— Просто убейте!

Глава 2

В окне башни свет блеснул на металле, я инстинктивно отшатнулся, но в плечо садануло с силой раскаленного молота. Стальной болт пробил мышцы и глубоко вонзился в ткани.

Остальные тут же ринулись в атаку, блестя мечами. Я зарычал, поспешно отступил. Они навалились, я отступал еще и еще, пользуясь тем, что на гребне узкой стены против меня может драться только один. В конце концов из дальней башенки, что за спиной, выбежали еще двое. Я услышал их топот и уловил запахи жареного лука, развернулся, смел обоих, как сухие листья, опешивших от неожиданности, вбежал с разбегу в их башню и с треском захлопнул свободной рукой дверь, заложив щеколду.

Наверх идут каменные стертые ступени, но дорогу перекрывает металлическая дверь такой толщины, что от одного ее вида стало холодно, несмотря на жар в теле и злое жжение в плече. Я выл и рычал, пока зарастающие ткани выталкивали арбалетную стрелу, наконец сам выдернул и выбросил в окно, пусть думают, что я по-прежнему с одной рукой.

Со стороны стены в дверь начали ломиться, послышался разъяренный голос сеньора. Вскоре донесся уверенный и холодный голос мага, уверяющий, что сейчас заставит меня самого бросить меч и выйти, покорного его чарам.

Ага, шас, подумал я мстительно. Давай-давай, а я переведу дышалку. Обложили, гады. Вообще-то я думал, их троечетверо, а тут целая стая, явно собрал все свои силы...

Замок в самом деле не столько замок, сколько дворец: окна широкие, совсем не для обороны, а для любования красотами природы. Хотя почему-то высокогато.

Я подпрыгнул, пальцы цапнули за край подоконника, с трудом подтянулся, выглянул, внизу почти никого, торопливо перевалился через край. Какой-то дурак выбежал в тяжелых доспехах и весь обвешанный оружием, словно опереточный герой. Я рухнул ему на плечи, кости хрустнули. На стенах, несмотря на темень во дворе, все-таки заметили и заорали, и тут же слева совсем близко, со звоном вырубая песчинки из камня, в стену ударил стальной болт.

Я бросился в донжон, здесь уже зажжены все светильники, успел пробежать половину холла, как чей-то высокий голос прокричал:

— Вот он!.. Бежит за теми колоннами!

Просвистела одинокая стрела, я лавировал между колоннами, как назло слишком изящные, не спрячешься как следует.

Сзади крики и топот, я услышал голос мага:

— Вот он, за той колонной!

Стражи мгновенно ошетинились стальными клинками, начали оглядываться, маг сказал торопливо:

— Сейчас... сейчас... Готово!

Стражи повернули головы, взгляды отыскиали меня, я видел по лицам, что проклятый маг снова держит меня видимым для всех.

— Лучше не попадайтесь на дороге, — предупредил я.

Показался разъяренный сэр Рикардо в блестящих доспехах, величественный и красивый в праведном гневе. Только сейчас я вспомнил, что это за него отец выдал Лоралею, так что этот Рикардо вообще-то и есть первый и настоящий муж.

— Вот он! — прокричал он торжествующе. — Брать живым не обязательно!

Я отпрыгнул к лестнице, двоих оглушил ударами меча, третьего свалил зуботычиной. Сэр Рикардо дергался, хватаясь за рукоять меча в раззолоченных ножнах, потом закричал тонким голосом:

— Да убейте же, просто убейте!

Наступающие наперли сильнее, я начал отходить вверх, удерживая напирających острием меча. Самым нетерпеливым оставлял отметины на руках, плечах и даже мордах.

Выше лестница раздвоилась и красиво пошла в стороны. Я отступал, понятно, по левой, прислушивался к тому, что за спиной, и когда там простучали шаги, резко сдвинулся в сторону. Мимо пролетело тело массивного мужика в железе с головы до ног. Я добавил пинком ускорения, и он мощно вломился сверху в напирющую толпу.

Я взбежал выше, в нишах статуи рыцарей, одной рукой я все время угрожал вытянутым вперед мечом, другой валил их навстречу наступающим. Не покалечат, так затруднят караб-

каться по ступенькам, срывал гобелены со стен и тоже швырял широким жестом тореадора, накрывая людей с клинками.

— Великолепно, сэр Рикардо! — крикнул я. — Прекрасно держите мой удар распрямленной грудью... ваших слуг!

Он захрипел в ярости и новыми взмахами отправил на меня прибежавших воинов.

— Хорошо, — крикнул я снова. — В самом деле прекрасно держат удар, как вы... зубами!

Я сразил еще двух, он проорал в ярости:

— Да убьет ли его кто-нибудь?

— Что, сэр Рикардо, — прокричал я сверху злорадно, — я похож на судьбу?

Он крикнул озадаченно:

— Это почему же?

— А вам не удастся ответить ударом на удар!

Он кивнул в мою сторону худошавому мужчине в хорошо подогнанной одежде. Тот быстро и красиво выхватил из ножен меч, бросился широкими шагами вверх по лестнице.

Я отбивался от нападающих, но поглядывал и на него, слишком быстр, движения отточенные. Из тех, кто не увлекается бабами или пирами, а свободное время проводит в упражнениях и шлифовке ударов и связок приемов.

Он крикнул в спины, стражи моментально шарахнулись в стороны, едва не падая через перила, а он бросился на меня, как бык... но я не поддался на обманчивый вид, парировал удары, осторожно переступал наверх со ступеньки на ступеньку.

Наши мечи высекали искры со звоном и лязгом, остальные стражи переводили дыхание и смотрели жадно, как их кумир теснит меня, а я едва отбиваюсь...

Меч его оставлял за собой красивый огненный след, и когда он вертел им особенно быстро, это выглядело, как жонглирующий бенгальскими огнями фокусник. Я дрался без показных эффектов, все эти прыжки и подскоки только отнимают силы, все внимание должно быть на кончике меча.

Я сделал выпад, сухошавый легко отбил, но я уже завертел серию ударов, последний из которых завершился стремительным выпадом. Кумир едва отшатнулся, но если избежал

смерти, то не отметины: щеку рассекла длинная и глубокая царапина, кровь хлынула широкой полоской.

— Если вас ударили по щеке, — сказал я злорадно, — подставьте, сэр, задницу! Обещаю сделать менее больно, зато более звонко!

Он зарычал и ринулся в бешеную атаку. Мы обменивались ударами, я старался следить и за тем, чтобы не подстрелили в спину, при первой же возможности нанес рискованный для меня удар, но удачный: фехтовальщик повалился вниз лицом, волосы окрасились кровью.

— Это судьба, — крикнул я сочувствующе. — У судьбы, сэр Рикардо, хорошо поставленный удар. Следующий — ваш.

Стражи с унылым ревом разочарования, оглядываясь на хозяина, снова пошли в наступление. Он не поддался на мои провокационные оскорбления. А сами стражи тоже держатся осторожно, выставили перед собой не только клинки, но и пики.

Я отступал, пока ступеньки не кончились, а на втором этаже побежал по длинному широкому коридору, что вообще-то не коридор, а чередка маленьких приплюснутых залов.

На миг кольнула острая мысль, что здесь подозрительно тихо, ни души, но тут же увидел, как на том конце возникла, загораживая дорогу, фигура мага.

Он появился прямо из воздуха, никакой незримости, только что его там просто не было. Я охнул и остановился, а он зло засмеялся, худая рука выдернула из-за пояса нож. В глазах безумное торжество, я напрягся, и когда колдун резко выбросил руку в мою сторону, метнулся в сторону.

Я готовился увернуться от летящего ножа, однако в мою сторону метнулась широкая, как бревно, струя синего огня. На стене, перед которой я только что стоял, зашипело, пахнуло жаром. Камень вздулся безобразными струями и пополз грязными коричневыми потеками.

Я слернул с пояса болтер и направил ствол в сторону мага.

— Сдавайся, — крикнул я. — И, может быть, найду тебе работу!

Он захохотал:

— Ничтожество... Попрыгай, попрыгай! Меня это только забавляет...

— Тогда посмейся, — предложил я и сжал болтер. — Вслух.

Маг вскрикнул диким голосом, его качнуло, но удержался. Взгляд его торопливо покинул мое лицо и опустился на свою правую ногу. Дырочка в штанах на колене, фонтанчиком бьет алая струйка. Зеленая ткань быстро темнеет, обвисает, наполняя кровью штанину.

— Ты...

— Я, — согласился я скромно, — ну как, договорились?

— Сволочь...

— Все верно, — сказал я. — Но хоть ты и она самая, но я беру тебя на работу. Договорились?

Он закричал страшно, лицо перекошилось, кинжал выпал из ладони, а обе руки протянул в мою сторону. Стена огня налетела, как буря, я хоть и прыгнул в сторону, но лицо и руки обожгло, мгновенно вздуваясь пузырями.

Я тоже орал от боли, спешно заращивал ожоги, прыгал через что-то горящее, выкатился в выбитую взрывом дверь, пробежал через помещение, а когда впереди возникла моя страшная тень на багровом фоне, я прыгнул в ближайшую дверь, а следом прокатилась волна огня, наполняя его от пола до низкого свода.

За спиной страшно полыхает, в дверном проеме появилась объятая огнем фигура. Я стиснул зубы и трижды сжал холодный цилиндр болтера.

Фигура дергалась, но, к моему удивлению, упорно шла через зал. Я охнул, побежал, прячась за толстыми колоннами от настигающих волн пламени. Как хорошо, что короли и лорды живут в проходных комнатах, а строительная техника не на уровне: в этом зале низкий свод подпирают толстые, как баобабы, колонны.

Я добежал до лестницы, но злость ударила в голову: сколько буду прятаться, как заяц, затаился за углом, держа болтер на изготовку.

Из дверного проема выметнулась объятая огнем фигура. От горячих подошв воспламенилась и створка двери на полу, но маг то ли защищен заклятиями, то ли от ярости и унижения просто не чувствует боли.

Сволочь, мелькнуло у меня уstraшенное, даже не хрома-

ет... Он, разбрасывая клочья огня, бежал к лестнице, уверенный, что я сейчас торопливо несусь в нижний зал, а то и качусь по ступенькам, потому сразу перегнулся через перила и начал высматривать меня вниз.

Вообще-то надо окликнуть, мужчины не стреляют в спину, а когда враг повернется, закончить все одним красивым выстрелом... нет, еще и сказать несколько коротких слов, полных мужественной мудрости и значения...

А вот фигу, мелькнуло у меня в голове разъяренное. Животных, диких зверей и богопротивных колдунов убиваем без всяких красивых слов.

Болтер дернулся в моей руке. Объятая огнем фигура вскрикнула, словно ощутила боль более жгучую, чем гореть заживо. Маг судорожно обернулся. Я видел сквозь призрачный огонь, как расширились в ужасе красные глаза. Я пошел на него и всаживал заклепку за заклепкой, которыми неведомые умельцы скрепляли стальные плиты.

Маг выгнулся от боли, удары отбрасывали его назад и перегибали через перила. Наконец я сделал два быстрых шага и с наслаждением ударил кулаком в объятую огнем морду.

Горящее тело перевалилось через перила. Я сбежал по лестнице, там небольшой заслон из трех наспех вооруженных людей, смел их, но на первый этаж прорываться не рискнул, оттуда доносится тяжелый лягз и грохот, слышны уверенные голоса и раздраженные покрикивания.

По уже знакомому мостику перебежал на стену, там торопливо свистнул. В ночи прогремел стук копыт, я хотел было просто прыгнуть, получилось бы очень красиво: развевающиеся волосы, распахнутые руки, трепещущая по ветру одежда, а еще если леди Лоралея смотрит...

...но мужчина, если он мужчина, твердил я себе, красив даже со спущенными штанами, нечего лихачить, нам нужна победа, а красивой ее все равно сделает победитель. Я повис на руках, еще раз свистнул и разжал пальцы.

Не знаю, как они там скачут с пятого этажа, нормальному коню можно спину переломить уже с третьего. Я падал со второго и то зашиб причинное место, некоторое время Зайчик нес меня почти обеспамятевшего.

Когда боль отпустила, а с глаз ушла красная пелена, я ог-

лянулся, однако замка уже не видно за деревьями. Непривычно смирный Бобик бежит рядом с Зайчиком, на меня поглядывает с беспокойством в покрасневших глазах.

— Все норм, — прохрипел я. — Это была только разведка...

Зайчик громко фыркнул, мол, хреновый из меня гроссграф, если некого послать больше, только Бобик разом успокоился и начал привычно рыскать по сторонам в поисках зазевавшегося оленя, кабана или какой-нибудь толстой и жирной птицы.

В спину мне светила полная бледная луна, озаряя верушки скал непривычно теплым золотым светом, словно подражала солнцу, а к крепости подъехал уже утром, когда алая заря охватила полнеба, а солнце готовилось высунуться из-за искрящегося края.

Во дворе деловитая суета, жизнь не замирает и на ночь, уже стучат молотки кузнецов, кричат петухи, скрипят телеги, протяжно и печально мычат волю.

Я проехал под аркой ворот, створки еще на земле, их укреплению стальными полосами и набивают красочные изображения львов, орлов и прочих геральдических зверей.

— Бог в помощь! — сказал я.

Плотники торопливо кланялись.

— Благодарствуем, ваша светлость!.. Дай Бог вам здорovia!

— Спасибо, — ответил я вежливо. Хотя электората здесь еще нет, но вежливость всегда приносит плоды. — Сегодня будет жарко, не перегревайтесь. Тепловой удар — нехорошо...

Они снова кланялись и благодарили, уже в спину, а я с тоской посмотрел на окна донжона, где никто меня не ждет... кроме Бобика, он сперва унесся на кухню, а потом в мои покои.

Стук плотничьих молотков и лязг железа несутся отовсюду, как жаль, что дефы работают только с камнем. Я передал повод Зайчика в руки конюхов, прошелся по двору, делая вид, что вникаю в дела и проблемы, на самом деле очень не хочется подниматься в комнату, где все пахнет Лоралеей.

Из типографии вышел отец Дитрих, я заспешил к нему, поклонился еще издали.

— Отец Дитрих, вы там и ночуете?

Он мягко и непривычно застенчиво улыбнулся.

— Да, что-то тянет... Удивительный мир, сын мой! Сокровенные мысли древних будут передаваться без искажений. Подумать только, можно беседовать с великими людьми... А что у тебя, сын мой?

— Ездил по следам похитителей, — сообщил я.

— И как?

— Удачно, — ответил я хладнокровно.

— Леди Лоралея?

— Пока там, но теперь я знаю, где она.

Он посмотрел исподлобья.

— Так в чем же удачность? Я полагал, вернетесь под пеньные трубы. И леди Лоралея будет на твоём коне.

— Не все сразу, — ответил я, как будто сам не хотел бы вот так вернуться, держа леди Лоралею в объятиях. — Я, можно сказать, выполнял важную миссию по выявлению и обезвреживанию вражеского агента. Агент был очень опасен, внедрен давно и надежно, работал под прикрытием, но я его спровоцировал открыться...

— О ком вы?

— Об очень сильном колдуне, — объяснил я. — Он был у сэра Рикардо, представляете, сенешалем!..

Отец Дитрих нахмурился.

— Да, что-то новое. Обычно они так высоко не поднимаются. Могли бы, это при их-то возможностях, но, к счастью для нас, пренебрегают мирским... И нам легче их искать.

Я сказал с наигранной бодростью:

— Так что я действовал во славу церкви и только ее. Пусть так и запишут, если... пишут. Изложение истории диктуют победители!

Он подумал, поинтересовался:

— А что леди Лоралея?

Я пожал плечами.

— Да при чем здесь Лоралея? Похищение отсюда леди Лоралеи не обошлось без помощи магии. Причем очень мощной. Я просто вынужден теперь принять меры! Тем бо-

лее украли у гроссграфа, а это, кстати, можно подвести под государственную измену.

— Лично вы? — спросил он устало.

— А на кого переложить?

Он пожал плечами.

— Если, как вы говорите, это не личное, а уже государственное дело...

— Мы живем в рыцарски ориентированном мире, — напомнил я. — Меня не поймут, если пошлю войска возвращать лично мне женщину.

— Поймут, — сказал он.

Я подумал, кивнул.

— Вообще-то поймут, но репутация героя будет чуть подмочена.

— Подмочена?

— Такое выражение, — сообщил я. — Репутации гроссграфа, вы правы, нанесен урон не будет, а вот имиджу славного и бесстрашного рыцаря сэра Ричарда... Все-таки рыцарство предпочитает идти за сильным вождем! Который сам с оголенным мечом впереди, яростный и неистовый, пылающий благородным гневом... Потому, увь, это мне.

Он поморщился.

— Не пытайтесь делать вид, что просто вынуждены, а не сами пытаетесь мстить. За милю видно! Какой бы беспечный вид ни принимали. Вы все еще не умеете скрывать чувства, сэр Ричард.

Я вздохнул — отец Дитрих видит насквозь, — сказал уже другим тоном:

— Это тоже да, я ж человек ищщо, а не только государственный деятель! К тому же это личное оскорбление мне. Да не из-за Лоралеи, что вы к ней так неровно дышите? Я имею в виду мое гроссграфство над вверенной мне областью. Если я поставил вне закона казнокрадство, конокрадство, колдовство и неуплату налогов, то так и должно быть!.. А кто ворует или занимается магией — это вызов лично мне, как приличному государю!.. Сейчас вот думаю еще кошек запретить держать в приличных домах.

Он удивился:

— Почему кошек?

— А чтоб спрашивали, — пояснил я. — Все будут недоумевать, начнутся пересуды и споры, а истребление магов, повышение налогов и ограничение властных полномочий лордов отойдет на второй план. Я же политик, должен быть хитрым и коварным! На пользу Отечества, конечно, а как же.

Он хмыкнул, не зная, где говорю всерьез, где потешаюсь сам над собой, развел руками.

— Сын мой, церковь никогда не повелевает, только советует и наставляет на путь праведный. Господь всем дал свободу воли, но пользуйся ею осторожно!.. Сойдешь с дороги — разобьешься о придорожные камни, и даже Господь тебя не спасет, ибо дороги выбираешь сам.

— Спасибо за поддержку, святой отец.

— На здоровье, сын мой.

Он благословил меня довольно сухо, я смотрел в его удаляющуюся сухошавую спину и думал, что отец Дитрих немолод, очень немолод, потому и лучше других понимает и улавливает перепады моего настроения. Я ведь тоже очень стар, во мне все победы, поражения и разочарования всех пролетевших веков, все ошибки, дурости и вся горечь от катастроф великих строек.

В крепости за время моего отсутствия резко прибавилось народу на постройке церкви. Даже досужие челядины, которым бы только языки почесать и погреться на солнце, таскают камни, месят раствор и спешно строят леса, а каменщики укладывают глыбы.

Понятно, руководит всем отец Ульфилла, вокруг него кипит, бурлит, клопочет, а он размахивает руками, призывая во имя Господа строить так, как будто это их последнее здание в жизни, уже только этим искупят все грехи.

Я подошел, раздвигая плечи и показывая всем видом, кто в доме хозяин. Работающие сорвали шапки и начали кланяться. Рыцари обернулись, и кто отдал честь, кто поклонился, только для отца Ульфиллы мое появление, что красная тряпка для быка. Побагровел и спросил высоким голосом:

— И что вы здесь забыли, сэр гроссграф? Мне кажется, это последнее место, куда вы заглядываете!

Работники и рыцари притихли, священник бесстрашно

бросает мне вызов, а любая схватка всегда интересна для тех, кто смотрит со стороны.

— Орлы видят издалека, — ответил я. — Высоко сижу, отец Ульфилла, далеко гляжу. И все вижу.

— Все? — воскликнул он. — А что эту Божью церковь уже можно было давно выстроить?

— Даже раньше крепости? — спросил я и перекрестился важно и заметно для всех. — Все-таки Господь возжелал, чтобы сперва крепость. Кто посмеет послушаться Его воли?

Рыцари и рабочие перекрестились. Отец Ульфилла возопил:

— И потому священный алтарь стоит открытый дождям, ветрам и палящему зною?

— Он каменный, — ответил я раздраженно. — Не растает. А если растает, то на это будет Божья воля.

Он еще больше повысил голос:

— Кто смеет так непочтительно говорить о священном алтаре? Сэр гроссграф, кем бы вы ни были, но преклоните колени у алтаря! Вы сейчас перед лицом Господа нашего!..

Он размашисто перекрестился. Рыцари смотрели на меня с ожиданием, я чувствовал, что надо как-то дать отпор этому быстро набирающему силу попу, но не вешать же, хоть руки и чешутся.

Я примирительно улыбнулся.

— Если Господь хочет, чтобы я встал перед ним на колени, значит, он такого же роста, как и я. Но я не допускаю этой дерзновенной мысли, несмотря на все ваши попытки, святой отец, мне внушить такие ну просто недостойные взгляды.

При последних словах я повысил голос и посмотрел на него грозно, как на еретика. Рыцари тут же оживились, никто не любит преклонять колени, на меня смотрят с надеждой.

Отец Ульфилла взвизгнул в негодовании:

— Это я стараюсь внушить такую мысль?

— Да, — ответил я четко и посмотрел бестрепетно, твердо и прямо, мол, от этого не отступлю. — Для Господа с его высоты мы все на одном уровне, как муравьишки. Он не отличает, кто выше, кто ниже, кто на коленях, кто на коне. Для него равны императоры, простолюдины и даже нищие. По-

тому колени надлежит преклонять только перед достойными того женщинами, уж они такое заметят, оценят и отблагодарят, а перед Господом склоняем только головы!

Рыцари, не выдержав, заорали ликующе. А новички, что прибыли под мои знамена в поисках добычи и славы, теперь смотрят на меня вообще влюбленно, как на могучего защитника их прав и вольностей.

Ульфилла прокричал, весь красный от гнева:

— Вы... сэр Ричард... не повинуетесь даже Богу?

Я произнес так же громко и четко:

— Богу я не повинуюсь, а соглашаюсь с ним и следую за ним не по необходимости, а от всей души! Как за Верховным Сюзереном, которому служу верой и правдой по доброй воле свободного человека.

Рыцари выжидающе смотрели то на меня, то на отца Ульфиллу. Тот охнул, перекрестился и посмотрел в диком ужасе, как на воплощение дьявола.

— Ты... отрицаешь... власть Господа над этим миром?

— Я не раб Божий, — возразил я, — а рыцарь Божий! И следую за Господом по своей воле. Это гораздо достойнее, чем быть рабом, которого тащат на веревке. И вообще, отец Ульфилла... вы не на того направляете громы и молнии. Мы на одной стороне баррикады, хоть и на разных концах. У вас что, ведьмы кончились?

Он охнул:

— Мы здесь церковь строим!

— Церковь строю я, — сказал я веско. — А вы, отец Ульфилла, готовьтесь в обратный путь. Мы договорились, что вы поспешите прислать мне грамотных монахов.

Он стиснул челюсти, рыцари и строители замерли, между нами проскакивают искры, наконец он выдохнул воздух и проговорил резко:

— Да, я строю Храм Небесный... и для меня в самом деле не так важно, если одну из церквей на грешной земле построят криво или недостаточно быстро. Но я не получил еще чертежей...

— Сегодня же получите, — воскликнул я, радуясь такой зримой и важной для меня победе. — Простите, отец Ульфилла, дела, дела... Рад был пообщаться с вами.

Он буркнул:

— А уж я как рад.

У него еще и чувство юмора, мелькнула мысль. Впрочем, это не юмор, а сарказм, от которого не только мухи, но и скот в радиусе мили может подохнуть.

Глава 3

В покоех я напялил доспехи Арианта и сразу ощутил себя намного защищеннее. Конечно, тогда погнался за похитителями, как дурак, и едва не попался там, как дурак. А в том, что сумел одолеть довольно сильного мага и сбежать из замка, есть еще и элемент удачи.

Сейчас в доспехах, которые не пробить простым мечом или стальной стрелой из обычного арбалета, с рубящим все и вся мечом, с необыкновенным луком, про молот молчу, я выбежал из донжона, как голодный кабан из леса на поле, злая дрожь сотрясает тело, требуя выхода. Меня спрашивали с надеждой, не поход ли какой организуем, я отмахивался, со стиснутыми челюстями добежал до лаборатории Миртуса, там злобно пнул дверь.

Пахнуло запахами серы, горелых трав, внутренностей животных, древесного угля, а также типографской краски. Несколько человек смешивают и просеивают порошки, такая работа пока под силу только алхимикам, привыкшим точно составлять смеси, это все пойдет на оттиски Святого Писания, а другие умельцы устроились по углам, каждый по-своему стремясь постичь тайны мира, а попутно и стать его властелином.

Миртус с несчастным видом мечется по всему залу, хреновый из него начальник, везде старается сам успеть, но и заменить его пока некем. Есть пара магов из моих прежних владений, Логирд создал из них свою фракцию, у них манеры более властные, по их уверенному виду тянут больше на руководителей.

— Миртус!

Он заспешил навстречу.

— Ваша светлость, в нашем цехе...

Я вскинул руку.

— Погоди с отчетом. Я не за ним. Ты можешь помочь мне в личном деле?

Он сказал поспешно:

— Располагайте мной, ваша светлость!

Я сказал, пряча взгляд и морщась от осознания, что приходится вот так признаваться:

— Миртус, у меня проблема...

— Я слушаю, ваша светлость.

— И ты знаешь какая.

Он помотал головой.

— Не знаю, ваша светлость.

Я сказал сердито:

— Знаешь. Уже вся Армландия знает и злорадствует, что у меня похитили женщину. А это ни в какие ворота! Я гроссграф, а у гроссграфов не похищают. Это почти государственная измена. Даже мятеж!.. Но люди заняты, потому я, как главный бездельник, поеду на поиски сам... если скажешь, что ничем помочь не сможешь.

Он сказал так же поспешно:

— Смогу.

— Вот так сразу? — спросил я с удивлением. — Даже не охнул?

Он развел руками.

— Ваша светлость, как только ее украли, я подумал, что вам непросто будет отыскать следы. Здесь нужна особая магия... А я, к счастью, ею случайно владею. На всякий случай бросил на след укравших пыль когтей дракона... Вдруг, думаю, вам понадобится.

Я спросил недоверчиво, но со вспыхнувшей надеждой:

— И что?

— Пыли больно мало, — сказал он виновато, — но если не слишком откладывать погоню, увидеть можно.

— Тогда выезжаем, — распорядился я. — Сейчас!

— Ваша светлость, мне нужно кое-что взять...

— Бери, — велел я. — Коня тебе одного или надо и подтюки?

— Нет, я все свое ношу с собой.

— Ты прям, как цыганка!.. Или баядерка. Дум спиро спэро. Собирайся, я сам выберу тебе коня.

Пока Миртус копался на столе, отбирая в седельную сумку самое нужное и самое необходимое, я пошел в соседнее помещение, где мы расположили типографию.

Отец Дитрих влюблен в это чудо и постоянно торчит там, наблюдая, подавая советы, благословляя рабочих и помогающих им молодых священников на великое и нужное дело.

К изумлению увидел, что отец Дитрих и чертов Ульфилла склонились над большим чертежом во всю ширину стола. Через их головы время от времени заглядывают другие священники, исчезают, а на их месте оказываются другие любопытствующие.

Я ожидал, что там чертеж типографского стана, однако оказался увеличенный рисунок монастыря, который я набросал еще в Амальфи и передал отцу Ульфилле. Правда, сейчас там вижу кучу поправок и дополнительных строений, но так и должно быть, я не силен в обустройстве монастырей и просто набросал по памяти один из памятников старины Южной Франции.

Я поприветствовал обоих, мне ответили рассеянno, отец Ульфилла говорил резко и с неистовым жаром, на котором можно быть жечь не только еретиков, но и целые города с инакомыслящими:

— ...нет, нет и нет!.. Устав в монастыре должен быть для монахов, а не для бездельников! Я с горечью и сокрушением сердца видел такие, где на полях трудятся нанятые люди, а то и рабы! Но разве Христос кого-то заставлял работать за себя? Он трудился плотником, помогая отцу, а в странствиях рубил дерево, рыхлил землю и пас овец. Потому монахи должны работать все! И все, что есть в монастыре, должно делаться их руками!

Отец Дитрих неодобрительно морщился, а я подумал, что физический труд вообще-то необходим, так что отец Ульфилла прав, монахам лучше работать, меньше будет забот с простотой и атрофией сердца.

Он покосился на меня, я буркнул рассеянno, думая о своем походе за Лоралеей:

— Я не против.

И тут же пожалел о сказанном, ибо отец Ульфилла взвился в ярости:

— Он не против! Да кто посмеет быть против слов самого Христа, который велел нам быть в труде и непорочности? Я настаиваю, чтобы монастырь строили без всяких сатанинских украшений, что отвлекают братьев от высоких и чистых дум.

Отец Дитрих спросил:

— Сатанинских украшений... это каких?

— Барельефов, цветных стекол... — выпалил отец Ульфилла.

Он явно собирался перечислять еще, но отец Дитрих прервал изумленно:

— Но цветные стекла даже в окнах Реймского собора!

Отец Ульфилла повысил голос:

— Что дозволено в одном месте, не дозволено в другом! В собор ходят простые люди, сами одеты ярко и празднично, потому должны видеть красоту храма Господня! А в монастыре живут духовные братья Христа, им надлежит о душе думать, углубляться в созерцание святости... в то время как мирские люди, даже посещающие храм, думают и о том, как прокормить семьи, как лучше выполнить работу, как воспитывать детей...

Я с изумлением и беспокойством увидел, что Ульфилла в споре берет верх. Хотя аргументация отца Дитриха всем нам более понятна и принимаема, но неистовый священник говорит самую суть, хотя я предпочел бы, чтобы горькую правду говорил более приятный человек.

— Отец Дитрих, — прервал я, — благословите на трудное богоугодное дело. Я сейчас отбываю, так как берусь за него лично. Увы, есть дела, которые человек не вправе перекладывать на малых мира сего! Даже если он всемогущий гроссграф.

Он взглянул строго, у меня в голосе проскальзывает бунтарская нотка, отец Ульфилла уловил ее первым и сразу ошетинился, даже зубы оскалил, как зверь лесной, но отец Дитрих перекрестил меня и сказал просто:

— Да будет с тобой мое благословение и милость Господа! Да поможет он тебе, когда ты прав, и не позволит одержать победу, если ты не на правой стороне.

Отец Ульфилла оскалил зубы сильнее, в глазах блеснула ярость и ожидание, что меня привезут вперед ногами.

— Спасибо, святой отец, — сказал я и поцеловал руку отцу Дитриху. — Отправляюсь на трудный подвиг с чистым сердцем.

Отец Дитрих еще раз перекрестил меня, а Ульфилла прожигал взглядом, в глазах священника я прочел, что никакие мои уловки его не обманут. Господь долго терпит, но больно бьет, и когда-то останется только мокрое место там, где я стоял такой гордый и сильный.

На закате небо неожиданно бледное, хотя вчера в это же время полнеба было залито расплавленной лавой, там бушевали огненные бури, взрывались багровые вулканы и страшно полыхали подоженные облака. Ветер утих, мы выехали из кипящего муравейника в странно затихший мир.

Все сглаженно, мягко, исчезли резкие цвета, и хотя солнце еще достаточно высоко, все застыло в предвкушении прихода ночи. Часовые на выезде из крепости шарахнулись было от выбежавшего Бобика, но тот унесся далеко, они с облегчением перевели дух, и тут выехали мы с Миртусом.

Я подмигнул им, оба понимающе заулыбались. Возможно, гроссграф, чтобы утешиться потерей, едет тайком к чьей-то жене, маг будет на стреме, а еще невидимость создаст или что-нить еще, а им нужно просто помалкивать.

Миртус сразу же взял след, я ничего не видел, даже перешел на тепловое видение, затем на запаховое — нуль, только голова закружилась и дико заболела.

— Здесь они остановились, — рассказывал Миртус. — Видите?

— Нет...

— Ох, простите... Вот следы сразу пятерых... А вот поехали в разные стороны...

— Следы путают, — сказал я нетерпеливо. — Дальше!

— А леди Лоралею посадили... посадили...

Он мялся, хмыкал, вскидывал брови, почти ползал по земле, но присматривался не к следам, а вывернул голову и старался смотреть на небо, держа голову как можно ниже.

— Куда?

— Минутку, ваша милость... Нет, не пойму. Но зато я отчетливо вижу след. Тот, который настоящий.

Я в нетерпении подобрал поводья.

— Поедем! Поедем быстрее!.. Бобик тоже след не теряет. А общее направление я запомнил.

Слева потянулась исполинская подкова гор, под копытами трещит обкатанная морем галька, да и валуны тянутся гладкие и блестящие, похожие на окаменевшие яйца гигантских птиц. Дважды мы проезжали мимо совсем уж древних руин, даже не представляю, что значили в те времена эти торчащие из песка сложенные ладони размером с двухэтажный дом.

Солнце опустилось наконец на темную полосу земли, она прогнулась, не желая принимать раскаленный шар, но тот продавил упругую твердь и просел в темную глубину. Далекая кромка освобожденно выпрямилась, как возвращается на место такая же темная вода в пруду на месте нырнувшего селезня.

Наступило то странное время сумерек, когда в небе останавливаются до утра облака, все замирает, букашки вцепляются в травинки и цепенеют, мир повисает в равновесии между ночью и днем, когда дневные хищники уже ушли, а ночные на охоту еще не вышли.

Зайчик все порывался обогнать коня Миртуса, недовольно фыркая, что придерживаю. Бобик носился по окрестностям, приносил нам то задавленного кабана, то оленя, то утку, а в глазах было острое сожаление, что с нами нет сэра Растера, поклонника и ценителя его охотничьих талантов.

Небо удивительно чистое и светлое, словно и не ночь над миром, луна крохотная, но такая яркая, что по земле от наших коней бегут длинные призрачные тени.

Миртус то ли потому, что предупрежден, то ли в самом деле у него есть такие амулеты, но верно указал направление и сказал, что вот там скопление древней мощи. Видимо, там и есть замок, куда увезли госпожу...

— Все точно, — ответил я, потому что людей при любой возможности надо хвалить и подбадривать, особенно простых. — Молодец, Миртус!.. У тебя все работает.

— Стараюсь, ваша светлость...

— Оставайтесь здесь, — велел я. — Зайчик, Бобик!.. вы тоже спрячьтесь, из леса не показывайтесь. Это игра такая. Сторожите Миртуса.

— Да я не сбегу, — сказал Миртус бледным голосом.

— Надо же им дать какое-то задание, — объяснил я. — Собаки любят служить. Без службы чувствуют себя несчастными. Эх, были бы такими люди...

Зайчик и Бобик по-своему бурчали и намекали, что лучше бы и дальше втроем, но я повторил, чтобы из лесу ни-ни, а сам начал потихоньку пробираться к замку. Тревожное ощущение росло, теперь здесь предупреждены, охрана начеку. Вряд ли тот гад был единственным магом на службе у Рикардо.

Замок, как мне казалось, затих в тревожном ожидании. На этот раз я выбрал дерево с другой стороны, там ветка не такая надежная, зато отсюда не ждут... возможно, или не так интенсивно ждут, едва переполз на стену, отдышался, прижавшись к камню.

Тишина, только в той же башне горит свет. Не везде, в двух окнах. Я начал медленно пробираться сперва к ближайшей, там темно, сердце замирает при каждом подозрительном шорохе, а они со всех сторон: деревья и при безветрии ухитряются злобно и разочарованно скрести по стенам и башням обломанными ветвями.

Перед дверью долго прислушивался, по всем параметрам должны устроить засаду. Я бы устроил точно. Противника не следует считать намного глупее себя. Конечно, все они дураки, один я умный, но не настолько же идиоты? Вот только ждут ли там парни с ножами наголо или же затаился новый колдун с растопыренными для выброса файерболла клешнями?

Выждав достаточно долго, я рванул дверь и тут же рванул в сторону. Тишина, все чувства обострены до предела, однако все они улавливают только тишину и странную пустоту. Осторожно заглянул, готовый в любой момент отпрыгнуть, сердце от напряжения едва не выскочило из груди.

Комната пуста, и, похоже, на лестнице, что ведет из нее вниз, тоже никто не ждет. Заманивают подальше вглубь замка? Надеются отрезать пути отступления?

Все еще напрягая все чувства, ведь опасность за каждым углом, я пробрался вниз, там долго прислушивался, переходил с теплового на запаховое, но эти гады упрятали все почище кошек, что закапывают дерьмо в ковер...

Глава 4

Ночь на исходе, Миртус подпрыгнул, обнаружив меня совсем рядом. Бобик проснулся, сонно гавкнул, лениво подвигал хвостом и снова захрапел. Зайчик невозмутимо разламывает крепкими зубами ствол упавшего дерева, словно ищет особо вкусных личинок жука-дровосека.

— Как вы неожиданно, — прошептал Миртус, он держался за сердце. — Чуть душа не выскочила... А... леди Лоралея?

Я сказал горько:

— Миртус, ты видел идиотов?.. Если видел мало, посмотри на меня! Другого такого не встретишь.

— Что случилось, ваша светлость?

— А ты как думаешь?

Он ответил осторожно:

— Ну, не знаю. Вариантов много.

Я метнул злую искру в сложенные шалашиком сухие веточки. От злости и разочарования получился целый файербол, огонь едва не разметал щепочки, костер взвился сразу яркий и мощный.

— Ты прав, — сказал я, — вариантов моего идиотизма много. Признаю...

— Ваша светлость, я не то имел в виду!

— Ничего, ты сказал все верно.

— Да нет, я...

— Почему, — прервал я в недоумении, — почему я решил, что они останутся вот так преспокойно ждать, когда сделаю вторую попытку?

Миртус отвел взгляд, пробормотал:

— Ваша милость, если они ушли сразу же, как только вы их обнаружили, то у них либо есть, где укрыться, либо очень страшатся вашей моши.

— Хорошо бы первое, — сказал я горько.

— Но надо быть готовым и ко второму, — проговорил он еще осторожнее, опасаясь задеть мою гордость владетельного лорда. — Хотя это опасно...

Я кивнул, все правильно, это опасно. Могу явиться с войском, пусть и наспех набранным, окружить любой замок так, что мышь не выскользнет. Потому сэр Рикардо наверняка той же ночью собрал уцелевших и повез леди Лоралею не в чей-то замок, а только в ему известное укрытие.

Хорошо, знаю, кто увез, это сильно сужает поиски. У самого Рикардо пусть не один замок, но и не десяток. Еще может попытаться укрыться у одного из своих друзей или в крепости сюзерена, но и это можно проверить простым перебором. Так что остается только тайное укрытие.

Я хотел было снова в седло, но посмотрел на измученного Миртуса, спросил с неудовольствием:

— Если выедем на рассвете, сможешь взять след?.. Вообще-то я надеюсь и на Бобика, но вдруг они умеют посыпать сзади какой-нить гадостью, отбивающей запахи?

Он кивнул.

— Да. След до завтра не потускнеет. Они всего лишь обогнули замок, а дальше поедут по прямой.

— Только в какую сторону? — буркнул я.

Он сказал с натянутой улыбкой:

— Если изволите, можем ехать сейчас.

— Я изволю, — сказал я недовольно, — чтобы у тебя чуть не угасло. А усталая собака теряет нюх. Так что падай и спи!.. Разбужу скоро, успеешь отоспаться.

— Спасибо, ваша светлость.

— Ты поел?

— Нет, мы вас ждали.

— Эх, — сказал я с неудовольствием, — только время теряли. Ешь быстрее. Вон Зайчик брюхо уже набил! Да и Бобик, думаю, кого-то в лесу проглотил, крокодил ненасытный.

Миртус сказал с виноватой улыбкой:

— Да, он немного отлучался. Но из леса не высовывался!

— Ты его не выгораживай! Ишь, спелись уже...

Ел он быстро, но аккуратно и деликатно, соблюдая мане-

ры. Я не торопил, и так спешит, лег у костра и сделал вид, что засыпаю. Сердце стучит часто и мощно, разочарование заснуть не даст, я зол так, что приходится скрывать, иначе сорвусь на неповинных животных и совсем уж запуганном Миртусе...

Зайчик не спал, шевелил ушами, сопел, переступал с ноги на ногу, а Миртус и Бобик даже не пошевелились, когда я встал и раздул угли в полузатухшем костре.

Взвился огонь, веточки сухо и весело затрещали, Миртус вздрогнул, открыл глаза.

— Ох, ваша светлость, простите...

— Ага, — ответил я, — виноват? За что прощать?

— Что не я раздул костер.

Я отмахнулся.

— В походе нет титулов. Есть только люди покрепче и люди послабее. Но кто слабее в дороге, обычно сильнее в замке. Ешь сыр и мясо, пока этот медведь дрыхнет.

Он снова завтракал так же быстро и деликатно, а Бобик повел ухом, понял сквозь сон, что близко едят, мигом проснулся и, похлопав ушами, спросил взглядом: что дают?

— Хватит жрать, — сказал я раздраженно. — В путь, лежебоки!

Зайчик уже смирился, что конь Миртуса не в состоянии мчаться, аки птица, идет спокойно. Бобик почти не показывается, рыщет по лесу, исчезает в оврагах, пугая птиц, носит-ся по высокой траве.

Присутствие магии я ощутил совершенно случайно, покосился на Миртуса, но тому не до колдовства, смотрит только, чтобы не свалиться, когда конь скачет через поваленные деревья.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — спросил я. Пояснил: — Как будто за нами кто-то следит?

Он прислушался, качнул головой.

— Нет.

Я помедлил, стараясь снова ощутить то странное прикосновение, но не сумел. То ли деревья экранируют, то ли в самом деле начинаю подозревать все и вся.

На развилке дорог снова ощутил некое дуновение легко-го ветерка, хотя ни один листок не шевелится. Я проехал мимо, ощущение исчезло, только сейчас пришла догадка, что здесь, возможно, разбросаны некие магические маячки, что позволяют просматривать или прослушивать ключевые моменты.

— Свернем, — сказал я.

— Как скажете, — ответил Миртус послушно.

Мы ломились через чашу, лук я держал на изготовку, и, едва пролетала подозрительная птица, стрела тут же срывалась с тетивы. Из меня неважный филателист, потому на всякий случай стрелял в любую, что попадает в поле зрения.

Ничего, их много, помогу естественному отбору. Выживают не сильнейшие, как считают дураки, а наиболее приспособленные. В данном случае те, у кого хватает ума не высовываться при виде такого хладнокровного и самовлюбленного убийцы, которому своя шкура, видите ли, дороже жизни десятка пернатых.

Миртус морщился, я сказал назидательно:

— Бремя лорда защищать не только свою шкуру, но и своих подданных! А сейчас со мной Бобик, Зайчик, твой конь, а также ты.

— Спасибо, — ответил он смиренно, — что и меня включили в число защищаемых.

— Остришь, — сказал я поощрительно. — Значит, осваиваешься с моей диктатурой. Осваиваешься?

— Стараюсь, — ответил он со слабой улыбкой.

— Ничего, — заверил я, — то ли еще будет! Я вас еще голосовать заставлю... Вот тогда и помыкаетесь.

Миртус на всякий случай промолчал, только вздохнул горько. Проскочив лесок, мы вынеслись галопом на дорогу и освобожденно мчались, не чувствуя чужого внимания.

Я первым заметил, как впереди поднялась пыль столбом, желтое облако слишком быстро, если смотреть по скорости передвижения лошадей, двигается в нашу сторону. Мы замедлили бег коней, Миртус вообще сдвинулся на обочину. Я приготовил меч, ошупал молот и застыл в готовности.

Через пару минут показались черные, как ночь, крупные кони, впряженные в просторную, но легкую повозку. Очень

похожую на карету, которую по моим чертежам делали для Лоралеи. Большие колеса подпрыгивают на ухабах, но повозка колышется едва-едва, словно под ней хорошие амортизаторы.

Зайчик фыркнул, я напрягся, пусть даже нет холодка опасности, кони мчат коляску ровно и слаженно, хотя и слишком быстро для простых лошадей.

Я все старался понять, почему такой холодок по всему телу, как вдруг рассмотрел наконец, что на облучке пусто.

Коляска стремительно приблизилась, я смотрел во все глаза, конями никто не управляет, вообще нет вожжей, а несутся, закусив удила, глаза безумные, уже в мыле, копыта бьют в землю со страшной силой...

Оцепенев, я задержал молот в руке, а коляска с грохотом пронеслась мимо, оставив запах горячей смолы и серы. В полуоткрытое окно я рассмотрел единственного пассажира, женщину средних лет, лицо строгое и надменное, без тени тревоги, взгляд устремлен вперед.

Без сомнения, нас видела еще издали, теперь промелькнувших сбоку, но ни тени интереса не отразилось на ее красивом и безумно злом лице.

Зайчик снова фыркнул и гневно топнул копытом. Я перекрестился и сказал дрогнувшим голосом:

— Мать-мать-мать, я же христианин! И должен, просто обязан все это колдовское изничтожить к такой матери!.. И чтоб по дорогам только птички Божьи прыгали и говно за лошадьми клевали.

Миртус подал голос с обочины:

— Это же сама Мать Пауков.

Лицо его все еще оставалось блее мела, нижняя челюсть подрагивает, а в глазах дикий ужас.

— И тоже на землях Армландии? — спросил я зло.

— Нет, — ответил он дрожащим голосом. — Но теперь... когда появилась и здесь...

— Что, приметы? Предзнаменования, в смысле?

— Да, — ответил он убито.

— Конечно же, — сказал я саркастически, — ее появление возвещает мор, чуму, голод, братоубийство и гнев Господа?

Он покачал головой.

— Нет.

— Ну, слава Богу!

— Такое, — уточнил он, — предвещают демоны помельче.

Я наконец оторвал взгляд от тающего за исчезнувшей коляской пыльного облака.

— Представляю... Мать Пауков, говоришь?

— Да, ваша милость. Раньше ее в Армландии не было.

— А пауки были?

— Ну куда же без них.

— Значит, приехала деток проведать, — прокомментировал я. — Поехали, поехали!

Зайчик повернул голову, умные глаза смотрели на меня с немым вопросом.

— Все сделаем, — заверил я. — Очистим мир к такой матери. Во славу Господа и спокойствия мирного населения. Оно должно работать и налоги платить, а не от ведьм отпрыгивать!

Миртус вздохнул, лицо помрачнело.

— Да, ваша светлость...

— Миртус, — сказал я, — ты просто очень уж врос корнями в эту чертову магию! И не представляешь без нее жизни. Я не могу тебе это объяснить, нет у меня таких слов, но именно без магии человек и начнет работать головой в полную силу, не рассчитывая на чудеса!.. Понимаешь, когда за спиной сожжены мосты... Эх, ладно... След не потерял?

— Нет...

— Поехали дальше.

— Да, ваша светлость.

Глава 5

Впереди, прямо по следу, из-за зеленых бугров блеснула красным черепичная крыша. Самого дома за деревьями не рассмотреть, но, судя по размерам крыши, не простая избушка, за деревьями скрывается настоящий постоянный двор.

Зайчик надал ходу, зеленые кроны сдвинулись, взамен выплыл во всей красе солидный дом из толстых бревен. Фун-

дамент из красного кирпича, крыльцо широкое, со ступеньками и резными перилами. Но самое интересное, конечно, черепичная крыша, такая яркая и так тщательно сработанная...

— Говорят, постоянный двор содержать труднее, — пробормотал я, — чем быть святым... Проверим?

Зайчик и Бобик промолчали, а Миртус ответил в нерешительности:

— Особой необходимости нет...

— Точно?

— Да, — ответил он с некоторой гордостью. — Я вижу, как след входит через эти ворота...

— Прерывается?

— Да. Но затем он же тянется вон там, между сараем и амбаром.

— Не ложный? — спросил я.

Он посмотрел с вопросом в серьезных печальных глазах.

— Это как?

— Ну, послали большую группу туда, — объяснил я, — велели поднимать побольше пыли, а сами тихохонько поехали в другую сторону.

Он ответил коротко:

— Так я же смотрю только на след леди.

— Извини, — сказал я, — как-то забываю про избирательные штучки.

Он посмотрел с великим удивлением, даже словно бы поискал подвох в моих словах, лорды не извиняются перед простолюдинами, но сказал лишь все так же кротко:

— Можем сразу идти по следу дальше.

Я покосился на его измученное долгой скачкой лицо.

— Я согласен. Но все-таки заглянем, поинтересуемся насчет проехавших. Была ли с ними молодая женщина, сколько их, чем вооружены... Если хозяин это заметил, а они обязаны замечать все, на этом держится их бизнес, от этого зависит, сколько загнут за еду, ночлег и прочие дополнительные услуги.

— Как скажете, ваша светлость.

Сам двор на удивление ухожен, хотя дороги к нему заросли травой. Я встревожился, начиная подозревать неладное, но увидел по ту сторону здания огромный огород, пять коз

на выпасе, коровник, а еще просторный не то курятник, не то утятник. У хозяев есть на чем продержаться трудное время, а скоро, надеюсь, все дороги оживут с приходом такого замечательного гроссграфа, что ночами не ест, днем не спит, только и думает, только и думает о простом народе.

Заслышав стук копыт, а то и заприметив нас в окно, на крыльцо вышел крепкий, приземистый мужик с солидным животом. Рубашка навывпуск, но все равно пузырь выпирает вызывающе, а еще и лоснится, словно хозяин руки никогда не моет, а только с достоинством вытирает о замечательное пузо.

— Добро пожаловать, ваша светлость, — поприветствовал он радостно, каким-то образом определив, что я именно светлость, а не какая-то вшивая милость. На Миртуса вообще не обратил внимания, посчитав за прислугу. — Заходите, располагайтесь! У нас все есть для отдыха. Как еда, вино, так и чистые комнаты!.. И не только.

Я спросил настороженно:

— И не только, это что?

Он хитро улыбнулся.

— Две служанки истосковались по мужскому обществу. Грозят сбежать, если не появятся постояльцы мужского племени. Да и дочь моя так созрела, что просто не знаю, на какой веревке ее держать.

— Проблемы, — вздохнул я. — Везде проблемы.

— Да, господин.

— Комнату не нужно, — сообщил я и соскочил на землю. — А вот перекусить... Кстати, здесь не проезжали недавно всадники, а с ними еще и молодая женщина?

Он подумал, почесал в затылке.

— Недавно, это сколько?

— Да хоть за год, — ответил я. — Дороги к твоему хозяйству заросли травой!..

Он вздохнул.

— Эт верно...

— Так как насчет гостей? — спросил я. — Должны были проехать вчера. А то и сегодня. След ведет через твой двор!

Он приподнял плечи, руки раскинул в безмерном удивлении.

— След? Да никто не проезжал!.. Как бы я забыл, если бы вчера кто-то был?.. Ваша светлость, вы что-то путаете.

— Миртус, — позвал я.

Миртус поклонился.

— Да, ваша светлость. След прямо вот здесь. Но если они отвели хозяину глаза, то могли проехать прямо через его двор.

— И он бы не заметил?

— Да.

— Гм, сильные колдуны.

Миртус поморщился.

— Ничего сильного. Любой, самый мелкий, это может делать. И любого, если он не готов, обмануть можно.

— Но зачем? — спросил я. — Хотя да, конечно. Чтобы мы остались здесь на ночлег?

Хозяин молчал, только хлопал глазами. Миртус тоже развел руками.

— Вам виднее.

— Хорошо, — сказал я. — Быстро перекусим, а потом с новыми силами в погоню. Тащи на стол все самое лучшее. Главное — быстро! Мы спешим.

Коней оставили во дворе у коновязи, хозяин предлагал поместить их в конюшню, стойла свободны, Миртус воспротивился, опасаясь добавочной платы, а я отмахнулся.

— Постоят у коновязи. Мы не задержимся.

Бобик чинно последовал за нами, глаза разгораются красным, уже облизывается в предвкушении жареного, которое, как наученный когда-то манерам, предпочитает сырому.

Миртус очень стеснительно опустил за стол, все-таки по ту сторону сеньор, молчал и робко улыбался, показывая всем видом, что сам никогда бы не посмел вот так. Бобик разлегся под столом, тяжело вздыхал и требовательно постукивал лапой.

Я наконец сообразил, что за странность поразила при виде постоянного двора. Крыша! Красная черепичная крыша. Черепичные видел и раньше, но это всегда грубые пластинки высушенной и обожженной глины, все разного размера, абсолютно не подогнанные, при любом дожде такая крыша протекает...

Холодок возбуждения пробежал по спине. Для изготовления такой черепицы нужен заводик с его формами, штампами, унификацией и стандартами. Пусть маленький заводик, но выпускающий не кустарно, а промышленно...

Молодая пышная девушка, улыбаясь глазами и сочным ртом, наклонилась, опуская поднос, чтобы хорошо рассмотрел в низком вырезе платья ее полные белые сиськи с красными дойками, медленно выпрямилась.

— Господа останутся на ночь? — спросила она.

— Увы, — сказал я с сожалением и выразительно посмотрел на ее молочные шары, так надо, чтобы не обидеть девушку. — С удовольствием бы, но... до ночи еще далеко, а нам так много надо сделать!

Она легонько подвигала плечами. Платье начало сползать, обнажая белые сочные плечи.

— Ох, если бы господа остались...

— Не искушай, — ответил я, — у нас государственное задание. Если не выполним — потеряем головы. Нас послал сам гротсграф, а это такой зверь, такой зверь! Прямо зверюка... У него головы только так летят. Говорят, самолично рубит.

Она вздохнула.

— Но если передумаете, не пожалеете...

— И еще вина принеси, — сказал я. — Оставишь на столе. Миртус, приступай. Я выйду взглянуть на коней.

— Им дадут лучший овес, — заверила она. — И отборную пшеницу.

— Прекрасно, — сказал я, — но я должен поцеловать своего перед едой. Он так привык.

Она улыбнулась и ушла, мощно двигая вздернутым задом, который так хорошо держать в ладонях. Я невольно проводил ее долгим взглядом, который она, конечно же, ощутила, женщины такое чувствуют, как все животные улавливают близкую смену погоды, а у меня едва не вылетели мысли насчет черепицы и прочей ерунды.

Миртус проследил за мной тревожным взглядом. Бобик высунул из-под стола голову, Миртус вздрогнул. Бобик требовательно постучал его лапой по колену, Миртус поспешно бросил ему в пасть кусок мяса.

Наши кони в самом деле звучно жрут, я заглянул в деревянную колоду, полно отборного ячменя и такой же пшеницы. Никогда не видел таких крупных одинаковых зерен. Через пару минут из гостиницы выпрыгнул Бобик, гавкнул радостно и забегал по двору. Мне почудилось, что в одном месте проскочил сквозь стену, чего за ним раньше не наблюдалось, но вскоре выбежал такой же веселый и довольный.

Солнце заходит, и черепичная крыша стала совсем багровая под его закатным светом, плитки раскалились до вишневого цвета, от них пышет жаром, идеально подогнанные, напользающие рядами одна на другую, как рыба чешуя. Никакой ливень не заставит просочиться сквозь такую крышу хоть каплю, разве что вода плюнет на дурацкую гравитацию, которую придумали люди, и потечет по таким черепичкам вверх.

Хозяин вышел на крыльцо, на лице недоумение и легкое беспокойство, руки в самом деле вытирает о пузо.

Я сказал доброжелательно:

— Прекрасное у вас хозяйство!

— Не стану спорить, ваша светлость, — ответил он довольно. — Своими руками все делал.

— Много было работы?

— Много, — ответил он со вздохом. — Правда, дети помогали... У меня их пятеро. И жена, конечно, хотя у нее и так забот хватает.

— Маловато гостей?

Он вздохнул, развел руками.

— Настолько, что иногда хочется все бросить. Брат зовет к себе овец разводить. Дело прибыльное.

— Овцы — прибыльно, — согласился я. — Мясо, шкуры, молоко, сыр... А как ты крышу делал?

Вопрос застал его врасплох, он запнулся, посмотрел на меня в недоумении, никак не ждал экзамена по технологии, развел руками.

— Да как... делал и все...

— Но все-таки?

Он подумал, почесал в затылке.

— А что там трудного? Укладываешь внахлест, как у ры-

бы чешуя, чтоб вода стекала. В каждой черепичке дырочка, туда гвоздик, чтобы закрепить на месте...

— А шляпку гвоздика?

Он переспросил с беспокойством:

— Шляпку? А что со шляпкой?

— Чем-то заливал? — спросил я. — Или замазывал? Смолой или клеем?

Он переступил с ноги на ногу, пробурчал:

— Странные вопросы у вас, ваша светлость... Зачем замазывать?

— А чтобы вода не протекала, — объяснил я. — И чтоб гвозди не ржавели.

Лицо его становилось все серьезнее, он переспросил тупо:

— Ржавели?

— Ну да, — подтвердил я. — У вас что, гвозди не ржавеют?

— Ржавеют? — повторил он. — А это... как?

Холод все больше пронизывал мое тело. Я быстро зыркал и по сторонам, вон из-за амбара показались сыновья хозяина, могучие и приземистые, как питекантропы, из конюшни вышла пышная дочка и с застывшей улыбкой направилась ко мне, как она только оказалась там, а из-за колодца поднялась очень старая женщина, но сухая и жилистая, в обеих руках не кол, а целое бревно...

— Все понятно, — сказал я громко и авторитетно. — Я вас раскусил, ребята! Всем стоять на месте. Я — гроссграф здешних земель. Это значит, что и вы — мои подданные. Я ко всем добр и милостив.

Они не слушали, медленно сжимали кольцо. Я вытащил меч, последний луч закатного солнца упал на блестящее лезвие и обогрил кроваво-красным светом. Хозяин остановился, но его сыновья, хоть и замедлили шаг, но осторожно приближались.

— Всем стоять! — повторил я громче. — Я не хочу причинять вреда. Держите гостиницу — держите. Мне главное, чтобы польза обществу. Может быть, вы вообще геи или в промискуитете живете, а то и вовсе демократы, мне по фигу, лишь бы налоги платили и беспорядков не устраивали.

Сыновья начали останавливаться по одному, женщина тоже застыла по ту сторону колодца, только дочка, колыхая

формами, приближалась, уже не улыбаясь, а с застывшим в экстазе лицом, дескать, тронь меня, я уже мокрая.

Между нами осталось не больше пяти шагов, я торопливо выхватил из-за пазухи крестик.

— Всем стоять во имя моего Верховного Сюзерена!

Они вздрогнули и теперь в самом деле остановились, трепеща. Дочку, что подошла почти вплотную и уже протягивает руки, затрясло. Лицо начало меняться, губы все раздувались и наливались кровью, грудь выросла до чудовищных размеров, а когда взгляд прикипел к кресту, рот распахнулся, неожиданно широкий с тремя рядами острых, как иглы, зубов.

Она испустила пронзительный вопль. Я зажал обеими ладонями уши, но взгляд дочки оставался прикованным к кресту. Лоб стал совсем узеньким, надбровные дуги утолщились и выдвинулись вперед. Платье трещит и лопается, в расширяющиеся дыры видно мохнатое мускулистое тело.

Я выдернул другой рукой болтер. Чудовище прыгнуло, я торопливо сжал в ладони металлический цилиндр. Стальные штыри, что закованного в стальные доспехи рыцаря прошивают, как лист мокрой бумаги, если вот так в упор, ушли бесшумно и без толчков.

Тело монстра пролетело мимо, я отступил еще на шаг в сторону и открыл стрельбу по бросившимся ко мне братьям. Их тела вздрагивали, брызгала кровь, а когда упали и бились в корчах, я выстрелил дважды в так и стоявшего на пороге хозяина, затем в женщину за колодцем.

Он отшатнулся, две красивые звездообразные заклепки расцвели, окрашиваясь кровью, в середине его мохнатой груди. Он сделал шаг назад и упал вовнутрь. Дверь захлопнулась, отрезая от мира. Женщина из-за колодца торопливо убегала, тоже на ходу превращаясь в монстра. Я выстрелил снова, но болты ее только ужалили в спину.

Я торопливо сдернул из-за плеча лук, наложил стрелу и натянул тетиву, однако женщина скакнула нечеловечески длинным прыжком за сарай. Я нехотя вернул тетиву на место.

— Зайчик! Бобик!.. Миртус!

Двое примчались, невинные такие голубки. Зайчик смотрит с интересом, а Бобик машет хвостом, предлагая играть.

Зайчик посмотрел с недоумением, а Бобик преданно помахал хвостом и подпрыгнул, уверяя, что сейчас принесет мне вот та-а-акую рыбину, чтобы я не сердился непонятно за что.

Из дверей постоянного двора выбежал Миртус, лицо бледное.

— Перекусил? — спросил я. — Смываемся, пока нас самих не поперекусывали.

— Зайчик, — сказал я напряженным голосом, — погоди-ка...

— Я лучше через ворота, — сообщил я ему тревожно.

На пригорке я остановил и оглянулся. Огромный дом раскачивается, словно из мягкой резины, под сильным вет-

ром. Крыша задрожала и потекла неопрятными грязными струями нечистой охры. Постройки начали бледнеть, пропадать. Все перемены сопровождалось криком и безнадежным воем, полным тоски и страха.

Одни сараи исчезали, как снежные сугробы под лучами жаркого весеннего солнца, другие расплывались, как кисель, и прижимались к земле, а там просачивались в почву. Головное здание странно и дико сперва теряло, так сказать, кожу, затем мышцы, оставляя тонкие светящиеся струны, одни туго натянутые, другие изогнутые и даже провисшие, наконец и эти непонятные кости растворились в воздухе.

Взгляду открылось широкое пространство, утоптанное, везде оттиски подошв мужских сапог с мелкими гвоздиками, а также следы копыт: мелких, средних и совсем огромных, даже не представляю, лось тут ходил, что ли.

В груди похолодело, я вдруг сообразил, что в отличие от остальных следов копыт из этих вот огромных повторяются только два оттиска. Словно этот исполинский лось ходил только на двух ногах.

— Зайчик, — сказал я торопливо, — быстрее отсюда! Миртус, не отставай. Эволюция еще не кончилась.

За спиной раздался пронзительный крик, переходящий в свист. Я прижался к гриве, ветер засвистел в ушах, но я чувствовал, как следом мчится нечто огромное и ужасающе опасное.

— Бегите, ваша светлость! — прокричал Миртус.

— А ты?

— Я ему не нужен...

— Ну, смотри... Быстрее, Зайчик!

Арбогастр слышал умоляющие нотки в моем голосе, вытянулся в струнку, грохот копыт перешел в частую дробь, а ветер превратился в ураган. Я вжимался в конскую шею, надо мной нависло нечто ужасное и не отстает, лапы или шупальца пытаются выдрать из седла. Я вцепился изо всех сил, выкрикивал молитвы и заклęcia вперемешку. Затем рев урагана утих, Зайчик остановился и повернул голову с настороженными на макушке ушами.

За спиной роща, через ее середину словно прокатился раскаленный камень размером с пятиэтажный дом. Деревья

разломаны в дымящиеся щепки, даже пней не осталось, на их месте труха и распластанные щупальца корней, тоже вдавленные в землю. Можно увидеть, где чудовище прекратило погоню, но нет следов возвращения, словно растворилось в воздухе.

Я перекрестился, поплевал через плечо, сложил пальцы крестом и сказал громко, что Ктулху в христианском мире не пройдет, путь убирается в свою Ктулхию. Однако, несмотря на уверенный тон, страх сжимал сердце так, что я чувствовал боль. Такое мощное колдовство плохо в любом случае, но если это оставили на моем пути те, кто увез Лоралею... то у них очень уж мощные ресурсы.

Я прождал так с полчаса, наконец в сторонке вынырнул призрачный всадник на взмыленном коне, вскинул руку.

— Это я, ваша светлость!

— Отвел глаза? — спросил я.

Призрачный наездник покачал головой.

— На всякий случай. Оно все равно гналось только за вами.

— Я вкуснее, — согласился я. — Как думаешь, чем мы разбудили в таких мирных гражданах таких вот недостаточно пушистых зверей? Чем обидели? Что не остались на ночь?

Миртус и его конь некоторое время неслись рядом с нами призрачными существами, наконец Миртус оглянулся и, поведя над головой руками, со вздохом облегчения сбросил личину прозрачника, словно снял опостылевший плащ.

— Мы? — переспросил он с недоумением.

— Ну да. Они ж были такие.... мягкие и шелковистые.

Он ответил серьезно:

— Ваша светлость, они и были такими!..

— Шелковистыми?

— Нет, зверьми.

— Да ну? — усомнился я. — Человек часто превращается в зверя, но чтоб зверь в человека... гм... Впрочем, все звери, живя с нами, становятся ручными, зато люди, общаясь друг с другом, становятся дикими. Может, и здесь такой случай?

Он с тревогой поглядывал на меня, не понимая странных умозаключений лорда, наконец обронил с осторожностью:

— Зверей заставляет нападать или голод, или страх, а человеку погубить человека... просто приятно.

— Ага, — сказал я с удовлетворением, — значит, это все-таки люди. Ладно, лучше разбудить в человеке зверя, чем животное!

Он ответил осторожнее:

— Я бы таких вообще не будил.

— Я тоже, — согласился я. — Все мы будим чаще всего по неосторожности, по своей дикости. Мы ведь дикари еще, верно?.. Дикие дикари, если можно так сказать.

— Нельзя, — обронил он.

— А-а, ну ладно. След не потерял?

— Стал еще отчетливее, — заверил он. — Скоро догоним.

Зайчик все старался набирать скорость, поглядывая больше на Пса, чем на коня Миртуса.

Я сказал ему укоризненно:

— И не стыдно так хвастаться? Скромнее надо быть, а то не пролезешь через игольное ушко.

Глава 6

Лес ушел в сторону, как тяжелый занавес из зеленого бархата. Вдали на пологом холме, почти потерявшем звание холма, высится замок из белого камня: один-единственный дом с четырьмя башенками по углам, никакой крепостной стены, никаких вспомогательных построек, даже обязательных конюшни и кузницы нет, что вообще-то неправильно, так не бывает.

— Хозяев там нет, — обронил Миртус и добавил суетливо: — Но это только хуже.

— Почему?

— Тем, кто сейчас остановился там, нечего терять. В смысле, замок не жалко.

Я спросил жадно:

— Они... там?

— Да, — ответил Миртус. — Я вижу там...

Он умолк, подбирая слова, я спросил жадно:

— Что? Лоралею видишь?

— Нет, — ответил он, — но леди там. Это точно. И весь отряд, что похитил ее, уж простите...

— Да перестань постоянно извиняться, — прервал я резко. — За что ты постоянно извиняешься? Не ты ж украл! Или ты?

Он испуганно дернулся.

— Ваша светлость! Вы меня не пугайте такими шуточками. А то у меня чутье теряется.

— А ты не извиняйся по каждому поводу, — велел я. — Нас двое, понял? А не я с тобой, непонятно каким овощем.

— Да-да, ваша светлость, простите...

Я махнул рукой.

— Ладно, проехали. Итак, там нет челяди, которую можно подкупить или напугать. Но, с другой стороны, удобнее.

— Чем?

Я жестоко ухмыльнулся.

— Щадить никого не требует ни закон, ни совесть. Виноваты все. Остановимся в этом лесочке...

Крыша ржаво-красная, как на самом здании, так и на башенках. Все четыре составляют с домом одно целое, но их крыши возносятся выше, от ветра и непогоды пострадали больше. А пристроек нет потому, что замок явно заброшен. Конюшню и прочие деревянные строения так давно сожгли либо бродяги, либо разбойники, что не осталось даже следов.

Похитители здесь остановились перевести дух. Хотя, возможно, заночуют, тогда у меня шанс проделать с ними то же самое, что проделали со мной.

Я все рассматривал из-за деревьев замок, а за спиной Миртус хлопотал у костра, Зайчик ударами копыта лениво расколол наполовину скрытый мхом валун и начал грызть, как леденцы, осколки. Бобик торопливо метнулся в чашу.

— Ваша светлость, — сказал за спиной Миртус просительно, — что делать будем?.. Простите, что осмеливаюсь спрашивать такое, ваши планы могут быть тайными... просто мне легче помогать, когда знаю, чего ожидать...

Он замялся, я договорил:

— ...хотя бы от меня?

— Ну, примерно так.

— Пока схожу на разведку, — объяснил я. — А вы втроем пока балдейте на пикнике.

Миртус натянуто улыбнулся.

— Это меня и тревожит.

— Что?

— Лорд работает, — объяснил он, — подвергается опасности, а мы отдыхаем. Как будто в самом деле на прогулку выехали.

Я отмахнулся.

— Думаешь, не вижу, почему так часто ходишь за хвостом? И отходишь так далеко?

Он сказал с неловкостью:

— Ваша светлость, раз уж выпало забраться в дикие места, почему не поискать редкие травы? Одни любую болезнь излечат, другие при выплавке металла меняют его так, что ничем не разрубить, не разломать...

— Все хорошо, — успокоил я. — Это не в упрек, все наоборот. Ты тоже не бездельничаешь, как говоришь. Все мы работаем. Вон даже Бобик...

Кусты затрещали, нечто огромное выметнулось с той стороны, моя рука метнулась к поясу. Бобик, держа в пасти молодого оленя, подбежал к нам, держа добычу на весу, опустил к моим ногам.

— Вот видишь, — сказал я Миртусу, — звери тоже при деле. А ты заодно проверишь, как действуют твои травы. Хоть в лечении, хоть в кулинарии.

Миртус развел руками.

— Да, как скажете. А ваша лошадка... она тоже будет это кушать?

Зайчик презрительно фыркнул. Он вслед за осколками камня пожевал толстую ветку, торчащую над головой и, не дотянувшись до следующей, попросту вырвал клочок из ствола с такой легкостью, словно дерево целиком из ваты.

Пес посмотрел на меня с укором, выронил из пасти оленя и с надеждой посмотрел на коня. Тот проигнорировал хищника, философски замедленно двигал челюстями.

— По крайней мере, — сказал я, — кушать буду я, когда вернусь. Так что старайся.

— Повар из меня неважный, — предупредил Миртус.

— Из меня тоже, — признался я, — хотя умение готовить мясо дикого зверя на костре входит в число обязательных достоинств рыцаря. Вот видишь, я признаюсь, что я не со-

всем совершенство, какое корчу из себя! Так что будь со мной проще, Миртус! Вообще будь проще. И тролли к тебе потянутся.

На землю пал грозный отблеск кровавого заката. Пролегли длинные и глубокие тени, в полдень они крохотные и прозрачные, а сейчас это не тени даже, а сплошные чернила осьминога. Низкое солнце в упор освещает лес, где мы нашли убежище. Одни деревья полыхают в священном огне, другие тонут в черноте. Небо бледное, безоблачное, плохо...

Я в нетерпении едва дождался, когда опустится настоящая ночь. Похитители предполагают, что их когда-то вычислят и могут явиться сюда, но никто пока не может предположить, что это произойдет так быстро. Так что сегодня вряд ли стоит ожидать большую охрану.

С другой стороны, они помнят, как быстро я отыскал их в прошлый раз. И что устроил до того, как благополучно удрал.

— Все остаются здесь, — напомнил я негромко, но повелительно. — Все трое. Зайчик, следи за Бобиком. Бобик, следи за Зайчиком. Мы же цивилизованные, не так ли? Вот и стучите друг на друга, если чего...

Миртус спросил с бледной улыбкой:

— А что делать мне?

— Ты человек творческой профессии, — объяснил я, — тебе указания давать опасно.

— Ваша светлость...

— Да ладно, шучу.

Пес посмотрел на меня с подозрением, когда я вошел в личину исчезника. Для него я если и изменился, то совсем малость, он в любом моем обличье видит меня отчетливо. Как и Зайчик. Животные вообще зрят иначе, потому они, как говорят в народе, «чуют» колдунов.

Ну, животные меня не волнуют, за исключением собак. Эти не только чуют, но и реагируют. Своим машут хвостами, на чужака бросаются.

— Неплохо, ваша светлость, — сказал Миртус с интересом. — Что-то иное, ключ подобрать непросто.

— Но ты меня видишь? — спросил я уязвленно.

— Да, — ответил и поспешно заверил: — Но это, скорее, по случайности.

— В смысле?

— Случайно я как раз знаю это древнее заклинание.... Мне просто повезло.

— Вот так и повезло?

— Ну да, я ж говорю...

— Ага, — проворчал я. — Одни дети весь день на улице, а кто-то сидит в уголке и гранит магии грызет. Потом говорят, что ему повезло. Не приbedняйся, Миртус. Я предпочитаю тех, кто получил знания заслуженно, а не тех, кому повезло.

Он молчал, разводил руками, хотя похвала, конечно, приятна. Каждому лестно, когда замечают их усердие. Хотя простой народ больше выделяет тех, кому повезло. Потому что на место усердного мало кто себя ставит, это же сколько горбатиться, а так вот идешь по улице... вдруг — кошелек с золотыми монетами! Или волшебный амулет. Или старый медный кувшин, набитый джиннами... Или говорящая шука...

Деревья расступились, серые и словно вырезанные из толстого листа картона. При переходе на ночное зрение теряются не только все цвета, но сперва все предметы кажутся двумерными, плоскими. И замок приближается совсем не страшный, несколько нереальный...

Всматриваясь в стену, я ошупывал болтеры. Скорострельность их и ударная мощь выше, чем у лука, но убойная дальность совсем невелика. А это значит, что если рассчитать расстояние...

Я обернулся, далеко ли отошел от своих, не хочу даже Миртусу показывать действие болтеров. Вообще пусть никто не знает о них как можно дольше. Козырные карты нужно держать к себе поближе.

Еще один минус болтера, нельзя подправлять взглядом, как стрелу. Простая железка для рабочего и есть железка, это не лук героя-святого, в ней ни магии, ни святости.

У последней группы деревьев я прицелился в ближайший ствол. Первые болты уходили по шляпку, даже вообще утопали в дереве. Но я пытался, наконец сверкающие металлические стержни начали утопать только на две трети, затем наполовину...

Я опустил болтер и повернулся к замку. Там не дерево, а камень, так что расстояние должно быть другим. Но главное я проверил.

Хорошо, лук и меч за плечами, болтеры на поясе, доспехи Арианта сидят, как моя собственная кожа, решимость и страстное желание реабилитироваться — все на месте, я тихонько выскользнул из-за деревьев и заторопился к каменной громаде здания.

Осторожность удвоил с двух-трех сотен шагов, стражей почему-то нет. Или просто не замечаю. Сердце дрогнуло, когда пошел, настороженный до предела, через открытое место.

Под ногами булыжное покрытие, достаточно древнее, пробивается трава, но чахлая и низкорослая. Шаги звучат неслышно, но, конечно, их не услышит только рядовой страж, но не собаки или маги.

С той стороны башни донеслось тихое ржание. Я затаивался часто, стараясь обнаружить мага раньше, чем он меня. Каменное здание приблизилось вплотную, ощутилось тепло разогретого камня. Тень от здания густая и вязкая, даже двигаюсь в ней медленнее, как в стоячей воде.

Ноздри стали шире, чем у гориллы, в попытках поймать хоть молекулу знакомого запаха. Наконец, когда начал отчаиваться, обойдя вокруг замка трижды, нос дернулся, сам повернул меня и нацелил на одну из башенок.

Знакомый и такой волнующий запах, сердце затрепетало, будто крылья испуганной бабочки. Я задержал дыхание, а то сдуру еще крикну: «Лоралея!», на какие только безумства не способны влюбленные идиоты.

Болтер тихонько дергался в ладони. Я сжимался в комок, сухой стук вбиваемых в камень стальных стержней кажется оглушающим, останавливался и прислушивался. Везде тихо, только слышались неторопливые шаги далеко вверх, звякнуло железо.

Профи, конечно, истратил бы минимум болтов, расположив их в правильном порядке, но я истыкал стену, как дурак, а когда начал взбираться, лишние зацеплялись за пояс и за одежду.

Скалолаз из меня неважный, уже через три-четыре метра

пальцы рук и ног начали скулить от непривычного напряжения. Земля сразу же исчезла в темноте внизу... наверное. Задать голову и посмотреть вверх — нет сил, так что вижу только плывущий перед мордой серый в ночи камень.

Пальцы совсем онемели, когда вдруг ощутили, что выступ под ними стал намного шире, а щель — глубже. Рискнув поднять голову, я увидел свои пальцы, уцепившиеся за камень, выше только три толстых железных прута в темном оконном проеме. Камни блестят даже в безлунном ночном свете звезд, но окно выглядит провалом в бездну.

Не рискуя поднять голову над краем окна, сразу увидят темный силуэт, я задействовал запаховое зрение, крепче вцепился за камень, чтобы не сорваться. Голова ненадолго закружилась, в странном осязаемом цвете я увидел помещение, заполненное странной мебелью, если это мебель, ложе, а сердце уже стучит так, что едва не раскачивает меня на высоте. На ложе отдыхает леди Лоралея, аромат ее тела не спутаю ни с чем и без такого зренья.

— Леди Лоралея, — прошептал я в темноту, — это я, лорд Ричард.

Ночное зрение убрал, мир стал темным и опасным, я долго прислушивался, позвал еще раз, чуть громче, наконец слуха коснулся едва слышный шелест осторожных шагов легких ног. По ту сторону металлических прутьев появилось бледное лицо.

Она ахнула, узнав меня.

— Сэр Ричард!.. Уходите немедленно!

— Не так уж все и опасно, — прошептал я.

— Сэр Ричард!.. Уходите, умоляю...

— Леди Лоралея, — шепнул я. — Я спасу вас. Я для этого и прибыл.

Она ответила торопливо:

— Сэр Ричард, вы не понимаете... Ах, как вы не понимаете!

— Чего?

— Я уже стала женой сэра Риена, — прошептала она.

— Пустяки, — заверил я.

— Что?

— Утром вы его жена, — пояснил я, — а вечером уже моя.

Я пока без войска, так что не отниму вас, а просто выкраду. А войско на подходе...

Она прошептала:

— Сэр Ричард, вы не понимаете... Я не могу с вами бежать... И не могу вам позволить меня украсть.

— Почему? — спросил я в непонимании.

Она прошептала в отчаянии:

— Потому что теперь он мой муж!

— Но... я, как же я?

Она шепнула:

— Сэр Ричард, мне с вами даже разговаривать нехорошо. Неприлично! Как будто я его предаю. Умоляю, уходите скорее!

В полном обалдении, уже чувствуя, что делаю что-то совсем не то, что надо, я сделал последнюю попытку:

— Леди Лоралея, не отказывайтесь. Я сейчас попробую выломать эту решетку...

Она отшатнулась.

— Не смейте! Если попытаетесь... просто попытаетесь, я закричу и... позову стражу! Уходите немедленно!

Пальцы мои задубели так, что я боялся, как бы не разжались сами. Задержав дыхание и стиснув зубы, я начал спускаться, умоляя измученные мышцы потерпеть еще чуть-чуть.

В башенке над головой прогремело железо. Кто-то огромный ворочался, потом я услышал вздох и тяжелые шаги. Я чувствовал, как страж перегнулся и всматривается в темень.

Потом над головой раздался вопль:

— Чужак!.. Вторжение!.. Тревога!

Я торопливо спускался. Слышно, как со скрипом распахнулись врата, с топотом выбежали люди. Я посмотрел вниз, разжал руки.

Пятками ударился с такой силой, что упал, а над головой пролетели два дротика. Я едва успел подняться, как набежали двое с оружием, по их мордам вижу, что видят меня и в личине исчезника, начал защищаться, едва успев выдернуть меч.

Издали донесся крик:

— Быстрее седлайте!.. Пока не ушел!..

Спасибо за подсказку, мелькнуло в голове. Я торопливо

отступал, отражая удары, к этим двум подбегают все новые, наконец я догадался свистнуть, и через полминуты в свете факелов появился огромный вороной конь с горящими красными глазами и развевающейся гривой.

Я торопливо запрыгнул в седло, в спину ударил на излете дротик, Зайчик быстро донес меня обратно в лес. Я прокричал еще издали:

— Миртус! Быстрее на коня! За мной погоня!

Миртус выронил охапку хвороста и бросился к коню. Пока торопливо поднимал с земли седло, Бобик прыгал вокруг и уговаривал бросить все и поиграть с ним, а я прислушивался к шороху и отдаленным крикам.

Пешие не рискнули бежать к лесу, глупо, зато вскоре распахнулись во всю ширь ворота, с грохотом копыт выметнулись конные. Двенадцать человек, нехило, мелькнула мысль. И еще с полсотни, как группа поддержки, вдоль намеченной дороги бегства. С такими сюрпризами, как постоянный двор...

Миртус наконец затянул подпруги и вскарабкался в седло. Я кивнул, указывая на проход между деревьями в другую сторону, Зайчик с готовностью пустился ровным галопом, а сзади застучали копыта коня Миртуса.

Бобик неся впереди, я всматривался в просвет между деревьями, снова перейдя на ночное зрение, а в голове, несмотря на серьезную ситуацию, стучало: обалдеть, я висел на кончиках пальцев на жуткой высоте, снизу не соломка подстелена — булыжный двор... но Лоралея беспокоилась, что нанесу урон тому, кто ее похитил! Ничего не понимаю... вроде не дурак, а не понимаю.

Деревья расступились и убежали за спину. На просторе я ощутил себя как голым на улице перед глазами сотен прохожих, и почти сразу издали донесся далекий крик:

— Вон они!

Сволочь глазастая, мелькнуло злое. Расставил всюду наблюдателей... Или это была ловушка?

— Не отставай, — крикнул я Миртусу, — надо оторваться...

— У них очень хорошие кони, — крикнул он в ответ. — Очень!

Я прокричал уязвленно:

— Почему не у нас?

— Не знаю...

Я сам чувствовал, как преследователи идут за нами тесной группой очень уверенно. Конь Миртуса быстро начал уставать. Я оглядывался, расстояние между нами сокращается. Когда дорога пошла мимо густой рощи, я дождался, когда копыта наших коней подняли облако пыли, словно извергается вулкан, крикнул:

— Миртус, быстро сворачивай! И дождись моего возвращения!

— Сэр, но...

— Выполняй приказ!

Он торопливо повернул, я еще больше придержал Зайчика, дескать, выбиваемся из сил, а когда преследователи начали подходить все ближе и ближе, увеличил разрыв, потом сделал вид, что совсем конь выбился из сил, вот никак не могу заставить его бежать быстрее, за спиной торжествующе взревели и начали догонять. Я снова сделал рывок, и так несколько раз, пока морды их коней не покрылись пеной, а сами животные начали шататься и спотыкаться на скаку.

Я оглянулся, помахал рукой.

— Ребята, а шасте было так близко, так возможно!

Чтобы не показывать нашу настоящую скорость, я велел Зайчику нырнуть в овраг, заросший странными растениями в три-четыре человеческих роста. Преследователи из последних сил вломились следом, я злорадно улыбнулся. Зайчик стремительно набрал скорость, мы выметнулись из оврага и оказались у рощи, где в тревоге ждет Миртус, раньше, чем те обшарили весь овраг и пришли к выводу, что я сквозь землю провалился.

Миртус встретил, держа коня под уздцы, удила в пене, брюхо в мыле, сам алхимик бледный и дрожащий.

— Что теперь?

— Снова на коня, — сказал я сочувствующе. — И дуй обратно к замку.

Он ахнул.

— Зачем? Там теперь настороже!

— Да, — согласился я, — но не подумают, что вернемся раньше погони. В замке уверены, что их герои нас гоняют, как зайцев.

— Ох, ваша светлость...

— Выполняй, — велел я. — Миртус, я не собираюсь разбрасываться ценными кадрами! В смысле, не забиваю... э-э... золотым кубком гвозди. Ученых надо беречь. Но иногда им приходится работать и в оборонной промышленности. Увы, такова селяви. Так что дуй к замку. Думаю, я справлюсь к твоему приходу.

Он возразил слабо:

— Тогда я зачем?.. Нет-нет, я не возражаю, просто хочу знать, что мне надо делать. Успеть подготовиться...

— Ты прав, — согласился я. — Как говорил Суворов, каждый генерал должен знать свой маневр. Это я делаю на случай, если понадобится прикрытие при отступлении. Я ученых на переднюю линию фронта не посылаю!

Глава 7

Замок не просто укреплен, стучала в голове мысль, но и защищен колдунами и магами. Все мои ухищрения годятся только для одурачивания простых, даже если эти простые — рыцари и короли. Маг все равно меня увидит раньше, чем я его.

Увы, я все-таки рыцарь, который чуть-чуть овладел магией, а не маг, который чуть-чуть овладел мечом. С другой стороны, сэр Риен мог рискнуть послать в погоню и магов. Кстати, что за сэр Риен?.. Не тот ли, который уже обладал раньше Лоралеей? Значит, старые кадры еще не успокоились...

Более того, какой же рыцарь не возглавит погоню лично? Лорд должен быть всегда впереди с обнаженным мечом в вытянутой вперед или вскинутой гордо вверх длани, в глазах суровая решимость, а челюсти твердо стиснуты, выдавая крепость характера.

Зайчик выметнулся из-за деревьев, замок возник на фоне серого неба, почти такой же серый. Луна как раз скрылась за облаками, и я с ходу направил коня к нужной башне.

Я был почти у верха стены, когда раздался вопль:

— Вот он! Вернулся!

Я взобрался на гребень, по стене от башни бегут двое, на ходу поднимая топоры. Молот выметнулся из моей руки, как вырвавшаяся на свободу птица.

Обоих смело, только раздался скрежет металла, а я, поймав за рукоять, ударил ногой в дверь. Она всего лишь распахнулась, вместо того, чтобы слететь с петель. Ступеньки ведут вниз и вверх, я побежал наверх.

Этажом выше деревянная дверь, я ударил плечом. Слышно, как с пронзительным визгом вышли из дерева гвозди. Завос на той стороне слетел и упал с металлическим стуком. Я ворвался в комнату, Лоралея, бледная и трепещущая, в ночной рубашке, отшатнулась к стене.

— Сэр Ричард!.. Как вы можете?

— Мужчины могут все, — ответил я гордо и надменно. — Женщины — все остальное. Леди Лоралея, я забираю вас.

Она вскрикнула в негодовании:

— Вы не посмеете!.. Я принадлежу виконту Риену!

— Уже нет, — ответил я.

Она визжала и отбивалась, но я схватил ее в охапку и, пробежав по лестнице, выскочил на стену. Во дворе крик, трое-четверо мечутся, я подумал, что с такой добычей в руках спускаться по стене — надо быть уж не знаю кем, сбежал по каменным ступенькам во двор.

Ко мне бросились двое, блестя копьями. Я крикнул грозно:

— Назад!.. Иначе все здесь умрете!

Голос мой прозвучал так грозно, что почти сам испугался, стражи опешили и попятиться. Я бросился к воротам, но открывать не стал, рядом калитка, протиснулся с молча сопротивляющейся Лоралеей. Зайчик подбежал по свисту.

Последнюю попытку вырваться Лоралея предприняла, когда я садился в седло, тем более что выбежали уже оставшиеся в замке. Я орал на них, делал страшные глаза, Бобик прыгал и рычал, глаза разгораются страшным багровым огнем, и народ только кричал и грозился издали, но никто даже не попытался выстрелить: Лоралея бьется в моих руках, как пойманная рыба, голые ноги блестят в лунном свете, ослепляя лучников.

— Вперед! — крикнул я громовым голосом. — Помните, гроссграф Армландии всего лишь забрал свое!

Зайчик пошел с места в карьер, и через минуту мы увидели бешено скачущего в нашу сторону всадника. Миртус поднял голову от конской гривы, лицо бледное, в глазах страх и стыд.

— Ваше светлость! — вскрикнул он. — Все... получилось?

— Да, — ответил я. — Поздоровайся с моей женой, леди Лоралеей.

Он взглянул на мое сокровище в ночной рубашке и тут же стыдливо уронил взгляд: лямка с голого плеча Лоралеи сползла, обнажая сказочно прекрасное тело и дивной формы грудь.

Она отрезала:

— Я жена лорда Риена!

— Все изменится, — заверил я. — Миртус, извини, но дальше ты уже сам, хорошо?.. В замке не осталось коней, а этот виконт еще не скоро вернется. Да и кони его отряда будут годны только на колбасу...

Лоралея хмуро молчала и отказывалась со мной разговаривать всю дорогу. Я крепко держал ее в объятиях, наслаждаясь победой, покоем и счастьем. Небо посветлело, облака зажглись розовым, наконец выглянуло солнце и осветило верхушки деревьев. Мы на полном скаку вынеслись на плоскогорье, откуда открылся прекраснейший вид на могучую и величественную крепость гроссграфа Армландии.

Как же она красива и какой я талантище, что сумел такую нарисовать и спланировать. И хрен с ними, знатоками, что с умным видом скажут: вот эту часть позаимствовали из Тадж-Махала, вот эту из Азерта, эти башни — копия цитадели Беранира, а общее расположение напоминает Нур-Товер. Но, во-первых, здесь таких знатоков нет, а все, что я сделал, как бы я сам и придумываю, во-вторых, цивилизация двигается не озарениями, а добавляя или малость переделывая старое.

На воротах, которые еще не ворота, а пока голый, хоть и внушительный проем, ликующе закричали. Я проехал к головному зданию, соскочил и принял Лоралею на руки.

— Госпожа, мы дома.

Она с достоинством промолчала. Я опустил ее на землю, Лоралея гордо вскинула голову, ничуть не смущаясь, что на ней, кроме плаща, ничего нет, женщины с таким телом станут стесняться, если совсем уж тронувшиеся. Взгляд ее устремлен вперед, спина гордо выпрямлена.

Я поклонился и указал на уже распахнутую перед нами дверь донжона.

— Прошу вас.

Держа голову прямо, она пошла неспешно, спокойно, плечи развернуты, в глазах никакого выражения. В холле ее ликующе приветствовали слуги, однако она не повела даже бровью, так же невозмутимо шла, куда я указывал, и оставалась, когда я не успевал сориентироваться.

Сперва я ошалел, что здесь ничего не помнит и даже забыла, где ее покои, но стиснул челюсти и терпеливо вел по лестнице, придерживал за локоть, когда шагнула было в другую сторону, не так истолковав мое движение, и повернул ее к массивной двери, единственной пока что в крепости, отделанной серебром и золотом.

— Вот ваши покои. Помните их?

Она не ответила, я сам распахнул и отступил в сторону. Лоралея коротко взглянула в мое лицо, но на нем только решимость запихнуть ее силой, если заупрямится, и она перешагнула порог.

Я заверил поспешно:

— Как видите, в ваших покоях убирали, но с мест ничего не сдвинули.

Она сделала несколько шагов, холодная и по-королевски неприступная даже в ночной сорочке, окинула помещение равнодушным взглядом. Я молча ждал, она пересекла комнату по диагонали и подошла к окну.

— В какой стороне замок моего мужа?

— Виконта Риена? — уточнил я.

— Да.

Голос ее был холоден, как все ледники Антарктиды. Но теперь я терпелив, она в моих руках, и ответил с предельной утливостью:

— Вон там. Нет-нет, правее. Видите, холмы, что так волшебно зеленеют?.. В том направлении. Если по прямой. Но

по прямой нельзя, там пропасть и еще глубокая расщелина. А слева, как видите, отвесные горы. Сейчас, думаю, в том замке пусто.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Виконт может думать, что я пошлю туда войска. Да и вообще, что ему там делать сейчас? Полагаю, что уже скачет к своим друзьям искать помощи.

Она бросила на меня взгляд искоса.

— Думаете, не найдет?

— Во всяком случае, — сказал я, — это будет трудно. Все-таки я — грессграф, если вы еще помните. Его еще могли бы поддержать, если бы выступил против укрепления моей самодурной или тиранической власти, выбирайте сами, но... гм... у него только личные мотивы. Все-таки предполагается, что рыцари должны сражаться за веру, короля и свои владения, про женщин ничего серьезного не сказано. А трубадуры, знаете ли, пока что всерьез не принимаются.

Она зябко поежилась. Я хлопнул в ладоши, быстро вошли служанки. Я кивнул на Лоралею.

— Помогите госпоже с нарядами. Если желает помыться с дороги — сделайте ванну. Словом, вы в ее распоряжении.

Я поклонился и вышел, стараясь тоже держать спину прямой и сохранять достоинство.

От завтрака леди Лоралея отказалась, я с нетерпением ждал обеда, и, предвосхищая ее отказ, велел подать прямо в ее покои. Служанки помогли ей облачиться в ее лучшее платье, стол быстро заполняется изысканными блюдами, слуги снуют бесшумно, легкие, как тени, горят все свечи, в комнате светло и празднично.

Мы сидим напротив друг друга, я указал слуге взглядом на кувшин с вином, тот понял и моментально наполнил чашу перед леди Лоралеей.

Я сказал с неловкостью:

— Говорят, это вино из горного винограда выполняет все желания. Я хочу, чтобы у вас все было хорошо, леди Лоралея. И чтоб вы были счастливы.

Она ответила равнодушно:

— Я не очень верю в такие вина. Вообще я не верю в чудеса. И, сэр Ричард, мне очень не хочется пить с узурпатором.

Я проглотил оскорбление, ответил с мягкой улыбкой, я же политик:

— Тогда не пейте.... с узурпатором. Но вино в самом деле чудесное. Выпейте за свои успехи. Или хотя бы за удачу. Вообще, за то, что хотите сами. Мне можете не говорить.

Она медленно наклонила голову. Я смотрел, как ее длинные пальцы сомкнулись на ножке кубка. Все еще колеблясь, она поднесла его к губам, строгий взгляд остановился на мне. Мне показалось, что пьет за гибель всех узурпаторов на свете, женщины на самом деле куда более жестокие существа, чем мужчины. Великодушие и прощение больше свойственно нам, как более сильным... или считающим себя более сильными, а женщины, приняв личину существ слабых и беззащитных, оставили за собой право самим устанавливать правила.

Я осторожно перевел разговор на отвлеченные темы, это оказалось трудно: леди Лоралея абсолютно равнодушна к нарядам, развлечениям, турнирам, великолепным молодым мужчинам, которых так много в крепости, к рассказам о моих умельцах-алхимиках отнеслась без интереса, как не заинтересовали ее и восторги Великого Инквизитора отца Дитриха моими достижениями в распространении Священного Писания.

Всё, что делают мужчины в своей жизни, они делают либо для женщин, либо чтобы остаться в живых. Если это получается, некоторые пытаются делать что-то еще третье. Наполеон, который сформулировал, как нужно относиться к женщинам, чтобы пытаться сделать в жизни «что-то еще», правда, закончил жизнь в плену, но у меня масштабы поскромнее.

После обеда я занимался пропагандой нового строя — убеждал купцов и старейшин ремесленников, что для их деятельности началась золотая пора: полное освобождение на

пять лет от налогов, поддержка предпринимательской деятельности, отсутствие административных барьеров, а также обещание смотреть сквозь пальцы на мелкие нарушения законодательства. В бизнесе без нарушений вообще-то нельзя, я это понимаю, потому для меня развитие бизнеса в Армландии на первом плане, законы — на втором.

Но надо поторопиться, закончил я, когда у них глазки разгорелись жарким пламенем, потому что на определенном этапе развития общества законы все же выйдут на первое место. Успеите нахапать раньше. Дети ваши будут жить уже в мире законов, и пусть их права закон охраняет, а не ущемляет.

К вечеру даже глотка пересохла от речей, но я чувствовал, что сделал больше, чем если бы совершил пару победоносных походов во главе огромной армии. От войны еще ни один народ не разбогател, а я сейчас поднял рейтинг уверенности предпринимателей на два порядка, что обязательно скажется на экономике.

К ужину леди Лоралея вышла в том же платье, даже прическу не сменила, удивительная женщина.

Я приветствовал ее со всей сердечностью, пожаловался на усталость, поинтересовался, не желает ли она что-нибудь особое, ну там бриллиантовое кольцо или серьги с рубинами.

Она поморщилась.

— Странные у вас представления об особом, сэр Ричард.

— Простите, — сказал я и в самом деле ощутил себя дураком. — Я же воин и вообще почти аскет, откуда мне знать женские вкусы?..

Она проговорила медленно:

— Тогда, может быть, вам вообще лучше не иметь дело с женщинами?

— Но-но, — сказал я, — такие разговоры далеко заведут. Я хочу иметь дело именно с женщинами. Так завещано в Священном Писании. У Адама была возможность выбора среди всех животных, сотворенных Господом, он же был царь зверей, даже имена всем дал, но все же заупрямился и попросил у Творца женщину!

— Адаму было нечего делать, — парировала она, — а у вас власть, земли, страна, люди...

— Это да, — согласился я. — В стране люди, среди них половина женщин.

— Может быть, — предположила она, — будете держать здесь кого-то другого? В темноте все женщины одинаковы.

— Да они и на свету одинаковы, — заверил я. — К счастью, вы вот не женщина. Я бы сказал — ангел, но ангелы недостаточно хороши...

Она поморщилась снова, поинтересовалась:

— Даже слуги только и говорят, что вы сегодня наобещали ремесленникам. Это верно, что ложь в интересах дела называется политикой?

— Не знаю, — ответил я откровенно, — вообще-то я очень даже начинающий политик. Пока что он из меня никакой... Но стараюсь, леди Лоралея.

— Если вести себя низко, — обронила она, — нельзя достигнуть высоких целей, но можно достигнуть высокого положения. Спасибо, эта рыба просто бесподобна!

— Рад, что вам понравилось, — сообщил я. — Отныне будет в меню. Только тот, кто может подняться выше своих принципов, может чего-то добиться в политике. А я хочу добиться многого.

— Вы достигли больше, чем многое, — произнесла она. — А чем выше достигнутое, тем легче упасть... и проще сломать шею. Вообще-то каждый тиран должен знать размер своей шеи.

— Не спорю, — ответил я легко, — но пока я сам ломаю шеи противникам. В этом преимущество высоты и силы. И нужно успеть сделать больше, прежде чем упасть.

— Вряд ли успеете, — заметила она. — Лорды уже ставят вопрос ребром: либо вы отказываетесь от попыток загрести себе слишком много власти, либо...

Я прервал:

— Будут пытаться поставить мне вопрос ребром, я им поставлю ребра вопросами!

Она слабо улыбнулась.

— Да, это многих останавливает.

— Не зря, — проворчал я. — Леди Лоралея, я адекватен к миру, в котором живу. В политике чистые руки — редкость, горячее сердце — роскошь, а холодная голова — только по-

сле того, как ее срубят. Потому я хорош для Армландии, хоть и плох для отдельно взятых лордов.

— Но Армландия состоит из отдельных людей, — напомнила она.

— Отдельные люди, — сказал я убежденно, — сволочи. Не все, конечно, но в абсолютном большинстве. Но как человечество... это прекрасно! Потому я буду душить отдельных и радеть о человечестве... В смысле, об Армландии. Все остальные королевства пока лежат вне признаваемого человечеством.

Она спросила задумчиво:

— Значит, в Армландии живут люди, а вне ее... нет?

— Совершенно верно, — поддакнул я. — Это нормальное и вполне естественное мировоззрение культурного человека данной эпохи. Кстати, оно проживет гораздо дольше эпохи! Гораздо.

Ее губы насмешливо изогнулись.

— Вы заглядываете в будущее?

— Да, — ответил я скромно. — Только не спрашивайте, на каком боку вы будете спать этой ночью, этого не знаю. Но скажу с точностью, что следующей будет эпоха пара. И тоже не спрашивайте, почему!

— Не знаете?

— Это как раз знаю, но я и так не о том говорю!

Она переспросила с интересом:

— А о чем вы хотели?

— Не знаю, — признался я, — но все-таки не о политике, не о человечестве и не о паровых машинах. Я ужинаю с красивой женщиной и мечтаю, чтобы этот ужин перешел плавно в завтрак.

Она спросила с недоумением:

— Мы, что же, всю ночь будем есть?

— Нет, но...

— Я предпочитаю ночью спать, — пояснила она.

— Да-да, — сказал я поспешно. — Вообще-то уже пора.

— Что?

— Спать, — ответил я неуклюже.

Она подумала, медленно наклонила голову.

— Да, наверное...

Глава 8

В открытый дверной проем мне хорошо видно, как она медленно и без всякого кокетства сбрасывает одежду. Сердце стучит, в голове тысячи мыслей, что формируются в два готовых к драке войска: пожелать доброй ночи и уйти, это нормально и достойно, или же самому раздеться и лечь рядом?

Вообще-то правильное, наверное, пожелать хороших снов, поклониться и уйти, плотно притворив дверь, но когда человек поступал правильно? А те редкие зануды, что так все-таки поступают, это же самые избегаемые и несносные люди...

Она легко, как солнечный луч, скользнула под одеяло. Я, как дурак, дождался, когда она повернула голову и с удивлением посмотрела на меня: мол, чего стоишь?

Это опять-таки можно истолковать как предложение убратся, но я предпочел истолковать иначе, мы всегда толкуем к своей выгоде, так что суетливо, как стесняющийся мальчишка, разделся и быстро лег на своей стороне, стараясь не прикасаться к ее телу.

Она лежала, глядя в потолок, брови сведены, о чем-то напряженно думает. Я едва дышал, буквально прикидываюсь трупом, а Лоралея упорно смотрит в потолок.

Я не знал, как сказать, как объяснить, что я, именно я и никто иной — являюсь тем, кто даст Армландии расцвет... хотя на хрен этот расцвет в постели, надо о чем-то другом, какие-то иные доводы, но я дурак, ничего не лезет в голову, хотя мыслей там миллион, но все дурные какие-то, истеричные, горластые...

Она повернулась на мою сторону, я затаил дыхание, а она положила голову мне на грудь и обняла за шею.

Думаю, это не потому, что переменяла ко мне отношение или вдруг захотелось сделать мне приятное. Скорее, это подобно тому, как устрица, очутившись в теплой спокойной и безопасной воде, раздвигает плотные створки, за которыми таится нежная плоть, так и Лоралея, оказавшись в постели с мужчиной, ведет себя как раз естественно.

В жизни каждой женщины есть два главных мужчины: тот, за которого она вышла, и тот, за которого не вышла. Лоралея — исключение: для нее существует только один мужчина.

Не знаю, чем я ее убедил или что ее убедило, но утром она уже выглядела счастливой, сияющей, весело щебетала, распоряжалась слугами, которые ликуяще бросались выполнять все ее желания, а вернувшись, по-собачьи преданно заглядывали ей в глаза: ну, прикажи, прикажи что-нибудь еще!

После завтрака я поспешно удрал, страшась чем-то испортить начавшуюся метаморфозу. Во дворе, правда, у самого настроение испортилось, видя, как большинство лучших рабочих спешно возводят церковь, даже главные крепостные ворота так и остались лежать на земле, зато поговорил с отцом Дитрихом, тот с энтузиазмом сообщил, что отпечатали еще один экземпляр, теперь складывают все листки постранично, столяры и кожевники молятся и проходят обряд очищения перед тем, как приступить к оформлению переплета сокровища.

— А как там отец Ульфилла? — спросил я.

Он отмахнулся.

— Проповедует, обличает, призывает... Не знаю, когда он только и спит.

— Популярен, — сказал я.

— Да, этого у него не отнимешь.

Я заметил с неохотой:

— Мне, к примеру, никогда не доводилось видеть, слышать или читать, чтобы духовенство пользовалось в христианской стране любовью! Завоевать симпатию у народа могут лишь те священники, которые подвергаются преследованиям.

— К сожалению, сын мой, это так. К сожалению.

Я сказал со вздохом:

— При умелом воздействии на массы отец Ульфилла сам кого угодно подвергнет! Хоть гонениям, хоть преследованиям.

— К счастью, — обронил отец Дитрих, — законной власти у него нет! А есть только авторитет в глазах простого... и не только простого народа. Кто, как не он, гневно обличает богатых, жадных, корыстолюбивых? Кто, как не он, указывает на нерадивых священников? Народ это любит. И поддер-

живает. Ульфилла говорит вслух то, что они говорят шепотом.

— Популист, — сказал я обвиняющее. Увидев лицо отца Дитриха, сказал поспешно: — Это не то, что вы подумали, святой отец!

— Ничего, я догадываюсь... Иди, сын мой, и воздерживайся от греха.

— Воздержусь, — пообещал я и подумал, что до ночи уж потерплю, а потом нагрешусь вволю, хотя Лоралея и в постели как светлый ангел, я чувствую в ее объятиях неземное блаженство, что не мешает, однако... гм... еще как не мешает. — Если что понадобится, отец Дитрих, только свистните! Я не хочу ничего обещать, только намекну... Отец Дитрих, книгопечатание — это только начало наших богоугодных дел. Господь будет доволен, и ангелы воспоют на облаках, когда мы сделаем второй шаг.

Он охнул, но глаза стали настороженными.

— Сын мой, я не знаю, что ты задумал, но... не слишком ли быстро?

— Откусить сумеем, — пообещал я. — Проглотить... гм... постараемся. А уж переварить... надо суметь, отец Дитрих. Но Господь будет нами доволен, правда!

Я вышел, оставив его в смятении и счастливой растерянности.

Ульфилла, дорвавшись до новых людей, что еще не имели счастья его слушать, проповедовал яростно и неистово, переходя из одного угла крепости в другой, вещал у ворот и даже на дороге, встречая купцов и ремесленников, а также провожая страстными напутствиями, чтобы не забывали Бога.

Я кривился, но уж ладно, пусть отдохнет его измученный долгой дорогой мул и нагуляет хоть чуть жирка, чтобы хватило на обратную дорогу, сам приглядывал за работами.

Ульфилла, как назло, тут же появился поблизости и начал что-то орать и размахивать руками. Ремесленники, вместо того чтобы слушать лорда внимательно, начали косить глазами, а слушали и без того краем уха.

Я разозлился, Ульфилла как раз громко восклицал:

— Уверуйте и никогда не сомневайтесь в Господе! Бог всегда был, есть и будет!

— Святой отец, — сказал я строго, — не богохульствуйте.

Ульфилла вскинулся, повернулся в мою сторону, изумленный и как будто обрадованный возможностью схлестнуться со всемогущей светской властью, забывшей, что есть еще выше власть, власть самого Господа.

— Что? Я? Богохульствую?

— Ага, — подтвердил я, — именно вы, святой отец.

Он потребовал неистово:

— Где я сбогохульничал?

— Нужно говорить, — сказал я громко, ориентируясь на жадно слушающих, и благочестиво перекрестился, — что Бог всегда есть. Сказать «был и будет» — это делить наше время, это свойственно естеству преходящему, а Господь наш есмь всегда. Я бы мог и покруче, начиная с Большого Взрыва, то есть акта создания мира, до которого времени как такового не существовало. Но, как понимаете, вам достаточно.

Ульфилла насупился, долго думал, наконец выдавил нехотя:

— Да, это я оговорился.

— То-то, — сказал я удовлетворенно и повернулся к мастеровым: — А вы, каналы, за работу, за работу! Ишь, духовной пищи восхотелось! Вот не заплачу, посмотрим, как на одной духовной проживете!

Все шустро разбежались по местам, часто-часто застучали топоры и молотки. Отец Ульфилла посмотрел зверем, но ушел в другой конец крепости. И хотя крепость везде моя, все-таки я ощутил облегчение.

Женщина сияет, говорят отцы церкви — весь дом сияет, женщина мрачна — весь дом погружен во мрак. И еще в другом месте: подобно тому как рыбу надо мерить, не принимая в расчет головы и хвоста, так и женщин надо разглядывать, не обращая внимания на их прическу и башмаки.

Лоралей сияет, и я вижу, что сияют не только слуги, даже стены словно бы озарены теплым солнечным огнем. Всех ухитрилась одарить и радостной улыбкой, и приветливым словом, а рыцари в крепости стали словно бы выше ростом и

шире в плечах, ходят красивые и гордые, как плавающие лебеди.

На удивление быстро она прониклась идеей Тоннеля, с жаром обсуждала со мной все перспективы и преимущества. О некоторых даже я не догадывался, а она, лучше зная реалии местного быта, предлагала варианты, за которые я сразу же хватался, мысленно стучая себя мордой о стол: как не догадался, дурак, если это видит даже женщина? К тому же — красивая!

Я ходил, как в розовом тумане, обалдевший и сильно поглупевший от счастья.

Даже сэр Растер, всецело погруженный в воинские занятия с молодежью, и то сказал со вздохом:

— Вам сказочно повезло, сэр Ричард. Ведь женщине не нужно много ума — нам хватает, если попугай отчетливо произнесет хотя бы несколько слов. Но вы взяли в жены красивую... оказалась умной!

— Это не опасно? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Смотря для кого.

— А для меня?

— Вам самому палец в рот не клади, сэр Ричард.

— Спасибо, — ответил я задумчиво. — Будем рассматривать это как комплимент.

Женщины вообще-то работе мешают всегда. Одни больше, другие меньше. Те, которые мешают меньше, считаются хорошими понимающими женщинами, их охотно берут в жены.

Говорят, есть женщины, которые вообще не мешают мужчинам заниматься делом, но эти слухи в том же ряду, где фениксы, Царство Божье, живая вода и молодильные яблоки.

Однако Лоралея за несколько дней настолько пропиталась проблемами крепости, что уже к ней обращались, как к арбитру и хозяйке. Я с изумлением видел, как легко и просто она разрешает сложнейшие вопросы. Именно так, как разрешил бы их я.

Ночей я ждал, как влюбленный подросток, Лоралея в постели бесхитростна, но всегда делает все то, что я хотел бы от женщины. Станные взрывы чувственности, когда в полночь

я падал и засыпал, счастливо измотанный любовными утехами, а утром вскакивал, полный сил и жажды деятельности.

С западных холмов вернулся сэр Норберт. Там неожиданно появилось странное озеро с лиловой водой. Я на всякий случай велел проверить, нет ли от него опасности, все-таки достаточно близко к крепости и торговым путям, озеро оказалось чистым и безопасным, более того — кишит рыбой, однако сэр Норберт слег по возвращении.

Сэр Растер явился на совет угрюмый, сказал с порога:

— Сэру Норберту все хуже. Уже мечется в лихорадке! Даже меня не узнал.

Макс перекрестился.

— Все в руках Господа! Будем уповать на его милость...

Отец Дитрих кивнул.

— Да, конечно. Но за лекарем уже послали?.. Нет? Так пошлите поскорее!

Барон Альбрехт бросил на него испытующий взгляд.

— Иногда мне хочется спросить у вас, святой отец, верите ли вы в Бога?

Отец Дитрих слегка помедлил с ответом.

— Я не простой священник, сын мой. И я знаю, что Господь охотнее помогает тем, кто с ним сотрудничает.

— А это... как?

— На Господа надейся, — пояснил отец Дитрих, — но к берегу гребь. Пусть хороший лекарь посмотрит внимательно. Может быть, это простая простуда. Все-таки немолод в холодной воде бродить полдня по пояс. Чего он там искал?.. А брата Улиссиуса я сам пошлю, он как никто силен в изгнании бесов и демонов.

— Я тоже посмотрю, — пообещал я. — Иногда достаточно появиться паладину. Кстати, завтра отбываю к Хребту, нужно посмотреть, как продвигается работа. Так что у кого какие вопросы, выкладывайте сразу. Вернусь, может быть, не скоро.

Сэр Альбрехт, дотоле помалкивающий, взглянул испытующе и тут же отвел взгляд. До этого он делал намеки, что я слишком уж не вылезаю из спальни леди Лоралеи. Это нормально для молодого рыцаря моего возраста, но я теперь еще и гроссграф, так что надо бы... да, надо бы. Вот именно.

Особенно он меня уел, когда с улыбочкой сообщил, что именно такого грессграфа и хотели бы видеть лорды, предложившие грессграфство...

Я ощутил, что осыпало морозом, а следом нахлынула горячая волна стыда. Мужчина — не мужчина, если не занят делом. Та самая женщина, что всячески отвлекает от дел, будет презирать, если мужчина в самом деле начнет от них отвлекаться.

На другой день я собрал их с утра, все смотрят настороженно, я сказал бодро:

— Сэр Растер, сэр Альбрехт, сэр Макс... и вы, сэр Норберт, я рад, что вы избавились от лихорадки, оказавшейся просто сильным переохлаждением... верно? Мне брат Улиссиус, которого к вам посылал отец Дитрих, все рассказал и успокоил... вы все остаетесь бдить и защищать, а также развивать и совершенствовать!

— А вы, сэр Ричард? — спросил Растер.

Альбрехт помалкивал, догадывается, я сказал громко:

— Наведаюсь на стройку века!..

— Да-да, сэр Ричард, — согласился Растер с неожиданной легкостью. — Стройка... это да!.. Строить — это не сапоги чистить. Строить — замечательно даже... можно сказать.

Я перехватил взгляд Альбрехта. Растер, как и он, готов отпустить меня даже на такую дурь, как копанье тоннеля под горным хребтом, только бы я занялся делом, а то все возле юбки и возле юбки.

Глава 9

Зайчику уже не надо указывать, куда едем, достаточно сказать «Хребет, тоннель». Нужно только придерживать, чтобы на скорости ветка вдруг появившегося дерева не снесла мне голову.

Бобик по обыкновению показывался то справа, то слева, а иногда как будто одновременно там и там, что-то ловит и жрет, хорошо хоть не блюет потом.

У подножья Хребта к утру свежеет настолько, что просто

заморозки, костры у барака строителей горят всю ночь, а горы на рассвете даже не алые, а странно лиловые.

Снова, пока ехал к месту, где начато освобождение Тоннеля от каменной пробки, видел чудовищные руины древних городов, что уже и не руины, а просто чересчур геометрически правильно расположенные камни, оплавленные неведомым жаром ста тысяч разом вспыхнувших солнц, развалины более поздних допотопных башен.

И кулаки сжимались от жажды прямо щас все бросить и ринуться искать древние артефакты, которые только я и смогу понять. У меня положение похуже, чем у золотоискателей или других искателей сокровищ. Я точно знаю, что в руинах где-то лежат аналоги медных ламп с джиннами, нужно только порыться... и трудно удержаться, потому что джинн не сделает всех богатыми и счастливыми, не сделает грамотными и просвещенными, а у меня сейчас именно эта гигантомантная задача.

Бобик первым прибежал к Тоннелю, вызвав переполох среди рабочих, некоторые повскакивали на скалы, как горные козлы, другие заперлись в бараках.

Мастер Маргулер бегом бросился навстречу.

— Как работа?

— Как вы и сказали! — ответил он с бодрой услужливостью.

— А как я сказал?

— Ни на час не прерываем! В три смены.

— Посмотрим, — проворчал я. — Неужели еще не прокопали?

Он забегал то справа, то слева, показывая дорогу. Я в самом деле не узнавал знакомого места. За неделю, что меня не было, справа и слева от входа нагромодили, не успевая вывозить и сбрасывать в расщелину, целые горы из каменных глыб. Работа, как мы с мастером и ожидали, пошла быстрее, обрадовав камнерубов. В самом начале проламывались сквозь сплошную каменную стену, что образовалась из стекающей расплавленной массы, а теперь нужно выковыривать и просто убирать обломки скальной породы.

Камень почти не проходится ломать, разве что слишком большие глыбы разбивают на части. Камнерубы повеселели,

плачу все так же хорошо, даже слишком, как будто от их работы зависит все мое благополучие.

Из бараков наконец начали показываться самые осторожные, кланялись, но посматривали как на безобидного чудака.

— Пойдем посмотрим, — велел я.

Огромная нора уходит в толщу почти отвесной стены широкая и высокая настолько, что всякий покрутит пальцем у виска. Но я велел долбить именно так, меньше шансов пройти мимо.

Дальше в глубине норы мелькают огоньки, показалась пара волов, за ними тяжело нагруженная каменными глыбами телега. Возчик шагает впереди и с натугой тянет волов за веревку.

Навстречу так же медленно и неспешно волы тащут пустую телегу. На этот раз возчик управляет ими из телеги. Завал все так же плотно забивает до самого свода. Уже и камнерубы обратили внимание, в удивлении крутят головами, переговариваются, строят догадки.

На расчистке завала я провел двое суток. Работники вообще не разгибались, стремясь угодить, плачу щедро, а работы на много жизней вперед. Я осмотрел их инструменты, как будто все из каменного века, с ходу придумал, как их сделать поэффективнее. Камнерубы хлопали глазами, но признавали, что так рубить намного удобнее.

Да и вообще я подкорректировал весь процесс вырубки камня и транспортировки, очень уж пока напоминает труд египетских рабов, а у нас как-никак продвинутое Средневековье.

Управляющий работами мастер Маргулер прибыл с тремя подводами заказанных инструментов. Я начал помогать разбираться, сам вошел в такой азарт, что часа два без устали махал киркой, стараясь находить в камне особые точки напряжения, когда даже от слабого удара разлетается на куски.

Маргулер сперва похваливал, на лице удивление пополам с уважением, потом я заметил, что поглядывает на меня обеспокоенно.

— Что-то не так? — спросил я.

— Все так, — заверил он поспешно. — Все так, но...

— Ну-ну, говорите. Бить не буду.

Он развел руками.

— Ваша светлость, — произнес он виновато, — не мое дело такое говорить... однако... гм... при всей вашей увлеченности этим делом... гм... все же есть более важные дела у гроссграфа.

Я со вздохом опустил кирку.

— Например?

Он в затруднении пожал плечами.

— Не знаю. Но все-таки... гроссграфы этим не занимаются!

— А чем? — спросил я уже только для того, чтобы спросить.

Он снова подумал, почесал в затылке.

— Ну, наверное, чем и графы... только побольше. Или почти тем, что и короли. А короли не роют тоннелей.

— У королей руки коротки, — объяснил я злобно. — А вот мы выроем! И тогда знаешь, что будет?

— Не знаю, — ответил он озадаченно. — А что?

— А вот не скажу, — ответил я мстительно. — Ишь, критик нашелся! Сам подумай. Ахнешь.

Он задумался, в затруднении попытался добросовестно понять важность Тоннеля.

— Ну да... вообще-то через него можно внезапно бросить армию на завоевание тамошних земель... Но это будет очень не скоро, ваша светлость!

Он не сказал, что тоннель, если рыть его на самом деле, а не вот так, как уже понятно даже самым тупым, удастся прорыть разве что лет через пятьсот, я и за это благодарен, внезапно и сам ощутил, что зря бьюсь здесь, я нужен в крепости, в тренировочном лагере для лучников и особенно в мастерских, где я придумал новые способы соединения лат и велел проверить их в разных условиях.

— Вы правы, мастер Маргулер, — ответил я со вздохом. — Эй, ребята, оседлайте моего Зайчика!

— Будет сделано, ваша милость, — донесся бодрый голос. — Оседлаем эту ма-а-аленькую зверушку.

Я свистнул Бобику, поднялся от костра. Со стороны

зияющего входа раздался испуганный вскрик. Мерно и тяжело загрохотало, посыпались каменные глыбы, люди кричали, но не так, чтобы слишком уж в ужасе, а скорее испуганно-радостно.

Крики в норе стали громче, я всматривался в темный зев. Оттуда как раз показалась пара волов с тяжелой подводой, но их обогнали бегущие в великой спешке люди. Быстрее всех выбежал молодой, раздетый до пояса камнеруб, тело взмокло и блестит, как намазанное жиром.

Он остановился, глаза дикие, заморгал от яркого света, замахал руками.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

— Что там? — спросил я напряженно.

Сердце мое начало стучать чаще, камнеруб прокричал:

— Там дальше пещера!.. Страшно. Не вход ли в ад, ваша светлость?

— В ад вход ведет вниз, — ответил я резко и властно, как специалист по адам. — Бывал, знаю. А у вас просто пещера?.. Ворота есть? Сезам или сим-сим пробовали? Пойдем поглядим.

Зайчик недовольно фыркнул в спину, я пошел к норе, а потом, теряя достоинство лорда, побежал. Камнеруб неся рядом, потом приотстал.

В прорубленной дыре красные огни факелов, запах горящего дерева и расплавленной смолы, из темноты вынырнули блестящие от пота полуобнаженные тела.

Камнерубы разом повернулись к нам, я спросил быстро:

— Что там у вас...

И умолк: за их спинами нагромождение глыб, а вверх под самым сводом темнеет дыра. Через нее в состоянии протиснуться ребенок, но заглянуть может и взрослый.

Как я понял по лицам камнерубов, туда уже заглянули. Увиденное привело в ужас.

— Ваша светлость...

— Тихо, — велел я. — Пришло время действовать моей светлости.

— Не опасно?

— Жизнь вообще опасная штука, — сообщил я, — от нее, бывает, умирают. Уберите вон тот и вон те камешки!

Они торопливо скатили глыбы вниз, дыра стала шире. Выхватив факел, я взбежал наверх и, встав на четвереньки, протиснулся в дыру. На той стороне камни точно так же повели вниз. Я спустился, стараясь не сдвигать с места, такие глыбы и быка задавят, как комара, ступил на ровный пол, удивительно ровный и гладкий, словно покрытый плиткой.

Тоннель широк, настоящий зал, свод полукруглый, оттуда льется ровный чистый свет. Стены разнесены далеко одна от другой, там тоже свет, но слабый, приглушенный, будто сквозь матовое стекло.

Стены поблескивают не то полированным камнем, не то металлом, я угадал, что велел делать проход таким широким: как бы не пришлось расширять еще больше.

Нога ударилась о твердое, я опустил факел, кровь воспламенилась и кипящей волной ударила в голову. Рельс!.. А вот второй, оба полуутоплены в каменном основании пола, достаточно далеко один от другого, странно широкая колея... но, если верить школьным урокам, достаточно колею расширить на четверть, чтобы в укрупненных вагонах — станут не только шире, но и выше — можно было перевозить втрое больше груза. А здесь колея шире не на четверть, а почти вдвое.

Я прошел вперед, металл поблескивает холодно, ржавчины нет, явно с нужными добавками, шпалы бы истлели, но их нет, а рельсы ждут только вагонов и платформ.

Сзади шорох, с грохотом покатались камни. Я повернулся, как ужаленный, хватаясь за пояс. Бобик сбежал по каменной насыпи, на ходу лизнул мне руку и побежал по тоннелю вперед.

— Стой! — заорал я. — Стой, говорю!

Бобик повернулся, в глазах недоумение. На всякий случай помахал хвостом.

— Мы не знаем, что впереди, — сказал я твердо. — Вдруг заминировано? Иди рядом, морда.

Через пару шагов с обеих сторон начал вспыхивать ровный свет золотистого спектра. Идет прямо из стен, глаза не режет, хотя достаточно ярко.

— Рядом, — приговаривал я, как только Бобик начинал потихоньку выдвигаться вперед, — рядом, толстожопый...

Свет зажигается теперь и впереди, так что иду в огромной сверкающей трубе. Хорошо, не лечу, а то я хоть и не суеверный, но жизнь приучила ждать всего, разного и со всех сторон.

Утопленные в каменный пол рельсы поблескивают тускло, интеллигентно, стараясь не привлекать внимания. Бобик постепенно все же начал выбегать вперед, я покрикивал все реже. Уже понятно, что вот так и будем идти миль двадцать, пока не наткнемся на завал с той стороны.

И, только преодолев ту лавину спекшихся камней, выйдем по другую сторону Хребта.

— Бобик, — сказал я наконец, — умному уже понятно, а дурака учить — только инструмент портить. Возвращаемся.

Он не послушался, уши торчком, смотрит вперед. Я позвал громче, Бобик неохотно вернулся, но теперь я сам ощутил нечто впереди громадное.

Взяв в руку молот, — здесь если и водятся крысы, то размером с носорогов, в тоннеле таких размеров все должно быть ему под стать, — я осторожно продвигался вперед.

В ярком свете, что теперь показался просто зловещим, блеснуло нечто вроде исполинского жука-бронзовки размером с карьерный самосвал. Он угрожающе загораживает дорогу, и мне показалось, что медленно разводит жвалы.

Бобик грозно заворчал. Я шепотом запретил лезть вперед поперед батыка, у самого сердце колотится испуганно и восторженно, в зобу дыхание сперло, а в руке рукоять молота чуть не трещит.

На всякий случай просмотрел в запаховом и тепловом, но все на нуле. Впрочем, если впереди динозавр, то мое тепловое не поможет...

Сердце все еще колотится так, что скоро стану инфарктником. Застывшие ноги с великой неохотой сдвинулись с места. Бобик рычал все громче, выдвигался вперед, защищая хозяина.

Я наконец рассмотрел чудовище, дыхание вырвалось из груди со вздохом облегчения. Массивное металлическое чудовище, вот что загораживает мне путь! По идее, здесь на рельсах может располагаться только кваркобег, атомоход, электровоз, тепловоз или хотя бы паровоз, хотя одизайнерил

это чудо либо сумасшедший, либо художник. Места, чтобы протиснуться между ним и стеной, достаточно, я обошел со всех сторон трижды, не сразу заметил дверь, — ну явно навороты дизайнера, конструктор ни при чем, — потянул на себя.

Дверца открылась без скрипа, легко и просто, что насторожило, я постоял, опасливо заглядывая. Потом вспомнил, как все случилось, этих ребят война застала внезапно, вряд ли кто стал налагать защитные заклятия, у всех была только одна мысль: поскорее выбраться наружу живыми и понять, что случилось.

Поднимая факел, я старательно осматривался по сторонам. Где-то трупы машиниста и помощника, если эта штука не автоматическая, но везде пусто, я решил было, что самоходный аппарат на рельсах все-таки автоматика, потом обозвал себя дураком: с чего я решил, что должны были помереть именно здесь? Если слышали, с каким грохотом завалило ближайший вход, то явно могли поспешить к дальнему, тот выводит к морю.

Я все это проговаривал иногда про себя, иногда вслух, настораживая и приводя в недоумение Бобика, он сразу начинал оглядываться, спрашивая взглядом: кого кусать, я наконец вылез из кабины, еще раз осмотрел со всех сторон.

— Лады, — сказал я Бобику. — Пройдемся еще малость! Но чуть-чуть. И вернемся. Кто разевает пасть на слишком большой кусок, рискует подавиться.

Бобик радостно гавкнул, эхо ответило негромко, но быстро, унеслось вперед, а Бобик весело бросился за ним. Я шел все равно настороженный, смотрел по сторонам, хотя это как идти внутри абсолютно гладкой трубы: взгляду зацепиться не за что.

Мы прошли не меньше мили, я начал уставать от постоянного напряжения и оглядывания, хотя вроде бы не приходится отпрыгивать от проносящихся поездов: полнейшая пугающая тишина, как в глубоко закопанном гробу.

Бобик вернулся, потом убежал снова, иногда я слышал его веселый гав, нравится Адскому Псу слышать свой искаженный эхом голос, затем на долгое время он вообще исчез в золотистом свете.

Я подумывал, что пора возвращаться, завал расчистят, я

проеду здесь на Зайчике, обследую завал на той стороне, а камнерубы тем временем приготовят побольше телег, чтобы таскать глыбы через весь тоннель.

— Бобик, — сказал я, — ты где, толстомордик?

Бобик не ответил, а когда я сделал еще несколько шагов, он проступил из сияния, уставившись в стену. Сразу насто-
рожившись, я взял в руку молот, в другую — болтер, и так начал приближаться на цыпочках.

— Что там?

Бобик не ответил, мол, все ж понятно, сам смотри, его коричневые глаза не отрывались от блестящей металличе-
ской поверхности.

— И что? — спросил я.

Бобик ткнулся в стену носом. Раздался негромкий шел-
чок, словно переломили сухую палочку. В стене наметился
прямоугольник, исчез, я охнул, различив, что в стене поя-
вился проход. Вряд ли эту дверь делали потайной нарочито:
местные, скорее всего, видели ее отчетливо именно как
дверь, если, конечно, снабдить особыми очками или датчи-
ками.

Я обалдело оглянулся на Бобика.

— Это что же... без тебя меня бы не пропустили?

Бобик радостно гавкнул и первым вбежал в проем. Я шаг-
нул следом, за спиной дверь опустилась, отрезав меня от
блестящей полосы тоннеля.

Вспыхнул свет, впереди уже не такой широкий тоннель,
но лучше отделан, сводчатый потолок блестит, как укруп-
ненные пчелиные соты, стены из металла, на высоте моей
груди тянется ряд знаков. Пальцы зачесались от желания по-
пробовать, пощупать и потыкать, вдруг что заработает, но
удержался, могут оказаться и механизмами саморазрушения,
хотя вряд ли поставят вот так на виду, доступными для всех...

Еще одна дверь, я приготовился искать кнопки и генери-
ровать пароли допуска, но примчался прыжками Бобик, что-
то обнюхивал, поотстав, и дверь медленно раздвинулась пе-
ред ним.

Совсем обалдевший, я шагнул за Псом, только крикнул
ему вслед:

— Ты там ничего не включай... пока!

Эта дверь из толстой стали, к тому же, если чутье не врет, непростой стали. Если это вообще сталь.

Дверь так же медленно закрылась за моей спиной, а я ошалело смотрел вперед и по сторонам, очутившись в некоем подобии подземного ангара не то для дирижаблей, не то для подлодок, размером с «Титаник».

Тусклый свет медленно набирает силу, словно аккумуляторы никак не могут проснуться после многовековой спячки. Бобик, ликующий, что больше ничего не запрещаю, исчез далеко впереди. Спешит все посмотреть и обнюхать, пока хозяин не позвал обратно, да это ладно, лишь бы никакое говно не ел, а то собаки все найденное рассматривают как законную добычу.

Взгляд выхватывает из сумрака все новые сооружения, я наконец сообразил, что мимо тянется ряд платформ, их тут десятки, а вот там впереди даже две крытых, настоящие вагоны.

Похоже, это просто депо, вон запасные платформы, вагоны, склад готовых к укладке рельс. Если случался где сбой, как я понимаю, на место тут же выезжали ремонтники, быстро заменяли вагоны, а то и укладывали новые рельсы взамен поврежденных.

Вконец изголодавшись, я создал ломоть сыра, только его пока и умею, если не считать кофе, слопал и на усталых ногах торопливо заканчивал осмотр, поднимаясь по мосткам на самый верх и время от времени опускаясь в глубокие шахты под ангаром депо.

Думаю, здесь есть подъемники, но я не отыскал и лазил, как обезьяна по лианам, хотя больше был похож на бегемота, старающегося походить на обезьяну. Ну как если бы обезьяны вырастили в своей стае детеныша бегемота, он бы, конечно, лазил по лианам, но по-своему, по-бегемотьи.

В самом конце, когда собрался возвращаться, отыскал нечто похожее на малый пульт управления, который как бы и не относится к самому депо. По крайней мере, чутье говорит, что за движение составов отвечают знаки в самом депо, что на виду, а этот... гм...

— Возвращаемся, — велел я Бобику твердо. — На сегодня

хватит! Мы еще вернемся. Ведь Тоннель — моя личная ответственность, эти дураки сами отказались от долевого участия.

Он весело прыгал вокруг, подтверждая, что вообще все дураки, кроме нас двух, даже Зайчик не такой уж и умный, это же все-таки лошадь, хоть и поумнее остальных.

На обратном пути дверь открываться отказалась. Я и прикладывал к ней ладонь, и называл свои титулы, и уверял, что свой, разве по мне не видно, и даже, скривившись, назвал себя Избранным, хотя шепотом и оглядываясь, чтоб да же стены не услышали такого позора.

Примчался ликующий Бобик, хотел прыгнуть мне на шею, дверь в это время нерешительно дрогнула и ушла в дверной проем. Бобик радостно гавкнул и бросился вперед. Я торопливо шагнул следом. Наверное, у начальника этой станции был пес, хозяина которого задолбалось всякий раз поднимать задницу из кресла и открывать двери, вот и настроил автоматику таким образом, чтобы пса пропускали, когда тот прибежит проведать хозяина.

По дороге обратно отыскивали еще одну дверь, уже на противоположной стороне. Я едва тащился, хотел оставить проверку своего имущества на потом, но Бобик уже шмыгнул в проход, быстрый, как мышь.

Похоже, здесь некий склад, где тоже в огромном, как ангар для самолетов, помещении ждут своего часа запасные платформы, пара вагонов с крышей, а также сложены рельсы.

Я жадно осматривал рельсы, ликование уступило место разочарованию, на всю Армландию не хватит, даже ветку до Вексена не протянуть, тут же ругнул себя за жадность и неслыханные притязания: получил на халяву мед, так мне еще и ложку побольше, нет, еще больше и поглубже...

В конце ангара обнаружил будку оператора, как я ее называл. На этот раз Бобик не смог подсказать, как в нее забраться, но я сумел, а там внутри долго таращил глаза на цветные значки на стене. Если это панель управления, я бы расположил эти закорючки на пульте, то есть на столе, так удобнее...

...с другой стороны, кто сказал, что оператор в каждый должен тыкать пальцем? Мог пользоваться пультиком дистанционного управления, как развалившийся на диване пе-

ред ящиком фанат футбола, мог вообще включать и переключать мысленно, чего стоит вживить в мозг чип... или хотя бы повесить на ухо?

Глава 10

Пес выбежал из тоннеля, в самом деле Адский: черный и с багровыми глазами, в которых плещется море расплавленного металла, но, пугая камнерубов, ринулся проверять котел с остатками супа и сразу стал своим и понятным.

Я из последних сил старался выглядеть бодрым и свежим, полным сил, как надлежит могущественному лорду, на лице триумфальное выражение победителя.

Камнерубы смотрят со страхом и ожиданием. Я отряхнул ладони, в первом ряду мастер Маргулер. Он поспешно поклонился, перехватив мой взгляд. На его лице я уловил сильнейшее смятение и нечто похожее на впервые проступившее уважение.

Я сказал веско:

— Ребята, все так и задумано!.. Думаете, я такой дурак, что решил копать тоннель? Под всем огромным, ну просто огромнейшим Хребтом?

Они смущенно переглядывались и снова смотрели на меня, стараясь не встречаться со мной взглядами. Я холодно усмехнулся, вот он час моего триумфа, сказал мощно:

— Эх, орлы, орлы!.. Вы так и думали, можете не скрывать, я сам вам позволил так думать. Да, дурак, выживший из ума лорд, слишком часто получал по голове, вот и свихнулся...

Один из работников кашлянул и проблеял виновато:

— Что вы, ваша светлость, совсем мы так не думали! По крайней мере, не все.

Я отмахнулся.

— Это неважно, что думали. Главное, что думаете сейчас.

Он сказал торопливо:

— Да-да, ваша светлость! Сейчас все видят, что и дьявола обхитрите. Вам светлые ангелы показывают дорогу, правда? Вы же паладин!

Я кивнул.

— Да, показывают. Все показывают. Всякое... И все посылают. И светлые, и темные, и даже вы вон посылали... Но сейчас все позади, и я приоткрываю краешек великой тайны.

Они жадно сгрудились, а бригадир третьей бригады камнерубов кашлянул и спросил смущенно-испуганно:

— Вы знали, что... там?

— Конечно, — ответил я. — Я знал, что там тоннель, созданный Древними Магами. Я знал, что внутри тоннеля... Сейчас я прошелся там и наложил к старым закланиям, убивающим всех и отправляющим прямо в ад, еще и свои защитные заклания. Это для того, что если кто из вас попробует поискать какие-то вещи, забытые Древними, чтоб его сразу в жабу! И — на вечные муки в ад. Как продавшего душу.

Они ахнули, отшатнулись. Староста, побелев, проговорил дрожащим голосом:

— Как можно...

— Я защищаю ваши души, — объяснил я. — А то ради какой-то ерунды душу потеряете! Нет там ничего ценного. Думаете, через тоннель Великие Маги купеческие телеги таскали?

Их лица менялись, жадный интерес быстро сменялся разочарованием, как только понимали, что в тоннеле могли работать только рабы или простолюдины, а у тех откуда золото или волшебные вещицы?

— Нет там ничего, — объяснил я терпеливо. — Это просто тоннель под Хребтом, который все проскакивали поскорее.

Маргулер сказал понимающе:

— Да, никому не нравится гора камня над головой. Некоторые вообще боятся входить.

— Верно, — сказал я. — Потому там все чисто. Разве что тележка там стоит... Ну, ее спереть не сможете. Великовата. Да и не вытащите по такой дороге.

Он тут же спросил деловито:

— На ней можно возить камни?

— Можно, — ответил я. — Но вы не сможете.

— Почему?

— Великовата, — объяснил я. — И тяжеловата. И места для камней там просто нет. Словом, разбирайте остатки за-

вала, потом двигайте по тоннелю дальше, пока не упретесь в завал с той стороны.

— Понятно, — сказал Маргулер. — Там все сначала. Только подвод нужно будет больше.

Я посмотрел на костер, на открытые двери барака, махнул рукой.

— Сейчас мне делать здесь нечего, работайте. Я навещу вас скоро! Мастер Маргулер, руководите дальше. Бог в помощь, мы работаем во имя Господа и построения Царства Небесного на земле!

— Аминь, — сказали они дружно и перекрестились.

Я вскочил в седло, Бобик перестал вылизывать котел и примчался к нам.

— Вперед, — сказал я гордо. — К новым победам!

Камнерубы были уверены, что я помчусь прямо в свою крепость, однако я свернул на дорогу. В трехстах шагах отсюда находится первая застава, сэр Теодорих выскочил навстречу и ухватился за конский повод.

— Да, сэр Ричард?

Я спрыгнул на землю, словно давно пора размять ноги, прошелся чуть, высматривая, кто где и как схоронился за камнями. Теодорих наблюдал за мной круглыми непонимающими глазами.

Я сказал таинственно и значительно:

— Сэр Теодорих, с этой минуты все отлучки отменяются!

Он вытарашил глаза.

— Сэр Ричард, какие отлучки?..

— Ну там по бабам, — сказал я, — в таверну...

Он ахнул:

— Сэр Ричард, это вы так шутите? Да тут живой души на сорок миль не отыщешь! Людям здесь делать нечего. О бабах можно только мечтать...

— Вот и мечтайте, — разрешил я. — Потом оттянетесь, когда я сниму режим чрезвычайного положения. Или пришлю смену. А пока строжайший приказ: не выпускать ни одного из работающих... и бездельничающих тоже — за пре-

дела охраняемой зоны! Я не хочу, чтобы о том, что здесь происходит, узнали раньше времени.

Он сказал туповато:

— Но ведь знают же, что копаем тоннель.

— Вот это пусть и знают, — разрешил я великодушно. — И пусть еще перемывают мне косточки, как выжившему из ума лорду. Понял?

Он вытянулся, козырнул, глаза загорелись пониманием сути задания.

— Все будет выполнено, сэра Ричард!

Зайчик радостно ржанул, я с разбега запрыгнул в седло. Бобик примчался на свист, попытался прыгнуть за мной следом, но арбогастр быстро повернулся и мощно лягнул копытами. Правда, Бобик исхитрился увернуться и, приземлившись на все четыре, злорадно скалил зубы.

— Хватит играть, — сказал я строго, — начинаются великие дела!.. Не отставай, дурашка.

Теодорих следил за мной радостными глазами. Я повернул коня в ту сторону, где лежит крепость, ибо на фиг таким орлам дороги, Теодорих вскрикнул:

— Сэр Ричард!

Я обернулся.

— Да?

— Сэр Ричард, — прокричал он, — я счастлив, что тогда пришел к вам сразу! И счастлив, что с тех пор служу под вашей рукой! И все мои люди счастливы.

Я милостиво улыбнулся.

— Зайчик, давай...

Мы понеслись навстречу нарастающему ветру, шторму, урагану, но не успели раскалиться добела, как впереди выросла громада крепости. Зайчик нехотя сбросил скорость.

Ворота все еще на земле, ну я этого Ульфиллу скоро на ключья разорву, ни один вредитель не попортит мне столько нервов. Во дворе навстречу выбегал народ, я сказал отрывисто:

— Коня и Пса накормить, барона Альбрехта, сэра Растера и сэра Максимилиана — ко мне! Без всяких задержек.

Зайчика увели, Пес сам убежал, места знает, вперед выступил кузнец и прогудел густым голосом:

— Ваша светлость, сэр Растер и сэр Максимилиан сейчас вряд ли смогут... скорее, не смогут, чем смогут...

Я удивился:

— Что не смогут?

— Прийти вот так сразу... — ответил он.

— Что? — спросил я уже в изумлении. — Я гроссграф или не гроссграф?

— Гроссграф, — заверил он, — но... они...

— Что с ними?

— Они на проповеди.

Я охнул:

— Даже Растер? Что с ними случилось?

Челядин объяснил в смущении:

— Отец Ульфилла читает проповедь. Вот они и слушают.

Я огляделся, нигде особого скопления народа не видно.

— Где?

— А вот там.

Я быстро пересек двор по направлению к типографии, дернул дверь и вошел, сразу изумившись обилию народа. Правда, та часть, где типографский пресс и работающие на нем, от толпы свободна, все стоят на этой стороне, но плотно, прямо стена из тел, а на возвышении, где станок, неистовствует отец Ульфилла.

Он увидел, как я вошел, злобно зыркнул в мою сторону. Народ тоже задвигался, начали оглядываться, смотрят вопросительно, будто они здесь все свои, а я — чужак.

Я вскинул руки.

— Тихо-тихо! Я не мешаю. Сэр Макс — на выход!.. Немедленно. А вы все слушайте, слушайте!..

Макс с места не сдвинулся, то ли не слышал, то ли слышал, но в одурманенном проповедью сознании не отпечаталось, что обращаются к нему. И не кто-нибудь, а сам гроссграф, по зову которого должен бежать, все бросая.

Я тихонько придвинулся, он дернулся в неудовольствии, когда я тронул за локоть.

— Тихо, — прошипел он, — святой человек говорит!..

— А в бок толкает дьявол, — ответил я.

Он быстро обернулся.

— Ох, простите, сэр Ричард!

— Тихо-тихо, — сказал я. — Еще тише!

— Да-да...

— Потихоньку сообщи членам моего совета, — велел я, — что жду их в малом зале.

— Да служба скоро закончится...

Он говорил неуверенно, я чувствовал, что он со мной и в то же время продолжает ловить обрывки проповеди Ульфиллы. Это раздражало и, вообще, чем-то похоже на ревность, я сказал:

— Наивный вы, сэр Максимилан!

— Почему?

— У таких людей проповеди быстро не заканчиваются.

Он сказал неуверенно:

— Ладно, я сообщу им во время проповеди. Только отцу Ульфилле это не понравится.

Я стиснул челюсти. Ну вот, теперь я должен считаться еще и с неграмотным и фанатичным попиком?

— Действуй, — сказал я раздраженно.

И, повернувшись резко, нарочито громко топая, вышел наружу.

Лоралея бросилась на шею, я жадно обнял теплую и сразу прильнувшую всем телом, как умеет только она. Все мои тревоги и неприятности стали истончаться, как дым на просторе.

— Мой лорд, как долго вас не было!

— Зато какой успех, — сказал я быстро. — Лоралея, тоннель наполовину готов! Только это все еще секрет. Победа, какая победа!.. Я сейчас отлучусь на час-другой, надо дать инструкции своим военачальникам. Но пока вот спешу порадовать...

Ее глазищи широко распахнулись, в них было столько счастья, что я стал покрывать поцелуями ее лицо.

— Мой господин, это правда?

— Я люблю тебя, Лоралея... Конечно, правда. Ты скоро увидишь такое грандиозное, такое...

Я чувствовал, что не могу удержаться — перед женщинами мы всегда распускаем павлиньи хвосты, выбалтываем им

самые страшные тайны, — и потому еще раз громко чмокнул ее в лоб и спросил деловито:

— Пообедать успеем?

— Да, — ответила с удивлением, — конечно! Вы же лорд! Вас подождут.

— Нехорошо, — ответил я. — Не могу заставлять себя ждать... Ладно, я проведу совещание побыстрее. Все же ясно...

Со двора донеслись крики. Я подвел Лоралею к окну, не в силах выпустить из рук. Из полуподвального помещения типографии валил народ, в числе последних вышел Ульфилла, его расспрашивали, просили благословления, он размахивал руками, что-то объяснял горячо и бурно.

Лоралея снова прижалась всем телом.

— Что вас беспокоит, мой господин? — спросила она шепотом с глубоким участием.

Я отмахнулся, обнял, жадно вдыхая ее родной запах.

— Пустяки.

— Из-за пустяков стоит ли вообще волноваться?

— Теперь вижу, — ответил я, — что не стоит. Все в порядке. Отец Ульфиллы уже наверняка пакует подарки, скоро уедет.

Она спросила с любопытством:

— Это священник так досаждаст? Так кто же он такой?

— Простой деревенский священник, — ответил я со вздохом. — Фанатик. Конечно, невежественный и дикий. Фанатики все невежественные. При окультуривании теряют свою дикую и всесокрушающую силу! Он прибыл на пару дней, а уже всех тут трясет от одного его вида... Даже отца Дитриха потрянуло, а он — Великий Инквизитор!

Ее хорошенький ротик приоткрылся в изумлении.

— А вас, мой господин?

— Меня тоже, — признался я. — Это не великие лорды Армландии, с теми я одной левой... А вот Ульфилла — сила. Темная, дикая, могучая. Обращенная не к разуму, а к вере... Покойся все на разуме, разве могли бы появиться талибы, ваххабиты... Ох, извини, устал я, заговариваюсь...

— Вы не устали, сэр Ричард, — произнесла она мягко, — вы просто измучены. Я приготовила ложе, отдохните. Я сама принесу обед в постель.

Я отмахнулся.

— Не надо. Для этого есть слуги. Сейчас позову.

Она перехватила мою руку, уже коснувшуюся колокольчика.

— Нет!

— Почему?

— Мой лорд, — произнесла она в удивлении и, как мне показалось, в некотором негодовании, — я сама принесу все, что нужно.

— Стоит ли себя утруждать? — спросил я. — А слуги...

Она перебила:

— Мой лорд, вы все еще не понимаете, что это счастье — приносить в постель любимому мужчине завтрак или ужин?.. Мне от этого больше радости, чем вам!

Я сказал смущенно:

— Прости... Я просто... гм... забочусь о тебе.

— А я о вас, — ответила она, улыбнулась сияюще. — Я сейчас все принесу.

— Хорошо, — ответил я. — Хорошо. Но я все-таки спущусь в малый зал. Не могу заставлять себя ждать, не могу. Пока что никудашний из меня грессграф!

Она улыбнулась сияюще, принимая шутку, и, счастливая, что позволил поухаживать за собой, быстро и легко, словно летящий воробышек, выпорхнула из комнаты.

Глава 11

Я спустился в зал, там пока никого, в самом деле хреновый из меня грессграф, если являюсь раньше подчиненных, торопливо создал горячий кофе и припал к нему, как бедуин в пустыне к холодной воде родника.

Дверь распахнулась, в зал почти вбежали сэр Растер, Макс и барон Альбрехт. Увидев, что я жадно пью кофе, с облегчением убрали руки с рукоятьей мечей.

Растер сказал озабоченно:

— Он уже пьет! А мы всегда опаздываем...

Альбрехт спросил быстро:

— Что-то серьезное?

— А когда я занимаюсь мелочами? — ответил я вопросом на вопрос. — Я же этот, как его, стратег!.. Сэр Растер, очень хорошо, что и вы здесь.

Сэр Растер ответил бодро:

— Я всегда там, где надо!

— Срочно разошлите, — велел я, — гонцов к Митчеллу, Будакеру, Варангу, Ришару и другим нашим вассалам и соратникам. Мне позарез нужно собрать целую армию!

Растер ахнул:

— Армию? Сэр Ричард, это невозможно!

— Почему?

— Все только вернулись из похода! Теперь год отдыхать будут и хвастаться! А кто-то новые владения осматривает, благодаря вашей щедрости... Как же без этого?

Альбрехт пробормотал:

— Даже тот, кто воюет только ради славы и подвигов, по возвращении очень уж любовно перебирает добычу...

— Это вы бросьте, — сказал сэр Растер строго. — Но вообще-то да. Добыча — это свято.

Я поморщился.

— Тогда соберите как можно больше народу. Вооруженного! Часть оставляю охранять вход с этой стороны, а часть мне понадобится на той. Да не крепости, что вы так смотрите?.. Ах да, я не сказал, что тоннель уже фактически прорыли? Осталось совсем немного. Думаю, за пару недель управятся.

Они все застыли с открытыми ртами. Наконец барон Альбрехт проговорил медленно и до крайности ошарашенно:

— Сэр Ричард, но это... невозможно.

Я отмахнулся.

— Да знаю, это я пошутил. Там вдруг ни с того ни с сего оказался вдруг и почему-то уже прорытый тоннель! Представляете? Вот никогда бы не подумал! Еще с Древних Эпох. Завален с двух сторон, чтоб не шастали всякие. Но под Хребтом, как вы понимаете, все цело. В смысле, проход уцелел. Осталось протопать по нему и выбить пробку с той стороны. Вы понимаете, к чему это приведет?

Они молчали, ошалелые так, что можно бы раздеть догола, не заметят, наконец барон Альбрехт пробормотал:

— Ну да... Ни с того ни с сего...

— Друг и почему-то, — сказал Макс ошарашенно, — ну, сэр Ричард, вы у нас и везунчик, как говорит сэр Растер... Но это же не везение, я понимаю.

Барон сказал, оживая:

— Ладно вам, сэр Максимилиан. Даже слово такое будьте. Наш сюзерен все знал заранее, не видите? А сейчас пляшет на наших костях и ржет, как его конь. Даже как два коня. Дескать: ага, тогда не верили, когда предлагал вам разделить участие в раскапывании и будущую прибыль?.. А теперь весь тоннель в его личном пользовании.

В голосе изумление все больше вытеснялось сожалением об упущенной прибыли. Я сказал горделиво и скромно:

— Да бросьте, барон. Я же сама чистота и невинность. Вы отказались, пришлось копать самому.

Барон кивнул, прерывая, сказал уже другим тоном:

— Что сделано, то сделано. Полагаете, войска понадобятся немедля?

— Не сейчас, — пояснил я, — но когда-то лорды узнают о тоннеле? Даже многие армландские владыки захотели бы его захватить... хотя бы сообща! Даже рыцари понимают, что это золотой тоннель. Но с ними проще, с этой стороны Хребта все потеряли на него права, когда отказались строить сообща, зато на той стороне...

Растер наконец зашевелился, затрещало, словно разминала гранитное тело каменная статуя, шумно прочистил голос и сказал все еще придушенно:

— На той стороне только рады будут сюда послать войска... Надо послать им навстречу!

— Нет, — возразил я. — Только обеспечить надежную охрану.

— А почему с той стороны не будет нападения? — осведомился Растер недоверчиво. — Обязательно будет! Я бы напал.

— Не будет, — заверил я, — по крайней мере, сразу. Потому что тоннель другим концом выходит во владения герцога Валленштейна.

Альбрехт кивнул, а Растер спросил с недоумением:

— И что?

— Это снимает многие проблемы, — объяснил я.

— То есть?

— Я же уже говорил, я — Валленштейн, — объяснил я. — Граф Валленштейн. Вы забыли, от кого прибыли те доблестные рыцари, благородные во всех отношениях, что привозили за меня выкуп?

Он охнул, всмотрелся в меня пораженно, затем выражение глаз изменилось.

— Сэр Ричард, — проговорил он уважительно, — мне кажется, вы просчитываете свои шаги на несколько ходов вперед.

— А что тут удивительного?

Он пожал плечами.

— Обычно лорды даже первый шаг делают, не зная, во что вступают. Главное — ввязаться в драку! А там видно будет.

— Я мутант, — сообщил я. — Наверное, мама переела модифицированных продуктов. Или индигиец! Это не какой-нибудь индиогандиец, хотя я тоже не очень-то обожаю драки, если честно. Но побеждать люблю.

Они ничего не поняли, но гроссграф и должен выражаться мудро, а барон Альбрехт ответил уже деловито:

— Я соберу всех, кого смогу. Вы уже продумали, чем еще обезопасите?

— Тоннель?

— Да.

— Скажу всю правду, — ответил я, посмотрев ему в глаза. — Всю правду, и только правду. Я отыскал в тоннеле артефакты неслыханной мощи. И любого сотру в порошок, кто вздумает препятствовать моему ндраву или решится напасть на меня. Теперь я чудовишно силен! Куда сильнее, чем был вчера. Силен и опасен.

Он тоже смотрел мне в глаза, я не дрогнул ни мускулом лица, и барон Альбрехт склонился в подчеркнуто почтительном поклоне.

— Сэр Ричард, все будет сделано, как вы велели!

— Не затягивайте, — предупредил я. — Открытие Тоннеля нарушит весь многовековой баланс между Югом и Севером. Если упустим над ним контроль, потомки нам не простят.

Совещание-инструктаж, проведенное в таком бодро-административном духе, в самом деле не заняло много времени. Я ничего не объяснял и ничего не доказывал, только отдавал приказы, которые никто не оспаривает, что понятно, но даже и не сомневается в их выполнимости, нужности и целесообразности.

Восторг приподнимал меня, как взлетающего навстречу ветру гуся, я чувствовал, как сзади распускается огромный павлиний хвост, отдельные перья выстреливаются вверх и рассыпаются красочными фейерверками.

— Все, — сказал я гордо, — выполняйте! И мы покажем всем гадам.

Макс уточнил:

— Кому?

— Всем, — сказал я твердо. — Все — гады. Только вы — избранные! Даже, можно сказать, Избранные. Мною, конечно. Для великих дел. И мы их натворим, натворим... Весь мир содрогнется... только в движении сила растет и набирает мощь! Так не остановимся же, други.

Барон Альбрехт спросил в некотором сомнении:

— Что, все-таки будем воевать?

Я посмотрел на него строго и отечески.

— Дорогой барон... Мой девиз — «Пусть воюют другие!». Если повертите его так и эдак, увидите, что он весьма как для государства, так и для отдельного человека. Но если, конечно, кто-то где-то мирно жить не хочет, мы просто обязаны этим гадам обломать рога и установить на их землях наш справедливый строй!

— Гм, — сказал барон, — чуточку яснее. В смысле, больше тумана, что дает простор для маневра.

— Да, барон, — ответил я победно, — перед нами простор!.. Хочу добавить, вспоминая старый разговор о тоннеле, если что-то не по силам, то не решайте, что это вообще невозможно. Но если это что-то возможно для человека вообще, то считайте, что по силам и всем нам!

Они проводили меня несколько удивленными взглядами, сэр Растер едва не спросил, где это я уже успел дернуть кувшин-другой крепкого вина, несущие такие умности, что и на голову не налезают.

Я гордо и красиво поднимался по лестнице, чувствуя, как распушенный хвост задевает перила. Встреченные по дороге люди торопливо прижимались к стенам, я двигался по коридору с такой важностью, что перья царапают сразу обе стороны.

Никогда я еще не говорил и не держался со своими соратниками так гордо и напыщенно, победы в самом деле окрыляют. Чувствую, как между лопатками чешется, режутся белые и пушистые крылья на летучемышьей основе.

Встречные кланялись и пропадали, как дым, а я спешил наверх, где уют и Лоралея, где мое сердце, мое счастье, моя жизнь и приготовленный для меня ужин.

Лоралея бросилась на шею, словно не виделись лет сто. Или тысячу. Я жадно целовал ее, нежную и сияющую, наконец усадил за уже накрытый стол, сам сел напротив и потер ладони.

— С чего начинать?

— Мой лорд, — воскликнула она звонким, как у олененка, голосом, — я хотела бы, чтобы вы начали с меня, но все-таки предпочитаю, чтобы вы пообедали! Хорошо пообедали.

Я потянул носом, запахи умопомрачительные, каждое блюдо так и просится в мою жадную и ненасытную пасть.

— Под твоим руководством?

— Да, — ответила она скромно, спросила с тревогой: — Что-то не так?

— Даже лучше, — ответил я, — чем так. Бесподобно! Только зря ты опускаешься до кухни. Ты должна царить, парить, повелевать. Все в твоей власти, а ты торчишь на кухне, фи...

Она засмеялась, показывая красивые жемчужные зубки и красный зовущий рот:

— Мой повелитель, как вы не понимаете!

— Чего?

— Для женщины такое удовольствие видеть, как мужчины ест сделанное ее руками!

— Тогда и тарелки погрызу, — пообещал я, — раз уж ты их касалась передними лапками.

На душе тепло, Лоралея сияет и лучится, как утренняя звездочка, донельзя счастливая, что может ухаживать за мной, что я рядом и что принимаю ее услуги.

А я, проголоданный, как стая волков, пожирал все, что она подкладывала в мое блюдо, с любовью глядя, как там все исчезает. Вином запивать не стал, и так пьян от счастья, успехов и вообще от такой жизни.

Когда я принялся за сладкое, Лоралея перехватила мой пристальный взгляд, покраснела, брови в удивлении приподнялись.

— Мой господин, — спросила она жалобно, — что вы так на меня смотрите... очень даже внимательно?

— Размышляю над богословскими проблемами, — пояснил я.

Ее брови поднялись еще выше.

— Богословскими?

— Ну да, — ответил я. — Под конец творения была создана женщина, от дальнейшего Бог благоразумно отказался. Это, правда, можно толковать двояко... гм... но я считаю, что Господь пришел в восторг от своего творчества и мудро решил, что лучшего уже не создаст.

— О, мой господин...

Она взяла предложенную ей чашку кофе, мы пили одинаковыми глотками и даже синхронно, глядя друг другу в глаза. Румянец на ее щеках разгорался все ярче.

Наконец я отбросил пустую чашку и, подхватив смущенную Лоралею на руки, добежал до ложа и упал там, не выпуская ее из рук. Она обхватила меня за шею и жарко поцеловала.

Через два часа я уже спустился во двор, я же мужчина и обязан заниматься мужскими делами, то есть ломать и строить, очень гордый собой и Лоралеей, что все правильно понимает.

Правда, если честно, я намеревался понежиться в постели и понаслаждаться, как голодный паук на молодой толстой мухе, но Лоралея сама подняла меня и напомнила, что для мужчины прежде всего — дело, а женщины потом, потом.

Я вяло бурчал, что я вообще-то уже наделался выше крыши, пусть другие сделают хоть треть того, что наворотил я, или хотя бы уберут за мной, но Лоралея смеялась, тормозила и в конце концов заставила подняться, помогла одеться и обеими руками с поклоном подала меч в ножнах.

— Слабые руки такой меч не удержат, — произнесла она, — ко многому он обязывает, мой господин.

Я опоясался, молот там и живет, в смысле, на поясе, Лоралея помогла перекинуть перевязь через голову, жарко поцеловала, и снова мне мучительно захотелось все оставить и потащить это сладкое сокровище в постель.

— Нет-нет, — сказала она, смеясь, — вас ждут великие дела, мой властелин! Для мужчины важнее не «хочу», а «надо».

— Ох, — сказал я с досадой, — теперь понимаю, что женщины вдохновляют на великие дела, которые сами же и мешают вершить!

Смеясь, она толкала, пихала и наконец подвигала меня, как тяжелый шкаф, до двери.

— Мой господин, — сказала серьезно, хотя глаза еще смеялись, — я не хочу, чтобы вы возненавидели меня за то, что мешаю великим свершениям.

— Не возненавижу, — поклялся я. — Можно, я останусь?

Она энергично замотала головой, одной рукой открыла дверь, другой пихнула в спину.

— А великие дела?.. Мужчина всегда должен предпочесть занятие делом, чем валяние в постели с женщиной! И вообще... правитель должен избегать любовных утех, как мореплаватель избегает рифов!

Дверь за мной захлопнулась, я ошалело побрел в сторону лестницы, а в голове стучат молоточки: откуда она знает эту фразу Наполеона? Или я когда-то обронил, а Лоралея услышала и запомнила?.. Или услышала от кого-то, кто уже слышал от меня?

В любом случае, произнесла в нужный момент и в нужном контексте. Просто удивительное существо, нежное и в то же время сильное, всерьез полагающее, что мужчина в первую очередь должен быть мужчиной, а уж потом самцом.

Глава 12

Во дворе конюхи гордо сообщили, что Зайчик изволил освоить мерку отборного ячменя, а потом в благородной рассеянности скушал и сами ясли. Похоже, они втайне горди-

лись, что у них такой удивительный конь, который в виде лакомства предпочитает не морковку, а гвозди и старые подковы.

— Разбаловали, — сказал я строго, ну, как умел, потому что трудно быть строгим, когда речь заходит о любимчиках. — То-то в кузницу все бегают... Ладно, седлайте.

— Еды в дорогу?

Я подумал, отмахнулся.

— Разве что на сутки, не больше.

— Рассчитываете вернуться скоро? Но ваш конь не заметит, если положим хоть на месяц! Вдруг по дороге кого встретите...

— Ладно, — согласился я, — положите на неделю. Но не больше! Я не собираюсь кормить всю Армландию. Каждый должен кормить себя сам, кроме бюджетников. Кто не работает — тот не ест, как сказано в Священном Писании.

Из типографии вышел, прикрываясь рукой от слепящего солнца, отец Дитрих, всмотрелся в нас, с удовольствием оглядел.

— Правильно речешь, сын мой, — проговорил он с ласковой ворчливостью. — Ведь сказано же святым Йегудой: «Тот, кто не учит сына ремеслу, учит его преступлению».

Я повел зябко плечами.

— Не слишком ли строго? Неужто так сразу и преступлению?

— Не научить его ремеслу, — объяснил отец Дитрих, — как будто научить его воровать. Мудрые пророки были... Далеко собрался?

— Ох, святой отец, не поверите...

Он перекрестил меня.

— Ладно, пусть пока будет твоей тайной. Лишь бы не было сокрыто для Господа Бога, а он все видит.

— Только не вмешивается, — пожаловался я. — Меня эта свобода воли уже достала!..

— Что делать, сын мой. Адама Господь сотворил сразу взрослым мужчиной. Это значит, что с первого дня наш великий прародитель сам отвечал за свои поступки.

Я вздохнул.

— Ах, отец Дитрих! Если бы вы знали, как в моем королевстве даже со взрослыми обращаются, как с несмышлени-

ми младенцами! А те, представьте себе, только рады. Никто из них не виноват, виновато правительство, соседи, жена, дети, начальство, погода, вино...

Он покачал головой, в глазах недоверие сменилось улыбкой. Решил наверняка, что шучу таким образом, как можно жить в таком мире и оставаться мужчиной.

Я принял благословение, а отец Дитрих, привычно осенив меня крестом, толкнул соседнюю дверь, где располагаются алхимики. Я с замиранием сердца прикинул, получается ли смычка религии и науки, вдруг да в самом деле получится, пока и религия, и наука вот такие младенцы, еще не оформились в законченные и непримиримые доктрины.

Зайчик шумно вздохнул, я повернулся и чмокнул в мягкий бархатный нос.

— Нам предстоит путешествие, — шепнул я ему в ухо. — Да не к Хребту, а совсем-совсем в другую сторону. Противоположную. Еще не забыл, где Вексен?

Бобик прыгал вокруг, стараясь обратить на себя внимание и объясняя, что эта лошадь, конечно же, все забыла, а вот он, замечательный, помнит и приведет кратчайшим путем.

— А вот ты останешься, — сказал я строго, но Бобик не обратил на такие грубые и даже жестокие слова внимания, только весело помахал хвостом. У собак развита телепатия, что ли, и он прекрасно чувствует, что хочу сказать на самом деле.

Выскочили на простор через широкий проем ворот крепости, там на земле словно распластала крылья исполинская бабочка из толстых досок и стальных полос: блестящие старым серебром крылья массивных створок в полном размахе, сверху набито столько стальных полос, что деревья и не видно. По будущим воротам грозной крепости ползает парень в порванной рубаше и кое-где лениво постукивает молотком.

Чертов Ульфила, мелькнула злая мысль. Давно бы ворота стояли там, где положено, если бы этот гад не перетащил плотников и даже оружейников на строительство церкви. Вернусь, прослежу, чтобы его тут и духа не было. Что-то загостился слишком. Если его мул не нагулял мяса, дадим другого мула!

Зайчик все набирал скорость, Бобик унесся вперед, он

ломится через ураган, словно его и нет. Идем по прямой, под копытами настолько часто мелькает зеленое, что я не различаю, когда Зайчик мчится по зеленой долине, а когда по бескрайним болотам, разделяющим Армландию и Фоссано.

— Не останавливаемся, — приговаривал я, — не останавливаемся... И черт с ними, если заметят что-то! Хватит таить-ся. Я — гротсграф, и уже этим прав.

Зайчик разогрелся от чудовищного броска на такое расстояние, я чувствовал себя так, будто сижу на горячей сковороде. Уже подумывал об остановке, когда впереди появилась и быстро выросла громада Вексена.

Я на большой скорости проскочил в ворота, там не успели и головы повернуть, а мы уже промчались, замедляя бег, по улочкам. Распахнулась площадь, по ту сторону дворец, я остановил Зайчика уже на мраморных ступенях, спрыгнул и бросил повод в лицо какому-то пышно одетому вельможе.

— Подержи коня!

Он оторопело ухватил повод, а я поспешил к дверям, не дожидаясь, пока он сообразит и начнет возмущаться, что его, такого высокородного, кто-то посмел принять за слугу. Бобик уже там, стражи отбежали на почтительное расстояние, я гаркнул как можно страшнее:

— Что? Двери я должен сам открывать?

Мой напускной гнев показался настолько страшным, что один, преодолевая ужас перед Адским Псом, подбежал и открыл перед нами двери, даже не спросив, кто мы и зачем.

Я выпрямился, сказал Бобику «рядом» и пошел через залы, стараясь всем внушить всем видом, что я лют и страшен в своем благородном гневе и кто попытается меня остановить или хотя бы несвоевременно спросить что-то, пусть пеняет на себя.

Никто и не пытался остановить, да-да, страшен, вообще старались не попадаться на пути, видно же, что благородный сэр спешит, и не просто благородный сэр, это сам коннетабль, да коннетабль королевства! А с ним Адский Пес, чудовище из мрачных легенд.

Через пару минут двери королевского кабинета передо мной распахнулись. Король и Уильям Маршалл за столом, на столе кувшин и две чаши из темного серебра, оправлен-

ные по ободку золотом. Там же три рулона пергамента, пара толстых книг, массивная чернильница с торчащим пером.

Оба покосились на Бобика, но, что значит выдержка государственных деятелей, оба разом вскинули на меня встревоженные взгляды, словно в кабинете нет никакого Адского Пса.

— Ваше Величество! — сказал я бодро и отвесил короткий поклон. — Сэр Уильям!.. Бобик, сидеть!

Уильям кивнул, а Барбаросса сказал властно:

— Давай садись. И рассказывай! Какие неприятности на этот раз? Ты сейчас там уже кто?.. Маркиз? Герцог?

Я сел, выказывая покорность верного вассала, вот меня пригласили сесть — я и послушался, сел. Как по моему приказу села моя собачка. Уильям помалкивает и рассматривает меня очень даже внимательно, Барбаросса ждет объяснений. Я замотал головой, протестующее выставил ладони.

— Ваше Величество!.. Как можно? Разве посмею без вашего благословения и... утверждения в должности? И в звании?

Уильям смотрел с иронией, мол, знаю, как нуждаешься в наших одобрениях, а Барбаросса сказал сердито:

— Ты дурака не валяй. Что стряслось?

Я вздохнул.

— Ну вот, начинается. Ваше Величество, отвечаю на вопросы в порядке живой очереди. У нас, бывало, продавалась даже живая рыба, представляете? Так вот я и отвечаю в порядке такой же вот живой, как та живая рыба, очередности ваших монарших вопросов. Вот вы, исполненные мудрости и заботы о своих подданных, о королевстве и подрастающем поколении...

Он смотрел уже зло, сэр Уильям посоветовал мирно:

— Сэр Ричард, не увлекайтесь.

Барбаросса, как ни странно, тоже успокоился, я запоздало понял, что сам своим ерничанием подсказал, что особого повода для тревоги нет. Была бы беда, я держался бы серьезнее.

— Отвечаю, — сказал я, — прибыл я, как коннетабль королевства Фоссано. Ибо я ж коннетабль, Ваше Величество?

Барбаросса мгновенно исполнился подозрительности. Оба переглянулись, после паузы Барбаросса проворчал:

— Коннетабль, коннетабль... И что?

— Да я по дороге к вам, — объяснил я, — заскочил в два воинских лагеря и велел срочно двигаться к Хребту.

Барбаросса прорычал:

— Ты велел?

— Но я коннетабль?

— Коннетабль, — рыкнул Барбаросса, повышая голос, — но войсками команду я!.. Король!

— А что ж тогда делает коннетабль?

Он стукнул кулаком по столу, сэр Уильям привычно подхватил подскочившую чернильницу и осторожно опустил на место, поглядывая на привставшего Бобика. Тот смотрел с надеждой, что чернильницу бросят в дальний конец кабинета, а вот он, такой быстрый и ловкий, тут же принесет ее обратно.

Сэр Уильям покачал головой, дескать, игры потом, а Барбаросса проревел злым медвежьим голосом:

— Ты коннетабль, чтобы укрепить связи с Армландией!

Я горестно вздохнул.

— Ах, Ваше Величество, а я вам так верил, так верил, так верил... так верил! Как отцу родному. Да что там отцу, ему я никогда не верил. Да и вообще, кто верит родителям, этим вечным дуракам и тиранам? Они ж ничо не понимают! А вот вам верил. Но как грустно и печально, когда чистые детские мечты разбиваются вот так безжалостно при соприкосновении с грубой действительностью. Это вы, Ваше Величество — грубая действительность, если еще не поняли... А для меня вы были чистой и светлой мечтой о справедливом государе.

Он прорычал грозно:

— Не виляй. Никогда я не был для тебя чистой мечтой. И справедливым государем не был. И вообще у такого проходимца откуда мечты? Говори, что задумал на этот раз! Зачем тебе войска?

— Чтобы уберечь ваше королевство, — ответил я преданно, — от вторжения войск короля Кейдана! Это такая сволочь, что обязательно воспользуется случаем. А вы не такая

сволочь, Ваше Величество! Вы ведете только оборонительные войны, даже если на чужой территории.

Уильям, что слушал внимательно, сказал недовольно:

— Стоп-стоп! Сэр Ричард, давайте несколько проясним. Каким образом король Кейдан воспользуется случаем вторгнуться в наше королевство? Ни одно войско не в состоянии пройти через Хребет!

Я с укором посмотрел на Барбароссу.

— Вот видите, Ваше Величество? Ваш лорд-канцлер нисколько не сомневается, что Кейдана удерживает от нападения на Фоссано только невозможность перебросить через Хребет войска! А так это еще та свинья! Вы ее видели?

Маршалл посмотрел на меня с укором, ничего такого он не говорил, да и Барбаросса скривился:

— Сэр Ричард, что у вас в рукаве?

— У меня рукава широкие, — согласился я. — В одном из них — тоннель под Хребтом. Сейчас мои люди его роют.

Маршалл вежливо осведомился:

— Ну и сколько им еще рыть?

Я вздохнул.

— Вы правы, это долгая работа. Еще с неделю промучаются. А то и две. Больно народ ленивый. Надо демократию развести, чтобы старались, жилы рвали... Но может, получится и раньше. Потому и нужно хорошее войско, которое я провел бы через тоннель на ту сторону Хребта и обезопасил бы наши стратегические интересы.

Оба смотрели на меня, словно у меня выросли оленьи рога. Барбаросса смолчал лишь потому, что не подберет ругательство, а Маршалл сказал вежливо:

— Сэр Ричард... а вы уверены?

— Что Кейдан нападет? — переспросил я. — А вы его рожу не видели? Я видел.

— Нет, что тоннель удастся завершить в ближайшие пятьсот-шестьсот лет. Или тысячу.

— Уверен, — отрезал я уверенно. — Это ж не Кейдан какой-нибудь роет с той стороны, это я — рою с этой!

— А есть разница?

— Посмотрите на меня, — предложил я, расправив горделиво плечи. — Разве не красавец?

Барбаросса разозленно сплюнул под ноги. Уильям проговорил мирно:

— У вас что-то в рукаве, сэра Ричард, это несомненно. Но я никогда не сомневался в вашей лояльности Его Величеству.

Он отвесил церемонный поклон в сторону Барбароссы. Тот прорычал:

— Лояльности? Да он даже себе не бывает лоялен!

— И все же, — сказал Уильям неуступчиво, — я не жду от сэра Ричарда подвоха. А если он велел двум полкам двигаться в сторону Хребта...

— В сторону Перевала, — поправил я.

— В сторону Перевала, — согласился Уильям невозмутимо, — хотя я и не понимаю, как он собирается их перебросить на ту сторону... но все-таки пусть приказ сэра Ричарда, коннетабля Фоссано, останется в силе.

— Бессмысленно, — рыкнул Барбаросса. — Глупость какая-то. Одно только в этом имеет смысл, потому я не против.

— Что? — спросил Уильям.

Барбаросса посмотрел на него с подозрением.

— Еще скажи, что не понял!

Маршалл чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

— Я увидел только один плюсик... перемещение войск.

— То-то, — проворчал Барбаросса. — Это самое главное. Два моих полка беспрепятственно пройдут через Армландию и остановятся почти в самой середине! Даже дальше. Надеюсь, местные лорды не воспримут это как вторжение?

Маршалл помалкивал, Бобик уже потихоньку переместился к нему, и Маршалл осторожно и опасливо почесывал ему за ухом. Бобик довольно хрюкал и поворачивал голову, подставляя новые места для чесания и поскребывания.

Я помотал головой.

— Абсолютно. Никаких препятствий! Я уже гроссграф, Ваше Величество. Но остаюсь вашим лояльным и верным... гм...

Барбаросса обратился к Уильяму саркастически:

— Ты посмотри, как его корежит, когда пытается сказать «службой» и не может выговорить.

Уильям развел руками.

— Ваше Величество, он никогда не был слугой, вы это помните. Он даже подданным не был. Но нам сейчас, как вы

правильно заметили, выгоднее, если сэр Ричард под любым предложением введет ваши войска в Армландию! Сэр Ричард, а может, вам надо больше?

— Надо, — ответил я не задумываясь. — Два, это так, по дороге валялись. В смысле, попались. Надо — чем больше, тем лучше.

Уильям повернулся к Барбароссе.

— Вот видите? Всю ответственность за вторжение сэр Ричард берет на себя! Которое и не вторжение, а просто... ну, это неважно.

Они повернулись ко мне, в животе у меня похолодело, эти двое прожженных деятелей могут обвести меня вокруг пальца, как младенца, но сказал натужно бодро:

— Да, конечно, беру. Но войска подчиняются мне, как коннетаблю!

— Это само собой разумеется, — сказал Уильям и посмотрел на Барбароссу.

Тот улыбнулся и кивнул, что мне сразу не понравилось, ответил таким же приподнято бодрым голосом:

— Конечно же, вы — коннетабль, сэр Ричард. И те два полка, которыми вы распорядились так опрометчиво, признали ваше право командовать, не так ли?

— Признали, — согласился я. — Спасибо, Ваше Величество.

— За что?

— Что огласили этот приказ, — ответил я, — а не держали в ящике стола. Когда в Фоссано знают, что войсками командую я, мне полечче.

— Но вами командую я, — напомнил Барбаросса. — Это мои войска! И мое королевство. И вообще, законы устанавливаю только я.

— А я тружусь, — ответил я, — как пчелка, на благо королевства и Вашего Величества. Спасибо, Ваше Величество, за понимание. Мне очень жаль покидать вас прямо сейчас...

Уильям ахнул.

— А куда вы направляетесь?

— Взад, — ответил я замученно. — В смысле, ретирадствую. То есть еду обратно. Дел выше крыши, не успеваю... Все дураки, один я умный, за всеми приходится доделывать.

— Это хорошо, — сказал Барбаросса мстительно, — поживи в нашей шкуре, поживи. А у короля дел еще больше, не догадывался?

— Ох, Ваше Величество, я уже понял, что у королей меньше прав быть личностью, чем у всех остальных людей! И что король может быть самой благородной крови, но на одних благородных поступках свое королевство просто разорит.

Барбаросса послушал, выражение лица смягчилось, проворчал уже почти мирно:

— Перекусить успеешь?

— Если сразу, — ответил я. Бобик насторожил уши и всей мимикой показывал, что перекусить просто необходимо. Вот он, к примеру, перекусит либо запеченного в тесте быка, либо лося... Либо то, что дадут.

Барбаросса хлопнул в ладоши. В кабинет внесли на блюда горячее жареное мясо, пахнущую специями вареную рыбу. Я не стал выказывать манеры, все свои, хватал торопливо и так же быстро запихивал в пасть, а сэр Уильям сперва бросал куски мяса Бобику, а потом осмелел настолько, что кормил из рук, справедливо рассудив, что руку дающего этот зверь не откусит уже потому, что потом больше не получит.

— Хорошо у вас, — говорил я с набитым ртом. — Ради этого уже стоит быть королем. Правда, если бы только царствовать, но не править... Есть же дураки, что рвутся именно править!

— Одно без другого не бывает, — проворчал Барбаросса. — Любишь кататься, люби и саночки.

Я так торопился, что даже не стал заедать сладким, вскочил и торопливо откланялся. Бобик смотрел мне в спину, надеялся, что передумаю и вернусь, пока я не взялся за ручку двери.

Выскользнул он первым, пугая народ, я прошел через залы все той же быстрой и деловой походкой, что и двигался сюда. Сам смутно дивился легкости, с которой достиг кабинета Барбароссы. В прошлые разы было не так. Значит, уже что-то значу.

Глава 13

На обратном пути из Фоссано я в самом деле сразу же побывал в двух гарнизонах, расположенных вблизи Вексена, и велел всем составом двигаться в Армландию. Нам предстоит небольшая победная война с богатыми трофеями, так что точите мечи, перекуйте коней для дальнего похода, приготовьте мешки для богатой добычи. Всем отличившимся будут пожалованы земли, титулы, звания и ценные подарки.

Поведу их я, коннетабль Фоссано и грессграф Армландии. По распоряжению Его Величества короля Барбароссы. Куда поведу, конечно, не сказал, только посмотрел многозначительно, мол, рад бы поделиться тайной, но вы ж сами, свиньи поганые, меня уважать не будете, болтуна такого, а ведь фраза «Ты меня уважаешь?» показывает, что человеку уважение важнее любых других благ на свете.

Начальник первого гарнизона, сэра Рейнфельс, рыцарь немолодой, тертый, бывалый, исполненный рыцарского духа и всяческих достоинств, вздохнул с облегчением:

— Наконец-то... Мы совсем застоялись, сэра Ричард!

— Даже кони разжирили, — поддержал с грустью один из рыцарей. — Поверите ли, на моего боевого жеребца даже попона не налезает! Представляете, попона!

Я покачал головой и сказал с сочувствием:

— В самом деле не представляю. Вас как зовут?

— Сэр Штаремберг.

— Сэр Штаремберг, скоро ваш жеребец обретет нужную боевую форму. Обещаю! И все рыцари получат возможность прославить себя доблестными подвигами и рыцарским мужеством на полях... а то и на горах. Возможно, и в лесу. И в оврагах. И за сараями.

Он гаркнул, ошарашенный:

— Спасибо, сэра Ричард!

— Не медлите, — сказал я настойчиво. — Иначе можете опоздать. Я начну кампанию с теми, кто прибудет первым. Промедление смерти подобно... ну, пусть не смерти, но равно потере добычи и возможности блеснуть удачей и первым взобраться на стену вражеской крепости!

Двигаясь зигзагами, я заскакивал в города, где есть войска или расположились военачальники королевства Фоссано, напоминал им, что я их непосредственный начальник, полководец и вершитель судеб, а потом буднично сообщал, что велю срочно двигаться вот сюда, это в Армландии, пройти здесь и здесь, никого не трогая и без грабежей, а вот здесь я их встречу...

— И только там изволю сообщить, — закончил я строго, — для чего все это задумано. Поняли?

На меня смотрели тревожно и уважительно. То, что я уже гроссграф и полный правитель Армландии, каким-то образом знают, у Барбароссы свои секреты, а то, что не раскрываю задумки, говорит о моей зрелости военачальника.

Однако задумал я, судя по всему, что-то очень масштабное...

— Не опаздывать, — предупредил я. — Опоздавшему поросенку — сиська возле задницы!.. Все лучшее расхватают те, кто придет раньше всех. Как добычу, так и почести.

На обратном пути к крепости обогнал вереницу телег, доверху груженных битой дичью, мешками с зерном, а также пришлось проскакать по обочине, обгоняя огромное и бестолковое стадо овец.

Ворота все еще на земле, но, судя по всему, отделка закончена, осталось только повесить на уже вбитые и замурованные в камне толстые крюки.

Я с облегчением перевел дух, наконец-то перестанет раздражать это непотребство. Любая крепость начинается с ворот, и голый проем на их месте создает впечатление, что крепость захвачена и подвергается разграблению. Но войска, прибывшие из Фоссано, должны видеть ее величие и несокрушимость.

Во дворе Бобика сразу как ветром сдуло, ко мне поспешили рыцари, все больше незнакомых лиц, за время моего отсутствия прибыли как безщитовые, так и баннерные, с виду бывалые и все еще жаждающие новых побед и свершений.

Первым подбежал сэр Жоффруа де Шарни, опередив молодых рыцарей, ухватил Зайчика за повод.

— Прошу вас, сэр Ричард! Вас заждались.

— А что, — осведомился я, — меня с годик не было?

Он сдержанно улыбнулся.

— Кого-то и за год бы не заметили.

Я соскочил на землю и сразу сказал всем, они уже окружили меня плотной толпой:

— Просыпайтесь, просыпайтесь! Нас ждут великие дела!

Сэр Жоффруа охнул:

— Правда? Скоро в поход? Неужто пойдем Иерусалим освобождать?

— У нас тут своих иерусалимов хватает, — ответил я. — И мест, где можно покрыть себя славой и побахвалиться воинскими подвигами и славой. А также заслужить благосклонность дам, что еще важнее.

Сэр Жоффруа протяжно вздохнул.

— Ну, не скажите... Иерусалим — это... Под вашими бы знаменами... Я жил в святом Иерусалиме! И я скажу, что...

Он прервал себя на полуслове. Мимо двигается отец Ульфилла, за ним валит народ, сэр Жоффруа учтиво склонился перед священником и попросил благословления, прерывающимся от гордости голосом упомянув, что в молодости бывал в самом Иерусалиме.

Ульфилла повернулся и вперил в него недоверчивый взор. Сэр Жоффруа, судя по тому, как, не дрогнув, выдержал осмотр, в самом деле был когда-то в Иерусалиме или в городе, который ему назвали Иерусалимом, а то и за долгие годы сам поверил, что когда-то в нем был.

Ульфилла кивнул, все ожидали похвалы от придиричивого священника, однако Ульфилла вдруг заговорил резким неприятным голосом, с каждым словом повышая его, пока не перешел на крик:

— Иерусалим!.. Святое место!.. Но в этот святой город Иисус въехал на осле, так освятился ли осел? Не пребыванием в святом городе надо гордиться, а тем, как в нем жил!.. А вы как живете, погрязшие в грехах, утонувшие в блуде?.. Что вам Иерусалим?.. Иерусалим — лишь тень небесного града, а он одинаково виден из самого Иерусалима, из Армландии и даже самого далекого и глухого лесного болотца!.. Да, виден, ибо Царство Небесное — внутри нас!

Сэр Жоффруа сперва побагровел от возмущения, потом краска покинула лицо, он побледнел, в глазах появилось за-

травленное выражение. Я подумал с неудовольствием, что хоть Ульфилла формально прав, но не фиг ослаблять моральный дух моих войск. Мне нужен сэр Жоффруа — лихой рубака, а не готовый уйти в монастырь раскаивающийся грешник.

Ульфилла двинулся дальше, а я кивком подозвал к себе своих военачальников. Тесной группой вошли в зал, я велел стражам никого не впускать и сказал сразу без всякого вступления:

— Сэр Растер, сэр Альбрехт... Я только что велел своим войскам, расположенным в королевстве Фоссано, двигаться к перевалу. Они еще не знают цели, но вы-то знаете?.. То-то. Но помалкивайте, помалкивайте...

Барон Альбрехт дернулся, отступил даже на шаг.

— Как? Королевские войска?

— Да, — ответил я твердо и взглядом дал понять, что прекратиться и возражать мне опасно, решение я принял, оно окончательное и пересмотру не подлежит, — они самые. Я не очень хочу бросать своих людей в опасные места! Пусть горячие каштаны из огня для нас потаскают другие... Хотя да, те войска — тоже мои.

Растер, доверяющий мне безгранично, покачал головой.

— В Армландии их встретят враждебно, начнутся бои... Разве что послать навстречу своих людей, чтобы провели через наши земли?

— Точно, — обрадовался я. — Золотые слова! Проведите разъяснительную работу с населением, что это никакая не оккупация. Просто войска идут мимо. Через. И не останутся. В интересах местных лордов снабдить их коней сеном. А людей мясом, чтобы не останавливались, а без помех и задержек топали дальше.

— И напоминайте всюду, — добавил барон, — и почаще, что эти войска выполняют приказ гроссграфа сэра Ричарда и всецело подчиняются ему... Сэр Ричард, они в самом деле вам подчинены?

— В самом, самом, — ответил я бодро, хотя внутри похолодело, вспомнил зловещую ухмылку Барбароссы и то, как многозначительно переглядывались с лорд-канцлером. — Я ж коннетабль королевства Фоссано!.. Я их ввожу в Арм-

ландию вовсе не для того, чтобы здесь оставить, даже если у Его Величества и возникают какие-то тайные мысли.

— Надеюсь, — пробормотал барон, — у вас получится. Иначе нас растерзают, как шенки тряпочку. Ох, сэр Ричард, мы с вами все время ходим по лезвию ножа.

— Один неосторожный шаг, — подтвердил Растер, — и всему хана. Хорошо! Красиво живем!

— Ну да, — буркнул барон, — красиво.

Макс переводил взгляд с одного на другого, покраснел, еще не зная, как реагировать правильно, слишком сложные и неожиданные задачи я подбрасываю.

— Мы все выполним, — заверил он наконец. — Что делать мне? Сопровождать королевские войска?

Я подумал, покачал головой.

— Нет. Ты соберешь те войска, что в наличии, этого пока хватит, и поведешь быстрым маршем к Тоннелю.

Он прошептал, глядя на меня расширенными глазами:

— Боже правый... Неужели будет вторжение?

— Я его стараюсь избежать, — огрызнулся я. — Но долго ли открытие Тоннеля продержится в тайне?

Барон Альбрехт заметил холодновато:

— А если в тайне, то зачем он? Если же пользоваться, то купцы сразу разнесут о нем весть повсюду.

— Вот-вот, — сказал я. — Что из этого следует?

Сэр Растер бухнул, как будто обрушил скалу в тихую воду:

— Король Кейдан сразу же пошлет сюда войска. Его королевство больше и богаче. А доспехи там какие куют?.. Господи, хотел бы я иметь такие! Его войско сомнет наших, как стадо лосей траву.

— Тоннель охранять непросто, — согласился барон Альбрехт, — хотя, конечно, можно. Даже тем, что скатывать сверху камни до тех пор, пока не закроют его вовсе. Никакие доспехи не выдержат. Но тогда зачем Тоннель?

Я сказал мрачно:

— Пока не вижу другого варианта, как обезопасить Тоннель и с другой стороны. К счастью, как я уже говорил, он другим концом выходит в герцогство Валленштейна. У него с королем очень натянутые отношения. Герцогство Брабантское пользуется относительной независимостью, получен-

ной еще в старые времена. Кейдан, понятно, хотел бы с нею покончить. Если мы введем войска в герцогство, там будут только рады поддержке.

— Неплохой расчет, — одобрил барон. — Только бы не приняли нас, как, боюсь, примет население Армландии втергнувшиеся войска короля Барбароссы...

— Это мои войска, — напомнил я.

— Вам придется убеждать не одного меня, — сказал барон холодно. — Есть в Армландии те, кто вам не очень-то верит. А есть такие, кто будет рад истолковать любое ваше движение как предательство интересов Армландии!

Бобик привычно носился кругами, успевая пугать зверей, хватать взлетающих птиц и рассматривать поющих кузнечиков. Думаю, он видит и кротов в норах, мышат в гнездах, не говоря уже о жуках в глубине коры деревьев.

Зайчик переходил на карьер, когда мы замечали дома или хижины, обычно же несемся быстрее любой птицы, так что сравнительно быстро ужасающая громада Хребта выросла и закрыла полмира чудовишной вздыбленной тяжестью.

Рядом с пробитой колесами телег дорогой полыхает костер, нам навстречу вскочили трое с копьями в руках.

— Ах, это вы, ваша светлость...

Я с удовольствием рассматривал суровые загорелые лица воинов. Не молодые парни, впервые взявшие копья в руки, чувствуется хватка и умение обращаться с оружием.

— Благодарю за службу, — произнес я величественно, — молодцы.

— Рады стараться, ваша светлость!

Я выделил взглядом самого старшего на вид, однако молодцеватого и в хорошо подогнанных доспехах.

— Что охраняете?

— Нам знать не велено, — отчеканил он.

— А что велено?

— Никого не пропускать! Ни в ту сторону, ни в другую.

— Прекрасно, — сказал я, — все дороги перекрыты?

— Не только дороги, — отрубил он. — Вон за камнями

можно бы проползти, но теперь и там человек следит, чтобы муха не пролетела незамеченной!

— Хорошо, — одобрил я. — Лишние предосторожности не повредят. Великий полководец Ификрат, когда располагался с войском на отдых даже в союзной стране, всегда тщательно окружал лагерь рвом и тыном. А на вопрос: «Чего ты боишься?» — отвечал: «Нет хуже, чем когда полководец говорит: «Этого я не ожидал!»

Воин смотрел на меня с восторгом, не всякий лорд снисходит до такого вот общения с простыми воинами, даже когда объясняет им мотивы своих приказов. За таким лордом, понятно, можно и в огонь и в воду и к дьяволу в зубы.

Я улыбнулся покровительственно и подбадривающе, Зайчик пошел галопом, через несколько минут впереди выросли бараки. В серой гранитной стене Хребта зияет широкая черная дыра: камнерубы за это время убрали все камни, расчистили дорогу и даже тщательно срубили каменные напльвы с металлической поверхности внутренней части Тоннеля.

В поселке камнерубов пир продолжается, там вряд ли поверили бы, что с момента моего разговора с ними я уже успел смотаться в Фоссано, хотя тоже мог бы сидеть за столом, жрать в три пуза, пить в три горла, и щупать довольно хихикающих служанок.

Мастер Маргулер выбежал навстречу, сам принял повод Зайчика. Бобик ринулся в тоннель, но тут же выбежал и утавился на меня в нетерпении, поскреб лапой.

— Неплохо, — одобрил я. — Люди в бараках?

— Да, ваша светлость. Я раздал плату за работу, теперь ждем распоряжений вашей светлости. За дополнительными телегами я уже послал.

— Мудро, — сказал я. — Я только сам хотел это сказать. Молодцы! Сколько заказал?

— Двадцать подвод и сорок волов.

Я подумал, махнул рукой.

— Добавь еще столько же. Тоннель длинный, я не хочу, чтобы люди простаивали в ожидании телег.

— Будет сделано, ваша светлость! Я сам хотел заказать столько, но не решился...

— Почему?

— Большие расходы.

— А людям, что будут простаивать без работы, разве платить не надо? Лучше потратить больше, но и закончить все раньше... Камней будет много, таскать придется через весь тоннель. Если что, обращайтесь за советами к сэру Альбрехту. Если опасность — к сэру Растеру. Они скоро придут лично.

Он спросил с опаской:

— А вы... сэр Ричард?

— Отлучусь ненадолго, — ответил я замученно. — Думаете, на мне только Тоннель?

Он отшатнулся.

— Ваша милость, на вас вся Армландия!

— То-то.

Бобик при нашем приближении ликующе подпрыгнул и бросился в черный зев Тоннеля, Зайчик ржанул в благородном негодовании и, ощутив позволение, метнулся следом.

Солнечный мир остался за спиной. Мы въехали во мрак, гулко и неестественно громко простучали копыта. Через пару мгновений мы вылетели в незатронутый лавиной расплавленного камня участок, а здесь навстречу ринулся, отражаясь по стенам, теплый и почти такой же солнечный свет, только словно бы пропущенный через густые облака.

Сводчатый верх нигде не блеснет, странный металл, стены абсолютно гладкие и чистые, ну это я знаю, почему грязь не прилипает, уже знаю, под копытами исчез сухой стук, тоже понятно, очень нужная в таком месте звукоизоляция.

— Осторожно, — приговаривал я, — осторожно... Бобик, я тебя убью, если взорвешься на какой-нибудь мине... что и не мина вовсе, а брошенный кофейник... или... соковыжималка... из камня, к примеру...

Длиной тоннель примерно миль двадцать, а может и больше, из меня топограф неважный, но важнее то, что рельсы везде целы. Если удастся поставить на них хотя бы одну платформу, то быстрая перевозка грузов из одного конца в другой обеспечена, а за это можно брать очень высокую плату.

Пару раз проскочило нечто темное, я заставил Зайчика вернуться, но это оказались застывшие потеки, похожие на

черную смолу. Так повторилось еще трижды, я всякий раз добросовестно осматривал, но всегда оказывалось, что принял желаемое за действительное.

Зато на пятый раз сердце застучало учащенно: в стене шелкнуло, открылось окно, в которое сразу же ринулся Бобик. Окно превратилось в глубокую нишу, а та в коридор, а дальше...

Шарик света поплыл в центр помещения, высвечивая странные агрегаты. Я пересилил себя и сделал осторожный шаг. Вспыхнул яркий солнечный свет, на миг я ощутил себя на пляже, даже воздух чистый, влажный и чуть солоноватый, но под стенами силовые установки, только под одной — стол, два стула и разные предметы в беспорядке на столе.

Осторожно, словно по минному полю, я подошел к столу и собрал все в походный мешок. Потом, когда вернусь, продумаю систему транспортировки. Чтобы на одном конце тоннеля садились в вагон, двери запираются на замок... в целях безопасности пассажиров, понятно, а отпирают только по прибытию на другой конец.

Тоннель имею право посещать только я, как его единственный владелец. А замки нужно продумать надежные. А то найдутся умельцы, что восхотят рискнуть и попытаться порыться здесь, ведь жизнь не дорога, когда нет приключений.

Зайчик укоризненно фыркнул, мол, и что нашел, я ласково потрепал по шее.

— Кое-что, кое-что... Разбираться поможешь?

Он тряхнул гривой, я вскочил в седло, свет послушно зажигается впереди, Тоннель как-то чувствует наше приближение и приноравливает свои энергосберегающие к темпу нашего черепашистого передвижения.

Бобик исчез далеко впереди, свет зажигается и для него, хотя он как раз мог бы обойтись, затем мы увидели его в спину сидящим, как огромный хомяк.

Смотрел он на груду, перегородившую дорогу. Зайчик с разгону затормозил с таким рвением, что буквально сел на круп. Бесконечный, как уже казалось, Тоннель резко оборвался. Я подсознательно ожидал увидеть раскатившиеся далеко по полу камни, глыбы, а за ними пологую россыпь, что неспешно поднимается к потолку, однако Тоннель перегоро-

дила страшная каменная стена в прошлом расплавленного и быстро застывшего камня.

Чудовищный жар звездных температур в те древние времена сжег верхний слой еще на вершине Хребта и превратил в жидкость слои ниже. Этот тяжелый поток несясь, прыгая по склонам, воспламеняя их и остывая сам, а в тоннель все это обрушилось уже вязкой, как мед, массой.

На полу от той стены к нам мелкими волнами идут застывшие потеки, похожие на темную наледь у деревенского колодца. Их почти не замечаешь, потому что сам тоннель неожиданно и страшно перекрыт... нет, залит жидким камнем, превратившимся в монолит.

— Сколько же долбить? — проговорил я с трепетом в голосе. — Такая пробочка может быть длиной в десятки ярдов... А то и сотни...

Бобик побегал от стены к стене, Зайчик вскинул уши и вздрогнул, когда Пес тоскливо завыл. У меня мороз пошел по коже, торопливо схватил пса за голову, заглянул в глаза.

— Что с тобой?

Белки быстро наливались кровью, внутри глазных яблок вспыхнуло грозное пламя. Я гладил, чесал за ушами, прижимал голову к своей груди. Пес не реагировал на ласковые успокаивающие слова, я слышал как в его груди растет грозный рык, но я тискал его, стараясь отвлечь от какого-то наваждения прошлого, чесал так, что шкура трещит, и рык стал медленно затихать.

Когда он убрал голову, глаза все еще оставались багровыми, но жуткий огонек исчез.

— Все, — сказал я поспешно, — насмотрелись, пора домой!

Зайчик подставил бок, я взобрался в седло. Бобик побежал за нами, но часто оглядывался и отставал, чему удивился даже все повидавший арбогастр.

После долгой бешеной скачки едва не врезались в стоящий на путях атомовоз, а потом Бобик слишком близко пробежал у стены с настроенными на него сенсорными датчиками, и там моментально распахнулись двери. Наконец впереди вспыхнул ослепительный свет и понесся навстречу, как огонь полыхающей кометы.

Мы выметнулись из Тоннеля, Зайчик заржал и опустил голову, шурясь от яркого солнечного света.

Я оглядел замерших в ожидании людей. Вперед протолкался мастер Маргулер, бригадиры и даже те камнерубы, чья смена сейчас должна спать.

— Я прошел Тоннель до самого конца, — сказал я четко. Уточнил: — Там, правда, все завалено. Как было и здесь. С одной стороны вам будет легче долбить, мимо не продолбите...

Мастер Маргулер сказал хмуро:

— Но вывозить камни придется сюда.

— Да, — ответил я. — В этом и проблема. Но, как я знаю, добавочные повозки уже заказаны.

— Понадобится много, — сказал кто-то. — Там везде можно в два ряда? Телеги разойдутся?

— Вполне, — заверил я. — Хотя в одном месте я там повозку оставил... ну, свою, особую. Когда Тоннель откроем, попробую запустить. Сейчас она загораживает, да. Придется останавливать телегу с камнями и перегружать на другую...

Он сразу же спросил:

— А как первую перетащим на ту сторону, если, как изволили сказать, та ваша повозка загораживает дорогу?

Я почесал в затылке.

— Да, не подумал.

Один из рабочих предложил:

— А по частям? Разберем телегу, а на той стороне соберем. Лишь бы волов провести...

— По одному пройдут, — сказал я, — спасибо за подсказку! Тут, правда, их еще много понадобится. Так что думайте головами, вы же третье сословие, вам надо выбиваться в люди с помощью мозгов, а не острых мечей и безумной отваги.

Глава 14

Я жадно хлебал горячий кофе в маленькой комнатке в бараке, которую отгородили для меня, напрягал мозги, стараясь заранее просчитать все возможности, где выиграю, и ус-

петь увидеть беды, которые на меня обрушатся с открытием этого Тоннеля.

Великие возможности приходят ко всем, но многие даже не знают, что встретились с ними. Я вроде бы наконец-то понял... Надо только воспользоваться тем, что могу, но опять же... как и всем, мне жаждет нравиться всем. Да, по возможности, всем. Даже недоброжелателям. И всем лордам Армландии. Тем более гордым и независимым.

Но сейчас я начал делать то, что должен, и от меня могут отвернуться как все мои друзья, так и те, кого хотел бы заполучить в друзья. Конечно, очень хочется остаться чистеньким, а грязное дело чтоб само собой как-то, но сделалось. Или кто-то сделал.

Увы, не сделают уже потому, что не знают, как. Я — знаю. Но от этого еще горше. Потому что знаю, каким дерьмом закидают. Я бы сам такого закидал, будь я... рыцарем. Или церковником. Даже просто хорошим нормальным человеком, который живет в свое время и не знает, что будет завтра. Какое придет завтра. И через что нужно пройти, чтобы предотвратить такое завтра.

Потому у меня типографией заведуют церковники. Множество грамотных хочу получить тоже благодаря усилиям церкви, а когда через этот Тоннель начнется бойкое движение взад-вперед, то именно церковь должна поработать в качестве очистительной таможни.

По ту сторону барака простучали копыта. Уже несколько раз грамотный, я определил, что конь сухой и жилистый, неподкован, а таких используем только для гонцов в самых экстренных случаях.

Едва начал в тревоге подниматься, дверь распахнулась, влетел взволнованный молодой парень, тоже малорослый и легкий, с таким всадником любая лошадь мчится, как без седока вовсе.

— Ваша светлость! — выпалил он, задыхаясь. — Ваша светлость!..

— Что? — рыкнул я. — Что случилось?

— Несчастье!

— Где?

— Нападение!

Я охнул:

— Кто?.. Где?

— На крепость!

Я застыл, но кулаки сами сжались до хруста.

— Кто? Как сумели?

И сам прикусил язык, даже ворота еще не поставили, что там уметь. Парень смотрел на меня с мольбой и отчаянием, словно это его личная промашка.

— Неизвестно, ваша милость.

— Какие разрушения? Сколько погибших?

Он помотал головой, даже не обратив внимание на жестокосердие, я спросил сперва о разрушениях, потом о живых людях.

— Разрушений нет, — заверил он поспешно, — а погиб только один. Раненые есть, но не сильно. Вернее, ушибленные. Это те с амулетами, на кого колдуны не смогли навести сон.

— Что они хотели? — потребовал я.

Гонец виновато опустил голову.

— Леди Лоралея исчезла.

— Что? — переспросил я страшным голосом. Жаркая кровь ударила в голову. — Да как они смогли...

— Магия, — повторил он торопливо. — Все ж знают, что раз ворот еще нет, то надо удвоить стражу. Но против магии кто-то выстоял, а кто-то нет...

Меня шатало, я стискивал челюсти и кулаки, в черепе рев и грохот, боль кольнула в левую сторону груди. Как сквозь вату в ушах услышал жалобный голос:

— Ваша милость, что передать сэру Норберту?

— Ничего, — прорычал я.

Я вышел на ослепляющий свет полдня, Зайчик прибежал на свист, увернулся от напрыгнувшего Бобика, этот ревниво пытается не допустить это гвоздеядное до хозяина, его хозяина, оно тут вообще не стояло.

Я вспрыгнул в седло, Зайчик сразу пошел в галоп, в карьер, я прижался к его шее, и рвущий волосы ветер заревел над головой свистящими голосами.

В крепости сразу десятка два рабочих, суетясь и мешая друг другу, поспешно навешивают на стальные штыри гигантские ворота. На меня оглянулись испуганно, втягивают головы в плечи. Двое мастеров носятся от одной створки к другой, орут сорванными голосами, подтаскивают лестницы.

Я стегнул по ним яростным взглядом, как бы хорошо развешать их на этих воротах... но не они виноваты, это Ульфиллу надо повесить, из-за него, из-за дурацкой церкви, что хоть и не дурацкая, но потерпела бы несколько дней или недель.

Во дворе навстречу бросились растерянные Макс, Растер, Норберт и даже барон Альбрехт. Везде блещет металл доспехов и обнаженное оружие. Все напоминает муравейник, через который пробежал лось, сбив верхушку копытом. Лося и след простыл, а разъяренные мураши носятся с разведенными жвалами, подпрыгивают и шелкают ими в ярости.

— Магия! — проговорил быстро Макс. — Без магии не обошлось!.. Очень сильной магии.

— Как все произошло? — спросил я.

— Сэр Жоффруа, обходя караулы в головном, наткнулся на двух в коридоре. Оба на полу, у одного кровь из головы. Перевернул второго, и у того ссадина. И пара камней из пращи в сторонке... Тут же поднял тревогу. Все обыскали, нашли еще двенадцать человек без сознания. Восемь просто спали, но сон не простой, еле добудились, а четверых оглушили. Я проверил, у них на груди амулеты против таких чар. Потому, когда не удалось навести мару, их издали камнями из пращи...

Растер добавил злобно:

— Прашник должен быть очень умелым. Чтоб без промаха и с первого раза оглушить точно.

Барон Альбрехт буркнул:

— Он бы и убил, если бы сумел. Но все, к счастью, в шлемах. Один только дурак решил, что жарко, вот и поплатился.

— Зато шлем его, — обронил Растер, — без единой вмятины достанется более умному... Все-таки польза. И другим наука.

Я повернулся к Норберту.

— Сэр Норберт, вы у нас глава разведчиков и следопытов. Осмотрите все на предмет следов... отпечатков...

— Отпечатков?

— Копыт, — пояснил я. — Не пешком же они из крепости убежали? Кликните Миртуса. Пусть поищет с помощью своей магии... Работайте-работайте! Не стойте. А я пойду искать тоже.

В покоех я с порога перешел на запаховое зрение. Голова закружилась, противоречивые сигналы дерутся за доступ к коре головного мозга, я завис в диком мире, похожем на неглубокое морское дно, где двигаются цветные струи как теплых и холодных вод, так и остро пахнущие отходы, сбрасываемые с берега.

Запах Лоралеи, мучительно сладкий и нежный, настолько силен и четко очерчен, что я видел ее размытый силуэт у окна, где она простояла дольше всего, а потом вот совсем чужие запахи, раньше их не было, вот ее схватили и потащили. Судя по тому, как плотно перемешиваются запахи, она не сама пошла с похитителями, именно тащили, увлакивали силой.

Сердце колотится так, что едва не выпрыгивает через уши. Я вышел в коридор, струи пошли реже, здесь похитители почти бежали. Вот здесь леди Лоралея вырывалась особенно сильно, ее скрутили и понесли на руках...

Я вернулся к обычному зрению, ухватился за стену и переждал головокружение, пока ошалевший мозг перестраивает восприятие. Снизу шум и суматоха, я сбежал вниз, Зайчик через мгновение оказался рядом, повинувшись почти неслышному свисту.

Норберт крикнул торопливо:

— Я уже собрал отряд! В погоню?

— Пока нет, — ответил я зло, — мы даже не знаем, куда ее увезли... Ждите. Сперва посмотрю сам!

Бобик радостно гавкнул басом, уже понял, кого ищем, выбежал и нетерпеливо оглядывался. Зайчик порывался перейти в галоп, но я у ворот снова перешел на запаховое, стражи видели только, как их лорд побледнел и покачнулся.

Спустя минуту пришел в себя, тряхнул головой, конь мой рванулся и пошел с места в карьер по дороге в сторону запада.

Еще дважды я останавливался и, проверяя Бобика, погружался в мир запахов. Похитители даже не замечают следы, их кони идут на полном скаку. Это значит, где-то есть замок или крепость, где надеются упрятать добычу. И даже если я каким-то чудом отыщу следы на этом каменистом и выжженном солнцем плато, то уже не смогу даже доказать, что похищенное у меня хранится именно здесь.

— Сволочи, — рычал я в конскую гриву, — всех... всех уничтожу... Кишки выпущу... истреблю...

Краем сознания понимал, что во мне кричит оскорбленное мужское самолюбие. Больше всего не терпим, когда нас унижают на глазах женщины или в ее глазах. Можем стерпеть многое, но не когда вот так наглядно показывают, какой ты дурак и как легко обойти такого идиота со слюнями на подбородке.

Зайчик все набирает скорость, Бобик несется впереди, я вижу, как иногда подпрыгивает, хватая поднимающиеся от земли запахи. Мы пронеслись десятка три миль, пока я сообразил, что увозили пленницу не на простых конях, иначе мы бы давно догнали.

Лишь часа через полтора погони по когда ровной, когда холмистой долине впереди на развилке дорог прорисовалось строение, но когда мы приблизились вплотную, оно заколебалось и пропало, оставив едкий запах хлора.

— Ни фиги себе миражи, — пробормотал я. — Так и укусит что-нить миражное...

Впереди ровная линия деревьев, так растут либо вдоль берега реки, либо на краю спокойных озер. Зайчик сбавил бег, а Бобик почему-то перестал слишком уж выбегать вперед, все чаще поглядывал на нас и держался ближе.

Кое-где вдоль берега сидят и греются на солнце огромные массивные жабы. Я бы принял их за зеленые камни, если бы у каждой не трепетал желтый мешок под нижней челюстью.

Одна присела, глядя на меня мутным взором, я насторожился и чуть подал коня назад. Жаба прыгнула, я охнул, насколько эта земноводная скачет далеко и мощно, а жаба,

приземлившись в сторонке, поймала пробегающего жука размером с крота, мигом втащила в рот, обвинив языком.

Я с уважением посмотрел, как она просто проглотила, даже не разжевывая, подумаешь, мелочь, и уставилась на меня оценивающим взглядом.

— Ну-ну, — сказал я предостерегающе, — я жаб, конечно, уважаю, но не до такой степени...

Зайчик пошел рысью мимо и дальше, Бобик зашел с другой стороны и бежал рядом. На жаб посматривал с боязливой почтительностью, как взрослый смотрит на перебегающих дорогу сороконожек и прочих отвратительных созданий.

За озером открылось еще одно, настолько похожее, словно одно отразилось в огромном зеркале. На карте Сомы так и названы «двойным», я и там проехал в сторонке: вдоль берега барражируют огромные, как лягушки, странные осы, не хотелось бы с ними связываться: они у меня ничего не крали.

Дальше река, впадающая в одно из озер, делает изгиб, и, как я и ожидал, там грозно высятся на фоне недобро краснеющего неба черные квадратные башни с тупыми зубцами. В середине горит багровым огнем черепичная крыша донжона. Конечно, башни не черные, в этой местности строят из серого гранита, но на фоне близкого заката выглядят как будто вынырнули из пылающего ада.

Вокруг замка вырублены не только деревья, но и кустарники. Даже трава скошена и сожжена, что значит здесь живут и опасаются внезапных набегов соседей.

Присутствие магии чувствуется за милую: то ли там не считают нужным скрывать, мол, мы ж предупреждали, то ли она слишком сильна, чтобы такое скрыть. В лоб замок не атакуешь: понадобится целая армия, чтобы одновременно приставить лестницы ко всем стенам и надеяться, что у гарнизона не хватит сил защищать каждый метр гребня стены.

Рассчитывать на подземный ход не приходится, его можно искать годами и не найти. Сверху десант не посадить, летать не умею. Эх, хорошо бы еще это освоить... Увы, демоны Юга здесь появляться не могут по определению.

Ничего не придумав умного, я взобрался на ближайшее к замку высокое дерево. Отсюда на стену не перепрыгнешь, далековато, но можно рассмотреть строения во дворе, со

временем удалось бы пересчитать весь вооруженный люд и составить представление о количестве защитников.

Так я просидел до наступления темноты, а когда погасли последние краски заката, всякое перемещение в замке затихло, зато присутствие сильной и злой магии стало намного сильнее, словно незримый хозяин спустил охранять свои владения больших и очень злобных псов.

Я просидел до середины ночи, потом в мозг ударила страшная мысль: сейчас, в это время, похититель тащит в постель леди Лоралею!.. Возможно, что еще хуже, даже не тащит, а она сама покорно снимает одежду и опускается на ложе, так как он доказал свое превосходство надо мной, сумев похитить прямо из моей же крепости, несокрушимостью которой я так гордился.

Ярость трясла меня так, что раскачивалось даже дерево. Я зажмурился с силой, перед глазами темнело, потомплыли огненные круги. В ушах звучал ласковый голос Лоралеи, но я спохватывался и до боли в глазных яблоках и лобных долях всматривался в темноту.

Утреннее солнце еще не показалось из-за края земли, а птицы подняли гвалт, со всех сторон понеслось чириканье, шелканье, писк и шелест, все это называется птичьим пеньем, повыдирали бы лапы всем этим певунам.

Во дворе крепости то и дело проходят вооруженные до зубов люди, поблескивают широкие латы, однако не заметно ни одного колдуна. Либо они тоже в доспехах, что немислимо для их касты, либо перемещаются незримо.

Я уже собирался слезать, все тело занемело от неудобного сидения в скрюченном положении вечер и всю ночь, а на плоскую площадку ближайшей башни неспешно вышли солидные и уверенные в себе мужчины. Я узнал графа Арлинга, последний раз видел его израненного после сражения с бароном Кристофером де Марком, барона фон Кратаурвица и виконта Бубервиля. Все трое дольше всех не хотели признавать мою власть гроссграфа, чуть позже появились еще двое незнакомых лордов, но держатся с ухватками завсегдаев, дескать, старые друзья и соратники. Вообще о графе Арлинге я слышал в последнее время, что этот гостеприим-

ный и хлебосольный хозяин с помощью искусных лекарей залечил все раны и снова рвется в бой и на подвиги.

Слуги торопливо принесли стулья, мужчины тесно усаживались за довольно небольшим столом на четверых, а то и на троих, появились кувшины с вином, как же без них, металлических кубки.

Барон Кратаурвиц спросил вежливо:

— Есть какие-нибудь новости?

Граф Арлинг ответил с вежливым наклоном головы:

— Только что прибыл гонец от графа Ришара де Бюэя. Он тоже встревожен усилением нашего выскочки, которого мы сами неосмотрительно выдвинули в гроссграфы.

Барон Кратаурвиц обронил:

— Но он выполнил наше главное требование: оторвать Армландию от Фоссано. На мой взгляд, именно теперь Армландия действительно сильна. И даже Барбаросса не сумеет принудить к повиновению, если бы вторгся со всеми войсками...

Виконт Бубервиль уточнил:

— Только потому, что наш гроссграф...

— Он не гроссграф, — быстро сказал граф Арлинг. — Простите, что прервал, но это уточнение немаловажно.

Барон Кратаурвиц поклонился:

— Да-да, вы совершенно правы. Армландия сильна лишь потому, что этот, пока еще не гроссграф, погасил распри. Все войска может собрать под свою руку, а в этом случае отступит и король. Это совсем не то, что давить нас поодиночке. Но стоит ли провозглашение независимости Армландии потери наших свобод?

— Вот именно, — сказал граф Арлинг горячо. — Спасибо, вы уловили мою мысль. Я думаю, что мы потеряли больше, чем приобрели. Армландия и так, по сути, откололась от Фоссано. Хотя бы из-за непроходимости дорог. Мы не провозглашали ее независимость только потому, что избегали вторжения королевских войск. Но сейчас... Король Барбаросса не имеет той власти и влияния в Фоссано, какую захватил Ричард в Армландии!

Все согласно зашумели, а я подумал зло, что это я скулю насчет малости у меня власти, а эти вот считают, что и так

слишком много. Кто прав: один лев или стадо баранов? Хотя здесь собрались не бараны, это еще те львы, отважные и совсем неглупые.

Один из незнакомых мне рыцарей проговорил задумчиво:

— В программе этого Ричарда кое-что есть очень интересное... Я ознакомился очень внимательно. Он сумел заключить ряд торговых договоров с королем Гиллебердом и королем Шателленом. Условия удивительно благоприятные для Армландии... Мы можем воспользоваться своими преимуществами и в короткий срок удвоить свое благосостояние.

Арлинг возразил резко:

— Принимать благоденствие — значит продавать свободу!

Барон Кратаурвиц сказал хмуро:

— Дорогой друг, свободы желают совсем немногие. Большинство — справедливых господ.

— А вы? — спросил Арлинг в упор.

Барон Кратаурвиц развел руками.

— Как вам сказать... Чтобы обладать свободой, необходимо ее ограничивать. Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Ибо если каждый может делать то, что законами запрещается, у него не будет свободы! Потому что то же самое могут делать и все прочие... А такая свобода, извините, это разбой, междоусобица, грабежи, войны... Свобода — это роскошь, которую не каждый может себе позволить!

Арлинг изумился:

— Вы против свободы? Предпочитаете тиранию этого гроссграфа?

Кратаурвиц помотал головой.

— Нет, я не хочу тирании. Но устал и от постоянной распри. Хочу пожить в покое!

Виконт Бубервиль сказал громко и с презрением:

— Лучше свобода, исполненная опасностей, чем спокойное рабство! Сэр Кратаурвиц, вас все знают как замечательного хозяйственника, который любое разоренное хозяйство умеет превратить в процветающее и даже дающее доход. Но преимущества в торговле, которые дает этот выскочка, не должны скрывать опасность усиления его власти!

Кратаурвиц смолчал, но обиженно надулся. Второй незнакомый мне рыцарь сказал примирительно:

— Никто не спорит, что гроссграф сделал хорошее дело, прекратив распри. Но он слишком много забрал себе власти!

— Разве? — спросил Кратаурвиц осторожно. — Насколько я помню, он не нарушал никаких законов... так как их еще не существует на подобный случай. Армландия никогда не была самостоятельной. Законов для нее нет...

Гроссграф, отметил я автоматически. Этот рыцарь назвал меня гроссграфом, но даже граф Арлинг в пылу спора не поправил, что я не гроссграф и все такое.

— Законы есть, — возразил Бубервиль. — Не для Армландии, а для лордов! Такие же, как и по всему Фоссано, Турнедо, Шателлену или где еще. Право не посылать своих людей в королевские войска свыше установленного числа, ограничение на время, право самим устанавливать налоги, таможенные пошлины, право суда на своих землях...

— А что, — спросил Кратаурвиц так же осторожненько, — гроссграф уже отменил эти привилегии?

— Нет, — ответил Бубервиль. Нервно дернул щекой и повторил: — Нет... пока.

— А почему тогда такая тревога?

— У него слишком большая власть, — сказал угрюмо Бубервиль. — Его слишком многие поддерживают... безоговорочно. А в таких условиях даже хорошие правители становятся деспотами и тиранами.

Первый из незнакомых рыцарей проговорил медленно:

— Не лучше ли нам подождать развития событий? Еще неизвестно, как поступит этот гроссграф. Возможно, он сам предпочтет поделиться властью с наиболее могущественными лордами.

Граф Арлинг махнул рукой.

— Понятно, как поступит. Один великий тиран древности сказал, что от власти нельзя отказываться, пока сидишь на троне. От власти можно отказываться не раньше, чем выволакивают за ноги из тронного зала.

— Гроссграф молод, — задумчиво произнес и Бубервиль. — Старик еще может отказаться, но чтоб отказался молодой... Такого я еще не слышал.

Барон Кратаурвиц сказал Арлингу примирительно:

— Дорогой друг, мы очень ценим то, что вы делаете. Свои права и свободы мы ценим не меньше, чем независимость Армландии. Честно говоря, даже больше. Потому мы вас поддерживаем... Я прошу только не торопиться! Пошлите гонцов еще к Ангелхейму, барону Варангу... Это сильные и гордые лорды, они наверняка поддержат вас. И вот тогда, когда за нами будет вся Армландия или почти вся, мы и предъявим этому гроссграфу свои требования. Как бы он ни был силен в турнирных схватках, но против объединенной мощи лордов он не выстоит.

Виконт Бубервиль заговорил хмуро:

— Наверное, вы правы, сэр Кратаурвиц. Сэр Ричард, сам того не сознавая, в самом деле объединил вечно враждующих лордов... против себя. И теперь можем выступить против общей угрозы нашим интересам. Сэр Арлинг, нужно поступить, как предлагает барон Кратаурвиц. Когда мы начнем собирать свои силы, Ричард даже не станет оказывать сопротивления. С ним только кучка преданных ему рыцарей, но у него нет своего личного войска!

— Он может, — сказал незнакомый рыцарь педантично, — воевать с отдельными лордами... силами других лордов, но не с Армландией. Я тоже за то, чтобы привлечь к сопротивлению Ангелхейма, Ришара, Варанга и прочих могущественных сеньоров. Чтобы у Ричарда вообще не было лордов, на которых он мог бы опереться.

Они еще раз с таким энтузиазмом сомкнули кубки, что пронесся мелодичный звон, а вино щедро плеснуло на скатерть.

Граф Арлинг произнес с подъемом:

— Да воцарится воля, да скроется тьма!

Я стиснул челюсти. Это я, значит, тьма. Как хорошо, когда можно вот так громкими словами воодушевлять, а дураков и вовсе перевербовать. Я уж и не помню, что было вначале, то ли «Да здравствует солнце...», то ли «Да здравствует разум...», но главное здесь «...да скроется тьма!», что значит — уничтожим, убьем, втопчем в землю, зар-р-режем, спалим, камня на камне, до седьмого колена... нет, до десятого, вообще вырвем с корнем...

Ломать не строить, мелькнула расхожая мысль, но я вам, гадам, не дам ломать свой песчаный домик.

Глава 15

Они обнялись и сердечно расцеловались, глядя друг другу в глаза, потом это будет заменено крепким «мужским» рукопожатием, а я передумал слезать с дерева. Это вчера казалось, что сижу удобно, толстая ветка раздваивается, задница чуть провисает в развилку, можно строить планы, не отвлекаясь на удобства плоти, да только ничего пока не лезет в голову, а сучки откуда только и взялись, уже втихую впиваются в тело.

Лорды покинули площадку, низкое солнце освещает башни в упор, они кажутся выкованными из черного железа, дошедшего из глубины веков и потому грубого и растерявшего тепло человеческих рук.

Во дворе затихло, стражи на стене и в башнях, челядь на кухне, даже у колодца пусто. Я снова собирался потихоньку слезать, как из донжона вышли барон Кратаурвиц и высокая женщина. Она еще не повернулась ко мне лицом, как я узнал Лоралею. Сердце мое затрепетало, я весь превратился в слух, стараясь услышать даже ее драгоценное дыхание.

Она вышла на утреннюю прогулку перед завтраком, как я понял, а барон деликатно поддерживает ее под локоть, улыбается и что-то толкует, усиленно двигая бедрами от воодушевления. Так собаки с купированными хвостами виляют задом, когда хотят выказать неопиcуемый восторг.

В углу пышно цветет посаженный кем-то из челяди куст роз, дикий, но живучий, я слышал, как барон сказал с наигранной восторженностью:

— Ну разве не прекрасны эти дивные цветы, так похожие на присевших перевести дух бабочек? А бабочки здесь — это же живые летающие цветы! Дух захватывает от красоты, я дивлюсь, как Господь заботится о нас, чтобы мы жили не только сыто, но и в красоте божественной!

Она улыбалась, кивала, потом лицо ее стало серьезным.

— Да, барон, — произнесла она с грустью в голосе, — но как часто любование прекрасным приходится откладывать, когда приходит беда!

— Совершенно верно, графиня, — согласился он с глубоким сочувствием в голосе. — Но разве это правильно? Кра-

соту нужно находить везде. И любоваться ею так, будто это последний день в жизни.

Она покачала головой.

— Вот вы присели полюбоваться цветком в лесу, а сзади на вас прыгнул волк... И все, это в самом деле последний день вашего любования. Нет, сперва надо очистить лес от волков и других опасных зверей. Чтобы любоваться долго и безбоязненно.

Он вздохнул, лицо его омрачилось.

— Да, вы правы, графиня. Нам предстоит принять тяжелое решение. Трудное и тяжелое. Хотя граф Арлинг слишком торопит, на мой взгляд, события...

Она охнула, глаза ее округлились.

— Торопит? Да промедление смерти подобно!.. Этот ужасный человек набирает силу слишком быстро! Как только на его главу опустят корону гроссграфа, его остановить будет намного труднее!.. Наоборот, нужно спешить! Промедление полезно только в гневе.

— Гм, — произнес барон, — но и поспешность опасна.

— Барон, — сказала она с жаром, — для благоденствия людей нужно, чтобы силу имел голос закона, а не гнев какого-либо человека! Нужно, чтобы свободные люди опасались улик, а не обвинения. Разве не так?

— Так, — согласился он со вздохом.

— У сэра Ричарда уже слишком много власти! Не так ли?

— Так...

— Только то общество, — продолжала она с жаром, — в котором лорды пользуются верховной властью, есть истинное вместилище свободы!

Я подумал с досадой, что мир почему-то так устроен, что о свободе громче всех кричат надсмотрщики негров.

— Да, — согласился барон, — конечно, однако...

— Свобода, — произнесла она важно, и я уловил в ее голосе интонацию графа Арлинга, — состоит в том, чтобы зависеть только от законов. Не так ли?

— Да, — ответил барон, — но гроссграф не сказал, что их нарушит...

— Разве не видите, — сказала она с жаром, — что он нарушит обязательно? Ни один человек не удержится от со-

блазна попрасть законы, если вся власть у него в кулаке! Мы не должны, не имеем права медлить. Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности.

Барон вздохнул, я видел, что все еще колеблется, но огонек непокорства, который в нем заронила Лоралея, разгорается все ярче. Наконец он еще раз тяжело вздохнул, словно взволакивал на гору тяжело груженную телегу, и сказал с чувством:

— Вы правы, графиня. Свободные народы должны неутомимо и с ревностною бдительностью охранять свою свободу. А промедление, иногда столь полезное в спокойное время, может оказаться гибельным в часы испытаний.

Он поклонился и почтительно поцеловал ее тонкие, изящные пальцы. Я подумал раздраженно, что те, кто громче всего требуют свободы, хуже всего ее переносят. Впрочем, эти лорды требуют свободы только для своего круга. А те, кто за их вольности будут погибать на поле сражений, эти вообще так, погулять вышли. Свобода только для лордов, вроде вольностей дворянства.

Она сказала ласково:

— Вы поддержите графа Арлинга?

Он кивнул.

— Теперь — да. Вы меня убедили.

— Барон, вы меня смущаете...

Он сказал серьезно:

— Нет-нет, графиня, вы говорили настолько убедительно, что даже сэр Арлинг не умеет облекать свои мысли в такую законченную форму. Вы говорили то же, что и он, однако... намного лучше! И, главное, убедительнее.

Они прошли по двору и, беседуя, вернулись в донжон. Я перевел дыхание, а то прислушивался так, что голова кружится, ничего другого не вижу и не слышу, спина затекла, а ноги вообще можно отпиливать без общей или даже местной анестезии.

Да ладно, мелькнуло в голове злое. Пан или пропал, что еще остается? Так на дереве можно сидеть до посинения. Нет, я уже посинел, осталось сидеть, пока не превращусь в высохший труп.

Надо на что-то решаться...

Я слез, не выходя из личины незримника, долго разминал спину и восстанавливал кровообращение во всем теле. На стенах иногда поблескивает железо, пару раз вниз доносились голоса.

Отдышавшись, я все так же в личине незримника начал подкрадываться к воротам. Распахнуты настежь, стражников по двое с каждой стороны, я было обрадовался, проскользну легко, но в последний момент заметил человека в темной одежде с той стороны ворот, внимательно осматривает всех ввезжающих.

Чертов колдун, мелькнула злая мысль. От него не скроешься, в каждого всматривается так, что сразу разгадает, кто я и зачем еду. Права инквизиция, на костры всю эту братию, на костры... А потом еще и на пепел плюнуть и развеять по воздуху. И жалеть, что нельзя это сделать несколько раз.

Пришлось вернуться. Зайчик и Бобик обрадовались, им мои терзания по фигу, эгоисты, я вскочил на Зайчика и пустил на другую сторону леса, с той стороны проходит дорога.

Пришлось для реализации задумки снять доспехи, меч и лук, только молот оставил на поясе, вид у него не совсем боевой. Да еще рубашку выпустил поверх пояса.

Для сохранности все положил в седельный мешок, Зайчик никому не позволит прикоснуться. Я расцеловал обоих, будто уже не увижу, велел строго:

— Никуда не отлучайтесь! Из леса не высовывайтесь, а то увидят и ловить начнут. Бобик, присматривай за копытным... а ты, арбогастрик, присматривай за этим рыболовительем. Я скоро вернусь!

Зайчик недовольно фыркнул вслед, а Пес даже скульнул жалобно, но остановились, когда впереди за деревьями блеснул просвет. Поля, где уже колосится пшеница, хорошо утоптанная проселочная дорога, а на вершине пологого холма каменный замок, умело поставленный, с опоясывающей крепостной стеной. Дорога идет так, что сверху могут перебить целое войско, пока добегут до ворот.

На проселочной дороге я замедлил шаг, меня дважды обогнали телеги. Оба раза возницы доброжелательно приглашали подвезти, я уверял, что просто разминаю ноги, а мой напарник плетется там позади, с ним толстая баба, не хочу

мешать их процессу познания друг друга во всех подробностях. Похохатывали и дружески советовали и самому не упустить шанса, пока баба все еще разогрета напарником.

В третий раз догнала крытая длинная повозка, возница ничего не сказал, я не поворачивал головы, но чувствовал, что меня рассматривают несколько пар глаз.

Возница наконец сказал в пространство:

— Хозяин этого замка богат и щедр, к нему многие хотят попасть на службу. Но он уже никого не берет.

Я повернул голову, возница посматривал на меня с хитрой усмешкой. Крепкий, поджарый, он даже в старой потрепанной одежде простолюдина производит впечатление бывалого солдата.

— Почему не берет? — спросил я.

— А все держатся за места, — сообщил он. — Как его рыцари, оруженосцы, так и слуги. А ты с какой целью идешь?

— Наниматься, — ответил я, принимая подсказку.

— Кем?

— А кем придется.

Возница хмыкнул.

— Рыцарем тебя не возьмут, понятно. Даже оруженосцем... А в слуги сам не пойдешь.

— Почему? — спросил я. — А вот пойду!

Возница покачал головой.

— Тогда ты что-то замыслил. Слишком у тебя осанка горделивая. Даже в этой одежде.

Я поинтересовался:

— А что надо? Сгорбиться? Могу.

— И смотреть иначе, — ответил возница. — И вообще... Раскусят тебя быстро, парень. Кто бы ты ни был, но попадешься.

Я спросил, переводя разговор с опасной темы:

— А вы что везете?

— Рыбу, — сообщил он. — Его милость граф Арлинг всегда получает свежую рыбу из пруда.

Из повозки впервые донесся другой голос:

— Не просто свежую, а живую!

— Живую, — согласился возница. — Вот и возим. Мы уже примелькались.

Я оглядел его внимательно, возница ответил хитрой усмешкой.

— Знаешь, — сказал я, — мне в самом деле надо проникнуть в замок. Я оруженосец, а мой господин велел передать одной из знатных дам любовную записочку. Если можете мне туда пробраться, дам серебряную монету.

Возница спросил громко:

— Серебряную монету?

По тому, как он спросил, я понял, что вопрос не ко мне, а из повозки после паузы донеслось:

— Две.

— Хорошо, — сказал я. — Две.

Голос из повозки сказал с сожалением:

— Эх, легко соглашаешься. Надо было запросить три. Хорошо, отдай монеты Джону, а сам быстро в повозку. А то скоро нас увидят всех...

В повозке двое мужчин и одна женщина, все одеты в потрепанное, и от всех сильно пахнет рыбой, три огромных чана, где плещется вода, а вдоль борта сложены мокрые сети.

Я отдал монеты мужчине, что требовательно протянул широкую ладонь, а женщина указала на сети.

— Ложись под них. Пусть тебя даже не увидят.

— А может, я просто как бы из вашей команды? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, — отрезала с неприязнью. — Ты вдруг натворишь что, пожар устроишь, а мы будем виноваты? Пусть тебя даже не увидят с нами. Только через ворота, а там как знаешь.

— Резонно, — отметил я.

Под сетями едва не задохнулся, старые и попревшие, ощущение такое, что в них запутывались и долго гнили лягушки, к тому же сверху бросили еще какое-то тряпье.

Я смутно слышал голоса стражей, в повозку заглядывали, но никто не залезал, чтобы посмотреть в чаны, потом снова скрип колес, покачивание, фыркание коней и все больше голосов со всех сторон.

Повозка еще не остановилась, когда быстрые руки сбросили с меня сети, женщина сказала шепотом:

— Вылезай и уходи тихонько.

Я выждал, когда она и двое мужчин выбрались из повозки, сам вышел, жмурясь от яркого солнца, в этой части двора полно челяди, пахнет кухней и стиркой. Все суетятся, галдят, таскают кто воду, кто дрова, я сгорбился и с самым озабоченным видом постарался ускользнуть в безлюдное место, а там торопливо юркнул в личину незримника.

Мимо прошли двое хорошо одетых мужчин, лица хмурые и озабоченно-вытянутые. Я почти видел бремя, согнувшие их плечи, даже шаги старчески укоротились. Один побряхтывал и поеживался, второй прогудел успокаивающе низким басом:

— Сэр Цернер, справедливость на стороне графа Арлинга. Так что мы просто обязаны быть на его стороне.

Слова звучали хорошо, только голос звучал слишком неуверенно. Второй кивнул, ответил с виноватой ноткой:

— Да, но грессграф тоже прав...

— Он еще не грессграф!

— Только потому, что сам не торопит с церемонией.

— Не все его признают!

— Да-да, вы правы. Но все-таки....

Голоса отдалились, к тому же я прислушивался еще и к шагам стражи, голосам челяди, а иногда запах чеснока и лука шибал так сильно, что я вздрагивал, уверенный, что мимо идет другой незримник.

В замок проник, прячась за чужими спинами и прижимаясь к ним так плотно, что почти задевал, но все равно дверью мне чуть не отшибло пятки. К счастью, никто не обратил внимания, что дверь задрожала, ударившись о воздух.

На Юге уже привык к огромным дворцам, где залы просто исполинские, один зал переходит в другой, гигантские открытые пространства, а между ними тонкие, как стволы пальм, колонны.

Здесь же и залы крохотные, и своды низкие. Каждый отделен от другого плотно закрытыми дверьми. Можно усмотреть здесь хоть религию, хоть национальные особенности, но я знаю, почему Армландия не Гессен: дело в климате.

В Гессене, где почти всегда лето, не требуется отапливать замки, иначе бы в тех исполинских залах все замерзло зимой, как жабы на льду. Здесь же и стены толще, и окна мельче, и потолки ниже, чтобы зря не греть под сводами воздух.

Колонны толстые и приземистые, почти на уровне моей головы начинается арка свода, они здесь на каждом шагу, и создается ощущение, что эти колонны выдерживают всю тяжесть мира. Или его грехи, что еще тяжелее.

Глава 16

Леди Лоралея отыскалась там, куда привели чутье и запаховое зрение: в небольшой, мило обставленной комнате с единственным окном, откуда открывается прекрасный вид на далекие синие горы. Она как раз смотрела в окно, когда неслышно начал приближаться, ноздри затрепетали, пахнет от нее мучительно сладко и нежно.

— Леди Лоралея, — проговорил я тихо, — не пугайтесь, это я...

Она повернулась, глаза в удивлении и неприятии испуге распахнулись во всю ширь.

— Сэр Ричард? Вы?

— Да, — прошептал я. — Леди Лоралея, как бы то ни было, но я от вас отказываться не собираюсь. Я либо выкраду вас, либо захвачу этот замок штурмом... но я заберу вас!

Она попыталась отступить, но спина уперлась в каменную стену. Я поспешно опустил протянутые руки, она вскинула гордо голову, лицо рассерженное, в глазах заблистал гнев.

— Сэр Ричард... — произнесла она, — я не расскажу о вашем дерзком визите сэру Арлингу только потому, что у него много важных дел, и я не хочу отвлекать от работы. Но вы должны немедленно уйти!

— Почему? — спросил я умоляюще. — Леди Лоралея, это я ваш настоящий муж!.. Все остальные — тени.

— Сэр Ричард, следите за своими словами!

Я сказал поспешно:

— Прошу вас, выслушайте меня. За вас соперничали равные лорды, но я завоевал вас не в кровавой сече, а как на-

стоящий матерый волк, перед которым остальные поджали хвосты! Я пришел и только лишь показал зубы. И взял вас, доказав, что сильнейший — я. Но сейчас вас у меня не отняли, а просто украли! Украсть могут и у самого сильного...

Она покачала головой, в глазах брезгливая жалость, как к ползающему в пыли калеке-нищему, и ни капли сочувствия.

— Сэр Ричард, уходите.

— Леди Лоралея, умоляю! Просто взвесьте...

Она прислушалась, не обращая на меня внимания, снова покачала головой.

— В коридоре стража.

— Знаю, — ответил я.

— Вас сейчас схватят!

— Ни за что, — заверил я. — Если только вы не позовете.

Она произнесла холодно и бесстрастно:

— Я позову.

— Леди Лоралея!

— Уходите. Уходите немедленно.

— Вы не сможете позвать, — сказал я страстно. — Вспомните наши ночи! Вспомните, вы моя жена...

Лицо ее не изменилось, даже ресницы не дрогнули, когда она ясным и спокойным голосом произнесла громко:

— Стража!

Я мгновение смотрел ошалело, затем ринулся к окну. Пола камзола зацепилась за железный выступ, я едва успел освободить ее и протиснуться, а там зависнул на руках над булыжной пропастью.

Послышался стук распахнувшейся двери, топот, затем грубый голос:

— Да, леди Лоралея?

— Пустяки, — прозвучал ее спокойный ясный голос, — мне показалось, что на этом окне неплохо бы поставить железные решетки.

Мужской голос прогудел озадаченно:

— Да, но... на такой высоте решетки вроде бы без надобности. Стена такая голая, муха и та поскользнется!

— И все-таки, — сказала она настойчиво, — передайте мой приказ работникам, чтобы решетку все-таки поставили.

Пусть даже мысли не возникает, что через это окно можно пролезть.

— Хорошо, — ответил голос с готовностью. — Как скажете! Разрешите выполнять?

— Идите.

Шаги удалились, я едва удержался от попытки снова пролезть в окно, тогда леди Лоралея точно не только вызовет стражу, но и укажет, где я вишу, как мокрое белье на веревке.

Я надеялся на какое-то чудо, что она повернется к окну и заговорит со мной, однако донесся ровный стук ее каблуков, через минуту хлопнула дверь. Я прислушивался, но в опустевшей комнате все тихо. Так просто не сдамся, пронеслось в черепашке, я снова вошел в личину исчезника и протиснулся в окно.

Даже собака не почует запах Лоралеи, настолько его мало, но я улавливаю аромат ее тела всюду и желал бы в своей жадности, чтобы окно закрыли не решеткой, а вообще плотными ставнями. Драгоценные ароматы ее тела истончаются, тонкими струями уплывают в пространство...

В голове стучало: я вас люблю, к чему лукавить, но я другому отдана и буду век ему верна... но я другому отдана... кто это сказал? В школе в одно ухо влетало, из другого вылетало, но эта фраза то ли застряла, то ли у меня память такая странная.

Это не о Лоралее. Она и любит того, кому отдана. Нет, снова не в ту степь. Лоралея вряд ли любила бы того, за кого отдана, разве что всецело бы доверилась выбору родителей.

А здесь совсем другое...

Пока не могу разобраться, что именно.

По ту сторону двери в коридоре тихо, далеко справа раздаются голоса, но уже не в коридоре, а снизу. Значит, там лестница, а внизу либо холл, либо зал для приемов и пиров.

Решившись, я толкнул дверь, с той стороны раздался испуганный вскрик. Два рослых воина, явно охранявшие вход в покои госпожи Лоралеи, уставились в пустоту ошалело, не понимая, что могло открыть дверь так резко.

Один ухватился за рукоять топора и успел даже приподнять для удара, но, не давая им опомниться, я двинул одного кулаком между глаз, второй успел выхватить меч, но я ухва-

тил за кисть, крутанул. Страж заорал от боли и сильно наклонился к полу. Я подхватил на лету выпавший меч и со злостью саданул коленом в лицо.

Раздался треск хрящей, воин без звука повалился вниз лицом. Снизу донеслись встревоженные голоса, потом кто-то побежал вверх по лестнице.

Я сжал в ладони рукоять меча, легковат, с моим ростом и силой подошел бы и двуручный, но против целого отряда не устоять. Быстро толкнул соседнюю дверь, открылся совсем маленький зал, даже не зал, а комната для отдыха или переговоров с небольшим количеством людей. Только одна дверь, через нее я и вбежал сюда, стены завешаны коврами и гобеленами, никаких потайных дверей не вижу, очень скверно.

В коридоре простучали шаги, я торопливо захлопнул дверь, чуть не отдавив себе же ногу, с лязгом задвинул засов. В коридоре снова топот, но еще и звон оружия, злые голоса, крики.

В дверь пару раз грохнули тяжелым, затем все стихло, хотя народу там прибавилось, я чувствую скопление живой массы. Рискнул перейти на тепловое зрение, по ту сторону двери колыхается сплошное багровое облако, словно огромная туша с только что содранной шкурой. Дверные косяки из тяжелых каменных глыб блокируют видимость, но, похоже, и там стоят с оружием наготове.

Раздался сильный властный голос, я узнал графа Арлинга:

— Всем отойти!.. Давай, Кулиус, действуй.

— Сейчас, ваша милость, — ответил подобострастный голос, в котором я, однако, уловил стальную нотку, — сейчас все будет сделано...

Я стоял наготове, ничего не происходило, затем прямо через толстую дверь начал просачиваться желтый и очень неприятный на вид туман. Я отступил, привычного холодка нет, и когда туман начал подниматься от колен и выше, я все еще не чувствовал угрозы.

После долгого ожидания за дверью прозвучал голос Арлинга:

— Ну, Кулиус?

Другой голос ответил торопливо:

— Да-да, уже должно быть готово.

Арлинг произнес жестко:

— Притащите тело сюда.

Голос, как я понимаю, мага ответил торопливо:

— Надо ли, ваша милость? Сейчас это что-то ужасное и в жутких отвратительных язвах. Вроде испорченного киселя...

— Я хочу сперва посмотреть на это существо, — отрезал граф властно. — А потом уничтожьте так, чтобы и следа не осталось...

— Мы его сожжем, — донесся голос мага.

— Что угодно, но чтоб ни следа! — повторил Арлинг.

В дверь ударили со страшной силой. Засов с жалобным лязгом слетел и покатился по каменному полу. В дверном проеме появились фигуры с оружием в руках. Они вбежали, глядя перед собой, и не успели посмотреть по сторонам, как я вышел сбоку, меч в моих руках заблестал, зал наполнился воплями.

Я рубил быстро и безжалостно, ишь, притащите тело, да еще вроде испорченного киселя, я вам притащу, берите и тащите, если такие умелые... Личина исчезника с меня слетела, маг постарался, со мной сперва пытались драться, но я держал проход, не давая проскользнуть и зайти со спины, и они отступили, оставив пять неподвижных тел. В коридоре все также теснились, ошетилившись оружием, на меня смотрели злобно и растерянно.

За их спинами граф Арлинг разъяренно кричал:

— Кулиус, тварь, ты что же делаешь?

Голос мага униженно мямлил:

— Ваша милость, у него, наверное, есть особый амулет от этого заклятия...

— Ты мне не оправдания, ты мне его труп покажи!

— Сейчас, ваша милость, вызову себе в помощь...

— Кого, Кулиус? Демонов?

— Нет, иных помощников...

Этого еще не хватало, мелькнула мысль, помощники здесь бывают самые разные... Были у меня на Юге помощники, жаль сюда не доберутся. Но здесь, возможно, есть свои, северные...

Я отступил, затравленно огляделся, в коридоре маг под защитой мечей и копий торопливо колдует, я сорвал с пояса

молот и метнул в стену, которая, как мне кажется, не совсем уж и несущая...

Камни с грохотом вывалились на ту сторону, образовав дыру. Я торопливо пролез, зацепляясь камзолom и штанами, комната побольше и украшена побогаче, на роскошном ложе застыли в ужасе и смотрят на меня, как на исчадие ада, молодой парень с обнаженной женщиной в объятиях. Скомканное одеяло сползло на пол, открыв все их прелести.

— Леди, — сказал я изумленно, — как приятно вас увидеть снова!.. У вас прекрасная фигура, не смущайтесь. Конечно-конечно, я ничего не скажу вашему супругу!.. И даже сделаю вид, что не узнал этого молодого конюха...

Я пробежал к двери, открыл и осторожно выглянул. В дальнем конце коридора в распахнутую дверь врываются люди с оружием в руках, последними вбежали сэр Арлинг и человек в одежде колдуна. Когда в коридоре опустело, я пронесся по нему, как молодой лось, прикидывая, сколько им понадобится, чтобы пересечь комнату и заглянуть в дыру. Совсем ни к месту мелькнуло, успеют ли леди и ее любовник разбежаться до того, как супруг, кем бы он ни был, застанет их на месте преступления. Тот парень наверняка любовник: слишком молод, да и не станет муж вот так развлекаться в полдень, мужчины сладкое оставляют на ночь...

Под ногами гремят ступеньки, навстречу бегут двое в доспехах, глядя себе под ноги, оступиться боятся. Я смел их, как щепки, пронесся вниз раньше, чем они докатились и остались там распластанными, а я бросился через холл к выходу.

В раскрытых дверях появился старый и совсем дряхлый человек в темном плаще. Он вскинул руки, и тут же возникли и с грохотом покатались на меня крупные и блестящие металлические шары, высотой мне почти до пояса. Я напрягся, готовый отпрыгивать и увертываться, но они остановились шагах в десяти, на отполированной поверхности появились трещины, и шары начали, к моему изумлению, разворачиваться, став похожими на огромных ежей или даже броненосцев на задних лапах.

Я отступал с мечом наготове, броненосцы неуклюже побежали ко мне, передние лапы короткие, однако из металла... Я ударил мечом, вытянутая ко мне лапа с металличе-

ским звоном отлетела в сторону. Броненосец мгновенно остановился, второй подошел ближе и попытался ухватить меня, я уже увереннее снес ему голову.

Остальных порубил так же легко, превратив в груды железа. Думаю, колдун просто ожидал, что меня парализует уже при виде таких ужасающих существ.

— Ты дурак! — крикнул я колдуну взбешенно. — Так использовать такую ценность!.. Варвар.

Он заорал еще яростнее:

— Это ты... Великие Боги, как я мог?

— Удирай, — посоветовал я, — пока можешь. Твой господин сорвет с тебя голову раньше, чем я.

В дальнем конце коридора показались бегущие в мою сторону люди с мечами и топорами в руках. Я повернулся и понесся со всех ног прочь. Я не рыцарь, если за мной не наблюдают дамы, могу и удрать. Но даже если наблюдают, то фиг с ними, жизнь дороже, хоть я и не совсем еще общечеловек и демократ.

Я пробился через холл, дверь донжона заперта, воины с оружием в руках бросились навстречу. Я схватился за болтеры и открыл стрельбу из двух стволов, но перед глазами все поплыло, изображение стало смещаться, я чувствовал, что стальные болты идут мимо, на голову обрушился тяжелый удар, следом в плечо всадили раскаленный прут... Ну почему я опять забыл одеть доспехи?!!

— Всех превращу в жаб! — заорал я.

В спину вонзились два болта, я плакал от жгучей боли, но дверь с разрубленным засовом распахнулась, я выбежал во двор.

Со стен сбегает навстречу стражи, ворота заперты. Сердце мое обреченно охнуло, а за спиной нарастает торжествующий крик.

— Зайчик! — заорал я. — Зайчик!.. Ко мне...

Губы не смог сложить для свиста. Еще две стрелы вонзились в плечо и в ногу, но я упорно ковылял в сторону ворот, где уже изготовились к схватке четверо крепких молодцев.

Ворота разлетелись с ужасающим треском, словно в них ударил низко летящий метеорит размером с телегу. Стражей смело, как сухие листья, а сквозь взметнувшиеся обломки

дерева пронесся огромный черный конь с горящими, словно угли ада, глазами.

Рядом с ним влетел чудовищный Пес, черный и с такими же красными, как у самого дьявола, глазами. Всклипывая от боли, я ухватился за седло и кое-как взобрался на арбогастра.

— В лес, — шепнул я. — Скорее...

Зайчик развернулся, я обессилено прильнул к его шее и обхватил ее руками. Это спасло: над головой трижды злобно вжикнуло, а в спину и в задницу вонзилось острое и почему-то горячее.

Пес огромными прыжками неся рядом. Мелькали деревья, наконец Зайчик остановился так резко, что я едва не пролетел, подобно птице, над его ушами. Скрипя зубами, я сполз на землю и, завывая от боли и жалости к себе, вытаскивал стрелы, умоляя организм заживить все так, чтобы не стал калекой.

Три стальных болта из плеча и спины, четыре стрелы из бедра и задницы. Другой бы давно лапы склеил, а я только полежал с полчаса, затем ощутил зверский голод и сожрал все, что отыскал в седельной сумке Зайчика, даже зачерствевший хлеб.

Глава 17

Солнце перешло на западную часть неба. Если граф Арлинг и отправил за мной погоню, то та ушла в другую сторону, никаких признаков я не заметил.

Бобик, стараясь развеять мое убийственное настроение, натаскал убитых зверей, двух гусей, утку, только что рыб на этот раз добыть не сумел. Я механически гладил его и чесал за ушами, в голове пусто, как в ограбленном доме. Похоже, надо возвращаться. И приводить войско. А то и армию.

Зайчик настобурчил уши, повернул голову. Бобик вскочил и тоже посмотрел в ту сторону, куда устоялся арбогастр. Спустя долгую минуту я наконец услышал стук копыт.

В нашу сторону несется всадник, конь в мыле, с удил падают белые хлопья пены, бока жирно блестят. Когда он поднял от конской гривы голову, я узнал Миртуса. Бледный и

похуевший за время скачки, он с трудом сполз с коня и, не удержавшись на ногах, повалился на траву.

Я протянул руку для помощи, но Миртус поспешно поднялся, неуклюже поклонился.

— Ты чего здесь? — спросил я пораженно.

— Вам одному не справиться, — ответил он печально. — Может быть, даже я не смогу помочь.

— Так чего же мчался в такую даль?

— Чтобы предупредить, — сказал он, — что на этот раз маги перекроют все ходы-выходы. Теперь, когда вас уже ждут, там муха не пролетит! А все ловушки вы не минуете.

— Предупреждальщики пусть идут лесом, — огрызнулся я. — А ты, надеюсь, не только алармист. Какие-то идеи есть? Не поверю, что мчался только предупредить?

— Есть, — сказал он печально. — Но не знаю... Попытаюсь. Ваша светлость, с вашей безопасностью у нас связано очень многое. Все мы зависим...

В его словах почудился упрек, Миртус упорно отводил взгляд, я усадил его под деревом, велел вытянуть ноги и отдыхать. Коня его, несмотря на протесты хозяина, я расседлал сам, поводил вдоль поляны, давая остыть, и под жалобные вопли пристыженного Миртуса сам напоил из лесного ручейка.

— Нашел легко? — поинтересовался я.

— Да, — ответил Миртус. — За вами след... как за огненной кометой. Я выехал сразу за вами... но вас разве нагонишь!

— Мы добрались быстро, — согласился я. — Я уже успел побывать там. В замке, в смысле.

— И как?

— Как видишь.

Он оглядел разбросанные стрелы и арбалетные болты со следами засохшей крови. Глаза стали шире, но промолчал, только суетливо ошупал мешочки на поясе, амулеты и талисманы на груди.

— Леди Лоралею видели?

— Да...

— Отказалась?

— Все-то ты знаешь, — буркнул я.

Он отвел взгляд.

— Одно из ее прозвищ — Верная. Лоралея Верная. Вы разве не знали?

— Не довелось...

— Теперь вам понятно.

— Все-то ты знаешь, — повторил я. — Убивать пора. Нет-нет, это шутю так... странно.

— Станные у вас шутки, — проговорил он с упреком.

— Это да, — согласился я со вздохом. — Я сам странный. Что еще остается, если Лоралея — Верная? Придется увозить силой. То ли выкрадывать, то ли захватывать.

Он посмотрел на меня с испугом.

— Захватывать? Это ж приводить целое войско?

— Да, — ответил я с неохотой. — Да. Но рыцари меня поймут. И даже одобряют. Войны и сражения из-за женщин.... прежде всего красиво! И ух как благородно. Если верить, конечно, не жизни, а песням. Но что жизнь? Ерунда. А вот песни...

Он молчал, упорно смотрел в сторону. Из глубины леса примчался Бобик, положил передо мной молодого оленя, но с надеждой посмотрел на Миртуса.

Миртус сказал суетливо:

— Да-да, собачка, спасибо... Я разделаю. Как умею, правда. Ваша светлость, все-таки надо попытаться обойтись без войска. Уж простите за такое мнение...

Я отмахнулся.

— Миртус, я сам понимаю неловкость ситуации для... мыслящего человека. Я сам временами мыслящий, правда! Еще какой мыслящий. Как человек почти... А временами вот такой, как сейчас. Даже чаще, чем временами. Тоже мыслящий, правда, но уже не головой. Потому будем, как временами мыслящие, стараться обойтись без войска. Но если у нас не получится, то приведу сюда сперва большой отряд, а потом, если понадобится, и целую армию с катапультами! Дурость? Но Менелая за такое не только не закидали дерьмом, а еще и песни о нем сложили!.. Ладно, какие у тебя идеи? Ты что-то знаешь, иначе бы не приехал!

Он сознался с неловкостью:

— Да, я всегда боюсь оказаться в тягость. А приехал, потому что... боюсь, вам одному уж точно не справиться.

— У них что, — спросил я, — очень мощные колдуны?

— Не обязательно, — ответил Миртус. — Достаточно иметь мощные артефакты. С артефактом любой человек может держаться против целого войска. Сэр Ричард, вы не представляете, какие магические вещи иногда хранятся в со-кровищницах местных лордов!

— И что ж не используют?

Он пожал плечами.

— Кто-то верен церкви, кто-то считает ниже своего достоинства прибегать к таким подлым штукам. Но когда приходит, то иной рыцарь... уж простите....

Я буркнул:

— Рыцари тоже люди.

— Да, — сказал он, — тоже. Обычно человек прибегает особо мощные вещи для особых случаев. Но все такими случаями считают разное...

Я перехватил его быстрый взгляд, смолчал. Некоторые намеки прозрачнее некуда. А Миртус, не дождавшись реакции, продолжал занудно:

— Надо быть готовыми ко всему. Граф Арлинг дорожит пленницей, он применит все... что сам добыл за свою жизнь и что накопили его предки.

— Это чересчур, — пробормотал я. — С каждым днем все больше понимаю церковь! И поддерживаю ее мудрость. Мир должен быть предсказуемым, у всех должно быть равное оружие, а лучше всего — совсем никакого. Если не считать меня, конечно. Мне — можно. А всю магию с ее неожиданностями — изничтожить... Нет-нет, Миртус, ты уже не маг, а почти ученый. Переходная стадия, вроде большого червяка, что уже готов превратиться в жука или бабочку.

Он сказал невесело:

— Увы, это у насекомых. Но только у человека бабочка может превратиться в гусеницу.

Я споткнулся, взглянул на него остро.

— Глубоко копаешь...

— Простите, ваша светлость.

— За то, что умнее меня?

Он пожал плечами.

— Позвольте, я разделаю оленя.

Я посмотрел, как он, пыхтя и тужась, снимает шкуру с оленя, сказал нетерпеливо:

— Может быть, оставим жратву на потом? Показывай.

Он сказал торопливо:

— Это не здесь.

— А где?

— Совсем недалеко...

— Веди, — сказал я. — Вернемся, поедем. Олень никуда не денется.

Он с натугой поднялся. Я видел, как все его тело стонет и просит отдыха, но меня сжигает злое нетерпение, и я даже притопывал ногой, когда он потащился к коню. Седлать и забираться на него Миртус не стал, только взял под уздцы, Бобик и Зайчик пошли за мной сразу же сами.

Деревья проплывали мимо, мы проходили чащи и полянки, Бобик привычно нарезал вокруг нас расширяющиеся круги, а я обратил внимание, что некая ярко раскрашенная птица перелетает вслед за нами с дерева на дерево, время от времени чирикает и поправляет перья. Мне показалось, что я ее где-то видел. Вообще-то могу понять сову, когда она вот так перелетает с дерева на дерево, присматриваясь к крысе: одолею эту большую мышь или не одолею, но интерес этой птахи к нам в чем-то ином. В другое время я бы махнул рукой, пусть следит, но сейчас это раздражало, потом начало тревожить.

— Извини, — сказал я. — Ты не из Красной Книги... надеюсь.

Она подпрыгнула и захлопала крыльями, когда я быстро выхватил из-за спины лук. Стрела ударила с такой силой, что перья посыпались, как осенние листья под сильным порывом ветра. Я убрал лук, мертвое тело ударилось о землю. Бобик моментально оказался рядом, обнюхал, но в пасть брать не стал.

Миртус смотрел ошалело.

— Она что... следила?

— Не знаю, — ответил я, — но вела себя просто непри-

стойно. Приличные птицы червяков ищут или говно клюют, а эта за нами следовала.

— Может быть, — предположил он, — украсть что-то хотела? Многие собирают в гнезда все блестящее.

Я потрогал носком сапога, мертвее мертвого, приподнял за лапу. Все-таки птица, нежить бы уже превратилась во что-то иное. Но при всей моей слабой птицелогии, таких птиц не видел. Либо другие птицы плохо годятся для слежки, либо пославший ее колдун недостаточно силен.

— Мы не настолько блестящие, — буркнул я. — Может быть, ты и будущее светило науки, но пернатому откуда это знать? Хорошо быть лордом, не надо выпрашивать лицензию.

Отброшенная птица осталась далеко за спиной. Когда я оглянулся, почему-то рассчитывал увидеть расплывающееся на песке грязное пятно, но там все еще лежит в окружении ярких перьев тощая тушка неведомого мне пернатого.

Миртус забрел в совсем уж чашу, Зайчик пробирается с трудом, иногда просто валит или раздвигает деревья, а Миртус огляделся, пощупал амулеты и талисманы. Я терпеливо ждал, придерживая Бобика, не терпится ему все обнюхать и везде побегать. Миртус поднял голову и долго всматривался в проглядывающее сквозь листву солнце. Лицо становилось все тревожнее, я начал беспокоиться, однако он сказал со вздохом:

— Да, это здесь...

— Тогда не тяни, показывай, что и где прячешь!

— Да я не прячу, совсем не прячу... Это не я спрятал...

— Не тяни, — повторил я.

Он вздохнул еще тяжелее, отступил на пару шагов.

— Хорошо. Только мне очень такое не нравится...

Я насторожился, когда он начал говорить на странном наречье, в ладонях вспыхивают камешки, исчезают, оставляя искры. Один из мешочков испарился прямо на поясе, а земля под ногами задрожала, деревья зашатались. Толстый слой слежавшихся за годы прелых листьев начал вспучиваться, снизу поднимается нечто огромное, неумолимое и неостановимое...

Могучий дуб приподнялся, толстые корни обнажились, я

видел, как напрягаются, вытягиваются, не желая покидать землю. Раздается частый треск, корни выпрыгивают на поверхность, белые и отвратительно голые. Могучий ствол покачнулся, Миртус вскрикнул в страхе:

— Он упадет в нашу сторону!

Я, не тратя времени на крепкие слова, отпрыгнул и свистнул Зайчику. Из-под дуба поднимается нечто черное и блестящее, осыпанное землей и оплетенное корнями. Дерево наклонилось еще больше, ветви тревожно шумят и раскачиваются, ствол начал заваливаться.

Мощно раскинутые ветви не дали рухнуть на землю, но сам комель поднялся на широком черном камне, что выдвинулся из земли с неумолимостью всплывающей подводной лодки. Комель тяжело соскользнул в сторону и остался там, медленно двигая оборванными белесыми корнями.

Камень отполирован так, что даже долгое заточение в земле не исцарапало поверхность. В самом низу с артистически нарочитой небрежностью высечены непонятные мне значки. Он выглядел дико и страшно в этой чаше, меня прордвала дрожь, как только представил, что весь этот древний лес вырос уже потом, когда началось запустение.

Бобик обнюхивал камень. Я сказал шепотом:

— Да, это впечатляет... Как ты его создал?

— Его создали тысячи лет назад, — ответил Миртус тихо. Лицо его было бледным. На лбу выступили мелкие капельки. — Люди старой эпохи. До Великой Войны.

— Но его ж не было?

— Был, — ответил Миртус тихо. — Только скрытый от наших глаз.

— Если бы только от глаз, — пробормотал я в замешательстве. — Клянусь своей невинностью, я именно здесь проходил, когда пробирался к замку... Почему не почуял?

— Это было скрыто от глаз людских, — повторил Миртус.

— И не только от глаз, — сказал я устранным. — Нет, мне такое не нравится.

— Я только из-за него и прибыл, — признался Миртус. — От меня вам вообще-то проку мало, но под этим камнем есть ход... Правда, не в этот замок, а в древний дворец, что был

здесь когда-то... Его давно разрушили, а потом на его месте построили замок. Тот тоже разрушили, однако новый снова поставили там же...

— Место удобное, — согласился я. — И что, эту глыбу нужно сдвинуть? Как?.. Нужно стадо быков!

Он ответил с неуверенностью:

— Я несколько лет разбирал эти знаки. Ваша светлость, потерпите. Я попробую свои заклинания. Не уверен...

— Ты всегда не уверен, — прервал я нетерпеливо. — Действуй! Даю свою гроссграфье позволение.

Он перебирал заклинания, проборматывая про себя, я с обнаженным мечом Арианта в руках поворачивался на месте, волосы встают дыбом от чего-то зловещего, что приближается с каждым мгновением.

— Миртус, — сказал я тихонько, чтобы не перебивать ему заклинания, — поторопись...

— Да, ваша светлость...

— Лесу не понравилось, — добавил я, — что мы одного из его членов вот так... Или объясни ему, что это не мы, что это оно само.

Он взмахнул руками, выкрикнул, черный обелиск дрогнул и с натугой сдвинулся в сторону. Затрещал размалываемый в щепки ствол упавшего дерева.

— Вот, — произнес Миртус слабым голосом.

На том месте, где минуту назад стоял обелиск, теперь чернеет провал. В зловещую тьму опускаются и там исчезают такие же черные ступени. Новенькие, не истертые подошвами и не изъеденные временем.

Я молча спрыгнул в яму, успел прижаться к стене, как следом прыгнул Бобик. Шарик света, который я создал почти автоматически, полетел впереди. Миртус со вздохом сполз по земляному краю, повернулся уже на ступеньках, сказал несколько слов. Голос прозвучал непривычно для него повелительно. Наверху загрохотало, камень сдвинулся и пополз на прежнее место. На головы посыпались комья земли.

Проход узок, двоим не пройти, разве что прижимаясь друг к другу. Стены из блестящего, как застывшая смола,

камня, ступени ведут все ниже и ниже, а там без всякой двери вывели в помещение с низким сводом.

Бобик порывался ринуться вперед, я придерживал за толстую холку. Миртус проговорил тихо, но мне почудилась в мягком голосе ирония:

— Ваша светлость, если вы не очень против...

— Против, конечно, — огрызнулся я. — Чего тебе?

— Можно мне пойти впереди? Не сочтите это за оскорбление. И за собачку вам будет спокойнее.

— Не сочту, не сочту, — перебил я. — Топай.

— Я здесь увижу больше, — сказал он, извиняясь всем телом. — Уж простите....

— Иди-иди, — разрешил я. — Такие же, как и ты, ставили здесь мины. Так что саперствуй, я в этих делах не весьма даже. Не гроссграфье это дело.

Впереди только одна дверь, Миртус прошел к ней вдоль стены, осторожный и плавный настолько, что прямо чучундра из «Лебединого озера». Я двинулся следом, ступая поволчьи шаг в шаг. За дверью, ее Миртус открыл без труда, снова ступеньки и снова вниз и вниз.

Я сжимал в одной руке рукоять меча, в другой — болтер, готовый стрелять и рубить поперх головы Миртуса. Ступени вывели в зал побольше, стены украшены пилонами, напротив нас широкая арка, заложённая камнем. Неведомые умельцы создали довольно сложный барельеф, изображающий схватку двух пеших со всадником, но я к искусству глуховат, прошел мимо, лишь скользнув взглядом.

Из сумрака навстречу выбежали черные пауки размером с откормленных мышей. Их было такое множество, что я оцепенел со своим мечом и болтером, только придержал зарывавшего Бобика. Миртус прокричал короткое слово, настолько короткое, словно вообще из трех букв. Полыхнул огонь, пауки заскрипели жвалами, задрыгали лапами, опрокидываясь на спины. Огонь пожирал их радостно, будто они из бумаги, пропитанной маслом, а когда прижался к полу и пропал, у нас под ногами остались хрустеть обугленные комочки.

— Не люблю пауков, — сказал я. — Даже не знаю, почему.

— Их никто не любит, — обронил Миртус. — Разве что маги...

— Маги их любят?

— Некоторые, — уточнил он. — Пауки — странные звери.

Светящийся шарик вывел к металлическим дверям грубойковки, словно их делали горные великаны, пренебрегая мелочной отделкой. Даже стены в этом месте зала носят следы дикости и грубости, так неандертальцы очень неуверенно орудовали даже дубинами.

Дверь распахнулась с жутким скрипом и треском, словно пристывшие к полу створки отломились, оставляя острые заусеницы. Воздух мертвый и холодный, сверху падает синеватый свет, превращая наши лица в ужасные личины мертвецов.

Послышался шорох, со всех сторон к нам ринулись не то мыши, не то что-то еще... Свет вспыхнул ярче, я застыл в страхе: скорпионы! Полыхнул белый свет, полчище скорпионов превратились в застывшие фигурки из льда.

Стыдась за себя за свой страх, я с наслаждением растоптал несколько отвратительных насекомых.

— Не люблю скорпионов!

— Их все не любят, — вздохнул Миртус.

— А маги любят? — спросил я с подозрением.

— Даже маги не любят, — ответил Миртус. Добавил после раздумья: — Но часто ими пользуются.

Из этой комнаты ход вывел в другую, третью, везде выскакивали либо пауки, либо скорпионы. Миртус добросовестно их уничтожал, а я наконец сказал со злостью:

— Что за хрень? Так не бывает!

Миртус спросил встревоженно:

— Что случилось?

— А что они жрут? — спросил я раздраженно. — Все эти пауки... где мухи?.. пауков без мух — не бывает!

Миртус тяжело вздохнул и посоветовал мрачно:

— Ваша светлость, не накликайте беду.

— А в чем дело?

— Пауки и скорпионы просто бегают, а мухи еще и летают... если помните за неустанными заботами о благе Армландии.

— А, — сказал я удовлетворенно, — начинаем язвить? Молодец, обживаешься. Просто все это похоже на мираж. Хотя и очень тщательный. Пауки не жрут пауков, а скорпионы — скорпионов. Кто-то намудрил...

— Он не знал, что придет такой мудрый и великий правитель, — ответил Миртус сумрачно. — Но я бы не советовал позволять укусить себя даже миражному пауку.

— Это точно не дам, — согласился я. — Во всяком случае, добровольно.

Мы прошли еще четыре зала, Бобик добросовестно идет рядом, двери закрываются герметически, дважды к нам бросались страшные с виду жуки, Миртус добросовестно уничтожал то огнем, то ядовитым туманом. Я одного уцелевшего подхватил двумя пальцами, он страшно щелкал челюстями и месил воздух лапами, но я готов поклясться, что этот жук — вегетарианец. Но если так, то где растения, чтобы эти броненосцы питались соками?

В одном месте Миртус долго колдовал у стены, я ждал терпеливо, он повернулся ко мне, бледный и перепуганный.

— Похоже, это тупик....

— Вернемся, — успокоил я, потому что на Миртуса жалко смотреть, интеллигенция в таких случаях пугается особенно, — попробуем другой ход.

Вернулись в первый зал с пилонами, я осматривался, выбирая, в какой из двух оставшихся на этот раз, взгляд упал на величественный барельеф, я вздрогнул и оцепенел.

— Миртус, — позвал я, — взгляни на этих вот.

Он оглянулся, очень испуганный, взглянул робко, прошептал еще испуганнее:

— Драка... простите, благородное сражение двух благородных против одного неблагородного... а что нужно увидеть?

— Это я вижу, — сказал я тихо, — но в прошлый раз двое пеших дрались со всадником!

Миртус сказал виновато:

— Ваша светлость, я не рыцарь, на такие важные вещи внимания не обращаю по своей простолюдинности... И на такие высокие. Я смотрю на то, что попроще.

А я все тарашил глаза на застывший барельеф, где двое

конных дерутся против пешего. Тот застыл, прикрываясь щитом и упершись коротким копьём под ребро одного из всадников. От каменной плиты веет седой древностью, я такие уже видел на выставке памятников древности Ассирии, но не могу себе представить, что те каменные фигурки могут принимать другие позы!

— Искусство должно принадлежать народу, — проговорил я, — но если это понятное искусство. А это какой-то выверт! Вроде бы и понятно, но неизвестно, что они потом делать будут. А вдруг непристойное?.. Так что не зря это все в запасники... Давай, Миртус, ищи!.. И ты, Бобик, ищи тоже.

Глава 18

В третий раз мы прошли по кругу, я сразу же с подозрением уставился на каменный барельеф. Двое пеших дерутся против двух конных, а третий пеший нагнулся за массивным камнем в неестественно красивой позе, чтобы выпуклеть для зрителя мускулы.

— Булыжник — аргумент пролетариата, — сказал я. — Знакомо, проходили...

— Да, здесь проходили, — сказал Миртус несчастным голосом. — Но где-то еще ход...

— Может быть, — предположил я, — он со временем зарос?

— Как?

— Как травой зарастает двор? Или мхом лежачий камень? Давно не открывали, вот и зарос!.. Если здесь даже камни такие.... текучие!

Он вздыхал горестно, суетливо ощупывал все штуки, что болтаются на груди уже поверх рубашки, прямо шаман, бормотал на разные голоса, а я повернулся к Бобику.

Пес заскучал ходить по кругу, где все уже посмотрел и обнюхал, начал царапать стену. Я подошел, постучал костяшками. Камень выглядит массивным и литым.

— Что? — спросил я сердито. — Кошку на той стороне почуял?

Бобик перестал скрестись и посмотрел на меня с надеждой.

— Хорошо, — ответил я ему. — Убедил.

Миртус спросил испуганно:

— Ваша светлость, что вы задумали?

— Мы глубоко, — успокоил я. — Вряд ли кто-то услышит.

— Но вдруг...

— А у нас есть варианты?

— Пока нет, но...

— Уже есть, — сказал я.

Я отошел к стене напротив, развернулся, как на дуэли, и метнул молот. Миртус сжался, стальная болванка саданула в гранитные плиты. Во все стороны метнулся шипящий сноп длинных оранжево-багровых искр.

Глыба, в которую я метил, покрылась сетью трещин. В центре образовалось белое пятно искрошенного в муку камня. Не стискивай ее со всех сторон другие плиты, разлетелась бы вдрызг.

Миртус испуганно прислушивался к грохоту.

— Не услышали бы.

— А если услышат? — спросил я.

— Ну, беспокоятся...

— Нас не ждут, — успокоил я. — Это главное. Об этом ходе местные не знают точно?

— Вроде бы, — ответил он осторожно. — Запись я нашел случайно в одной из древних книг.

— Что там было еще?

— Даже не запись, — ответил Миртус, — а упоминание.

— Упоминание, — сказал я, — это мало. Значит, ничего в этой норе особенного нет. Просто ход... Бобик, ты уверен?

Бобик пытался расцарапать раздробленный камень, даже бодал его башкой. На меня оглянулся с той же надеждой в глазах.

— Отойди, — велел я.

Молот пронесся через помещение с особым шумом, какой получается только в закрытом месте. С грохотом и свистом камень исчез, брызнув мелкими осколками, а в стене на его месте появилась квадратная темная дыра.

Миртус первым бросился к ней, пошептал, помахал руками, я терпеливо ждал, только Бобик отпихивал Миртуса и старался заглянуть туда первым.

— Там помещение, — проговорил Миртус с изумлением и надеждой. — Вы были правы, ваша светлость...

— Ты мне заслуги моих подданных не приписывай, — сказал я строго. — Бобик получит заслуженную награду, как только вернемся и увидим кухню.

— Он там награду сам возьмет, — согласился Миртус, он отступил от стены и посмотрел на меня с тем же ожиданием, что и Бобик. — Действуйте, ваша светлость.

Я еще несколько раз бросал молот, выбивая всякий раз по камню. Будь скреплены получше, мог бы и одним ударом, а так остальные буквально зависали в воздухе. Для проверки выбил вокруг одного все глыбы, он так и остался на месте, словно исчезнувшие камни не пропали вовсе, а только стали невидимыми.

Миртус тоже обеспокоился, но мне совсем не до экспериментов, выбил и висящий в воздухе, первым пролез в дыру, не пропустив даже обиженного Бобика.

Комната по ту сторону заложенного камнями или заросшего ими прохода такая же, как и там, что смутно разочаровало, но не так уж сильно, а где-то на окраинах сознания. Я с обнаженным мечом в руках вглядывался и вслушивался в напряженную тишину, делал крохотные шажки вперед.

Сзади появились Бобик и Миртус, Бобик сразу же начал рыскать из стороны в сторону. Я спросил Миртуса:

— Ловушек нет?..

— Не похоже...

— Смотри, а то если собачка хотя бы лапку прищемит...

Он съежился, а я устыдился грубой шуточки, Миртус все принимает всерьез, я же лорд, а для любого феодала жизнь простолюдина всегда значит намного меньше, чем самочувствие любимой собаки.

Миртус пошел вперед, снова огнем, льдом, а то и облаком ядовитого тумана выжигал неожиданно появляющуюся живность, наконец наткнулись на ступени, что повели вверх.

Сердце колотится, я то сжимал меч, то хватался за болте-

ры, к ним старался прикасаться, когда Миртус не видит, тайны нужно хранить как можно дольше.

Ступени наконец уперлись в квадратную плиту из кованого железа в потолке. Массивное кольцо полуутоплено в железе, Миртус его отковырнул и ощупал, но даже не пытался тянуть, только шептал, бубнил, проговаривал одни и те же фразы на разные голоса и с разными интонациями.

Я уже потерял надежду, но шелкнуло, и хотя плита на месте, я ощутил, что удерживающие ее запоры убрались в свои норы.

— Теперь пойду я, — шепнул я. — А вы страхуйте сзади.

Плита подалась неохотно, вовсе не вросла в края проема, просто сама по себе тяжеловата. Похоже, в те времена жили достаточно крепкие люди, не чета нынешним, когда акселерация еще спит.

Небольшой сводчатый зал, низкий потолок, две толстые колонны, минимум мебели под стенами. Я стоял у открытого лаза, осматривался, стараясь понять, в какую сторону идти за Лоралеей, а за спиной вылез Миртус, сразу же пустил по всему помещению что-то обеззараживающее или проявляющее скрытое, выскочил Бобик, но не помчался кругами, а остался у моей ноги.

— Что-то прячется? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Миртус без уверенности. — Я ничего не чувствую... хотя и не по себе.

— Тебе везде не по себе, — ответил я.

Он вздохнул.

— Мир жесток, ваша светлость.

— Не мир, — возразил я мудро, — а люди. Другие люди, конечно.

Он смолчал, с егодвигающихся рук срывались слабые вспышки, а пальцы начинали светиться и тут же погасали. Я медленно начал обходить помещение.

Дверь обнаружилась внезапно, будто выпрыгнула из небытия. Я заподозрил ее, выживают подозрительные, прошел дальше, отыскал еще одну.

Миртус долго прислушивался возле каждой, наконец сказал нерешительно:

— Я бы рискнул вот в эту...

— А почему не в ту? — спросил я.

Он сказал с готовностью:

— Давайте в ту.

— Какой ты согласистый, — сказал я с неудовольствием. — Соглашатель прямо. Она чем-то лучше?

— Нет...

— Так почему?

Он вздохнул.

— А что стоять... Идти все-таки надо.

— Мудро, — сказал я зло.

Дверь открывал он, мы с Бобиком подстраховывали. Как ни странно, сразу за нею обнаружились каменные ступени, ведущие вверх. Я подумал тревожно, что так можем выйти на вершину башни, а что там делать, но Миртус быстро поднимался далеко впереди, Бобик то забегал вперед, то отставал, поджидая меня.

Я ускорил шаг, лестница узкая, по обе стороны стены из массивных каменных блоков. Вырублены грубо, прилажены кое-как, в щелях раствор пополам с прогнившим мхом.

Миртус наконец остановился, я с удивлением увидел снова дверь. Спросил туповато:

— Это ж куда мы вылезем?

— Не знаю, — ответил Миртус тревожно. — Надеюсь, в каком-нибудь амбаре.

Я удивился:

— Что, мы так глубоко спустились? Ну да, спускаться проще...

— Или в винном подвале, — сказал Миртус. — Хотя, может...

— Что?

— Ход был давно засыпан обломками, — сказал он жалким голосом. — И, возможно, нам придется пробиваться.

Стены со странными значками и, как мне показалось, сложены в некоем восточном стиле. И хотя архитектор из меня неважный... а кто из меня важный?... но веет чем-то древнеегипетским. Или месопотамским.

— Тихо, — прошептал Миртус.

— Что там?

— Люди.

— Вооружены?

— Да, это стражи.

Я шепнул:

— Сколько их?

Он ответил через минуту:

— Двенадцать человек.

— Прекрасно, — сказал я бодро. — И нас двое! Значит, поровну.

Из полутьмы донесся испуганный шепот:

— Ваша светлость, вы собираетесь драться?

— Ну да, — ответил я. — Половину убью я, половину ты... А что не так?

В его шепоте звучало отчаяние:

— Я не люблю убивать...

— Ты не поверишь, — ответил я тихонько, — но я тоже. Правда, еще больше не люблю, когда убивают меня. И когда встает выбор: их или меня, я, как заправский эгоист, выбираю... сам понимаешь. Ладно, я постараюсь убить всех, но ты приглядывай, чтоб меня не шарахнули в спину. А то, знаешь ли, упоение в бою у смерти жуткой на краю...

— Хорошо-хорошо, — заверил он. — Только не слишком шумите. А то леди Лоралею разбудите раньше времени.

— Это аргумент, — признал я. — Постараемся развалить этот замок бесшумно. А что вот там за лестница?

— Это не лестница, — пробормотал он, — она никуда не ведет...

— А что там за люк в потолке?

— Какой люк? Где люк?... Ах, так в самом деле дверь...

Я поднялся по рассыпающимся от ветхости ступенькам, они упираются в люк, а никакую не в дверь, потому что дверь — это дверь, даже если железная, а это вот и железное, и круглое, и явно тяжелое, как будто приспособленное от подводной лодки.

Прислушавшись, я попытался приподнять, но даже не сдвинулось. В шепоте Миртуса мне почудился скулеж:

— Значит, давно завалило. Возможно, над нами целая гора камней. Или крепостная стена.

— Или башня, — предположил я. — Но если башня... еще есть шанс.

— Вряд ли, — сказал Миртус обреченно, — боюсь, придется возвращаться.

— Вернемся, — отрезал я, — если здесь обломаем зубы! Но мы еще не начинали.

Я уперся посильнее, напрягся так, что потемнело в глазах, затрещали мышцы, хрустнули суставы. Мне показалось, что люк чуть-чуть приподнялся, но невыносимая тяжесть снова припечатала его обратно.

— Не получается, — сказал Миртус.

— А ты прожечь не можешь?

— Прожечь? — удивился Миртус.

— Ну да. Ты маг или не маг?

— Маг, — ответил Миртус потерянно, — однако прожечь стальную плиту... Нет, такое не умеют даже маги.

— Это хорошо, — сказал я, — а то натворили бы делов... Тогда попробуем так...

Я спустился на пол, Миртус охнул, когда я снял с пояса молот.

— Ваша светлость, очень уж я боюсь, когда вы берете в руки это страшилище...

— Не бойсь...

— Все равно боюсь, — ответил он. — И не зря. Ваша светлость, это же такой звон пойдет по всему замку! Нас сразу схватят.

Я подумал, выбрал точку для удара чуть левее люка. Там камень совсем почернел, даже плесень какая-то жрет его, как муравьи сыр...

— Отойди подальше, — предупредил я. — А то упадет на ногу...

Молот пролетел почти беззвучно, но грянулся в каменный потолок с ужасающим, как мне показалось, грохотом. Камень раскололся, обломки полетели вниз. Следом сразу же обвалились еще камни, а потом их посыпалось столько, что и нас едва не погребло под лавиной.

Куча камней росла, Миртус кричал и подпрыгивал, он ухитрился вскочить на лестницу, я забежал на нее чуть позже. Камни рушились и рушились, гора росла, а когда все затихло, я увидел наверху дыру, в которой мечется багровый свет факелов.

— Время! — крикнул я.

Перескочив на гору, я быстро взбежал по шатающимся глыбам наверх, голова моя и плечи оказались на уровне пола. Помещение странное, среднее между пыточным подвалом и лабораторией алхимика. В угол забились двое: старик и мальчишка.

Вслед за мной шустро выпрыгнул Бобик. Старик и мальчишка сразу окаменели, даже моргнуть страшатся, а я велел страшным шепотом:

— Не шевелиться и не разговаривать! Убью сразу. Я служу карающему Господу.

Вслед за нами вылез Миртус. Глаза его расширились, едва увидел, куда попали, а когда взгляд упал на дрожащего старика, он вскрикнул полузадушенно:

— Великий Пьер-Пертуи?..

Старик ответил дрожащим голосом:

— Кто ты, знающий мое имя?

— Ваш ученик, — ответил Миртус торопливо. — По книгам, по трудам... Я читал даже вашу «Основы вестебулики», а это редкость...

Старик покосился на Адского Пса, тот их даже обнюхивать не стал, гордо выпрямился и отряхнул одежду.

— Все экземпляры, — проворчал он, — сожжены... А это кто второй? Как и мой, ученик мага?

Миртус сказал поспешно:

— Он не ученик, он сам маг. Великий учитель, мы...

Я перебил резко:

— Мы пришли за украденной вашим хозяином женщиной. Если я не найду ее, весь этот замок сравняю с землей, а всех жителей перевешаю!

Старик обратился к Миртусу, на меня поглядывал боязливее, чем на Бобика:

— Да-да, я вижу, какой он маг... В руках обнаженный меч — значит, да, маг! В нашем мире это самая острая магия... Господин, не я держу в плену вашу леди. И она здесь совсем не пленница.

— Знаю, — прервал я. — Где она сейчас? В каком месте?

Старик гладил по голове притихшего мальчишку, у самого испуг уже прошел, я видел, как смерил взглядом рассто-

ние до двери, но огромная дыра преграждает прямую дорогу, иначе бы попытались выскочить раньше, помялся, но я выразительно указал взглядом на острый меч.

— Ее хорошо охраняют, — ответил он неохотно.

— Где она?

— Близко, — ответил старик. — Прямо над нами.

— Там что?

— Башня, — ответил старик. — А леди находится на самом верху. Если вы, господин, такой же воин, как и маг...

— Не дерзи, — предупредил я. — Миртус, проследи за ним. Если что пойдет не так — убей. И мальчишку. Кто знает, что это за мальчишка. Может, вампир какой... или оборотень. А то и вовсе летучая мышь или вообще кошка.

Я направился к двери, Миртус сказал умоляюще:

— Я должен пойти с вами, ваша светлость!..

Старик проворчал:

— Впервые вижу такую преданность мага рыцарю.

— Не дерзи, — повторил я. — А мы не маг и сеньор, а соратники.

Он поморщился.

— Не могут быть соратниками сеньор и простолюдин, маг и рыцарь.

— Это у вас не могут, — буркнул я, — а у нас новый мир! С человеческим лицом. Все равны, все поют.

— Не задерживайтесь, господин!

— Проследи, — велел я, — чтобы Бобик не сожрал тут какую-нибудь гадость. Если этих двух сожрет — пусть, не препятствуй, но чтоб из колб не пил...

Миртус вымученно улыбался, мол, не обращайтесь внимания, у сеньора юмор такой грубый, а я прикидывал, что маги обычно охраняют любые крепости по периметру, в середине замка вроде бы не должны, так что я на всякий случай вошел в личину исчезника, приоткрыл дверь и тихонько выглянул. Пусто, небольшая комната, ступени винтовой лестницы ведут наверх, но, прежде чем выскользнуть, услышал потрясенный голос старого мага:

— Он что... в самом деле?

Что ответил Миртус, не расслышал, дверь прикрыл так же тихонько и побежал на цыпочках вверх. Справа и слева

стены из глыб и булыжников нынешнего времени: грубые, неотделанные, угловатые, сложены будто с нарочитой небрежностью, подчеркивая силу и варварство нового мира.

Но это не небрежность, этот мир в самом деле такой. И люди тоже. Да и я теперь... почти, мелькнуло в голове.

Глава 19

Наверху звякнуло, я осторожно высунул голову на уровень пола. Пахнет гарью, два смоляных факела в стене дают тусклый багровый свет, возле единственной двери дремлют двое стражей, еще один прохаживается по узкой площадке взад-вперед.

На двери украшения из серебра и золота, такие неуместные, но зато понятно: поселенному или поселенной спешно стараются оказать всяческие знаки внимания.

Я ощупал рукоять меча, молота, наконец взялся за болтеры. Один вернул на пояс, там сразу шелкнуло, с двух рук прицельно стрелять еще не умею.

Могли бы остаться пахать землю, мелькнуло в голове. Все трое. Тяжелый труд, зато безопасный... Страж развернулся и пошел в мою сторону. Я видел, как веки наползают на глазные яблоки, засыпает на ходу, но велено ходить, вот и ходят по очереди.

Болт вылетел бесшумно, слишком уж, все-таки инстинктивно жду грохота выстрела и сильной отдачи. Страж дернулся, из развороченного лица брызнули фонтаны крови.

Сразу же прицелился в сидящих и выстрелил. Стальные штыри разбили головы, как тыквы. Я ринулся к двери, ударился всем телом.

С той стороны взвизгнуло железо, ударил еще раз, дверь распахнулась.

Запах роз, ладана и благовоний, тусклый свет от единственного изящного светильника у двери, минимум мебели и роскошное ложе, где под одним одеялом две фигуры, а на подушках мужская и женская головы.

У изголовья прислонен меч в красивых ножнах с золотыми накладками в виде львов и драконов, достаточно стильно.

Мужчина раскрыл глаза, начал приподниматься, но острие моего меча уперлось ему в горло.

— Сэр Арлинг, меня зовут Ричард. И я пришел за своей женщиной.

Он прошептал, едва двигая губами:

— Она не ваша женщина.

Лоралея проснулась, глаза ее широко распахнулись в испуге.

— Сэр Ричард?.. Да как вы посмели?

— Я пришел за вами, — сказал я твердо.

— Вы с ума сошли! — вскрикнула она. — Никуда я с вами не пойду!

— Тогда заберу силой, — заявил я зло.

— Вы не посмеете!

— Я все смею, — сказал я. — Вы и меня с ума свели, раз я здесь, а не у карты мира... Вставайте, я забираю вас.

Рука графа начала медленно двигаться к рукояти меча. Я дал ему коснуться кончиками пальцев рукояти, в его глазах блеснул триумф, но тут же погас, когда я страшным ударом в челюсть отправил его в беспамятство.

Очень хотелось добавить, и, не будь здесь леди Лоралеи, врезал бы еще хоть пару раз, а потом бы еще и ногами, я ж не родился рыцарем, но она в ужасе от такой жестокости сперва распахнула широко глаза, потом начала открывать рот для вопля.

Одеяло сползло до пояса, Лоралея попыталась натянуть его до подбородка и уже открыла рот для крика, но я подхватил с кресла небрежно или второпях брошенный туда плащ и, накинув его на Лоралею, прижал ее теплое нежное тело к себе и с силой зажал ладонью рот.

— Учтите, — прошипел я в ее розовое ухо, что еще хранит тепло подушки, — я убью всех, кто прибежит на ваш крик. Поберегите их души!

Она отбивалась молча, я подхватил ее на руки и выбежал в коридор. Риск громадный, могу на кого-то напороться, а руки заняты, но усталый народ спит, я спускался как можно быстрее, прижимая к себе сладкое тело лучшей в мире женщины, голова едва не закружилась, с такой скоростью несясь по винтовой лестнице.

Миртус и старик в испуге подпрыгнули, когда дверь распахнулась и на пороге появился высокий рыцарь с завернутой в плащ женщиной на руках.

— Получилось? — ахнул Миртус.

— А ты не верил? — спросил я, задыхаясь. — Чего же шел?

— Долг, — ответил он. Повернувшись к старику, сказал: — Мы обо всем договорились?

Старик кивнул.

— Уцелейте сперва.

Миртус сказал дрожащим голосом:

— Теперь будет легче.

Бобик прыгал вокруг нас и не понимал, почему леди Лоралея смотрит так, будто впервые его видит, не гладит и не ласкает. Я кивнул ему на дыру, он скакнул туда, оттуда протянулись руки Миртуса, но я не стал передавать ему леди Лоралею, неуклюже слез, удерживая ее и не давая вырваться.

Камни под Миртусом шатались и выкатывались с грохотом. Он охал и часто оступался, но все равно крикнул почти плачущим голосом:

— Поторопитесь, ваша светлость!.. Там наверху скоро все обнаружат.

— Теперь уже проще, — сказал я твердо. — Только бы не заблудиться.

Лоралея сказала твердо:

— Вас догонят и убьют.

— Это не так просто, — ответил я, задыхаясь, не привык бегать с женщинами на руках. — Мы... шустрые...

Она сказала презрительно:

— Тоже мне, рыцарь... В подвале, как вор...

— Зато победитель, — отпарировал я. — Миртус, ты уверен, что это та самая дверь...

— Нет, — ответил он удрученно, — я думал, вы дорогу запомнили.

— Я лорд, — огрызнулся я. — О великом думаю, а не о всяком таком... Точно не помнишь?

Он сказал неуверенно:

— Вроде бы вот в эту...

— А не в эту?

— Может, и в эту, как скажете! А ваша собачка не помнит?

Я стиснул челюсти, в подвалах прохладно, но по мне реками бегут горячие струи пота.

— Хорошо, — сказал я раздраженно, — давай в эту. Это лучше, чем стоять на месте... Собачка, дура, нам доверяет. Леди Лоралея, идти сможете?

Она сказала твердо:

— Только в обратную сторону!.. Вы жестоки, сэр Ричард! Как можно было так зверски ударить моего мужа? Это подло — бить в постели и... безоружного!

— Он не был безоружным, — возразил я. — Вы сами видели, он взялся за меч!

— Он его только коснулся!

— А вы хотели, чтобы коснулся им моей головы? С размаху?

Она гордо вздернула подбородок.

— Он мой муж!

— Уже нет, — отрезал я злорадно.

— И не мечтайте!

— Я не мечтатель, я практик... Миртус, мы тут не проходили!

Он пробормотал испуганно:

— Да, но... мы так срезаем угол... возможно.

Леди Лоралея попыталась вырваться из моих рук, но я держал крепко, руки мои стонали от жажды обнять ее покрепче, но я сказал жестко:

— Веди, Миртус. Сейчас я плохой помощник.

Миртус вел, мы прошли через пауков, скорпионов, жуков, а потом уже и мышей, это явно для Лоралеи, но она хранила надменное молчание, лишь гордо задирала носик.

Наконец Миртус, шатаясь, заплетающимся языком прошептал последнее заклинание. Наверху заскрипело, посыпались комья земли, тугими волнами обрушился и затопил нас свежий лесной воздух. Бобик, расталкивая нас, первым выпрыгнул и скрылся.

Леди Лоралея попыталась упереться и остаться, я с силой сжал ее тонкую кисть в своей руке.

— Вам придется покориться, леди.

— Ни за что!

Миртус вылез первым, свистнул своему коню, однако тот и ухом не повел, зато бодро прибежали веселые Бобик и Зайчик. Я вытащил наверх леди Лоралею, Бобик снова попробовал поздороваться с леди Лоралеей, она посмотрела на него холодно.

Бобик удивился, повернул голову и посмотрел с вопросом в умных глазах на меня.

— Все наладится, — успокоил я. — Все будет хорошо.

Миртус кое-как взобрался на своего коня, лицо было пельно-серым от усталости.

— Ваша светлость, — сказа он умоляюще, — вы езжайте...

Я усадил леди Лоралею перед собой, она держалась все так же холодно и отчужденно.

— А ты?

— Мне за вами не угнаться, — сказал он торопливо, — а вам зачем ползти?

— Уверен, что не попадешься?

Он кивнул.

— Да. Я один, мне спрятаться легко.

— Ох, Миртус...

— Правда-правда, — заверил он, — меня никто не увидит... Да и кому я нужен?

— Человечеству, — ответил я. — Ладно, колдуй, если понадобится для спасения шкуры. Даю тебе от имени церкви соизволение. Увидимся!

Зайчик начал набирать скорость, Бобик мчится впереди, поддразнивая. Я обхватил леди Лоралею и накрыл ее плащом, а чтобы его не сорвало встречным ураганом, крепко сжал в объятиях и наклонился к лошадиной шее, зарываясь в пышную гриву.

Часть 3

Глава 1

Крепости я подъехал гордо и красиво: на огромном черном коне, рядом бежит верный Адский Пес, за моими плечами трепещется на ветру плащ с огромным крестом христианского рыцаря. На Зайчика нельзя смотреть без восторга, да и сам я прямой и величавый, это уже умею, а в руках женщина, из-за которой столько волнений, шума, сражений и схваток.

Народ высыпал навстречу, Лоралею приветствовали так восторженно, что она вынужденно улыбалась, совершенно не обращая внимания, что на ней нет ничего, кроме плаща графа Арлинга, который не может скрыть от посторонних глаз ее доводящее до сладкого безумия тело. Мужчины выбегали наперерез, чтобы коснуться ее голой ступни или успеть поцеловать край плаща, женщины поднимали на руках детей и показывали им благороднейшую из всех женщин на свете.

Я, насидевшись в седле, надо ж, чтоб видели лорда издали, и наулыбавшись величаво и милостиво, соскочил наконец на землю и протянул руки к Лоралею.

Она попыталась прыгнуть сама, плащ распахнулся, открывая обнаженное тело, но я перехватил так умело, что получилось, будто она сама бросилась мне в объятия. Народ восторженно закричал, в воздух полетели шапки. Я снова милостиво улыбался и помахивал рукой.

Лоралея сердито подвигала лопатками, протестуя против моей длани, я убрал, делая вид, что мне страсть нужно поднять обе руки и приветствовать мой народ, которому я отец и покровитель.

Привлеченный криками, из алхимичной выбежал один из священников, всмотрелся, тут же юркнул обратно, а через минуту вышел отец Дитрих, в темной сутане, с книгой в руках, с переплета которой бережно смахивал крошки золотой краски.

— Сколько же в тебе силы, сын мой, — проговорил он и заботливо перекрестил меня, затем Лоралею. В его суховатом голосе мне почудилось осуждение, но отец Дитрих уже улыбнулся, спросил: — Все удачно?

— Лучше не бывает, — заверил я.

— А как там?

Я правильно понял вопрос, кивнул.

— Тоже... хорошо. Граф Арлинг жив и цел. Думаю, больше не сунется. В этот раз я просто взял свою женщину обратно, но в другой раз могу и пройти там с огнем и мечом.

Лоралея холодно молчала, в ее взгляде я увидел омерзение, затем с облегчением увидел, что смотрит мимо меня надвигающуюся в нашу сторону группу людей во главе с Ульфиллой. Он орал, брызгал слюной, воздевал руки, но люди слушают его жадно и с блестящими от восторга глазами.

Я услышал громовые раскаты его пронзительного голоса, именно раскаты, только он своему визжащему голосу может придать звуки обрекающего грома:

— ...Иуда?... Это... это святотатство!.. Он хуже, чем предатель!..

Кто-то из его группы жалко проблеял:

— Но ведь Иуда искупил свое предательство...

Отец Ульфилла заорал так, что из пасти выбрызнуло целое ведро слюней:

— Кто? Кто мог сказать такую глупость?

Несчастный плотник быстро указал на отца Дитриха. Отец Ульфилла повернулся в нашу сторону, лицо разъяренное, волосы растрепались, как у древнего пророка в час Суда, вперил в Великого Инквизитора указательный палец с грязным обгрызенным ногтем.

— Вот такие своей мягкой уступчивостью, — прокричал он, привлекая внимание и тех, кто в сторонке проходил мимо и не думал останавливаться, — выстилают дорогу Сатане!.. А мы должны быть тверже адаманта, ибо и капля точит

камень, а дьявол никогда не оставит попыток опорочить человека перед Господом!

Сэр Растер спросил обалдело:

— Отец Ульфилла... Но где же мягкость? А что, Иуду надо было вынуть из петли и сжечь на медленном огне? Или отрубать каждый день по пальцу, а потом руки и ноги?

Я видел, с каким ожиданием все смотрят на отца Ульфиллу, он уже успел проявить себя, как очень оригинальный скандалист, а народ любит необычное.

— Иуда, — прокричал Ульфилла так пронзительно, что у меня зазвенело в ушах, — не искупил свой грех, а только увеличил!.. Он удавился на осине, а только Господь Бог, давший нам все жизни, умеет право их отнимать!.. Самоубийство — грех. А еще Иуда тем самым плюнул в сторону Господа и Его великого милосердия, ибо не оставил себе места для спасительного покаяния!.. Всем говорю, покайтесь!.. Господь милостив. Его милость видна уже в том, что не истребил всех вас, как я бы сделал... ибо никто из вас не вынесет справедливого Божьего суда... и потому Иуда вдвойне, нет, втройне виновен!

Отец Дитрих вздохнул, я видел, что он смущенно уронил взгляд. Горячая волна сочувствия прошла по моему телу. Ульфилла, конечно, прав, потому что не обременяет себя никакими земными заботами, может позволить себе жить высокими истинами, а отец Дитрих давно занят повседневной жизнью — устройством церковей, сложной иерархией служб, потому допустил крохотную промашку, опустившись на уровень суждений простого бесхитростного христианина.

Впрочем, мелькнула злорадная мысль, Ульфилла тоже занят сейчас строительством и хозяйствованием. И его страстный ораторский дар подухнет...

А Ульфилла взглянул на Лоралею с откровенным недружелюбием.

— Сосуд порока, — провозгласил он с гневным обвинением, — вижу-вижу, как завлекаешь в свои сети сладким тельмом даже самых стойких и преданных делу Господа!.. Что ж, Господь послал тебя в этот мир не для радости, а искушения. Но Он знает, что делает!

Сэр Растер сказал с ехидцей:

— Святой отец, не попадитесь сами в ее сети!

Отец Ульфилла ответил со сдерживаемой яростью, что если вырвется, то испепелит весь мир:

— Всякий человек, начиная свой день, ставит в заложники свою душу! А к концу дня либо освобождает ее, либо обрекает на гибель. Зная эту истину, как я поступлю?

Растер смешался.

— Ну... вообще-то... А нельзя ли и рыбку съесть, и сковородку не мыть?

— Все можно, — ответил Ульфилла раздраженно. — Человек все может! И гордится этим. Но душу теряет. И сам не замечает, когда и где потерял.

Он шагнул мимо, стегнув и по мне страстно-негодующим взглядом. Сэр Растер, ничуть не обескураженный, сказал доброжелательно:

— Святой отец, может быть, разделите с нами трапезу? У нас есть повод. Сэр Ричард вернул себе леди Лоралею.

Леди Лоралея холодно промолчала, а Ульфилла отрезал раздраженно:

— Я пообедаю в уединении.

— Жаль, — произнес Растер, впрочем, без всякого сожаления в голосе, — а то мы так хорошо сидим в теплой компании! И постная пища у нас имеется.

Ульфилла зыркнул из-под лба, тонкие губы стиснулись в непримиримом выражении отрицания всего и вся.

— И в одиночестве можно быть толпой!

— Человек любит общество, — возразил Растер, — будь это даже общество одиноко горящей свечки.

— Одиночество лучше, — отрезал Ульфилла, — чем плохой товарищ! Тем более шумная компания горланящих неизвестно о чем. А жизнь идет...

— Одиночество великая вещь, — вздохнул Растер и уточнил: — Но не тогда, когда ты один.

Ульфилла уже уходил, обернулся и бросил зло:

— Людей можно терпеть только в одиночку! Толпа слишком близка к грязным и тупым животным.

Растер тут же забыл о священнике, едва тот скрылся с глаз, но барон Альбрехт и Макс все еще смотрели вслед. На лице Альбрехта проступило задумчивое выражение.

— В одиночестве человек, — проговорил он, — либо святой, либо дьявол. Кто из них этот священник?

— Пойдемте ужинать, — сказал я нетерпеливо. — Отец Дитрих, я очень надеюсь, вы не погнушаетесь обществом простых неискушенных рыцарей!

Отец Дитрих ответил кротко:

— Все мы неискушенны в этом мире. И все для нас внове.

Я взял Лоралею за руку и повел в донжон. Причем руку сдал так, чтобы понимала: теперь я ее господин, лорд и хозяин, вырваться бесполезно, иначе поташу. Женщин воспевают лишь в тех случаях, когда держатся в рамках принятого, а если какая заартачится, то такую мятежницу можно и тащить.

Рыцари пошли следом, я слышал задумчивый голос отца Дитриха:

— Всякий, кто любит одиночество, либо — дикий зверь, либо — Господь Бог. Великий Аристотель сказал, чтобы жить в одиночестве, надо быть животным или богом, но сам же уточнил, что бывает и третий случай, когда в человеке есть то и другое. В этом случае он называется философом.

Барон Альбрехт подхватил любезно, уводя разговор с неприятного человека на более абстрактное:

— Кстати, все, кто некрещен, попадают в ад? А не жаль туда Аристотеля, Платона, Сократа...

Отец Дитрих покачал головой.

— Почему так сразу в ад? Злой вы какой-то... В чистилище есть уголок, где растут маслины, зреют финики и течет теплая река. Древние философы там продолжают свои умствования в ожидании Страшного суда. Не думаю, что им грозит ад, они жили безгрешно.

В холле я обернулся через плечо и сказал веско:

— Располагайтесь, я скоро спущусь.

Сэр Растер сказал весело:

— Успеха! Но не увлекайтесь, не увлекайтесь, сэр Ричард. Дружеская пирушка с боевыми соратниками тоже... гм... хорошее занятие.

— Я скоро, — пообещал я.

Лоралея поднималась по лестнице на второй этаж, похожая на каменную статую. Я не форсировал, держусь с пре-

дельной вежливостью, даже изыскан, да. Стараюсь уловить ее желания, в то время как Лоралея демонстрирует полную бесчувственность и отсутствие всяких желаний.

Я распахнул дверь в ее прошлые апартаменты.

— Ничего не тронuto, ничего не сдвинуто, дорогая леди. И все ваши платья целы. Как и обувь.

Она произнесла без всякого выражения:

— Мне все равно. Это все чужое. Верните меня к моему мужу и повелителю. Иначе он явится и сам возьмет, но тогда гнев его будет ужасен.

Я успел удержаться и не сообщить, куда пусть идет ее муж и повелитель, теперь я твой муж, протри глаза, вместо этого с легким поклоном ответил:

— Все слуги в вашем распоряжении, леди.

— Мне ничего не нужно!

— Подумайте, — предложил я. — Может быть, что-то и понадобится.

Я отступил к двери, снова поклонился, сама вежливость и правила этикета от и до, вышел, в коридоре уже с десятков бравых мужчин в доспехах и с оружием в руках.

— Сегодня нападения не будет, — сказал я, — так что ваша задача пока что не выпускать леди Лоралею из комнаты. Ей давать все, что пожелает, пропускать к ней слуг, поваров и прочих, но ее — ни-ни!

Старший вытянулся.

— Будет сделано, ваша светлость!

— Бдите, — сказал я.

На всякий случай я поставил охрану еще и внизу, а также во дворе в том месте, где на большой высоте окна комнаты Лоралеи. Конечно, она не станет спускаться по веревке, сплетенной из порванных простыней, но кто знает, вдруг да у графа Арлинга хватит отваги повторить в моей крепости то, что я проделал у него.

Правда, на ее окнах решетки теперь такие, что слон не выломает, но так, на всякий случай. Береженого Бог бережет, хотя в данном случае еще не знаю, в каком случае он меня бережет больше: когда дал Лоралею или когда забирает,

чтобы внимательно проверить, в каком случае мои дела идут лучше.

Вообще, как мне кажется, когда Богу на небе скучно, он открывает окно и смотрит на Армлиндию и на мои попытки построить здесь коммунизм с человеческим лицом. В смысле, Царство Божье, как отражение Небесного Царства, но со своими особенностями, так как там наверху бесплотные души в еде не нуждаются, только играют на арфах и поют, играют и поют, а здесь еще и о пропитании подумать надо. Да и о прочих радостях. И привести их в равновесие с радостями, принятыми непонятно почему называть духовными.

В зале шумно и гамно, на возвышении трое музыкантов дудят в трубы и азартно стучат в бубен, получается весело, за столом уже разместились, помимо Растера, Альбрехта и отца Дитриха, еще и Макс, Норберт, Тюрингем, Зигфрид, Асмер, Бернард, я не успел их приветствовать, как начали подходить еще и еще рыцари, привлеченные вестью, что их лорд в одиночку сумел одолеть могучего противника и отнять леди Лоралею.

Слуги сбивались с ног, мокрые и дрожащие как мыши, не предусмотрели, что лорд вот-вот вернется, готовых блюд нет, надо как-то возместить холодными закусками и обилием вина, побольше вина...

Спускаясь, я услышал исполненный глубокомыслия голос сэра Растера:

— Нет-нет, я человек старых нравов, потому ожидаю от женщин приличия. Женское платье не должно быть облегающим! Но если женщина одета, я хочу видеть, где именно в этом платье она находится, а не гадать, что у нее там и в каком месте... Леди Лоралея даже в ночной рубашке — королева! Я видел королев, даже в лучших нарядах смотрелись деревенскими коровами.

— Спасибо, сэр Растер, — сказал я и сел на свое место.

Растер подмигнул мне, морда довольная, перед ним кубок пуст, но слуги тут же наполнили.

— Мы тут с отцом Дитрихом о современных нравах и о распушенности молодежи... Но признайтесь, отец Дитрих, сердечко екнуло, когда увидели, как леди Лоралея красиво и так это по-женски сходит с коня?

Отец Дитрих снисходительно улыбнулся.

— Я уже в том возрасте, — произнес он с легким смешком превосходства, — когда согласие женщины пугает больше, чем отказ. А вот вам труднее.

— Мужчины всегда будут восхищаться женщиной, — ответил Растер, — чей голос подшит бархатом. Леди Лоралей моментально стала здесь всеобщей любимицей! Как все бросятся выполнять ее желания...

— Все? — спросил я.

— Все, — подтвердил Растер. Посмотрел на отца Дитриха. — Разве не так?

Тот пожал плечами.

— Даже умнейший и мудрейший из людей написал сперва «Песнь Песней», прекрасную вещь...

— Слышал, — ответил я вежливо. — Там что-то про сиськи, верно?

— А потом, — продолжал отец Дитрих невозмутимо, словно и не слыша, — он же написал мудрые и философские «Притчи». А уже в конце жизни создал бессмертного «Екклесиаста»! Как точно очертил, сам того не осознавая, всю нашу дорогу!

Растер спросил с недоумением:

— Это как?

— В молодости, — объяснил отец Дитрих, — все мы слагаем песни о любви и женщинах. Став постарше — изрекаем сентенции. В старости говорим о суете жизни.

Я промолчал. Одной старости мало, помимо ее срабатывает еще и ученость, мудрость или, как ее ни назови, интеллигентность. Отец Ульфилла, к примеру, не напишет ни «Песнь Песней», ни «Притчи», ни о суете жизни. Он вообще не знает, что такое любовь или мудрость, он уверенно строит Царство Божье на земле. И всякого, посмеявшего мешать, без колебаний отправит в ад, будь во время строительства отцу Ульфилле двадцать лет или семьдесят. Фанатики с возрастом не становятся мягче.

Растер шумно поскреб в затылке, словно точильным камнем потер о начавший ржаветь шлем.

— Это от погоды, — заявил он. — Или от сезона. Весной,

к примеру, даже сапог сапогу шепчет на ушко что-то нежное. И таким становишься... куда и мужество девается!

— Мужества не существует, — произнес отец Дитрих грустно, — есть только гордость. Потому многие готовы скорее умереть, чем подумать! Собственно, так оно и выходит. Читайте чаще Святое Писание, сын мой. Там есть все ответы.

Сэр Растер снова почесал в затылке.

— Да как-то, — проговорил он смущенно, — руки не доходят. Когда я делаю добро, я чувствую себя хорошо. Когда поступаю плохо, чувствую себя плохо. Вот и вся моя религия.

Отец Дитрих, не поднимаясь, с чувством перекрестил рыцаря.

— Пусть Господь всегда будет с тобой. Богу не важны наши слова и молитвы, ему важнее поступки. Ты груб, но у тебя светлая и чистая душа.

Глава 2

Лоралея вышла ко мне в темную гостиную ее покоев, но жемчужинки на ее волосах ярко горят в лунном огне, и кажется, что в черноте по воздуху плывет дивный серебристый кораблик.

— Сейчас зажгу, — сказал я поспешно. — Слуги что-то разленились...

— Это не слуги, — возразила она.

— Вы?

— Да, — ответила она. — Захотелось посидеть в полутьме.

— Ваша красота требует освещения, — возразил я безапелляционно. — Эй, зажечь свечи! Ужин на двоих, быстро!

Слуги как чувствовали, что с моим приходом все изменится: моментально начали вносить блюда с роскошными яствами, быстро зажгли все светильники, а я отодвинул кресло и с каменным лицом ждал, когда леди Лоралея изволит нехотя подойти и сесть.

И был ужин, и был холодный сдержанный разговор, когда мы сидели по разные стороны стола, словно противники, и медленно роняли какие-то необязательные слова.

Разговор все не клеился, я нарочито затянул десерт, надеясь, что от сладкого у Лоралеи изменится настроение, но она оставалась молчаливой и задумчивой.

Она пила травяной чай и нарезала краем ложечки ломтики медовых сот, я отхлебывал кофе и впервые не чувствовал вкуса. За окнами погас пурпурный закат, небо стало фиолетовым, наконец почернело, выпалили звезды, слева выдвинулась луна и с любопытством заглянула в наши апартаменты.

Я оставил пустую чашку и посмотрел на леди Лоралею. Она медленно поднялась, недопитый чай остался на столе, а она спокойно прошла в соседнюю комнату, оставив дверь открытой, так что мне от стола все хорошо видно, подошла к постели, неторопливо сбросила платье и, оставшись обнаженной, так же замедленно легла, укрывшись одеялом.

Мои руки уже торопливо сбрасывали пояс, сапоги, рубашку, наконец я разделся и скользнул на свою половину кровати. Сердце колотится, вдруг не то делаю, однако Лоралея повернулась ко мне и положила голову на мое плечо.

Через два дня я сумел взять себя на какой-то миг в руки и, вырываясь из сладостного тумана, напомнил себе, что я — герой, мужчина, и если даже Лоралея, когда со смехом, а когда серьезно старается нацепить мне перевязь и вытолкать из покоев, то я тем более должен взять себя в руки...

— Я тебя люблю, — сказал я жадно. — Как же мне расхотелось быть гроссграфом!

Счастливо смеясь, она прижалась ко мне, расцеловала жарко и подтолкнула к двери.

— Иди, мой герой!.. Ты должен, ты обязан.

Я взял ее лицо в ладони и целовал глаза, щеки, губы, не в силах оторваться.

— Лоралея, ты даже не представляешь, как я счастлив...

— Это я счастлива, — шепнула она. — Иди и не беспокойся, здесь в крепости будет все так, как ты хочешь. А я буду ждать тебя верно и трепетно.

Я выбежал, глупо и счастливо улыбаясь во весь рот, свистнул Зайчика и Бобика, и через час стремительной скачки увидели в вздыбленной до неба стене Хребта черный зев Тоннеля.

Оттуда вереницей очень медленно и печально, будто ве-

зут покойников, выходят на солнечный свет волы, шуряются, вяло мотают головами. За ними выволакиваются телеги с каменными глыбами, где свежие сколы еще хранят следы зубил и клиньев.

Пока камни скатывают с телег, волы отдыхают, застывая в покое, будто каменные изваяния. После двух ездов их распрягают, кормят и поят, а в тоннель отправляются свежие силы: мастер Маргулер закупил как волов, так и телеги, укрепив их под камни уже здесь, на месте.

Меня встретили почтительными поклонами, я уловил, что кланяются уже иначе, чем просто богатому и могущественному лорду. Одно дело за деньги выполнять чью-то прихоть, другое — работать на такого удачливого.

Маргулер вышел навстречу, отвесил поясной поклон.

— Ваша светлость, все идет, как вы и велели.

— А как я велел? — спросил я.

Он развел руками.

— Прежде всего, быстро...

Я кивнул.

— Хорошо. Остальное потом. Мы изволим посмотреть.

— Прикажете сопровождать? — спросил он без всякой надежды на положительный ответ.

— Я сам, — ответил я, как он и ожидал. — А то получит-ся, что это я тебя сопровождаю. Руководи здесь.

Зайчик ворвался в черный зев, как будто тот пуст, ловко обгонял медленно бредущих волов, через встречных перепрыгивал. Возчики в ужасе роняли кнуты и выпускали вожжи, а я после третьего прыжка, особенно удачного, заорал, что на моей спине нет черепахового панциря: еще разок вот так долбанет о свод, я кончусь.

Странное и пугающее зрелище — вот так мчаться в плотном воздухе по узкой и абсолютно прямой трубе. Впечатление такое, что Хребет у самого основания некий великан проткнул раскаленной иглой. Или прожег лазером...

На длинном пути, по которому волы тянут повозки, только одна задержка: атомоход, как называл я его, на рельсах. Справа и слева места достаточно, чтобы пройти людям и даже телеге, хоть и впритык, но не упряжке волов. Приходится выпрягать, переводить на другую сторону по одному, а потом

перетаскивать телегу в узком проходе вручную и снова впрягать волов.

Бобик одно время совсем исчез впереди. Потом мы догнали, но и сами затормозили: людей множество, облепили перекрывающую проход стену, как коричневые муравьи, сверлят в сплошном камне дыры, вбивают деревянные клинья, затем долго и старательно поливают водой.

Как известно, вода, расширяясь, рвет все на свете, даже прочнейший гранит поддается. Завтра здесь будут трещины в монолите, в них вобьют стальные клинья и начнут вколачивать тяжелыми молотами, пока не удастся отламывать глыбы за глыбой.

— Давно? — спросил я.

— Второй день, — ответил бригадир.

— Хорошо, — сказал я с облегчением.

Он ухмыльнулся.

— Еще бы!

— Понял? — спросил я.

Он ухмыльнулся шире.

— Да. С той стороны было все то же самое, только наоборот! Сперва еле-еле грызли сплошняк, потом пошли обломки... а затем и вообще...

— Молодец, — сказал я, — соображаешь.

— Да, — сказал он потвердевшим голосом, — это ж какая жуть была, что горы текли, как жидкая глина... Не приведи Господь, чтобы повторилось что-то еще...

Я сказал твердо:

— Установим твердую демократию, а демократии с демократиями не воюют! Я всеми этими демократиями буду рулить железной рукой, чтоб и не подумали о войнах. Кто только пискнет — сразу на виселицу. Или на кол, чтоб дольше мучились. Могу в ассортимент добавить еще плаху, а также дам право выбора между ними. У человека должна быть возможность выбирать!

Он подумал, перекрестился и сказал благочестиво:

— Дай Бог вам здоровья и сил! Таких вообще нужно сжигать прилюдно на площадях, чтоб и детям ихним воевать не хотелось!

— Подумаем, — пообещал я. — А теперь вот что... Я заметил, что рубщики камня простаивают из-за обоза.

Он сказал поспешно:

— Далеко возить! А из волов неважные скакуны — вскачь ну никак.

— Верно заметил, — одобрил я. — Потому глыбы временно разрешаю складировать двумя рядами вдоль тоннеля. Там широко, телеги пройдут. А потом и эти камни вывезем.

Он перекрестился, просветлел.

— Господи, как я сам не додумался?

— Демократии на вас нет, — проворчал я. — Привыкли, что лорд обо всем думает!

Он спросил опасливо:

— А что такое... демократия?

— А вот введу, — пригрозил я, — наплачетесь! Вспомните потерянное время нынешней невинности.

— Это как?

— Демократия, — объяснил я, — когда не лорд, а сами себя подгоняете и жилы еще так рвете!

В четыре смены по шесть часов, подводы тоже двигаются безостановочно. Бригады с великим энтузиазмом рубят камень, грузчики поднимают глыбы на телеги, возчики тут же начинают настигивать волов. Почти двадцать миль придется вывозить камни по тоннелю, хотя после моего распоряжения складировать и вдоль стен, но так, чтобы не мешать движению, скорость работы возросла.

К Тоннелю прибыли Растер и барон Альбрехт, Макса из моего приближенного круга советников оставили в крепости, зато возложили на его плечи все, что только можно.

Бригадиры камнерубов и мастер Маргулер поглядывали с вопросом в глазах, но помалкивали, только подгоняли рабочих: я пообещал всем щедрую премию, как только пробьют дорогу на ту сторону.

Рыцари толпились у расчищенного зева в недра Хребта, крестились, хватались за кресты и опасливо всматривались в темноту.

Сэр Растер с изумлением оглядел горы отколотого камня по обе стороны от входа в тоннель.

— Надо же, сколько надолбили... Хорошо платите, сэр Ричард?

— Хорошо, — подтвердил я. — Хотите помахать киркой? Можно подработать.

Он звучно захохотал.

— Нет уж, я догадываюсь, что мне и другая работа найдется.

— Найдется, — подтвердил я.

— И скоро, — закончил он.

— Раньше, чем вы думаете, — заверил я.

В глазах Растера вспыхнули звезды, а на лицо пал багровый отсвет будущих пожаров.

— Скорее бы, — сказал он с чувством. — А то застоялся я что-то. В моем возрасте нужно почаше разминать кости и гонять кровь туды-сюды, туды-сюды.

Барон Альбрехт оглядел груды валунов по обе стороны тоннеля.

— Здесь не все.... Отсюда?

— Треть привезли с той стороны, — ответил я.

— Значит, уже скоро?

— Надеюсь. Но с той стороны могло навалить больше камней. Или там в яме могло образоваться озеро расплавленного камня. Тогда нам пробиваться и пробиваться.

Он сказал утешающе:

— Ничего, зато все наши войска подойдут! А то король Кейдан в самом деле бросит сюда все войска. У него, говорят, есть всякие колдовские штуки, переданные ему императором с Юга. Одни у него охраняют дворец, другие применяют в сражениях.

Я стиснул челюсти.

— Для того здесь и охрана такая, чтобы никто на той стороне не узнал о Тоннеле.

— И на этой, кстати.

— Да, — подтвердил я. — Не знаю, кто за кем шпионит, но я предпочитаю перестраховаться. Пусть даже армландские лорды не знают до поры до времени.

От Макса из крепости прибыло сообщение, что все вер-

ные мне рыцари снова созывают отряды, садятся на коней и быстрым маршем идут в указанное им место.

Даже Митчелл, погрязший в ссорах с соседями, временно замирился и прислал гонца, что соберет под свои знамена сотню рыцарей.

— Растет мальчик, — заметил Растер одобрительно.

— И вы заметили?

— Еще бы! Когда он пришел к вам так вовремя, у него сколько было воинов?

— Горстка, — ответил я.

— То-то! А теперь обещает привести сотню! И не просто воинов, а рыцарей!

— Растет, — согласился я.

— С вами все растут, — подчеркнул Растер.

Первый отряд прямо к Тоннелю привел однако Будакер, даже гонца не прислал, просто собрал воинов, оседлал лучшего коня и погнал на рысях, не тратя времени на выяснение куда, зачем и на сколько.

— Никогда в вас не сомневался, — сказал я с чувством. — Сэр Будакер, дайте людям отдых... но особенно не расслабляйтесь.

Он кивнул, спокойный и рассудительный, редкое сочетание прагматизма и скрупулезного следования законам рыцарской чести. Когда прагматизм и рыцарство входили в противоречие, Будакер предпочитал благородные заповеди, пусть даже проигрышные. Но меня спасло как раз его следование рыцарским идеалам правды, а ему это принесло звание лорда и неплохие земельные угодья... так что еще надо посмотреть, выгоднее ли идти к победам напрямик по трупам.

Будакер не поймет тех лордов, кто торгуется с королем: сколько взять людей, на кого идти и чтобы не больше, чем на две недели. Если сюзерен дал земли и титул, то обязан этому сюзерену не только землями и титулом, но и жизнью.

Растер то и дело заглядывал в черный зев, но пройти дальше не решался, объяснил, что если гора рухнет, то ему сомнет перья на шлеме. Альбрехт предпринял небольшую прогулку, но в тоннеле все так одинаково, что вернулся, не дойдя даже до атомохода.

— Рассчитываете, — спросил он в который раз, — уже скоро?

— Да, — ответил я терпеливо. — Пусть даже в эту сторону вывозить дальше и дольше.

— Кто спорит, но... Впрочем, я уже не раз убеждался в вашей правоте.

— Сэр Ричард умеет предвидеть! — горячо сказал кто-то из рыцарей нашей все расширяющейся команды.

Барон Альбрехт усмехнулся уголками губ. Кто держит запасного туза в рукаве, тот может говорить о предвидении или даже чуде — это неважно. Важнее то, что я — их лорд, а они в моем отряде. И свою долю награбленного получают.

Полюбовавшись еще немного на чернеющий провал Тоннеля и мерное неспешное движение запряженных в телеги волов, Альбрехт с Растером отбыли в крепость.

Я сидел у костра с Будакером, когда послышался топот, в нашу сторону мчался взлохмаченный и очень взволнованный рабочий.

— Ваша светлость! Ваша светлость!

— Ну я, — сказал я, — его светлость. В смысле, ваша светлость. Что там?

— Мастер Маргулер послал за вами!

— Даже послал?

Он торопливо поправил себя:

— Сказал, что уже очень близко.

Я вскочил.

— Все, веди! Да быстрее...

Он побежал, я понесся за ним, и пусть это выглядит недостаточно солидно, я — гроссграф, мне все можно. Возле входа в тоннель я опомнился, свистнул, Зайчик прибежал, как Сивка-Бурка, уши торчком, в нетерпении потряхивает гривой.

Я быстро вскочил в седло, рабочий остался за спиной, а мы понеслись по Тоннелю, все так же в последний момент огибая упряжки волов с нагруженными камнями телегами.

Внезапно появился Бобик и, обогнав нас, исчез впереди.

— Вот свиненок, — ругнулся я. — Его забудешь, как же...

Рабочие на том конце тоннеля все так же вбивают стальные клинья в полученные трещины. Мастер Маргулер огля-

нулся на стук копыт, поспешно отпрыгнул от жуткого черного пса с горящими багровыми глазами.

— Ваша светлость, я не ожидал вас так быстро! Он нас не съест?

— Но что-то случилось? — прервал я. — Нет, он уже обедает.

— Да, — сказал он счастливо и вместе с тем тревожно, — случилось! Камень уже меняется.

— Как?

— Вы не поймете, ваша светлость, уж не обижайтесь. Но кто долго работает с ним, начинает его чувствовать. Очень скоро пробьемся на ту сторону.

Глава 3

Он не договорил, кто-то ликующе заорал. Тут же завопили и другие камнерубы. В темноте сверкнул яркий луч. Я увидел солнечный свет на потных телах, мигающие лица, у всех улыбки до ушей. Десятник закричал, удары железа по камню пошли с такой яростью, словно все стараются выбраться из смертельной ловушки.

Луч яркого света расширился, блестящие, как у тюленей, тела высвечиваются уже в цвете. Из дыры потянуло совсем другим воздухом. Я дождался, когда дыру расширили, крикнул весело:

— Стоп-стоп!.. Я первым. Бобик, назад! Назад, говорю!

Староста сказал успокаивающе:

— Там не должно быть опасно, ваша светлость.

— Знаю, — ответил я, — но пусть все запомнят, что первой из Тоннеля ступила моя передняя нога! Как и в Тоннель, кстати.

Они уважительно смолчали насчет такой причуды лорда. Я с трудом протиснулся через дыру, размеры у меня еще те, не средневековые. С этой стороны свежий и резкий воздух, над головой почти такая же ровная пологая скала, как и с той стороны Хребта. Пусто и безжизненно, никому в голову не придет безумная мысль, что под этим монолитом просторный прямой тоннель в двадцать миль длиной.

Следом протиснулся Бобик, сел у моих ног и посмотрел влюбленными глазами. Я повернулся, негромко крикнул в дыру:

— Место безлюдное, но береженого Бог бережет!.. Так что проход расширьте, но не слишком. Чтобы коню пролезть — и ладно. Потом снова все закрыть, как и было. Поняли? В тоннеле сидеть и ждать сигнала. Я постучу особым образом... Вот так.

Я постучал, мастер Маргулер сказал быстро:

— Ваша светлость, да поняли мы, поняли! Никто на этой стороне Хребта не узнает про нас раньше времени. Я прослежу.

— Да-да, возьмите под свой контроль, мастер.

Камни вываливались один за другим, пока на мой свист не выметнулся, ломая завал, как будто он из соломы, могучий черный жеребец, таким все воспринимают моего Зайчика.

Он фыркнул, ноздри затрепетали, улавливая новые запахи, с этой стороны особо чуткий нюх может поймать даже ароматы океана.

— Ты прав, — сказал я, — пора навестить старые места.

За спиной ужасающий Хребет, чудовищно огромная и почти отвесная стена, напоминающая плотину, поставленную богами удерживать море или даже океан, которые так и не пришли. Эта жуть уходит вправо и влево, теряясь в бесконечности, а если задрать голову, все внутри холодеет от чувства полной беспомощности и осознания своей мизерности.

Вершина Хребта фактически в космосе. Во всяком случае, через Хребет не перебраться. В прошлую... наверное, в прошлую эпоху умельцам удалось там на вершине прорезать довольно глубокое ущелье. Но даже в нем сильно разреженный воздух, и отважные или отчаявшиеся, почему-то решившие перейти Хребет и оказаться на другой стороне мира, все равно рискуют.

Я еще пару раз взглянул наверх, на этой стороне Хребта почти нет спасительных облаков, что скрывают ужасающую высоту этого образования, созданного космическим катаклизмом, в свою очередь вызванного человеком.

Зайчик подставил бок, я взобрался в седло. Бобик вско-

чил и всем своим видом показывал, что только укажи направление, тут же стрелой, а по дороге всех порвет, чтоб не маячили.

— Не отставай, — велел я, — но и не беги вперед. Места опасные...

Зайчик набирал скорость, в прошлый раз я шел через Перевал и спускался несколько правее, там вырублена дорога, страшно подумать, сколько поколений долбили те ступеньки.

Здесь же места еще пустынное, слева разбойники и кочевники, что контролируют почти две трети территории королевства, справа Кейдан, который ничего с ними не может сделать.

Вообще-то любое государство, которое только защищается от атак варваров, всегда терпит поражение и бывает завоевано. Как бы ни был силен Кейдан, но ему предстоит только отступить и терять территории...

Справа и слева выросли отроги небольшого, но крутого каменного кряжа. Между ними высокая стена, очень высокая, а на горах по башне. Даже сейчас показались просто великанскими, а в первый раз, помню, подавили громадностью, полдня разговаривал шепотом. Сейчас смотрю просто с уважением. Это не замок, а могучая крепость, плюс — в самом удачном месте, прикрывает единственный проход на полуостров.

Копыта Зайчика простучали по вымощенной камнем дороге, я повернул его к воротам крепости.

Снова я оценил могучие надвратные башенки, машикули, подновленный помост над главными воротами, сейчас пустой, но если кто-то пойдет на приступ, оттуда посыплется град стрел, полетится горящая смола, а тяжелые камни превратят в сплющенное железо любого героя в доспехах.

Я протрубил в рог, на воротах поднялся во весь рост человек.

— Да слышим, слышим... Кто изволит... Господи, неужели сэр Ричард?

— Он самый, — согласился я.

— Сэр Ричард! Как мы рады!

— Даже ворота откроете? — поинтересовался я.

Страж виновато охнул, исчез. Через минуту загремели тя-

желые металлические засовы. Рядом с любимыми воротами есть калитка, через которую можно и на коне, только пригнувшись, но для меня распахнули ворота.

Мы въехали красивым церемонным шагом, только Бобик влетел, как вихрь, и тут же кого-то свалил на землю и облизал, объясняя, что признал за своего.

Кто-то прокричал счастливым до неприличия голосом:

— Сэр Ричард Длинные Руки де Амальфи, граф Валленштейн Брабантский!..

Серый двор, вымощенный брусчаткой, из башен выскакивают люди. Вскоре мы оказались в широком кольце, челядь что-то выкрикивает, одни спрашивали, кто я такой, знающие объясняли, я улыбался и кланялся, Зайчик продвигался по направлению к донжону.

Из дверей вышел невероятно широкий в плечах суровый воин с обветренным лицом кирпичного цвета. Голубые глаза взглянули с недоверием, но тут же каменное лицо дрогнуло и расплылось в счастливой улыбке:

— Сэр Ричард?.. Глазам не верю...

Я быстро зыркнул на его сапоги, золотые шпоры там, где им положено быть. Я возвел Мартина в рыцари сразу после сражения, после чего исчез, а герцог мог не утвердить мое самовольство.

Мартин засмушался, когда я его обнял, но я ободряюще хлопал по плечам, мол, ты теперь рыцарь, как и я, и не важно, кто из нас в прошлом из стаза рыцарей, а кто из простолюдинов. Мы — рыцари, братья по оружию, по кодексу, по образу жизни.

— Возьмите коня сэра Ричарда, — распорядился Мартин. — Нет, собачка пойдет с сэром Ричардом... Так ведь, сэр Ричард?

— Ничего не изменилось, — заверил я. — Собачка эта всем собачкам собачка. Скоро совсем на голову сядет.

Он шел рядом, поддерживая меня почтительно под локоть. Двери в донжон перед нами распахнули, я поинтересовался на ходу:

— Как здоровье герцога?

Он бросил на меня взгляд искоса.

— Сэр Ричард... Вы еще не знаете? Значит, новости еще не дошли до вас...

Я ощутил холодную иглу под сердцем, сразу вспомнил Даниэлла и Дженнифер, так любивших отца. Для них будет катастрофой потерять сурового и любящего родителя.

— Что с ним?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Когда пришла весть, что вы в плену и что за вас требуют выкуп, герцог сразу собрал все, что было, и сразу отправил трех своих верных рыцарей. Но золота явно было недостаточно, и он отправился собирать остальное по вассалам.

Я спросил с тревогой:

— И как?

— Собрал, — ответил Мартин невесело, — но зимой Перевал закрыт. Герцог едва дождался весны и сразу же повез недостающее лично.

Я удивился:

— Сам? Обычно кого-то посылают.

— Да, — согласился он, — но герцог всякое видал, потому кроме повозки с золотом для выкупа взял с собой лучших рыцарей герцогства. И большой отряд конных воинов. А вы... что там было?

Я пожал плечами.

— Да как обычно. Какой-то дурак ухитрился взять меня в плен. Но едва успел отправить гонца за выкупом, как я забрал не только душу дурака, но и его замок. А также земли со всем имуществом. Ну там коровы, козы, куры... Все пригодится, сам знаешь. Я вообще-то бываю хозяйственный, не понимаю, в кого такой!.. Жаль, что герцог уже выехал...

— Он давно выехал!

— Разминулись, — сказал я с досадой. — Тогда в замке кто сейчас?

Он замялся с ответом, на лицо набежала тень, но ответил спокойным голосом без намека на какие-то чувства:

— Леди Элинора.

— Ах да, — сказал я. — Была такая спешка, такая спешка... Как они с герцогом?

— Ужилась, — ответил он, хмурая улыбка на миг освети-

ла его суровое лицо. — Насколько это видно, ладят. Герцог помолодел на глазах. Поговаривают, что она своим волшебством поработала, но я же сам по вашему приказу все из ее подвалов перевез в наш замок! Теперь она не волшебница...

— Слава Господу, — сказал я.

— Благодаря вам, сэр Ричард, — напомнил он. — Без своих снадобий она бессильна.

Леди Элинор, прекрасная и величественная, ждет неподвижно и, не двигая даже бровью, смотрит, как я пересекаю зал. Мы издали скрестили взгляды, она все та же властная и опасная, с которой сошлись однажды в смертельном поединке, а до это все было: и я, распятый на стене ее пыточного подвала, и она, принимающая ванну, а я с широким полотенцем в руках, а потом, ну да, убирающий с ее великолепного тела все капельки влаги и сгорающий от желания ухватить ее по-мужски грубо и бесцеремонно.

В трех шагах я остановился, отвесил церемонный поклон.

— Мое почтение, леди Элинор!

Она ответила ровным голосом:

— Приветствую вас, граф Ричард.

Я подошел ближе, она подала руку, я почтительно поцеловал. Пальцы теплые и нежные, как у юной девочки. С безукоризненной розовой кожей, чистые и невинные, как и все ее тело, которое я не однажды видел обнаженным. И сейчас вот вдруг увидел, что она там под одеждой...гм... голая.

Подняв голову, по ее лицу понял, что она легко прочла мои мысли. Все-таки наши мужские мысли очень уж простые и до обидности легко читаемые.

— Леди Элинор, — проговорил я деревянным голосом, — вы... э-э... прекрасны.

Она чуть изогнула губы в приветливой улыбке хозяйки замка.

— Благодарю вас, сэр Ричард. Рада, что вам как-то удалось избежать постигшей вас неприятности. Как я понимаю, мой супруг еще не успел...

— Нет, — ответил я таким же ровным голосом, — иначе он бы вернулся раньше меня.

Она повела рукой, охватывая часть зала.

— Располагайтесь, сэр Ричард. Это и ваш дом. Странно, что вы один... но я уже понимаю, это ваш стиль. Надеюсь, ваше освобождение прошло благополучно?

— Не для всех, — ответил я легко. — Тот, кто захватил было меня в плен, потерял меч, замок, земли, имущество, коров, коз, курей... или кур, все забываю, как по-грамотному, а также такую ерунду, как голову. Его земли я, присвоив по праву победителя, сдал в аренду одному из моих вассалов.

Она кивнула, понимая, почему объясняю так подробно. С нею я поступил намного великодушнее, напоминая косвенно, хотя тоже отнял земли, а замок велел скрыть.

Ее взгляд пробежал по моей одежде.

— Вы не выглядите усталым, — заметила она, в голосе я уловил озадаченность, — и дорожной пыли на вас почти нет. Но, думаю, дорога вас все-таки утомила.

Она задержалась на миг, давая мне возможность сказать что-то, опровергнуть или согласиться, я понял, хоть и не обучен, однако чутье, чутье, растянул рожу в бесстыжей улыбке:

— Ах, леди Элинор! Не поверите, по дороге ни с кем не подрался даже! Ни одного дракона не завалил, ни одного замка не взял, ни одну прекрасную даму не изнасил... в смысле, не освободил!

Она кисло улыбнулась.

— Да, в жизни героя бывают и будни. Служанки уже готовят вам ванну, потом приходите сразу в обеденный зал. Я распоряжусь, чтобы приготовили ваши любимые блюда.

— А какие мои любимые? — поинтересовался я.

Она ответила очаровательной улыбкой.

— Думаю, нормальные мужские.

Уже от двери я обернулся.

— Кстати, леди Элинор... А где Дженнифер и мой юный друг Рикардо?

Она ответила ровным голосом:

— Ваша сестра и... брат сейчас объезжают берег. Надеют-

ся отыскать если не спуск, то хотя бы возможность прорубить ступени.

Я вскинул брови.

— Спуск к океану?

— Да.

— Сумасшедшие, — сказал я искренне. — Это совсем лишнее. У меня есть хорошая бухта в Тарасконе. Там строят новый порт, так что если понадобится стоянка для кораблей...

Она склонила голову, не сводя с меня взгляда.

— Ваша бухта?

— Да, — ответил я легко, — там большой участок земли в моем личном владении.

— Местные власти не отнимут?

Я широко улыбнулся.

— Я сам там местная власть.

— Простите?

Я церемонно поклонился.

— К вашим услугам бургграф города Тараскон, леди Элинор.

Глава 4

Через десять минут я уже с наслаждением опустил в огромную широкую бадью с горячей водой. Служанки, хихикая, принялись намыливать мне плечи, руки и спину. Игривые пальчики опускались все ниже, я поймал себя на том, что уже не стесняюсь, как было в первые дни, а принимаю со спокойным удовольствием лорда.

Потом гонг на обед, все тот же густой медный звон, что потек из зала в зал настолько медленно, словно густая патока. Я поднялся из ванны, девчонки тщательно вытерли меня, как и в тот раз: спину двумя небрежными движениями, а другие места — очень медленно и тщательно, прижимая к телу полотенце так, что их пальчики часто соскальзывали, я одевался под их хихиканье уже взведенный, в череде ни одной умной мысли, а ведь придется общаться с самой умной женщиной, какую только встретил в этом мире.

Молодец, леди Элинор, сказал я мысленно. Мужчины благодарны за такой роскошный прием, не подозревая, что ты их уже обезоружила вот так легко и просто. И настроила на нужную волну. Даже ход мыслей подправила, как нужно ей...

Леди Элинор спустилась в обеденный зал простая и величественная одновременно, в платье очень простого кроя, который могут позволить себе только очень красивые женщины с безукоризненными фигурами. Волосы украшены двумя нитями жемчуга, на ушах блестящие висюльки с камешками под цвет ее изумительных глаз.

— Леди Элинор, — сказал я, вскакивая. — У вас великолепный вкус, леди Элинор. Ваше платье безукоризненно.

— Спасибо, — ответила она с улыбкой.

Я поцеловал ее тонкие и аристократические пальцы, холодные, как у ящерицы, придвинул ей кресло и подождал, пока она опустится за стол.

Сев напротив, сказал с чувством:

— В самом деле, леди Элинор, это никакой не комплимент. Я снова вами очарован до глубины фибров. Или фибрей.

— Спасибо, — повторила она, глаза ее смеялись. — Во многом мой гардероб обновился благодаря вашим советам.

— Моим?

— Ах, сэр Ричард... — сказала она со странными огоньками в глазах, — если хотите, чтобы осталось только нашей тайной, мы так и сделаем. Хотя не вижу необходимости скрывать, что это вы советовали сменить наряды.

Я сделал вид, что не могу ответить из-за куска мяса во рту, с набитым ртом разговаривать неприлично, а в мозгу мысли мечутся вихрем. Если не скрывать, то может выплыть и то, что расхаживала передо мной голая, нисколько не стесняясь наготы, я ж слуга из деревенских дурачков, а после этого только шаг до уверенности, что я тут же схватил ее в объятия... чего, увы, не было, хотя я тысячу раз это проделывал в воображении. И проделывал не только это.

Если же скрыть, то дам ей хотя бы крохотную власть над собой, будто у меня позорная или опасная тайна. Хотя это слишком просто, леди Элинор не настолько простая штучка...

Я проглотил тщательно пережеванное мясо, в прошлый

мой визит здесь готовили хуже, запил вином и сказал как бы чуть смущенно:

— Думаю, остальным неинтересны такие подробности.

Она кивнула, в глазах на миг вспыхнуло торжество.

— Да, я тоже так думаю.

Некоторое время мы вкушали яства в молчании, оба пересматриваем новую расстановку сил. Я пока еще не понял, что она задумала, только вижу как стремится усиливать свое влияние с каждым словом, с каждым жестом, взглядом.

Я хлопнул себя по лбу.

— Кстати, как там кладовка, в которую я велел сложить все мои боевые трофеи?

Она наморщила лоб.

— Что вы называете трофеями, да еще боевыми?.. Ах, те вещи, которые награбили в моем замке?

— В замке врага, — уточнил я. — Который меня пытал и велел повесить, если хотите все называть своими именами. В замке, который я велел разрушить. Он разрушен, надеюсь?

Ее лицо потемнело, в голосе прозвучала хрипловатая нотка:

— Полностью. Мартин, которого вы неосмотрительно возвели в рыцари, проследил, чтобы это сделали во что бы то ни стало.

— И за это он попал у вас в немилость, — сказал я. — Так? Ладно, что-то придумаем.

Она вскинула голову, в глазах страх боролся с вызовом.

— Сэр Ричард!.. Вы — наследник, но сейчас не вы здесь командуете!

— Сегодня, — подтвердил я. Посмотрел ей в лицо, добавил с нажимом: — Сейчас. Но вы уверены, что так будет и вечером?

Она не двигалась, но я увидел, как по лицу метнулась тень страха. Затем ее губы дрогнули в примирительной улыбке.

— Сэр Ричард, не будем ссориться. Я уже не волшебница.

— А вот я, — отрезал я, — волшебник! Так что лучше не пытайтесь... Кстати, вы не ответили.

Она устало вздохнула.

— А вы как думаете? Вы ту кладовку и сами оплели чарами, и замки навесили, и Уэстефорду велели следить, чтобы

никто не смел даже мимо проходить. Сэр Ричард, вы уехали, но ваши люди остались!

Я промолчал, не зная, кого она считает моими людьми. Мартин — понятно, а кто еще? Наверное, Уэстефорд, раз его упомянула с такой злостью. Возможно, даже Дженнифер, потому что леди Элинор для нее — мачеха...

— Хорошо, — произнес я после паузы, — на досуге займусь.

— Чем?

— Я за это время поднаторел в магии, — объяснил я. — Хотя и раньше кое-что знал и умел, но теперь... гм... Это такая сладостная мощь...

Она как окаменела, в глазах снова проступил страх и уже не покидал ее лица до конца обеда.

Потом я угостил ее кофе, создав для вящего эффекта и кусочек сыра, сообщив, что это нечто магическое, обладающее огромной силой. Леди Элинор сбледнула и только натужно улыбалась, все-таки хозяйка, принимающая гостя, который совсем не чувствует себя гостем.

Я поискал взглядом салфетку, чтобы вытереть рот, но пока не придуманы, поднялся и отвесил церемонный поклон.

— Леди Элинор...

Не поднимаясь, она наклонила голову.

— Да, сэр Ричард?

— Я, с вашего позволения, осмотрюсь здесь, — сообщил я, подчеркнув, что не прошу ее позволения осмотреть, а именно сообщаю из великой любезности, как очень красивой женщине, о своем бзыке. — Как тут и что, я ведь отвечаю теперь и за эту крепость.

Она возразила с натянутой улыбкой:

— Мы держим ее в полном порядке. Мартин бдит.

— Сэр Мартин бдит, — согласился я, снова интонацией подчеркнув слово «сэр». — Он хороший командир. Думаю снабдить его добавочными полномочиями...

И отбыл, не дожидаясь ее реакции.

Выходя из главного здания, ощущал на себе любопытствующие взгляды челяди. Мартина отыскал на стене, хозяйственного и насупленного: кто-то из стражей явился в недоста-

точно блестящем панцире, а еще у двух лучников не нашлось в заплочной сумке мотков запасной тетивы.

Один из лучников пролепетал жалко:

— Сэр Мартин, этого больше не повторится!

— На войне никто дважды не ошибается, — ответил Мартин. Он покосился в мою сторону. — Видите, сэр Ричард, как обленились в мирной жизни?

— Жизнь не бывает мирной долго, — сказал я со вздохом. — Если нет серьезного повода, люди поссорятся даже из-за мусорного ведра. Оставьте бедного парня, сэр Мартин, он уже посинел в ваших отцовских нежных лапах.

Лучник перевел дыхание, когда я отвел Мартина в сторонку, выбирая место, где нас никто не услышит.

— Мартин, — сказал я, — ты помалкиваешь, что я, возведя тебя в рыцари, тем самым здорово подставил... Признайся, леди Элинор сильно тебя ненавидит? Или не сильно, а очень сильно?

Он отвел взгляд, голос прозвучал уклончиво:

— Сэр Ричард, я под достаточным покровительством герцога. Также леди Дженнифер ко мне относится очень хорошо и всякий раз берет под защиту.

Я кивнул. Сказано достаточно. Если берут под защиту, то нападок хватает.

— Мартин, — сказал я, — ты теперь рыцарь. К тому же не мальчик, пора бы и землями обзавестись. Хотя крохотными!.. Я тебя подставил, я и вытаскивать буду. Ты очень хорошо знаешь как герцогство, так и всю полосу по эту сторону Хребта, которое называется королевством. Так ведь?

Он кивнул.

— Да, я в свое время побывал везде.

— Не думаю, — сказал я, — что многое изменилось. Здесь мало что меняется даже за столетия. Потому к тебе будет очень важное и серьезное поручение.

Его глаза заблестели, он выпрямил спину, плечи стали шире, а голос прозвучал, будто лязгнул меч:

— Сэр Ричард!.. Я рад, что вы вернулись.

— Не сглазь, — сказал я.

Мартин торопливо поплевал через плечо.

— Что вы, сэр! Здесь все на вас молятся с тех пор, как вы

сумели защитить леди Дженнифер и вообще герцогство от короля.

Я насторожился.

— А что об этом знают?

— Ничего определенного, — ответил он и посмотрел мне прямо в глаза, — но всем понятно, с чем король прибыл. И все слышали, что король намеревался выдать леди Дженнифер за одного из своих придворных, тем самым прибрать к рукам этот замок, а затем и герцогство. И все рассказывают друг другу, как вы заявили, что здесь хозяин вы, и только вы решаете, за кого пойдет ваша сестра!

— Гм, — сказал я, — ладно, этого достаточно.

— Да, — согласился он, — всем этого достаточно. Что дальше случилось, никто не знает, но король спешно отбыл среди ночи! Проще говоря, бежал. Так что на вас смотрят, как на самого сильного и надежного защитника.

— Ладно, — сказал я. — Ты, как понимаю, короля не очень любишь?

Он сказал пылко:

— Ненавижу! После того, как он хотел насильно выдать леди Дженнифер за своего слугу, хотел отобрать у нас герцогство...

— Хорошо, — прервал я. — Хорошо, Мартин. Ты как раз мне и поможешь. Дело деликатное.

Он сказал с готовностью:

— Располагайте мною, сэр Ричард! Моя жизнь, честь и все мое — в вашем распоряжении!

— Мне нужно отлучиться из замка, — объяснил я. — Ненадолго, но все-таки... А с леди Элинор насчет тебя я сам улажу.

Он гордо выпрямился.

— Сэр Ричард! С момента вашего появления, в отсутствие герцога, — вы здесь главный! Пока вы здесь, я выполняю указания леди Элинор, если только ее указания не противоречат вашим!

— Спасибо, Мартин. Постараюсь не слишком уж пользоваться своими полномочиями. Леди Элинор ведет себя достаточно... корректно. Характер у нее еще тот, стервозный, но

герцога она любит, а это многое искупает. Кстати, Уэстефорд еще жив?

Мартин отмахнулся.

— Маги живут долго. Уэстефорд еще поскрипит, поскрипит! Ему тут нравится. Там он был под началом леди Элинор, а здесь остался единственным магом. Герцог не хочет, чтобы она занималась волшебством, потому леди Элинор с Уэстефордом даже не общается. Он и рад, конечно.

— Отлично, — сказал я с удовлетворением. — Отлично. Я загляну к нему сейчас... Маги, как я знаю, все имеют великолепные карты. Предыдущие маги герцога... как их...

— Вегеций и Жофр, — подсказал Мартин.

— Ага, они эти карты прямо из воздуха вынимали.

— Фокусы!

— Конечно, — согласился я. — Пыль в глаза. Карты просто так не делаются. Но главное, что они у них есть. Я постараюсь добыть самую подробную...

Он смотрел со всем вниманием и ожиданием.

— А что делать мне, сэр?

— Ты знаешь, — напомнил я, — почти все города королевства. Знаешь дороги, мосты... Представь себе, что ведешь огромную армию и желаешь избежать кровопролития, но в то же время — захватить все королевство Кейдана! Как бы ты это сделал?

Он охнул, глаза округлились. Я молчал, он смотрел долго, наконец сделал глубокий вздох, снова судорожно вздохнул.

— Сэр Ричард... Это... реально? Неужели король Барбаросса мечтает... вторгнуться сюда?

Я покачал головой.

— Барбаросса — нет. Мартин, ты говоришь с коннетаблем королевства Фоссано и гроссграфом Армландии. Армландия — это часть Фоссано, но по сути отделилась от королевства. Я, можно сказать, единоличный ее правитель.

Он вздохнул с еще большим шумом. Глаза были круглые, как у большой совы, а на лице проступало сильнейшее потрясение.

— Сэр Ричард... если это ваша затея, то я даже поверю, что как-то ухитритесь перебросить сюда войско.

— Большое, — подтвердил я. — Намного более опытное

и боеспособное, чем у Кейдана. Поменьше размерами, но с большим воинским опытом. Кейдан привык, что отгорожен Хребтом от всего мира, а с моря никто еще не нападал... Так что сил Армландии вполне достаточно для моей задумки. Плюс — фактор внезапности. Просто я хочу вообще избежать даже малейшего сопротивления!

Он слушал, наконец кивнул, на лице появилось выражение заботливого хозяйственника.

— Ну да, кто ж свою скотину просто так режет? Если удастся захватить, то это вы будете править королевством?

Я помотал головой.

— Нет. Ни за что.

Он вскинул брови.

— Почему?

Я развел руками, сам ощутил, что избегаю смотреть ему в глаза, а голос становится козляще-дребезжащим:

— Я не хочу отвечать за всю ту срань, что в королевстве. Я вообще не люблю ни за что отвечать, если честно! Только когда уж совсем припрут рогатиной к стене.

Он спросил неуверенно:

— Но вы же могли бы поправить эту... ну, это... в смысле, убраться...

Я сказал злобно:

— Я что, конюх? По ту сторону Хребта на мою голову свалилась Армландия, и то уже хребет трещит, в глазах темно! Кто кому на ногу наступит, а я уже чувствую себя виноватым. Нет уж, нет уж... Я просто хочу обезопаситься от козней короля Кейдана. Как угодно. Пока я вижу только один способ: ввести сюда свои войска и держать все под контролем.

Он наконец кивнул, на лице понимание, сказал другим голосом:

— Сэр Ричард, я подготовлю все сведения по гарнизонам, родам войск, ключевым крепостям. И всем дорогам. Только, простите...

— Да?

Он произнес голосом опытного и много повидавшего человека:

— Вам не удастся спихнуть это королевство на кого-то еще.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Если престолонаследие, то король может быть любым, но если кто-то захватывает трон и власть, этот человек должен уметь эту власть удержать. Вы — сумеете. Другие — сомневаюсь.

Я снова спросил:

— Почему?

Он развел руками.

— У Кейдана осталось меньше трети королевства под его рукой.

— А остальное?

— Под властью варваров, — сообщил он хмуро. — Да еще несколько лордов, что и варваров к себе не подпускают, и Кейдану перестали подчиняться. Все об этом знают, но помалкивают. Так что быть здесь королем — непросто. И вам не избежать... разгребывания.

Я сказал угрюмо:

— Спасибо, утешил. А почему лордов подчинить не может?

— У них сильные маги, — ответил Мартин сумрачно. — То ли через океан им привезли, то ли сами где-то добыли... Но Кейдан даже не пытается их подчинить.

— Ну тогда и я не буду, — решил я. — Пусть так и живут, сепаратисты. Лишь бы сами не нападали.

Глава 5

После разговора с Мартином я прошелся по залам, коридорам, поднялся на башни, как и обещал Элинор. Странно, нигде ни кошки. Герцог, как настоящий мужчина, кошек терпеть не может, а леди Элинор, как помню, всегда была окружена кошками. Интересный момент, не знаю пока, как его истолковать: то ли герцог настоял на своем, то ли леди Элинор сама пошла навстречу заблаговременно, зная его вкусы, а герцог даже не знает, какую она принесла жертву.

Воины салютовали с неподдельным восторгом, это заметно, что ликуют искренне. Всегда надежнее, когда с ними

тот, кто уже успел проявить себя сильным вожаком. Такой и своих людей не губит зря, и чужих обдирает по праву войны, как медведь липку.

На меня смотрят так, что хрен здесь отлежишься, назагораешься, оттянешься.

— Подтяните брюха, — посоветовал я. — У меня не поспишь на службе! И вообще я вам устрою веселую жизнь...

Только ребенку может показаться странным, что крохотная Армландия может захватить громадное королевство Кейдана. Но я хорошо помню из школьных уроков, что викинги, называемые на Западе норманнами, нападали в Европе и Африке на берега и захватывали территории намного большие, чем те бедные северные клочья земли, откуда эти норманны вышли. К примеру, Сицилия в сотни раз больше островка, откуда они приплыли и захватили все, а во Франции мгновенно завоевали огромнейшую область и назвали ее Нормандией. Всех викингов сделали графами, баронами и виконтами, так как соотношение захватчиков и покоренных было один к тысяче, если не больше.

Прошло некоторое время, норманнский герцог Вильгельм, уже сменивший норманнский язык на французский, переплывает с небольшим войском Ла-Манш, вторгается в Англию и, разбив войска саксов, устанавливает над Англией господство норманнов, от которого Англия так и не освободилась. Разве что за двести лет норманнский язык из-за малочисленности самих норманнов постепенно заменился простонародным английским, впитав великое множество французских слов. Герцог Вильгельм, получивший прозвище Завоеватель, после захвата Англии провозгласил себя ее королем, и никто не пикнул, ибо так и было. Получилось, что, как герцог, он — подданный короля Франции, но в то же время этот герцог правит землями, что не уступают Франции ни по территории, ни по ресурсам.

Потом это образование, Англия, завоевала и правила Индией, что во много раз больше Англии, кроме того, Англия завоевала еще полмира, начиная с Австралии, Новой Зеландии и прочих-прочих, да одна только Америка чего стоит! Так что ничего удивительного, если я, гроссграф, стал бы од-

новременно и здесь королем... если бы я оказался настолько жаден и глуп.

В обширной лаборатории, заставленной колбами, тиглями и прочими принадлежностями больше алхимика, чем мага, передвигалась вдоль полок высокая фигура. Уэстефорд все в том же синем остроконечном колпаке, поля как у сомбреро, мантия краями подметает пол, тоже ярко-синяя.

Он еще не видел меня и не слышал, оглушенный бульканьем в колбах, я с удовольствием рассматривал его картинную и роскошнейшую бороду, что покрывает не только грудь, но даже плечи. Лицо розовое, как на морозе, брови огромные и снежно-белые...

Я кашлянул, он испуганно обернулся. Я шутливо поклонился, он всмотрелся, всплеснул руками:

— Сэр... Ричард? Или глаза меня обманывают?

— Ничуть, — сказал я. — Говорил же я, что вернусь? Вот и вернулся.

Вообще-то не помню, что я тогда говорил, но это и не важно, всегда важнее, что говоришь в данный момент. Я улыбался и говорил уверенно и успокаивающе. Я здесь, так что все будет в порядке.

Он суетливо поспешил мне навстречу.

— Сэр Ричард, присядьте, пожалуйста! Вот сюда... или сюда.

Я отмахнулся.

— Я ненадолго. Дорогой Уэстефорд, мне нужна самая что ни есть подробная карта королевства.

Он вскинул брови.

— Зачем?

Я предостерегающе улыбнулся.

— Просто изволю.

Он спохватился, отвесил неуклюжий поклон.

— Ох, простите, сэр Ричард! Я так давно не общался с благородными людьми. Да-да, все для вас будет. Карта? Конечно-конечно... У меня есть карты с отметками всех странных находок, карты с местами, где живут опасные чудовища, карты с предполагаемыми закопанными сокровищами... Вам какую?

— Просто подробную карту, — сказал я терпеливо. — Со

всеми городами, дорогами, мостами, а если мостов нет, то указателями бродов или местами для переправы.

Он взглянул на меня остро.

— О, вам нужна именно такая карта?

— Уэстефорд, — сказал я ровным голосом, — а помнишь, я уничтожил обоих магов здесь в крепости?.. А тебя велел забрать из замка леди Элинора, а потом его стер с земли?

Он торопливо поклонился.

— Я бесконечно благодарен вам за вашу доброту. Сейчас я сделаю вам карту...

Я терпеливо ждал, пока он бормотал, поводил руками в воздухе и бросал в раскаленный тигель щепотки трав. Наконец вспыхнул и тут же погас огонь, Уэстефорд протянул в пепел руку и вытащил большой рулон пергамента.

— Больно старая, — сказал я с сомнением.

Он сказал поспешно:

— Это пергамент старый. Для солидности. А данные на нем самые новые.

— Благодарю, — сказал я.

Он проводил меня до двери, правой рукой опирался на свой посох, весь такой простой и бесхитростный, только в навершии безобразно огромный рубин, который даже император восхотел бы иметь в своей сокровищнице.

Я нес рулон под рукой, Уэстефорд кланялся, вспомнил наконец- то, какой бурей я прошелся здесь года полтора тому.

— Вы к нам надолго? — спросил он и добавил поспешно: — Если, конечно, я могу осмелиться поинтересоваться...

— Пока ненадолго, — успокоил я, — однако еще появлюсь. Еще как появлюсь!

Перед отъездом я заглянул в местную церквушку. Отец Велизарий все такой же худой, изможденный постами и ночными бдениями, но держится прямо, лицо бесстрашное, взгляд прямой и вопрошающий.

— Благословите, святой отец, — сказал я.

Он приблизился, всмотрелся и ахнул.

— Сэр Ричард!

— Узнали? — спросил я весело. — А помните, как мы бедного элементаря спасали?

Он коротко усмехнулся, словно я напомнил нечто весело-непристойное из нашей непутевой юности.

— Помню... Долго я потом думал, не нарушил ли я библейские заповеди. Умеете вы задавать непростые задачи, сэр Ричард!.. С чем пришли?

— С хорошими новостями, — заверил я.

— Правда? А то меня уже трясет от одного вашего вида.

— Хорошими, в самом деле хорошими, — сказал я. — Церковной литературы вам подбросим, присмотрим площадку, чтобы вы могли то ли сами обучать грамоте местных детишек, то ли руководить этим процессом.

Он смотрел в недоумении.

— Обучать? Грамоте?.. Зачем?

— Вы рассуждаете, словно колдун какой, — упрекнул я. — Это они за элитность образования. Они — белые и благородные, а все остальные — было тупое.

Он сказал виновато:

— Да, вы правы, все мы дети Христовы. Я просто не знаю, чем вы помочь можете, но я готов... да, готов, сын мой.

— Договорились, — сказал я. — Отец Велизарий, я на вас рассчитываю!

Обратно к Хребту я пронесся, словно черный метеор, нигде не заметил никого поблизости, место в самом деле дикое, нагнулся с коня и постучал по камню рукоятью молота.

Через минуту глыбы задвигались, образовалась темная яма, расширилась. Я соскочил на землю, Бобик проскочил первым, Зайчик пригнул голову и почти вполз за мной, а рабочие сразу же за нашими спинами торопливо заложили вход камнями.

Выбравшись из тоннеля, я созвал командиров прибывших отрядов. За эти два дня, которые я провел в герцогстве Брабант, подошли войска трех баронов, двух графов и беститльного, но владетельного лорда Уолтера Мэнни с его пятьюстами рыцарями и двумя тысячами пеших, но хорошо вооруженных и обученных солдат.

— Скоро, — заверил я. — Очень скоро!.. Все вы будете иметь возможность совершить великие подвиги, увенчать се-

бя славой, а также получить немалые материальные выгоды. Правда, необходимость новых методов войны принуждает меня несколько отойти от старых схем...

Лорд Уолтер Мэнни поинтересовался с осторожностью:

— А какие новые?

— Знатность рода учитывается лишь на пирах, — объяснил я. — А когда начнется вторжение через тоннель на ту сторону, вы все будете подчинены доблестному и опытному военачальнику, сэру Будакеру!

Уолтер Мэнни, судя по его лицу, ничуть не против, но графы поморщились. Я посмотрел на них строго, они промолчали. Ничего, когда все пойдет хорошо, тоже бурчать перестанут.

Зато если я потерплю поражение, разорвут и меня, и Будакера.

Зеленая и почти плоская равнина с редкими кустиками, в стороне угрюмый лес, синее небо с причудливо изогнутым облаком, даже я увидел в нем такое отчетливое очертание исполинского красного дракона, что захотелось перекреститься и пробормотать имя Божье.

Дорога все больше сдвигалась к лесу, наконец вдали возникло сияние, словно заблестал град Божий: янтарная крепость под лучами заходящего солнца выглядит небесным видением.

Из груди моей вырвался такой горестный вздох облегчения, что даже Бобик услышал и подбежал, на бегу поглядывая обеспокоенно и заинтересованно.

— Мы дома, — крикнул я. — Какое это счастье... возвращаться!

Бобик заулыбался, Зайчик ржанул и пошел быстрее. Лоралея, простучало у меня сердце. Лоралея встретит, обнимет, прижмется всем телом, ласковая и счастливая, что я есть, что вернулся, что снова с нею...

Настоящая женщина, что с великой неохотой отпускает мужчину, но в то же время понимает, что он перестанет быть мужчиной, если слишком долго будет оставаться возле ее юбки. Зато как она радуется, каким божественным ликую-

щим светом загораются ее глаза, когда видит, как я на полном ходу влетаю в крепость, когда бегу к ней...

Как она сама светится счастьем, когда бросается мне навстречу!

Солнце опустилось за стену крепости, когда я на скаку затормозил Зайчика перед воротами. Массивные, огромные, они и выглядят несокрушимыми, как меня уверяли, никакой таран их не прошибет, а от огня защищены листами железа, набитого в три слоя.

Со стены прокричали, створки медленно раздвинулись, Зайчик влетел во двор. Бобик весело понесся собирать дань на кухню, я не успел слезть на землю, смутно удивляясь слишком большому числу вооруженных людей.

Ко мне подбежали несколько рыцарей. Один прокричал отчаянным голосом:

— Сэр Ричард! Как хорошо, что вы вернулись!

— Что случилось? — вскрикнул я, сердце тревожно затрепыхалось. — Что случилось?

Расталкивая рыцарей, ко мне протолкался Макс, бледный, с большой кровавой царапиной на щеке.

— Сэр Ричард, — вскрикнул он, мука прозвучала в его голосе. — Граф Ришар!..

— Что? — вскрикнул я в ужасе. — Он что... не с нами?

Он покачал головой, все виновато потупили головы, я видел, как стараются не встречаться со мной взглядами. Только Макс заставил себя смотреть мне в лицо, хотя я видел, что и ему это непросто.

— Он руководил отрядом, — сказал он хриплым голосом. — Колдуны свалили весь отряд сэра Норберта... а воины схватили леди Лоралею. Она кричала и отбивалась, но они силой забросили ее на коня, окружили и... умчались.

Мир потемнел у меня перед глазами и покачнулся. В ушах зазвенело, я как издали услышал свой сиплый голос:

— Как... они смогли? Леди выезжала за пределы крепости?

— Да, — ответил он убито. — У вас не осталось противников, все знали. А леди Лоралея очень искусна в лечении. Она взялась обучать наших женщин в крепости, а для этого нужно много трав... ее охраняло восемь человек, а сам сэр Норберт всегда ехал впереди с обнаженным мечом в руке!

- Где он?
- Пока в беспамятстве...
- Что с ним?

— Он боролся с наваждением, даже вступил в схватку с похитителями. Так долго не поддавался чарам, что его трижды ранили, но он убил одного. Потом его ударили по голове, сейчас он при смерти.

У меня был сильнейший импульс повернуть коня и броситься в погоню за похитителями. Хотя их не догнать: граф Ришар явно всех посадил на своих знаменитых скакунов.

- Когда это было?

— Трое суток тому, — ответил он упавшим голосом. — Мы сразу отправили гонца к вам, но он на строительстве Тоннеля вас не нашел. И никто не мог сказать ему, куда вы уехали...

Я спрыгнул на землю, в голове снова потемнело, я ухватился за седло, переживая головокружение.

- Погоню отправили?

— Выслали сразу же! — поклялся он. — Лучших из лучших!.. Сперва сами, а потом барон Альбрехт велел срочно отобрать сотню всадников на легких конях!

Барон, мелькнуло у меня в голове, это хорошо. Барон, как бультерьер, во что вцепится, так просто челюсти не разожмет.

- И что барон?
- Еще не вернулся, — ответил он испуганно.
- Что, он лично повел отряд?
- Да! Сказал, что это теперь дело чести.

Я проскрипел зубами. Да уж, это дело чести и так просто не закончится. Это в самом деле вызов моей власти, а не просто один мужик у другого отбил любовницу. Султаны за такие дела в котле с маслом варили на медленном огне, а фараоны жукам заживо скармливали.

— Пойдемте в зал, — проговорил я наконец. — На этот раз все очень серьезно. Намного серьезнее, чем раньше.

Они двигались, молчаливые и притихшие, как плотная металлическая стена вокруг меня. Словно уstraшенные потерей Лоралеи, старались хотя бы меня защитить своими телами в стальных доспехах.

— Сэр Норберт где?

— Вон там, — ответил Макс робко, но с надеждой.

Норберт еще дышит, но в лице ни кровинки, весь перетянут пропитанными кровью тряпками. Он не узнал меня, я приложил ладонь к его груди, холодок поднялся по кисти почти до локтя.

Дыхание его сразу стало ровнее. Я не хотел, чтобы он открыл глаза и увидел своего сюзерена, чувство вины прикончит, повернулся и торопливо вышел. Остальные, как стальные овцы, гремя и стуча металлом, поспешили следом.

Глава 6

В большом зале горят все светильники, но впервые нет вина, слуги не спешат заносить блюда. Даже сэр Растер не оглядывается в поисках выпивки, хмурый и встревоженный, сопит и чешет затылок. Граф Ришар известен как прекрасный военачальник, герой многих войн, им восторгаются рыцари, а молодежь стремится быть на него похожей. Начинать с ним тягаться... неизвестно на чьей стороне окажутся симпатии рыцарей Армландии.

Я исподлобья осматривал собравшихся рыцарей. Даже отец Дитрих явился и сидит тихий и задумчивый рядом с Асмером и Бернардом. Чуть дальше по-прежнему тесной группой держатся Зигфрид, Тюрингем и Ульман, прибывшие из Амальфи. Печальный и очень виноватый Макс, он всегда любое мое поражение принимает как собственное...

— Случайно ли, — спросил я, — граф Ришар лично возглавил группу похитителей?

Сэр Растер закричал, повернулся в мою сторону всем телом.

— Граф Ришар ничего случайно не делает.

— Значит...

— Он дает всем понять, — буркнул Растер, — что все очень серьезно. И что он действует по-рыцарски в открытую. — Сэр Растер покачал головой: — Нет, здесь иное.

— Что? — спросил я.

Он прорычал:

— Он дает возможность... ничего не делать.

— Устрашиться?

Он помялся, слишком для него сложное умозаключение, но барона Альбрехта, который во всех сложностях как рыба в воде, нет, сказал уже с неловкостью в голосе:

— Не совсем, но... Не знай мы похитителей, мы бы точно пустились в погоню. Но зная, что это сам граф Ришар, мы... ну, не то чтобы так уж уstraшились, рыцарей сам дьявол во плоти не уstraшит, но должны бы сперва... хотя бы подумать и заколебаться... так мог предположить граф.

Я молчал, Растер говорит верно, хоть и недоговаривает. Рыцари в самом деле могли подумать, что не стоит из-за такой малости, как женщина, ссориться с могущественным графом, самым влиятельным лордом Армландии и самым известным полководцем. Да и я еще слишком нетвердо сижу на троне гроссграфа, чтобы начать борьбу с героем многих сражений, кумиром рыцарства Армландии.

— Граф Ришар, — произнес я медленно, — поступил нехорошо. Мне с детства внушали: хочешь уважения — не начинай с оскорбления. Граф Ришар меня оскорбил... Я понимаю, что когда у меня столько дел... Если бы граф знал, какие великие дела нам предстоят, он наверняка действовал бы еще увереннее.

На меня смотрели серьезно и с немymi вопросами в глазах. Сэр Жоффруа де Шарни, что впервые присутствует на таком совете, спросил негромко:

— Сэр Ричард, я слышал... начинаются какие-то непонятные передвижения войск...

Я посмотрел на него очень внимательно.

— А что вас тревожит?

Он заметно смехался.

— Да ничего...

— Ну и хорошо, — произнес я со значением в голосе. — В самом деле, ничего необычного не происходит. Передвижения войск происходят по заранее разработанному плану. Скоро все прояснится.

Он сказал с виноватой ноткой:

— Да я просто... вы сказали о великих делах! Вот я и подумал...

— Вы правильно подумали, — сказал я. — Правильно. Но вслух пока поговорим о том, как реагировать на поступок графа Ришара. Мне брошен вызов. Как рыцарь я, понятно, должен вскочить на коня и мчаться к его замку, чтобы его или своей кровью смыть обиду. Но, как гроссграф, я обязан действовать более расчетливо.

Отец Дитрих впервые нарушил молчание:

— Сын мой, сперва реши, должен ли ты вообще действовать? Возможно, лучше оставить все как есть. Господь сам накажет дерзкого.

Я поморщился.

— Не сомневаюсь. Но Господь слишком милостив, и потому наказывать ослушников своей воли он поручил вам, святой инквизиции, и нам — рыцарям.

Сэр Растер проворчал:

— Вообще-то он украл не у сэра Ричарда, а у гроссграфа Армландии. Если такое стерпеть, то не будет ли в этом ущерба для чести и достоинства власти?

— Достойной власти такое ущерба не нанесет, — возразил отец Дитрих.

Растер что-то буркнул, но смолчал. Я сказал невесело:

— Так то достойной. В смысле, солидной, мудрой, старой, осторожной... Но я — рыцарь! И живу, кстати, в рыцарском мире.

Отец Дитрих вздохнул, но смолчал, как и Растер. Я провел взглядом по лицам — смотрят серьезно, но помалкивают. Сердце начало стучать чаще, да что со мной, я же чувствую поддержку, они же такие, как и я, мудрость мудростью, но при оскорблении кровь вскипает, тогда не смотришь, кто тебя оскорбил, просто даешь сдачи...

— Завтра с утра я выеду по следам, — сообщил я. — У графа Ришара три замка, но, полагаю, увезет похищенную женщину в наиболее защищенный.

— Замок Олбрайт, — сказал Растер уверенно.

Некоторые кивали, по лицам я видел, что мысленно сравнивают, оценивают, только Макс сказал с неуверенностью:

— Однако его замок Сиреневый мыс ближе к землям сэра Карлейля и баронета Томсона...

— И что?

— Там его союзники и друзья.

Растер громыхнул:

— Но они принесли присягу верности сэру Ричарду!

— Тогда в Олбрайт, — согласился Макс. — Да, в Олбрайт.

— Я отправлюсь туда, — сообщил я. — Посмотрю обстановку на месте. Сэр Растер, сэр Макс и вы, сэр Жоффруа, поднимайте свои отряды и незамедлительно направляйтесь к замку Олбрайт. Граф Ришар должен увидеть, что я отнесся к его поступку очень серьезно.

Я говорил медленно, четко роняя слова, хотя из меня рвался крик насчет того, что всех там убью, разорю, сровню с землей, не позволю, они все узнают, так не оставлю, меня запомнят, содрогнутся, никто больше и не пикнет, но душивший меня гнев под прессом, я вовремя заменял жесткие формулировки и эмоциональные выкрики на холодные ровные фразы. Может быть, даже чересчур ровные и холодные, перехватил внимательный взгляд отца Дитриха и озадаченный Растера.

Первым вскочил Макс, весь из себя сочувствие, участие и преданность.

— Сэр Ричард! С вашего разрешения я пойду прямо сейчас поднимать свой отряд.

Я кивнул.

— Иди. Бери всех. Даже пеших.

Он поклонился и вскочил за дверь. Слышно было, как в коридоре перешел на торопливый бег. Рыцари переглядывались, поднялся Жоффруа и тоже сказал быстро:

— Сэр Ричард, мне все понятно. Пойду собирать своих рыцарей. И кнехтов, там все понадобятся.

Я отпустил его кивком, повернулся к оставшимся.

— Благородный человек превыше всего почитает долг. Но благородный, наделенный отвагой, однако не ведающий долга, может стать мятежником. Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может пуститься в разбой. Граф Ришар — благородный человек, и отвага у него в крови. Но он предпочел забыть о долге... Что ж, напомним.

Растер поднялся и прорычал:

— Своеволие следует гасить скорее, чем пожар!

Я повернулся и вышел, но успел услышать, как отец Дитрих сказал в пространство грустно:

— Лишь глупцы называют своеволие свободой. Но кто из нас не глупец?

Бобик шел по следу уверенно, ни разу не прыгнул в сторону за выпорхнувшей из кустов или высокой травы птицей и даже не повел глазом на пасшихся на опушке леса диких свиней.

Зайчик ускорял бег, как только оказывались на ровном, где ни ветка не сорвет мне голову, ни резкий поворот не выбросит из седла. Я зарывался в гриву, прикидываться не перед кем, я чувствовал, как лицо искажает ярость, губы дрожат от обиды, всего трясет, словно подхватил лихорадку.

В сторонке простучали копыта, я в удивлении скосил глаза. Параллельно нам, медленно сближаясь, идет на прекрасном жеребце красивый всадник. Бобик оглянулся на него, но, почему-то не заинтересовавшись, помчался вперед.

Он начал было приветливо улыбаться, рука потянулась за шляпой для приветствия, но улыбка замерзла, как только узнал меня.

Я помахал ему рукой.

— Приветствую, сэр Гуингнем!

Он опешил, но ответил несколько напряженно:

— Приветствую, сэр Ричард...

Он смотрел пытливо, стараясь понять, сообразил я уже, кто он на самом деле, или же настолько туп, что так и не понял, а я, чтобы помочь ему, сказал легко:

— И что вам там в аду не сидится?.. Тепло, сухо...

Он помолчал, глаза стали темными, а черты лица заострились. После короткой паузы с натугой улыбнулся.

— Тепло, скорее — жарко. А кто вы, сэр Ричард?

— Сэр Ричард, — ответил я. — Гроссграф Армландии.

Он качнул головой в рогатом шлеме.

— Если понимаете, кто я, то почему не убегаете в страхе?

Я ухмыльнулся.

— Вы ведь не трогаете тех, кто едет в одиночку?

— Все равно, — произнес он, я уловил в его голосе замешательство. — Как-то странно себя ведете.

— В чем?

Он пожал плечами.

— Просто странно. Другие ведут себя иначе.

— Я не другие, — возразил я, несмотря на общую раздраженность и подавленность, достаточно самодовольно.

Он спросил напряженно:

— Может быть, вы тоже... из дальней эпохи?

— Это точно, — согласился я. — А как вы здесь оказались?

Он развел руками.

— Я не знаю. Я был человеком и... вроде бы им остался. И в то же время что-то во мне есть от нечеловека. Наверное, это плата? Я редко бываю хозяином самому себе. Иногда я как бы исчезаю... а потом появляюсь, когда здесь зима. Или исчезаю зимой, а появляюсь снова летом. И не знаю, только лишь весну пропустил или же много лет проскочило...

— А каков был мир, — спросил я жадно, — когда вы еще были... человеком? Полностью?

Он покосился на меня, как почудилось, с глубокой жалостью.

— Мир был совсем другим. Вы даже представить его не можете... Но это не был ни ад, ни рай.

Он вдруг прервал себя на полуслове, лицо дико исказилось, а глаза начали выпучиваться. Я ощутил холодок страха, голос сэра Гуингнема перешел в свистящий шепот:

— Сэр Ричард... убегайте... немедленно...

— В чем дело?

— Я не могу... Нечто во мне...

Я сказал Зайчику:

— Быстро за ближайшую реку!

Сэр Гуингнем покачнулся и упал с коня, я догадался, что сделал это намеренно, давая мне лишние секунды. Зайчик сделал гигантский прыжок, земля загрохотала под его копытами. За спиной раздался пронзительный визг. Невольно оглянувшись, я увидел, как за мной несется частыми прыжками

мускулистое животное, лохмотья ярко-красного камзола срывает и уносит ветром.

Мы догнали Бобика, тот сперва отстал от неожиданности, я страшился, что бросится на человеко-демона, однако Бобик снова странно не обращал на него внимания, хотя явно видит, и так мы пронеслись несколько миль, пока погоня исчезла.

Я вспомнил, что под брюхом Зайчика мелькнула узкая полоска воды, то ли ручей, то ли крохотная речушка, но, увы, зато потеряли след...

Глава 7

Крепость Олбрайт, собственность графа Ришара, оказалась вдали, почти на линии горизонта, и я ощутил, что впечатлен ее расположением и размерами, заметными даже отсюда.

Бобик довольно суетился, он же молодец, нашел след быстро, ну, скажи, что он умница, замечательный, что ты только о себе такое, я же тоже просто чудо, посмотри какая шерсть, какие уши...

— Молодец, — сказал я, не отрывая взгляда от крепости, — конечно, молодец и чудо толстое... Ладно, не толстое, а упитанное...

Рассматривая крепость, я едва не пропустил конный разъезд. Они поспешно подали коней с дороги, продолжая махать руками и что-то выкрикивать.

Я повернул коня, ко мне осторожно приблизилось двое всадников на легких конях, я узнал разведчиков сэра Норберта.

— Сэр Ричард, — торопливо отрапортовал один, — мы перекрыли все дороги!

Я собрался с силами, нужно держаться спокойно и достойно, я же гроссграф, а это значит — на людях всегда в маске.

— Каким образом? Сил у вас не совсем...

Разведчик чуть смешался, но сказал еще быстрее:

— Нет, остановить большие отряды не можем, но хотя бы знаем, кто проехал в замок!

— А кто проехал?

— Граф Трояндер, — отрапортовал он, — барон фон Кра-таурвиц, виконт Бубервиль, а также несколько владетельных сеньоров. Все со своими отрядами. Барон Альбрехт велел нам не вступать в схватки.

— Разумно, — буркнул я. — Разобьют легко, потом будут похваляться победами над самим гроссграфом. Где барон Альбрехт?

— Следуйте за мной.

Барон Альбрехт расположился в небольшой роще напротив крепости. Между ними с полмили, достаточно, чтобы избежать внезапного нападения, в то же время удобно наблюдать за воротами, оставаясь незамеченным.

— Граф де Ришар, — сообщил он мрачно. — Лично. Честно говоря, я не ожидал такого удара под дыхалку. Думал, опять кому-то помогает.

— Как в прошлый раз? — спросил я.

Он кивнул.

— Да. Это он снабдил графа Арлинга своими конями. Потому те так легко оторвались от погони.

— Леди Лоралея давно здесь?

— Трое суток, — ответил он и опустил глаза. — Что делать, хоть мы и неслись во весь опор, но только сегодня утром прибыли... А они этот путь проделали за полдня. Если не меньше.

Я кивнул.

— Да, граф Ришар использовал свой главный козырь. Надеюсь, он у него и единственный.

Барон посмотрел на меня с сомнением.

— Думаете? Граф очень предусмотрительный и осторожный человек. Все его победы приписывают только беспримерной отваге, но это мнение оставим сэру Растеру. На самом деле граф готовился ко всем сражениям всегда очень тщательно. Уж я-то знаю.

Я умолк, барон деликатно не торопил с ответом. Растер бы уже предложил напасть и сокрушить, сломать рога, сжечь, разорить, ограбить, изнасиловать, вывезти все ценное, сровнять с землей, но сейчас случай явно не тот, нет смысла даже

рассматривать варианты прямого нападения небольшим отрядом.

— Леди Лоралея уже в его замке, — ответил я зло. — Так что достать ее не просто. К тому же граф спонсировал прошлое похищение, так что знает мои старые методы... в смысле, выкрасть не получится.

— Приведете войско? — спросил он и поморщился.

Я ответил прямым жестким взглядом.

— Я перед отъездом уже отдал все необходимые... да, распоряжения.

— Ох, — вырвалось у него.

— Надо, — ответил я жестко, хотя в душе шевельнулись протест и некое смутное ощущение, что делаю нечто неверное. — Я не позволю!.. Мне плюнули в лицо! Я просто должен.

Он вздохнул, ответил нейтральным голосом:

— Как скажете, мой лорд.

— Барон, — сказал я раздраженно, — я хочу, чтобы вы были на моей стороне!

— Я на вашей, милорд.

— Вижу, — прорычал я, — как на моей... неужели не понимаете, что я не могу иначе!

Он развел руками.

— Простите, мой лорд, но не мне судить. Я старался не попадать в такую ситуацию.

— Вот-вот, — сказал я злобно. — Вы не представляете, барон, что у меня внутри! Я и так терплю, не даю вырваться этому вулкану, что готов сжечь полмира!

Он поклонился.

— Да. Гм... Ладно, будем действовать, раз уж другого выхода нет. Сейчас с мест поднялись лорды, которых вы созываете к Хребту. Надо подумать, как их использовать... В смысле, кое-кого стоит перехватить по дороге и повернуть сюда. Дескать, небольшая разминка перед Большим Вторжением.

Я посмотрел на него хмуро.

— Барон, что за Большое Вторжение?

Он вяло отмахнулся.

— Сэр Ричард, хватит. В смысле, хватит таиться так по-

детски. Все, кто знает о вашем Тоннеле... в смысле, что фактически уже прорыт, понимают, зачем стягиваете к нему войска.

— А если только для защиты от вторжения войск Кейдана? — спросил я.

— Хороший ответ, — похвалил он. — Только все понимают, что еще лучше, если противника вообще сюда не впускать. А если учесть, что другой конец выходит в герцогство Брабант... где вы прямой наследник, то еще удобнее укрепить нашими войсками само герцогство. Это настолько просто, что поймет даже... в общем, поймут.

— Расскажите о Ришаре, — попросил я. — Я знаю только, что он герой сражений и великий полководец. Но у меня о нем впечатление сложилось, как о неистовом рубаке, отважном и удачливом, за которым рыцари идут в огонь и в воду. Вы же говорите...

Он кивнул.

— Да, он великий полководец. Но, как уже говорил, человек очень осторожный и расчетливый. Что не исключает его личной храбрости, конечно. Такое редкое сочетание и позволило ему одерживать победу за победой... Сейчас он, можно сказать, занялся тем, чем всегда хотел заниматься: своими лошадьми.

— Кони у него удивительные, — пробормотал я.

— Да, — подтвердил барон. — Вообще-то у многих есть что-то редкое, вон у барона Кратаурвица живет говорящая птица, у виконта Бубервиля в замке появляется огненная ящерица и врачует его, когда виконт упивается до посинения. В замке Трояндера зимой всегда жарко, а летом — прохладно, так что камин там заросли паутиной. У сэра Терпуга в замке подвал, где раз в неделю появляется бочонок с прекрасным вином, а лорду Сен-Дени не требуются светильники, замок освещает себя сам... Однако вы правы, кони графа Ришара — самое заметное для всех...

Он говорил, я внимательно слушал, а в мозгу параллельно выстраивались в законченную мозаику разрозненные сведения. Граф Ришар — это не простоватый и честный сэр Растер, который весь на виду, у Ришара два лица: одно для публики, другое для зеркала. Зело хитер, как сказал бы отец

Дитрих, то есть действует чисто по Священному Писанию, там Христос сказал своим последователям: будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи. Когда ему предложили гроссграфство, предпочел остаться просто крупным и могущественным лордом, известным героем многих войн, который сейчас на покое занимается своими удивительными лошадьми.

Ощетиниваться он начал, когда увидел, что я даже не пытаюсь делать вид послушной куклы в руках сильных мира Армландии. Слабого гроссграфа, да хоть короля, без армии или с крохотной личной охраной с удовольствием держали бы на троне. Кланялись бы почтительно, клялись в верности, прекрасно сознавая, что в любой момент могут сместить и заменить другим. Это и есть свобода, как они считали, что вообще-то верно: человек должен зависеть только от законов, а не от рулевого у власти. Разница у нас только в том, что сэр Ришар и другие лорды людьми считают лишь себя, владетельное рыцарство, а я в людство включаю еще и третье сословие: купцов, старейшин-ремесленников, книжников...

Но для этого сперва придется сосредоточить максимум власти в своих руках, чтобы переход сделать быстрее и безболезненнее. Если рассуждать трезво, что мне сейчас никак не удастся, граф Ришар сыграл мне на руку: есть повод обрушиться на него со всей благородной яростью оскорбленного мужчины. Рыцарство меня поймет и простит некоторые шероховатости зачистки в первые дни после захвата владений Ришара.

Жаль только, что как раз рассуждать трезво и не удастся. У меня дрожат губы, прыгает нижняя челюсть, как только вспомню леди Лоралею, а сердце начинает колотиться, как озверевшая мышь в тесной клетке.

Барон Альбрехт с тремя всадниками ехал молча сзади, а я рассматривал приближающуюся крепость. Великий полководец мог бы обойтись вообще без стен, как вон спартанцы гордо отвечали, что их города защищает доблесть, а не стены, однако граф Ришар, как теперь знаю, человек осторожный и предусмотрительный.

Огромная и очень высокая крепость расположена на узком клине, с двух сторон пропасти, а с третьей бурная река с

отвесными берегами. Такую твердыню невозможно окружить, но у осажденных тоже нет шансов отступить.

Я внимательно рассматривал стены, возвышающиеся над ними крыши дворца, острые пики башен. Все продумано, все рассчитано, нигде мертвых зон или слепых пятен, все просматривается и простреливается, а пока выйдем ворота, можно положить целую армию.

— Я вернусь, — сообщил я, — встречу отряд Растера и тех, кто уже выступил из моей крепости. Вы пока следите за всем, что здесь происходит. Перехватывайте гонцов, но в бой не вступайте.

Барон поморщился.

— Рыцари устроятся выглядеть трусами.

— У них будет возможность показать себя, — заверил я. — Как только подойдут основные силы.

— Я постараюсь сдержать их, — сказал барон. — Постараюсь.

Войско под началом сэра Растера, Макса и сэра Жоффруа продвигалось настолько медленно, что я их встретил еще почти под стенами моей крепости. Растер собрался со всей основательностью: обоз из ста двадцати подвод, а также пять катапульт на телегах, будто намеревался осаждать графа Ришара несколько лет, не делая перерывы даже на зиму.

Обрадовавшись, он оставил основную часть на безропотного Макса и новичка Жоффруа, а мы поехали впереди крупного конного отряда, прикидывая разные варианты, как либо напасть врасплох, либо выманить графа из крепости. У нас будет настолько численное превосходство, что никакие воинские таланты Ришару и его союзникам не помогут.

— Да только выманить не получится, — вздохнул Растер. — Он потому и побеждал всегда, что не рисковал зазря.

— А как насчет безумной храбрости?

— Он храбр, — согласился Растер, — даже когда один к двум. Я знаю, он нападал и побеждал, когда противника войск было втрое больше! Но не когда один к десяти...

По земле быстро пронеслась широкая тень. В небе плыл, нечасто взмахивая длинными узкими крыльями, огромный

дракон, похожий на исполинскую змею. На землю почти не смотрел, мелкая голова на длинной шее вытянута вперед, держа перед немигающими глазами цель полета.

Сэр Растер сказал завистливо:

— Вот бы такого завалить!

— И что? — спросил я.

Он пробормотал, не отрывая взгляда от дракона:

— Потом можно и не вылезать из-за стола! Славы хватит на всю жизнь. Куда ни зайди, всяк будет вскакивать с чашей лучшего вина и бежать навстречу.

— Да, — сказал я саркастически, — это важно.

Растер проводил дракона задумчивым взглядом.

— Понятно, — сказал он, — почему появление такого дракона предвещает мор, войну и всякие беды...

— Почему?

— Дохнет огнем, — напомнил он, — будут трупы. Если не похоронить в такую жару быстро, начнется разложение, пойдет зараза... А сосед прежде всего думает о том, как захватить ослабленную землю. А ему постараются не дать это сделать другие соседи... Вот и война.

За драконом, сильно отстав, летит целая стая существ поменьше. На драконов не похожи, но и не птицы, а нечто вроде гигантских летучих мышей, только худые, а головы на тонких шеях...

— Гарпии! — воскликнул сэр Растер. Оглянувшись на меня: — Сэр Ричард, что делать будем?

— Мне только гарпий не хватает, — огрызнулся я. — Как и дракона! Ничего не будем делать. Может быть, у них сезонная миграция. Или, как лемминги, решили отыскать место поглубже и утопиться. Зачем мешать в таком хорошем деле?

— А если... не топить? полетели?

— Начнут тревожить, — отрезал я, — примем меры. Мне что, делать нечего, как за драконами гоняться? Я человек уже, можно сказать, солидный. Государственный деятель, а не бегатель за драконами.

— Ну да, — сказал Растер, — государственный... да еще и деятель! Слова-то какие поганые... раз идем отвоевывать женщину, то какие мы деятели? Мы мужчины! А это выше.

Дракон исчез, а за ним растворились в небе и гарпии.

Я невольно вернулся мыслями к Лоралее, хотя старался отвлечь себя чем угодно, а сэр Растер, вместо того, чтобы гоготать и рассказывать анекдоты про баб, с непривычной деликатностью оставил меня в покое.

Слева от дороги потянулось обширное кладбище, очень старое, почти заброшенное, хотя вот там дальше выглядывают среди деревьев крыши большого села.

Кладбище огорожено со всех четырех сторон, я рассмотрел блестящие искорки на острых, как наконечники пик, кончиках прутьев, удивился: село не выглядит богатым, а потратились на железную ограду.

Растер тоже поглядывал в ту сторону, суровое лицо не изменилось, но я уловил глубокое беспокойство ветерана.

— Остановимся на привал здесь? — спросил я.

Он сказал поспешно:

— Сэр Ричард, не мое дело давать советы столь славному и удачливому воину, но место нехорошее.

— Близко кладбище?

— Да. Здесь явно беспокойные покойники. И опасные.

— Чуете?

— Нет, вижу. Если покойник был нехорошим человеком или таким, от которого нужно ждать неприятностей, то вокруг могилы всегда строили железную ограду. Чтобы не выпустить дальше, если вдруг встанет и восхочет пошалить...

Я повернулся в седле, рассматривая кладбище. На ограду вокруг могил железа явно не хватило, слишком дорогое удовольствие для крестьян, зато собрали все железо вместе и поставили общую вокруг всего кладбища. Как известно, любая нечисть боится железа. Однако вон там видно, что оградку не то проломили, не то повалили. Ага, там и на общую ограду железа не хватило, поставили деревянную, а сверху насадили железные наконечники.

Нас догнали конные рыцари, поглядывали то на кладбище, то на меня. Я в раздражении махнул рукой.

— Дальше. Место здесь удобное, но дальше, как говорит сэр Растер, будет безопаснее.

Они приотстали, ожидая остальных, Растер пробормотал:

— Что дальше безопаснее, я не говорил, но здесь в самом деле совсем уж рискованно останавливаться даже днем.

— А там дальше?

— Там дальше гнезда виверн и норы с подземными угрями, но это не так страшно, как бродящие по ночам покойники. Мне проще сразиться с драконом, чем поднять руку на идущего ко мне отца, который умер, когда я был еще маленьким!

Глава 8

Неделю мы двигались вместе с войском. За это время я перехватил два крупных отряда моих вассалов, направлявшихся к Хребту. Я сообщил, что планы чуточку изменились, сперва займемся более привычным делом, а уж потом...

За несколько миль до крепости графа я не утерпел и пустил Зайчика в карьер. Растер пытался не отставать, я некоторое время слышал за спиной тяжелый топот его брабанта, затем он отдалился, а я вскоре услышал новые звуки: треск и глухие удары камня о камень.

Миновав лесок, я с удивлением обнаружил две дальнобойные катапульты. Вокруг каждой суетится целая команда, закладывая в ложку крупные камни, а чуть поодаль держится отряд копейщиков, готовых защищать орудия от вылазки из замка.

Катапульты бросают камни часто, что значит — скоро выйдут из строя. Очень ненадежные сооружения, каждый бросок тяжелого камня расшатывает, измочаливает деревянный брус, о который бьется ложка. Да и самую ложку придется менять часто, не говоря уже о ремнях, эти вообще на три-четыре выстрела...

После двадцати-тридцати бросков камня, каждый так это под центнер, катапульту приходится собирать заново, крепить и склеивать. Не говоря уже о том, что камнями крепостную стену продолбить просто невысказано. Даже если десяток катапульт станут бить в одну точку на стене, а такая прицельность просто невысказана. Стреляющие из катапульты только примерно могут сказать, куда полетит камень.

У барона Альбрехта вид таков, что все это время не поки-

дал седло: похудевший, осунувшийся, с серым как земля лицом. Он выехал навстречу, начал рассказывать, я оборвал:

— Спасибо, барон. Честно говоря, не ожидал, что вы для меня так много сделаете.

Он вяло отмахнулся, глаза смотрели почти враждебно.

— Это не для вас.

— Для Лоралеи?

— Для дела, — ответил он угрюмо. — Это удар по вашему престижу, сэр Ричард. Только сюзерен Армландии может владеть самой красивой женщиной! А если кто-то иной... то лишь по милости сюзерена. Здесь же у вас злостно выкрадывают женщину. Тем самым....

Я вздохнул и закончил:

— ...тем самым ставя под вопрос законность моих прав. Кстати, спасибо, что устроили им этот обстрел. Даже не спрашиваю, где вы достали эти катапульты! В замке прекрасно понимают, что из таких можем стрелять хоть сто лет. А у всех есть дела, и мое войско вскоре разбредется... Пока так думают, будут спокойно выжидать, ничего не предпринимая...

Барон возразил хмуро:

— А им ничего и не надо. Мы сами расшибем лбы.

— Или не расшибем, — ответил я. — Подумаем вместе. Что еще успели сделать?

— А я должен был?

— Не юлите, барон. Я же вас знаю.

Он хмуро ухмыльнулся.

— Послал гонцов к барону Варангу и маркизу Ангелхейму. Они ведут войска по соседним дорогам, вы ж им велели срочно двигаться к Тоннелю... то бишь Хребту, так как про Тоннель еще не знают. Думаю, охотно свернут сюда, чтобы заняться более привычным и приятным делом осады крепости.

— Спасибо, барон, — сказал я с чувством. — Я, правда, думал снова заняться партизанщиной, но, полагаю, гросс-графу несолидно лазить по стенам или деревьям, как мальчишка, что разоряет птичьи гнезда.

— Да-да, — согласился он, даже не напомнив, что я уже клялся вести себя солидно. — Конечно, демонстрация силы помогает больше. Все можно списать на удачливость, но против большого войска аргументов не находится.

Ночью случилась неприятность, которую я никак не ждал. Вместо того, чтобы спокойно наблюдать, как катапульты бесполезно стучат камнями в толстенную стену, граф Ришар в полночь открыл ворота, сам возглавил дерзкую вылазку, в результате которой изрубил и сжег обе катапульты, попутно истребив сонный отряд охраны.

Утром мы хмуро смотрели на черные головешки, кое-где еще поднимаются струйки жидкого дыма. Бобик бегал, вздымая тучи пепла, нюхал и громко чихал.

— Этот граф Ришар, — буркнул Альбрехт. — При всей осторожности и расчетливости... действовать умеет дерзко и умело.

Я сказал раздраженно:

— Да, наши припишут это безрассудной отваге графа. Но если у него все так красиво получилось, а ушел без потерь, то это точный расчет.

— Без потерь, — подтвердил барон невесело. — Правда, наши клянутся, что кого-то убили и многих ранили, но если это и так, они своих забрали, все выполнив и опозорив нас основательно.

— Гад, — сказал я.

— Еще какой, — согласился барон. — Мы здесь обломаем зубы.

— Сперва выйдем графу, — пообещал я, но особой уверенности в своих словах не услышал даже сам.

Опередив войско Растера, прибыл большой отряд легкой конницы, среди них я с радостью обнаружил Асмера и Бернарда. Оба обнялись со мной, вызвав не совсем дружелюбную зависть более именитых рыцарей.

Теперь я то и дело выезжал навстречу новым отрядам, указывал место, где разместиться. В этот раз вернулся, когда ворота замка медленно распахнулись, решетка начала подниматься, а мост неспешно лег на деревянные сваи по эту сторону рва.

Рыцари Растера первыми спохватились и начали запрыгивать на коней, что оставались под седлами, другие ринулись седлать, копейщики Макса по его команде дружно и слаженно выбежали вперед и, уткнув древки в землю, выставили остриями навстречу противнику.

Макс носился перед ними, выстраивая в две линии, оглядываясь, обнаженный меч уже в руке, прятаться за спинами своих людей не станет, как же, он рыцарь, должен красиво и с песней...

Зайчик понял меня без слов, ветер засвистел в ушах, через несколько мгновений я оказался шагов за двести до моста, едва не стоптав человек десять стрелков, что торопливо натягивали длинные луки.

Асмера я узнал сразу, у него все тот же огромный лук, выше своего роста, длинные стрелы из ясеня, а оперенье из крыла лебедя. Главное же, что наконечники из лучшей стали, которые он сам затачивает.

Первые всадники выметнулись из-под арки ворот с шумом и грохотом. Мост затрещал под крепкими копытами, рыцари несутся неудержимо, выставив перед собой длинные копыя и пригнувшись к конским гривам. За первым десятком сразу же в прежнем молниеносном темпе появились еще и еще, и тут я снова увидел, уже основательно подзабыв, как стреляет Асмер.

Казалось, он вообще не целится, так как руку со стрелой отводит к уху, но стрелы всегда идут со смертельной точностью, по пять на каждый удар сердца.

Заточенные острия из закаленной стали пробивали одинаково легко кольчуги и панцири. Сила удара оперенной стрелы равна мощному удару боевого топора, это в кино стрелы вонзаются в человека, а он только поморщится, в реале же мощь удара сбивает с ног, и далеко не всякий поднимается.

Я видел, что он умело поразил троих всадников еще в момент поднимающейся решетки ворот. Там возникло замешательство, но самые яростные обогнули под стенами и пустились коней галопом на мост.

Стрелы шли, казалось, веером, но каждая находила цель. На узком мосту всадники вылетали из седел, сползали по конским шеям, с грохотом падали на дощатый настил, а скакавшие сзади налетели на преграду и падали, ломая ноги.

Задние остановились, начали спешиваться и пробовать пробраться, закрываясь стеной из щитов, но Асмер тут же перенес огонь на них. Белые перья так и мелькали, прочер-

чивая воздух белыми молниями, но рыцари закрывались щитами и упорно шли вперед.

К Асмеру подбежал оруженосец, разложил перед ним стрелы. Асмер хищно улыбнулся, оруженосец тоже натянул лук и начал стрелять. Думаю, Асмер мог бы пробить и щиты, но он предпочел высший класс: его стрелы проскакивают, как осы, в щели между щитами, и каждый раз там кто-то вскрикивает, линия щитов ломается, но кнехты мужественно смыкают строй и упорно идут вперед, а за их спинами спешно ловят и уводят коней, уносят раненых.

Я поспешно соскочил с Зайчика, Асмер быстро оглянулся, нечеловечески подвижный, улыбка осветила его красивое и чуточку заносчивое лицо.

— Рич?.. Как в старые добрые времена?

— Да, — ответил я.

Наши воины остановились посмотреть, как стреляет их сюзерен. Мы с Асмером показывали класс, сшибая тяжело-вооруженных рыцарей с коней, что вообще-то лучникам не под силу. Наши стрелы бьют со страшной силой, мы откровенно состязались в частоте выстрелов и точности.

На стене крепости все видели, вовремя поняли, что повторить внезапную вылазку днем не удалось, громко и зовуще пропел рожок. Воины на мосту попятились, сохраняя строй и все так же прикрываясь щитами.

Асмер рыцарски опустил лук, хоть и не рыцарь, я вынужденно скопировал его надменно царственный жест, хотя с удовольствием повтыкал бы стрелы хоть в толстые задницы, хоть в медные лбы.

— Как в старые добрые, — повторил он со счастливой улыбкой на лице. — Рич, это тот самый лук?

— Не узнаешь?

— Узнаю, но столько воды с той поры... Только мы не меняемся, а вот вещи... Впрочем, ты тоже изменился. Прошло всего пару лет, а повзрослел лет на десять.

— Ну да, скажешь.

— А ты не чувствуешь?

— Я не повзрослел, — возразил я, — а постарел. На тысячу лет. Асмер, ну зачем мне это гроссграфство и прочие рега-

лии? Как хорошо мчаться беззаботно на могучем коне в сопровождении верного Пса!

Он зябко передернул плечами, взгляд его то и дело падал на Бобика, тот сидит в двух шагах и, вывалив длинный красный язык, с интересом наблюдает за непонятной суматохой.

— Это тот самый Адский Пес из древних легенд? У меня всякий раз мороз по коже.

— Перестань, его никто не боится.

Он сказал с бледной улыбкой:

— Только это и успокаивает. Смотрю, как другие по дурачости или невежеству проходят мимо или суют ему кусок мяса со стола, удивляюсь их невежеству и глупости. Он же может сожрать их всех...

— Асмер, Асмер, — возразил я. — Он не создан Адским Псом. Просто одичал малость после смерти прошлых хозяев...

— А когда они померли?

— Ну, думаю... во время войны Магов.

Он спросил все так же бледно:

— Какой из них?... Впрочем, я рад за тебя, Рич. Тебя любят собаки, значит — ты не совсем пропащий.

— Ну спасибо!.. Ох, прости, Асмер, надо спешить...

Он спросил заинтересованно:

— Что-то опасное? Давай я поеду с тобой?

— Нет-нет, — сказал я, — просто встречу одного из своих вассалов, как он предпочитает называть себя.

— А на самом деле он кто?

— Друг, приятель, — сказал я, — единомышленник, соратник...

Асмер хитро сощурился.

— Понятно, осторожный. Безопаснее называть себя твоим вассалом, который вынужден выполнять твои приказы, чем соратником. Наверное, потому он лорд, а я все еще простой лучник.

Я засмеялся, крепко обнял его и даже поцеловал в щеку.

— Ты мой друг, Асмер!

Он смеялся, глядя, как я вспрыгиваю на черного, как ночь, коня с горящими глазами. Не думаю, что ему хотелось бы стать лордом, просто валяет дурака.

Я помахал ему, Зайчик пошел с места в карьер. Бобик

догнал нас, когда мы выметнулись на широкую дорогу. Я поглядывал по сторонам, не поднимается ли где пыльное облако, везде безмятежная зелень, синее небо, в котором счастливо верещит жаворонок...

Пыль поднялась, как я и ожидал, на северной дороге. Я придержал Бобика, а то распугает всех, в желтом облаке засверкало металлом, затем словно начала пробиваться радуга: красное, зеленое, синее, золотистое — все вызывающе, что значит, идут благородные рыцари.

Земля загремела под копытами, по обочине дороги мчатся конники, а в центре на огромном боевом жеребце, украшенном красной попоной с позолотой, — красивый рыцарь в полных доспехах. Как и его конь, сам рыцарь бесподобен: шлем с плюмажем из красных, желтых и оранжевых перьев, доспехи в нужных местах инкрустированы позолотой, красный плащ с огромным, но подчеркнуто скромным белым крестом, вышитым серебром, покрывает спину коня до репицы хвоста.

За рыцарем еще с десятков таких же ярких и красочных, все держатся почтительно по отношению к ведущему, подчеркивая свою вассальность и верность сюзерену.

Я раскинул руки, но рыцарь проворно соскользнул с коня и, качнув роскошным плюмажем на шлеме, преклонил колено. Я поспешно подхватил, заставил подняться.

— Сэр Варанг, — сказал я с укором, — вы это чего?

Он хитро улыбнулся.

— Продолжение той же политики, — сказал он заговорщицки. — Вы, сэр Ричард, гроссграф! И это должны видеть.

— Но вы не просто барон, — возразил я, — а входите в тайный совет Армландии.

Он вскинул брови.

— А что это?

— Еще не знаю, — ответил я, — я его только что учредил, чтобы вы не отгораживались. Официальный статус потом придумаем. Мы в первую очередь единомышленники, а это всегда выше, чем сюзерен и подчиненные.

Он покачал головой, глаза оставались такими же хитрыми.

— Проверка, сэр Ричард, — сказал он с чувством. — При-

знаться, именно такого ответа от вас и ожидал, мой лорд... то бишь, сэр Ричард.

— И кроме того, — напомнил я еще раз, — мы друзья. Уже, можно сказать, старые.

— Да, — подтвердил он, — еще с тех времен.

Он спохватился, что сболтнул лишнее, напомнил, что может разбередить рану, я тоже все понимал, и сказал с чрезмерной торопливостью:

— Барон, я очень рад, что вы опередили свое войско на несколько миль.

Он сказал с улыбкой:

— А что, есть сумасшедшие лорды, что предпочитают плестись сзади, глотая пыль?

— Барон, — ответил я серьезно, — я прошу вас чуть-чуть скорректировать движение вашего войска. Всего десять миль левее дороги находится замок графа Ришара де Бюэя...

Он кивнул, лицо его посерьезнело.

— Да-да, мы хорошо знакомы.

— Надеюсь, не слишком близкие друзья?

— Нет, — ответил он, — у графа Ришара друзей нет, но ладит он со всеми. И мы прекрасно ладили.

— Вот и хорошо, — что не друзья, — подчеркнул я. — Дело в том, что граф Ришар нанес мне смертельную обиду. Он выкрал мою жену и держит ее взаперти в своем замке!.. Дело не только в рыцарской чести, хотя все видят только ее, но моему престижу, как гроссграфа, нанесен непоправимый ущерб!.. Я должен ответить мгновенно и решительно!.. Потому прошу вас расположить ваши войска в виду стен замка графа Ришара. Думаю, обойдемся без войны, граф разумный человек, вы его таким сами знаете.

— Знаю, — ответил Варанг с сомнением. — Но граф... человек трудно предсказуемый.

— Почему?

Варанг пожал плечами.

— Он умеет просчитывать как свои движения, так и противника. И обычно просчитывает немного дальше. Хотя бы на ход, но и этого бывает достаточно для победы.

— Да, — согласился я, — этого достаточно. Но мы тоже умеем просчитывать. По крайней мере, полагаем, что умеем.

Глава 9

Удалось перехватить еще пешие отряды виконта Ебергия, сэра Корнбелла и сэра Уинстона, а конницу графа Кортнелля пришлось догнать и завернуть, он проскочил было замок Ришара на пять миль дальше.

Сегодня утром граф Ришар наверняка обозревал со стен замка, как мои войска расположились по периметру. Уже в самом деле ни мышь не проскользнет, ни муха не пролетит незамеченной. Самое время начинать переговоры...

Но так как сила за мной, по крайней мере, вот так зримо, именно потому граф никогда не начнет переговоры, чтобы не терять лица, это должен сделать, по всем рыцарским канонам, я.

Глашатай с трубачом выехали к стенам замка уже после обеда, нужно было малость выждать, надавить психологически тревожным ожиданием. Перекрикивались они с людьми на стене недолго: глашатай уже через полчаса вбежал в шатер радостный и выпалил, что граф де Бюэй любезно согласился на встречу с сэром Ричардом.

— Когда? — спросил я нетерпеливо.

— Через час, ваша светлость.

Члены моего тайного совета жужжали, как шмели, подавая советы, как склонить графа к почетной сдаче, негоже такому прославленному воину, ревнителю сильной власти, противиться гроссграфу, я кивал и со всеми соглашался.

В полдень ворота замка распахнулись, мост опустился. Из-под арки выехали красочной колонной всадники, похожие на живые цветы, где ни одного серого цвета, а только яркие радостные краски, от алого до ярко-синего. Потряхивая цветными перьями на шлемах и шляпах, вступили на длинный дощатый мост, доски сразу загревели весело и бодро под ударами копыт.

Серый мост и бесцветная вода во рву повеселели, когда от стен замка потянулся ручеек красного, оранжевого, желтого, алого.

Я не слышал, но чувствовал их удаль, шуточки, здоровый веселый смех, ощущал жажду приключений, наконец-то новая война, как здорово, можно будет совершить подвиги и

отличиться удалью на глазах других рыцарей и своего сюзерена!

Граф де Бюзэ едет впереди, стальные доспехи блестят под солнцем, оруженосец следом за ним бережно везет на сгибе левой руки шлем хозяина, и белоснежные волосы графа искрятся благородным серебром.

Злой и униженный, я с мстительным чувством всматривался в красивое, мужественное лицо соперника. Еще при первой встрече, когда нас знакомил маркиз Ангелхейм, я подумал, что вот такой орел в любом возрасте пользуется бешеным успехом у женщин. И что даже самые молоденькие грезят о его объятиях. Как в воду смотрел, как говорят умники.

Красивое мужественное лицо, как всегда, дышит силой, благородством и великодушием, на губах играет небрежная улыбка победителя. Его свита остановилась на почтительном отдалении, а он приблизился к шатру, легко соскочил с коня, аристократически небрежно и не глядя, швырнув повод подбежавшему воину, и пошел ко мне.

Я сделал несколько шагов навстречу, так велит этикет. Обниматься не стали, лишь отвесили друг другу учтивые поклоны. Не как граф и гроссграф, как рыцарь рыцарю.

— Встреча с великим человеком, — сказал я громко, — всегда счастье! И всегда приносит удачу. Такой является встреча с графом Ришаром де Бюзем.

— Спасибо, сэра Ричард, — ответил граф сильным звучным голосом, — я в свою очередь счастлив общаться с великим рыцарем сэром Ричардом, чьи подвиги паладинства всегда будут примером для рыцарей!

Рыцари довольно зашумели, а я подумал невольно, что как раз заметных подвигов паладинства за собой и не замечаю, разве что раны иногда залечиваю, но это еще лучше может сделать лекарь со способностями мага.

Озлившись, граф меня переигрывает, сказал громко:

— И вообще я рад видеть вместе с графом его прославленных благородством и воинскими подвигами рыцарей! Я горд, что имею великое счастье представить вас моим рыцарям, пусть возликуют и преисполнятся воинского духа и жажды славы при виде доблестнейшего сэра Ришара де Бюзэ, героя битвы при Олбени, Гастирксе, Черной Речке, Про-

ливе и всех войн королевства. Это человек, чье имя молодые воины моего войска повторяют с восторгом и мечтают повторять ваши подвиги, сэр Ричард!

Я буквально дословно повторил то, что говорил при первой встрече, скрытая издевка. И хотя вроде бы изображаю попугая, но умному понятно, что мои мысли далеки от такой ничтожной личности, как граф, потому и не придумал новых слов.

Граф цвел и солнечно улыбался, все равно красивый, гад, да и никто не понял насмешки, а граф наконец обратил ко мне солнечное лицо и сказал любезно:

— А не продолжить ли наш дружеский разговор в шатре?

— Да-да, — ответил я с досадой, снова граф перехватывает инициативу, — прошу вас, граф, со всей любезностью...

— Благодарю, любезнейший сэр Ричард...

Я придержал полог, пропуская графа, в шатре у меня по-спартански скромно, но стол накрыт по-растеровски. Так, на всякий случай. Мои пажи почтительно поклонились и покинули шатер.

Граф выждал, на какое из кресел я укажу, будучи хозяином. Сел легко и вольно, как на солнечной террасе одного из своих загородных домов.

— Мило у вас, — произнес он светски. — Скромно, но чувствуется достоинство рыцаря, что не ищет мелочных украшений. Итак, дорогой Ричард, что вы хотели мне сообщить?.. Простите, что прерываю, но в любом случае наше общение доставит мне несказанное удовольствие! Мне всегда было приятно общаться с вами, сэр Ричард!

— А уж мне-то как! — воскликнул я, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком злобно. — Я ведь помню, что это вы тогда с бароном Варангом сообщили мне о тайном совещании лордов, решивших предложить мне корону гроссграфа Армландии! Я этого никогда не забуду. Может быть, по истечении многих лет и разных неурядиц и хотел бы забыть, но такие ключевые повороты истории не забываются.

Он кивнул, лицо довольно, глаза лучатся умом и добротой.

— Да-да, помню.

— Вам до того осточертела постоянная междоусобная

война, — напомнил я, — что предпочли принести присягу единому сюзерену! И вот я, с вашей подачи и ваш ставленник, осуществляю свои гроссграфьи права и блюду законы.

Он хитро улыбнулся, в глазах прежняя доброта и учти-вость, голос так же светел и легок, но прорезалась и стальная нотка, напомнившая блеск остро заточенного кинжала:

— Мы говорили прежде всего о том, что гроссграф — лишь символ независимости Армландии! Но что гроссграф может повести себя, как тиран, не было ни слова. Однако вы сразу начали отхватывать себе больше и больше власти.

— Власть не захватывают, — возразил я. — Ее подбирают! Он кивнул.

— Да, в чем-то вы правы. Было безвластье, а ваши победы некоторым лордам показались настолько впечатляющими, что за вами пошло больше народа, чем мы предполагали. Некоторым твердая рука важнее, чем воля.

— Своеволие. — уточнил я.

Он покачал головой.

— Простите, воля. Ну, давайте назовем свободой, хоть это не одно и то же. Вы начали ограничивать свободу слишком уж... рьяно. Понимаю, молодость. Опытный тиран действовал бы исподволь. Вы по молодости еще не знаете, что чем меньше полномочий у власти, тем она долговечнее.

— А у вас что, — спросил я с недоумением, — демократия? Но даже демократия — та же тирания, только разделенная среди многих. Не станет меня, тирания распределится между двумя десятками... пусть больше, лордов! Самая жесточайшая тирания, сэр Ришар, как раз всегда выступает под сенью законности и под флагом справедливости.

Он снова покачал головой.

— Это слишком сложно. На поверхности то, сэр Ричард, уж простите, что вы захватываете власть в Армландии. А что это еще, как не наступление тирании?

— Добиваться тирании несправедливо, — согласился я, — отказаться от нее — опасно. Я со своей стороны обещаю господство закона.

Он коротко усмехнулся.

— И по какому закону вы осаждаете мой замок?

— А вы как думаете?

Его улыбка стала шире.

— Тиранам редко требуется предлог.

— Ага, — сказал я, — понятно. Мы с вашей подачи съехали на запланированную вами тему: я — гнусный тиран, вы — благородные и свободолюбивые лорды... и выкарабкаться из этой трясины не можем. Хорошо, продолжим на этом поле... Я утверждаю, что всякий тиран настолько заинтересован в том, чтобы свой народ мог грабить только он сам, и что средства, которыми достигается эта цель, настолько ясны и просты, что людям уж точно живется лучше при самой жестокой тирании, чем при своеволии свободолюбивых лордов... Кстати, мои повара уверяют, что вот это — лучшее вино в Армландии. Не угодно ли?

Он посмотрел на вина оценивающе.

— Не только Армландии. В Фоссано таких нет, даже у Шателлена... Разве что Гиллеберд расщедрился?

Я покачал головой.

— Граф, сношения с противником называются политикой, но я пока что очень осторожен, дабы не попасть в экономическую зависимость. Армландия и сама щедра.

Он хмыкнул.

— Но не на виноградники. Здесь земли не те, солнца мало... Скажите прямо, старинный подвал вскрыли! Итак, сэр Ричард, войска вы привели немало, не спорю. Но даже с ним вам мою крепость не взять, будем откровенны.

Я спросил удивленно:

— В самом деле мало? Ладно, могу привести войска всей Армландии!

— Вас вся не поддержит, — заверил он.

— Хорошо, — сказал я уступчиво, — приведу половину. А половина останется дома.... Выжидать, чем кончится.

Он пожал плечами.

— Сэр Ричард, вы прекрасно знаете, что дерево свободы должно время от времени орошаться кровью патриотов и тиранов. Это его естественное удобрение.

— Вы храбрый человек, — сказал я с сожалением, — я предпочел бы видеть вас в числе своих величайших полководцев. Точнее, величайших полководцев Армландии, так как нам скоро предстоят великие дела. Граф Ришар, у меня

не только большие планы, но и возможности... Между цивилизованным обществом и самой кровавой тиранией нет, в сущности, ничего, кроме тончайшего слоя условностей. Тем более что никаких жестокостей не будет, я такой гуманист, что иногда думаю трусливо, а не сын ли я священника?... У меня хорошие военачальники, но это случайный народ, а вот вы с вашим талантом и умением управляться с огромными массами войск...

Он усмехнулся, покачал головой.

— Нет.

— Что «нет»?

— Это заранее, — объяснил он любезно, — на все ваши предложения. Просто нет. Нет — и все.

— Жаль, — сказал я искренне, — только не говорите, что все дело в идеалах свободы Армландии.

— Не скажу, — ответил он просто.

— Тогда мы могли бы поторговаться?

— Да, — ответил он все тем же ясным голосом, — но сейчас между нами женщина, сэр Ричард. Увы, мужчины торгуют всем, но не женщинами. Извините, я полагаю, что переговоры можно считать законченными.

Он поднялся, я тоже встал, некоторое время мы смотрели друг друга в глаза. Во мне начал разгораться гнев, я ощутил себя в роли позорно проигравшего схватку оленя. Граф Ришар все увидел правильно на моем лице, что меня опустило еще ниже, коротко поклонился и вышел.

Тяжело дыша и стискивая кулаки, я слышал, как он любезно разговаривает с рыцарями. Послышался конский топот и голос запыхавшегося воина.

Я вышел из шатра, улыбка на моем лице приклеена и закреплена в нужных местах, граф Ришар как раз вставил ногу в стремя. Оглянувшись, он раздвинул губы в торжествующей улыбке победителя и красиво взлетел в седло.

— Спасибо за прием, — сказал он звучно, — вино в самом деле было лучшим в Армландии, Фоссано и ближайших королевствах!.. А теперь разрешите откланяться. Нам предстоит подготовиться к встрече лучше. Сэр Ричард заверил меня, что в вашей армии великое множество пылких и гор-

дых рыцарей, что горят отвагой и жаждут совершить великие подвиги!

Сэр Растер напыжился и сказал довольноно:

— Да, любезный сэр Ришар, мы вас не разочаруем... Я сам натаскивал молодняк. Дерутся, как молодые львы! Я с восторгом следил за вашими подвигами, начиная с момента, когда вы, тогда еще оруженосец, первым поднялись на стены замка Колвиц и водрузили там знамя сюзерена!.. Я тоже был оруженосцем, но вы в тот день стали рыцарем, а я носил за сеньором шлем и меч еще пять лет...

Граф ответил любезно:

— Дорогой сэр Растер, зато теперь вы в числе полководцев Армландии, в то время как я... ха-ха!.. ушел на покой и занимаюсь только своими замечательными лошадьми. Приятно было пообщаться с вами, господа!.. Мы расскажем о вашем великолепном приеме!

Они развернули коней и красиво отбыли в сторону замка, яркие и красочные на фоне ровной свежей зелени. На стенах звонко и радостно протрубили, мост начал опускаться и лег на сваи точно в момент, когда отряд поднялся на вал.

Ворота начали раздвигаться, на стенах толпятся лучники и арбалетчики на случай, если вороны внизу не успеют сразу же поднять мост и закрыть ворота, как только последний из свиты графа Ришара проедет под аркой. За возвращающимися может ворваться мощная ударная группа противника. Это уже не будет считаться нарушением, так как переговоры закончились, переговорщикам благополучно дали вернуться в свой замок. Это уже лихость, удадь, безумная отвага, что так любят воспевать менестрели.

Днем даже тени прозрачные, а сейчас при заходе солнца вечерний свет резко разделяет мир на еще свет и уже тьму. В тени вообще все исчезает, тонет в черной вязкой смоле будущей ночи. Пока еще освещенные низким солнцем башни и крыши крепости горят красным золотом дерзко и вызывающе.

Небо выглядит странно: на западе жутковато величественный закат, словно наступает конец света, восточная же

часть смирилась с приходом ночи, небосвод уже серо-фиолетовый, звезд еще нет, но серп луны высвечивается ярко и четко, однако скоро и он исчезнет под медленно надвигающимся массивом темных туч.

Переговоры с графом Ришаром прошли так, как я и ждал, но смутная тревога не дает успокоиться и забыть о них. Тем более заснуть. Граф Ришар говорил красиво и правильно, но что-то недосказывает, что-то придерживает в рукаве.

Да и не поверю, что человек с его жизненным опытом и в его возрасте будет вести себя, как ошалевший от избытка гормонов молодой рыцарь, живущий в причудливом мире чести, доблести и веры как в Бога, так и в чистые руки противника.

За тонкой стенкой шатра послышались голоса, потом шаги крупных уверенных людей. Страж спросил, кто идет и зачем, но я слышал по голосу, что демонстрирует бдительность, останавливать идущих не собирается.

Полог откинулся, вошли, пригибая головы, Растер и барон Альбрехт. Растер спросил сочувствующе:

— И вам не спится?

— Тут заснешь, — буркнул я. — Что еще знаете о графе?

Растер молча опустил в свободное кресло, а барон, усаживаясь более основательно, ответил сразу же:

— Лошадник. Теперь уже в первую очередь лошадник. Помимо его воинской славы, что уже, собственно, в прошлом. У него лучшие кони не только в Армландии, их покупали у него для королей Турнедо, Шателлена и еще увозили куда-то очень далеко.

— И все?

Он развел руками.

— Все, что известно. Я понимаю, но это у всех так. Кто-то на покое разводит розы, кто-то начинает усиленно жертвовать на церковь, некоторые вовсе сбрасывают доспехи и, одев рубище паломника, уходят поклониться святым местам...

Я покачал головой.

— Да, это все знаю. Но почему у меня ощущение, что у него что-то в рукаве?

Он вскинул брови.

— В рукаве?

Я отмахнулся.

— Иносказание. Граф Ришар умеет показывать только те эмоции, какие желает, но не Талейран, не Талейран... Сэр Растер и вы, дорогой барон, я оставляю вас здесь бдить и... еще раз бдить.

Растер нахмурился, но смолчал, а барон спросил резко:

— А вы?

Голос его звучал еще без тревоги, но уже недружелюбно, словно барон готов заранее отвергнуть то, что я задумал, как непроходимую глупость. Растер начал сопеть громче, кустистые брови сдвинулись над переносицей.

— Пройдусь по ночному воздуху, — сообщил я. — Проверю караулы. Посмотрю со стороны, как расположен лагерь.

— Что-то не так?

— Вроде бы все нормально, — успокоил я. — Но у графа Ришара репутация человека, который очень умело пользуется малейшими промахами противника.

Растер буркнул:

— Да, уже убедились.

Лица обоих выражали несогласие, не дело верховного главнокомандующего лично проверять караулы, но уж ладно, если человеку не спится... смолчали, и я тихонько выскользнул из палатки, моментально войдя в личину незримника. Даже им не стоит рассказывать, что у меня вызревает в уме. Вообще-то ничего умного не вызрело, напротив, раз уж получалось незаметно пробираться в замки виконта Риена и графа Арлинга, то и здесь бы попробовать, хотя и помню поговорку: повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сломить...

Глава 10

Тревожное ощущение растет еще от того, что никак не чувствую в крепости приготовлений к жизни в условиях долгой и тягостной осады. Напротив, десятки признаков указывают на то, что граф как будто уверен, что осаду скоро сни-

мем. И вовсе не потому, что сами устыдимся, а именно нечто нас заставит.

Ночь опустилась темная и непроглядная, тьма соединила небо и землю. Сплошная чернота, только иногда пролетит какой светлячок, да в небе изредка замечается очень слабый просвет в тучах.

Вся охрана крепости, как обычно в таких случаях, расположена по периметру, чтобы вовремя сигнализировать о попытках штурма. Потому обычно достаточно миновать ее, чтобы очутиться в сравнительно безопасном месте. Я постоянно оглядывался, готовый дать деру, если на меня обратит внимание хоть кто-то, пальцы дрожат на болтерах. На этот раз, даже удирая, буду сметать стальным огнем все, что мелькнет на дороге.

Подолгу выжидая, затаиваясь на долгие часы, я упорно сперва подбирался к стене, потом вскарабкивался, наконец пробирался в крепость, но хотя вроде бы совершаю чудеса маскировки и ловкости, остается неприятное ощущение, будто мне дали пробраться в крепость нарочито. Во-первых, все-таки пробрался, во-вторых, граф Ришар мог знать от Арлинга, что я побывал в его замке, хотя Арлинг тоже сперва был уверен, что муха не пролетит мимо стражи незамеченной, а граф Ришар — это не те вороны, это противник матерый.

Попытаться проникнуть еще и в донжон — самоубийство, окна перекрыты металлическими решетками, а дверь всего одна. Наверняка под тайным наблюдением не только стражей, но и мага, тот увидит незримника так же просто, как и любого другого.

Я дергался, как на раскаленной сковородке: и печет, и уйти нельзя. Короткая летняя ночь сменилась бледным рассветом, чересчур быстро из-за горизонта выпрыгнуло солнце и, как резвая божья коровка, побежало быстро-быстро вверх по небосводу. Двери донжона начали все чаще распахиваться, выпуская рыцарей, слуг, челядь, пажей и оруженосцев, прачек и посудомоек.

Я отчаялся, издергался, начал думать о возвращении, наконец словно солнце взошло в темном царстве: появилась Лоралея — в скромном платье, волосы убраны под длинный

платок, что падает на прямую спину до пояса, в руках ведерко и конский скребок.

Пройдя через двор, она свернула в сторону конюшен. Дорога ведет между двумя рядами деревьев, пышные зеленые кроны, толстые стволы. Я едва не бросился следом, самое удачное время подойти, пока нет посторонних, ну дурак, еще временами, знаю, однако, к счастью, не круглый, так что удержал себя железной рукой гротсграфа — отца народа: остро кольнуло нечто неприятное, тревожное, перевел дыхание и начал всматриваться.

Лоралей идет по аллее в самом деле одна. Даже служанки не следуют хвостом, лицо счастливое, глаза сияют, однако вон там шевельнулись ветви, вон там взлетели испуганные птицы и недовольно попискивают, рассевшись на ветках выше. Можно даже определить по направлению их клювиков, в каком месте затаился некто.

Молодец Ришар, мелькнуло злобно-восхищенное. На живца ловить — класс выше, чем пробовать наугад загребать широкой сетью. Но я та шука, что в простейшие ловушки не попадается. Хотя да, еще бы немного...

Лоралей вошла, как и направлялась, в конюшню, дверь за собой закрыла. Щелчка засова я не услышал, да и глупо было бы запирается, это ж приглашение, вольное или невольное, Лоралей может и не знать, что обвешана незримыми соглядатаями.

Я начал долго и мучительно пробираться в сторону конюшни, то и дело переходя на тепловое зрение и запаховое. Засек троих, что могли бы перехватить меня по дороге, еще дольше искал пути отхода и обхода, ползал по отвесным стенам и пробирался, как нашкодивший кот, за кустами, позор какой, что женщины с нами делают, наконец почти уткнулся лицом в заднюю стену конюшни.

Доносится мощный запах конских каштанов, свежего сена, даже улавливаю аромат отборного ячменя, но стены из толстого камня... наконец сообразил, что запахи опускаются сверху, забрался на крышу, а там с облегчением понял, что если осторожно разобрать черепицу, а затем как-то удалить доски.... еще не знаю, как, то можно и проникнуть вовнутрь...

Пластинки обожженной глины я снимал, как ювелир,

чтоб ни треснула, ни шелкнула. Оголились доски, я обнаружил щель, куда можно просунуть палец, прильнул к ней глазом.

Сверху видно участок с пятью стойлами, кони в них великолепные: огромные, с сухими мускулистыми телами, без капли жира, беспокойно горячие.

Я затаился, услышав голоса, скрипнули доски под чьи-то ногами, наконец донесся дорогой голос Лоралеи, она говорила строго и вместе с тем деловито:

— Каждая девушка, чтобы понравиться своему избраннику, должна уметь заплетать лошади косички!.. Я уж молчу, что это само по себе такое удовольствие... У тебя есть гребешок?

Пригибаясь, чтобы меня не увидели, я проверил, не выскользнул ли нечаянно из шкуры незримника, изогнул шею так, что захрустели позвонки, ничего не увидел, но уловил тонкий девичий голосок:

— Да...

— Покажи!

— Вот...

— Разве это гребешок? — слышался голос Лоралеи. — Больше никому не говори, а то будут смеяться. Им только пуделя расчесывать. Ты что, коня никогда не видела?.. Ладно, придешь ко мне, я тебе дам целый набор.

— Спасибо, леди! Вы самая добрая на свете...

— Еще нужна мокрая щетка, — продолжала Лоралея, — ножницы, игла с большим ушком.... Лучше, чтоб не острая, а еще шерстяная нить. Замечательно, если подобрать под цвет конской гривы.

— Да... Вы мне велели, я все приготовила...

— Вот и молодец, — похвалила Лоралея. — Иди сюда, ви-дишь, вот прекрасная лошадка?

— Да что в ней прекрасного...

— Лошади все прекрасны, — оборвала она с непривычной строгостью. Во всяком случае, я такой нотки в ее голосе раньше не слышал. — Это самые красивые существа на свете!.. Расчеши гриву на одну сторону, смочи мокрой щеточкой... Теперь раздели гриву на две равные пряди... да аккуратнее, аккуратнее!.. чтоб получились хвостики... Нитку в

иголку уже продела? Эх... Теперь начинай сверху с прядей на затылке и опускайся к холке. Косичку начинай плести с ниткой, иголка болтается внизу, это правильно... Не затягивай так туго косичку, особенно у основания гривы!

Она иногда останавливалась, слышалось сопение обучаемой девчонки, затем я слушал подробнейшую технологию плетения косичек на охоту, просто на выезд, на турнир, а для соревнования полагается делать косички так, чтобы торчали шишечками.

— Смотри, — журчал деловитый голос Лоралеи, — чтобы грива не была чересчур длинной. Обязательно разделяй на одинаковые пряди... Каждую прядь смачивай! Плети одинаково, а то у тебя вот здесь туго, а здесь кольца совсем слабые.

В дверях конюшни блеснул яркий свет, ворвались жгучие лучи солнца и подожгли ворох свежего сена. Вошел высокий грузный человек, лицо в тени, и только когда заговорил, я узнал графа Трояндера:

— Дорогая Лоралея, все с ног сбились, вас ищут!

— Неправда, — ответила Лоралея звонким, как у веселого жеребенка, голосом, — все знают, где меня искать.

— Неправда, — согласился граф со вздохом, — это я так, пытаюсь в начале разговора реализовать свое мужское превосходство.

Она удивилась:

— Зачем? Разве вам его надо доказывать? Ваша превосходство и так видно за милю!

Он хохотнул польщенно:

— Спасибо, милая леди... Я бывал здесь раньше, Ришар в порядке содержит коней и саму конюшню, но теперь скажу честно: никогда она так не блистала, а кони не смотрелись так замечательно! Что вы с ними делаете, ума не приложу...

Она кивнула смирно застывшей служанке.

— Бабилла, иди пока и подготовь цветные ленты... Граф, просто я вдруг увидела дивную красоту этих удивительных существ, самых прекрасных на свете, полюбила их и... стараюсь для них сделать все, чтобы им было хорошо!

— Гм... я потрясен...

— Мне пришлось уволить прежнего конюха, — сказала она трагическим голосом, — не мог даже определить кон-

скую хромоту! Я говорю, вон та лошадь кивает, а это значит, что у нее болит нога! Да не та, на которую кивает, она всегда кивает на здоровую... Если, конечно, передняя, а когда болит задняя, на нее просто старается не вставать, облегчает... Он погонял ее по кругу и, представляете, подлец, говорит, что все в порядке!

— Галопом? — уточнил Трояндер.

— Шутите? — ответила она с возмущением. — Как будто при галопе можно определить хромоту!

— Верно, — подтвердил он и посмотрел на нее с великим интересом. — Хромоту можно выявить, только когда шагом или рысью, и не по кругу, а по прямой. Выгнали?

— С треском, — ответила она решительно. — Велела гнать плетью! Человека можно заставить страдать, но как можно мучить лошадь?.. Видно же, что когда болят обе передние, лошадь в стойле старается выставить их дальше вперед попеременно! Если болят обе задние, то делает ими короткие шаги, будто связанные... Я уже все знаю о конях, я люблю их, и они меня полюбили.

Он вздохнул завидующе.

— Вижу... Я смотрю, у вас больше белой масти... Но им сложнее подобрать выпас, чтобы не болели.

— Только при перекорме, — возразила она с мягкой улыбкой, — и в солнечные дни! А когда облака, то любую траву едят и очень хорошо себя чувствуют. Правда, нам достались в наследство кони с белыми отметинами на ногах и белыми копытами, видите, а у них всегда слабый копытный рог. И еще под щетками чаще появляются мокрецы... Эй, Джонс, иди посмотри на Серебристого!.. Не видишь, у него начинаются колики!

Парни, что чистили дальнее стойло, побросали лопаты и бросились к указанной лошади.

Трояндер поинтересовался быстро:

— А что даете при коликах?

— Отвар белладонны, — сообщила она, — есть еще несколько трав, но те слабее. Но самое лучшее, конечно, сразу сделать хорошую очистительную клизму. Вон посмотрите на того красавца!.. Когда у него случились сильные колики, так

я сама поставила ему клизму! Три ведра теплой воды — и все как рукой сняло!

Трояндер охнул, глядя на нее в ошеломлении и восторге. В дверях конюшни мелькнула тень, граф Ришар с двумя гостями вошли, беседуя, Трояндер обернулся и учтиво поклонился.

Ришар поинтересовался любезно:

— О чем беседуете в таком странном месте?

— Гм... — ответил Трояндер, — говорим о красоте природы, о божьих созданиях, о несравненной красоте лошадей в поэзии...

Лоралея отмахнулась.

— Да ну ее, поэзию. Я рассказывала любезному графу, как ставила очистительную клизму нашему лучшему жеребцу. Он тогда здесь все залил, а мое промокшее платье пришлось выбросить, так воняло...

Ришар застыл с открытым ртом, к щекам прилила жаркая кровь. Голос его конфузливо дрогнул, когда он сказал просительно:

— Ну что ты, дорогая...

Лоралея вскинула брови в изумлении.

— Что-то не так?

— Гм, все так... но... ты бы лучше с гостями о чем-нибудь женском...

Она изумилась еще больше.

— Так ведь лошади — самое интересное на свете! О чем еще можно?

— Ну, — проговорил он нерешительно, — о нарядах...

Она воззрилась на него в изумлении, а граф Трояндер поймал ее обе руки и припал толстыми губами к ее пальцам в почтительнейшем поцелуе.

— Дорогой Ришар, — сказал он очень серьезно, — я получил несравненное наслаждение от беседы с вашей очаровательнейшей женой. Несравненнейшее! Как она разбирается во всех породах, как точно умеет определить, какие корма лучше для каких пород и в какое время года!.. Граф, вы обладаете величайшим сокровищем, так что цените...

Граф Ришар конфузился, разводил руками, но я видел, что в глубине души не просто доволен, а счастлив. Трояндер,

а также оба гостя Ришара смотрят с такой завистью, что темнеют, как грозовые тучи. Лица вытягиваются, в глазах тоска, у них жены просто отдельные люди со своими делами и заботами, щебечут о тряпках и безделушках, и хотя образцовые супруги и заботливые матери, но чего-то недостает, душа ноет, как будто ее грызут невидимые миру злобные червячки...

А у графа Ришара, известного лошаdnика, жена, которая любит и знает лошадей едва ли не больше самого графа. Везет же этой сволочи!.. Кстати, везет как-то несправедливо.

Я уже видел по их потемневшим лицам, что графа сочли обладателем этого сокровища незаслуженно. Хватит с него и лошадей...

— Милая, — сказал Ришар ласково, — ты не забыла, что сейчас в большом зале менестрель Сладкий Голос исполняет изысканнейшие баллады? Даже короли в восторге от его новых творений...

Лоралея отмахнулась.

— Да ну их в жопу, эти баллады. Что в них хорошего? Когда-то слушала, нравилось... Но сейчас вижу, ерунда. Ты иди, дорогой, а мы с графом договорим про коней. Он их тоже любит...

Ришар сказал язвительно:

— Но теперь он занимается рыбным промыслом! Ха-ха...

Трояндер сказал обидчиво:

— Рыба, кстати, хороша на любом пиру! Даже на императорском столе она идет как главное блюдо.

— Дорогой друг, — сказал Ришар тепло, — это я так, дразню по старой дружбе! Мы же с вами росли вместе.

Они раскинули друг другу объятия, расцеловались, оба как будто даже всплакнули, благородные люди легко пускают слезу в отличие от грубых простолюдинов, затем граф Ришар повернулся к своим спутникам:

— Ладно, возвращаемся. Леди Лоралею мы предупредили, что завтра Сладкий Голос уедет, дальше будем слушать только лязг мечей и свист стрел.

Граф Трояндер поинтересовался осторожно:

— Милая Лоралея, может быть, я вас задерживаю, осматривая великолепных лошадей моего дорогого друга Ришара?

Она всплеснула руками.

— Да что вы! Я могу до утра вам их показывать и рассказывать о каждом!.. Милый Ришар, идите-идите, наслаждайтесь балладами, а я буду наслаждаться обществом графа Трояндера, который так равнодушен к коням.

Ришар поцеловал ее руку. Его молчаливые гости сняли шляпы и низко поклонились, перед дамами не опасаясь перепоклониться, а когда отбыли, Лоралей повернулась к Трояндеру, лицо ее стало серьезным.

— В самом деле, граф, — сказала она с жарким упреком, — вы неправы, просто неправы! Уделяя слишком много времени своим замечательным прудам, вы совершенно забыли, что без хороших лошадей... и достаточного их количества!.. вообще невозможно считаться хорошим лордом. Я не говорю о крестьянах, что сами себя обеспечивают лошадаками, но как может лорд выехать к своим подданным на плохом коне?

Трояндер пробормотал:

— Ну, кони у меня не плохие.

— Это не плохие?

— Обычные, — ответил он. — Обычные кони.

Она сказала уверенно:

— Чем выше лорд по своему положению, тем у него должен быть лучше конь!.. И не меньше двух-трех запасных. Для себя лично. А для своего личного отряда?

Трояндер развел руками, лицо его было виноватое и вместе с тем обиженное.

— Леди Лоралей, было бы у меня такое положение, как у лорда Ришара! А то соседи задираются, то неурожай три года кряду, то...

Она снисходительно улыбнулась.

— Ваши поля рядом, дорогой друг. Неурожай коснулся и всех наших полей. Только мой муж учел предсказания насчет засухи и принял меры заранее. И соседи у нас тоже не мед, но он сумел со всеми договориться жить в мире.

— Как? — спросил он уныло.

Она победно улыбнулась.

— С одними мечом, с другими — вином, третьему подарил двух прекрасных жеребцов, а тот ему прислал двух вели-

колепнейших псов! Теперь даже на границах не держим охраны... Мой благородный муж целиком может заняться самым лучшим делом на свете!

Лорд Трояндер вздохнул и завистливым взглядом смерил рост элитного жеребца.

— Да, кони — это все, — сказал он со вздохом. — Лучше их могут быть только женщины... Да и то не встречал пока. Молодой, видать.

— Хороший конь необходим, — сказала она наставительно, потом мягко улыбнулась и добавила щебечущим голоском: — Слава лошади всегда достается наезднику!

Трояндер вздохнул.

— Да знаю... Закон жизни: везет лошадь, а платят возчику. С другой стороны, возчиком быть неплохо...

— Вот-вот! А вы занимаетесь какой-то... фи, даже подумать противно... рыбой!

Он развел руками.

— Так рыба ж с золотыми перьями. На нее спрос. Мужскую силу увеличивает! А перья женщины на платья приспособливают.

Она брезгливо поморщилась.

— Конскую гриву сумею приспособить, но рыбы перья?... Как их ни чисти, все равно буду слышать рыбий запах!

— Однако рыбы не болеют, — заметил Трояндер мудро. — А вот как-то у меня сап всех коней выкосил! С тех пор я оставил это рискованное дело... Как уберегаетесь?

Она вздохнула.

— Сап — это угроза, вы правы, сэр Трояндер! Мы вот всякий раз...

Они отошли дальше, беседуя, я слышал только обрывки фраз, оба со знанием дела обсуждают конские болезни и как что лечить, какие травы, настойки, прижигания.

Лорд Трояндер, хоть и занимается сейчас больше рыбной ловлей, но в прошлом был знатным лошадиником, так что говорили и обсуждали с жаром, со знанием дела, горячо и страстно. Леди Лоралея бестрепетно рассуждала о жутких болезнях лошадей, рассказывала о признаках, которые можно заметить раньше, чем будет поздно, и любую лошадь можно успеть вылечить, и что в конюшне нужно обязательно разве-

сить пучки травки горицветки, раз в месяц старую там же сжигать, ее дым отгоняет от лошадей все болезни. Даже сап не решается переступить порог конюшни, если оттуда пахнет такой травкой.

Она показывала ему лошадь за лошадью, так переместились за угол моего обзора. Я не стал укладывать черепицу обратно, как и разбирать в новом месте: так всю крышу сниму, пока они прогуливаются в таком несколько странном, граф Ришар прав, для красивой женщины месте.

Когда я рискнул проползти по крыше к самому краю, внизу, во дворе, привычная суета, у двери конюшни щеголеватый оруженосец распекает воина, что самовольно отлучился в казарму, где еще и устроил драку.

Я хотел было отползти, но из конюшни вышли Лоралея и граф Трояндер. Оруженосец вытянулся перед графом, но глаза с восторгом поехали Лоралею.

Она заметила с улыбкой:

— Из самых диких жеребят выходят наилучшие лошади! Только бы их как следует воспитать и выездить.

— Хорошая лошадь, — возразил оруженосец, — слышится даже тени всадника.

Трояндер хохотнул:

— Кто не заботится о лошадях — должен позаботиться о хорошем кнуте!

Оруженосец воскликнул:

— Я то же самое и говорю!

Лоралея и граф направились к донжону, я проводил ее долгим тоскующим взглядом. Даже, когда дело не касается коней, у нее все равно они на уме, все сравнивается только с ними, их достоинствами, их замечательностью... Чертов Ришар, почему он не сторонник единоличной власти вождя?

Крадучись за нею в сторонке, я еще услышал, как она сделала замечание хохочущим и сплетничающим служанкам:

— Человеку смеяться естественно, но, девушки, нельзя все делать предметом осмеяния! Лошади вообще ржать естественно, но и то не на все ржет...

Теперь лошадей из нее не выбить, мелькнула мысль. Такая лошадня, что жуть просто.

Глава II

Я изнывал от жажды приблизиться к ней и переговорить, хотя сердце чует облом. Лоралея все время на виду, но, чую, неспроста, и за это время я узнал, что о лошадях говорят, что «их сила — во рту и в хвосте». Но это же, по сути, можно сказать и про женщин, что человек, не знакомый с искусством верховой езды, не возьмется давать советов, как объезжать лошадей, но в морали бывает менее недоверчив, считает себя знающим и способным подавать советы всем людям. А еще узнал сокровенную тайну, почему женщинам нужны мужья других женщин: мол, а почему конокрады предпочитают объезженную лошадь, а не пытаются поймать в степи дикую?

Господи, мелькало в голове ошарашенное, да граф Ришар, конечно же, молится на такую женщину и готов на любую войну, только бы удержать Лоралею, которая «единственная женщина, которая его понимает»...

От злости я несколько раз ударился лбом о холодный камень, наконец прижался к нему пылающим лицом. Горячие мысли скачут, дразнят, глумятся.

Другие — понятно, все ж дураки, но как я, такой умный, замечательный, все понимающий и расчетливый настолько, что еще чуть-чуть, и уже законченная сволочь, как я поддался на ее чары? Почему, ну почему влип, как муха в патоку?

Наверное, все-таки потому, что неожиданно встретил такой редкий тип женщины, который вообще не встречал в прежней жизни: верную и преданную. О таких мужчины только мечтают, да и то не вслух, засмеют, а тайком, как стыдливые подростки. А вслух разве кто-то пооткровенничает в песне: «...кроме самых любимых и преданных женщин», понимая с тоской, что таких-то на свете нет.

Но я вот встретил. Любящую и преданную. Настоящую женщину. С ее ярко выраженными качествами настоящей женщины: любить самого сильного, любить победителя.

Граф Ришар шел через двор быстро и красиво: широкими шагами уверенного и молодого человека. С возрастом шаги у каждого укорачиваются, старики вообще передвигаются семенящей походкой, а граф Ришар вертит головой, улыбается

и коротко отвечает на вопросы, а это тоже признак молодости и силы — шея закастеневаает первой.

Я вдруг поймал себя на странной мысли, что граф Ричар — политик куда более опытный и продвинутый, чем я. Каждое движение рассчитано на сотни взглядов, каждое слово выверено, за ним в самом деле воины самозабвенно и влюбленно пойдут на смерть, а в походах перенесут любые трудности, потому что сам граф, как я тоже слышан, спит с рядовыми ратниками у костра, питается из общего солдатского котла, а в атаку всегда ведет воинов лично.

Леди Лоралея пошла, ускоряя шаг, ему навстречу. Мое сердце взорвалось и залилось кровью, когда она влюбленно положила ладони ему на грудь и нежно посмотрела в лицо.

— Устал, милый?

Он нежно поцеловал ее в обе щеки, потом в глаза, затем начал целовать шею, горло. Лоралея счастливо засмеялась, запрокидывая голову:

— Не сейчас, милый...

— Я люблю тебя, Лоралея!

— И я тебя, милый... Ой, отпусти...

— Как мне хочется затащить тебя снова в постель!

Она сказала с ласковым упреком:

— Милый, у тебя столько дел! Ты не должен забывать о своем предназначении.

Он вздохнул, но из рук не выпустил, любовался ее нежными щеками, куда жарко прихлынула кровь.

— Предназначении?

— Или предназначении, — ответила она. — Теперь ведь ты поднимаешь знамя свободы против тирании?

Граф высокомерно улыбнулся.

— Все суета сует и всяческая суета с этой независимостью лордов... Я не знаю, как они отличают: независимы или нет! Как жили раньше, так и живут. И отцы их жили так же, ничего не изменилось. А если что-то молодой Ричард и сумеет изменить, в чем я сомневаюсь очень и очень сильно...

— Почему?

— Молод, — изрек он благодушно. — Неопытен. Слишком... витает в облаках. Такие долго не живут.

— Погибнет?

— Или задушат в постели, — обронил он равнодушно. — Ему даже опереться не на кого! Да он сам это видит. Потому и приглашает с отчаяния то инквизиторов с Севера, то странствующих рыцарей... Говорят, даже магов собирает под свое крыло, хотя там что-то непонятное...

— Что?

Он сказал задумчиво:

— Вот у меня маги — это маги. Всю жизнь собирают Силу. И если понадобится, сегодня или завтра ее применят. Словом, когда велю. У них какой-то новый вид магии, от которой вообще нет спасения, также не существует никаких защитных амулетов. Ричарду не взять нашу крепость! Он этого еще не знает... а прозрение будет страшным. Несчастный пытается как-то свести магов и священников, а они всегда взаимоуничтожали друг друга... Я, собственно, не собирался поднимать никакое знамя борьбы против тирании Ричарда. На самом деле какой из него тиран? Мальчишка-идеалист.

Я стиснул челюсти, но смолчал. Граф Ришар еще не знает, как и никто еще не знает, что самым худшим правлением бывает только то, где у власти оказываются высокодуховные и высоконравственные люди. Никто не станет отрицать, что французскую революцию совершили наиболее чистые и честные люди, заботящиеся о благе народа. Сейчас все меньше народа отрицает, а потом, когда страсти улягутся, вообще никто не будет отрицать, что революцию в России совершили честные и нравственные люди, а коммунизм самозабвенно строили для счастья всего человечества.

Что получилось, знаем. Так что самое лучшее правительство — из жулья, циников и пессимистов. Такое правительство обычно терпимо и гуманно, зная, что все люди — сволочи, а главное — не ставит перед обществом грандиозных до невыполнимости задач.

Вообще-то я оптимист, но слышал о дедушке Фрейде с его научной теорией, что люди — свиньи и только свиньи и ничего, кроме свинства, в них вообще нет. Если бы о Фрейде знали Марат и Робеспьер, их кровавой и бессмысленной революции не свершилось, а с нею — никаких термидоров. Слыхали бы о нем Ленин и Сталин, коммунизм даже не пытались бы строить, просто пограбили бы богатых и на том от-

вели свинские души, и сейчас бы рубль, а не доллар, являлся мировой валютой.

Так что мне надо, помня про отдельные светлые личности, а также благородное рыцарство, ставку делать все же на простую серую массу с ее приматом желудка, гениталий и наплеватьства на все высокое.

Внезапно обдало холодком, я ощутил, что снова сворачиваю на тропку, которую то и дело услужливо подсовывает под ноги Сатана.

— Я помог графу Арлингу своими конями, — проговорил граф Ришар, любезно придерживая леди Лоралею двумя пальцами под локоток. Она сошли по ступенькам к рукотворному пруду, где плавает лебедь в окружении серых уток. — Ну, а потом...

— Что?

— Помог по старой дружбе, — продолжал он, — когда Арлинг с жаром рассказал, что обезумел от любви к вам и вознамерился украсть во что бы то ни стало! Боже, какие безумные планы он строил, какие дикие схемы рисовал!

— Но ему удалось...

Граф Ришар сказал торопливо:

— Это я, моя заслуга! Только благодаря моим коням удалось так быстро уйти и запутать следы...

— Бобик нашел...

— Кто такой Бобик?

— Адский Пес, — сказала она и вздрогнула. — Странно, тогда я его совсем не боялась.

— Это черное страшилище с багровыми глазами и жуткой пастью? Да, это чудовище пришло из ада.

Она сказала задумчиво:

— Возможно, его послал сам дьявол... Потому что этот Адский Пес очень хорошо умеет прикидываться ласковой овечкой. И все перестают его пугаться очень скоро. Но вы продолжайте, граф! Вы помогли своему другу...

Граф Ришар воскликнул с горячностью:

— Но этот дурак не сумел сохранить такое сокровище! Я имею в виду вас, леди Лоралея. А я, когда увидел, из-за чего все это вспыхнуло, как сухой стог сена в жаркий день, сам понял, что граф Арлинг не зря рисковал головой. Из-за вас,

леди Лоралея, и не такие войны могут вспыхнуть. И каждый из сражающихся скажет: да, этот ценнейший приз того стоит!

Она сказала с отчаянием:

— Но это меня и удручает!

— Почему? — удивился он.

— Граф, как вы не понимаете...

— Что?

— Я женщина, граф. А настоящая женщина всегда мило-сердна.

Он сказал с удивлением:

— Другим женщинам нравится, когда из-за них бьются на турнирах, вызывают на дуэли, сражаются на поединках, устраивают заговоры.

— Мне это не нравится, — сказала она твердо. — Я хотела бы, чтобы из-за меня капли крови не пролилось. Но почему-то так не получается.

— И не получится, — заверил он бодро. — Пока мир принадлежит одним мужчинам, войны будут бушевать всюду! Из-за вас, женщин.

Она вскинула брови.

— Хотите сказать, что если бы миром правили женщины, войн бы не было?

Он коротко и хитро хохотнул.

— Ну, не стали бы вы воевать из-за мужчин?... И был бы покой во всех королевствах... Но, к счастью, вы есть, и потому войска сэра Ричарда окружили замок так плотно, что начинаю уважать этого мальчишку.

— Что делать будете? — спросила она.

Он загадочно улыбнулся.

— У меня есть что противопоставить даже королевским войскам. Пусть их приведет хоть сам Барбаросса.

— Ого!

Он сказал нежно:

— Не волнуйтесь, дорогая! Граф Ришар в состоянии защитить свою любимую женщину от кого угодно. Недаром я столько лет копил все магические находки. У меня работает семеро могучих магов! Они в состоянии в одиночку опрокинуть мощь хоть королевского войска Барбароссы, хоть всю военную мощь Гиллеберда!

Она поцеловала его нежно, глаза ее сияют, я молча взвыл и сжал кулаки. В глазах от ярости потемнело, а когда вернулась способность видеть, граф уже удалялся в направлении дозорной башни, а Лоралея смотрела ему вслед счастливыми глазами.

Потом лицо ее медленно приняло озабоченное выражение. Я смотрел, как она вышла во двор, там сразу оживилось, задвигалось быстрее, даже кони чаще замахали хвостами.

На крыльце донжона терпеливо ждет указаний служанка, в руках небольшое жестяное ведро, явно с водой, судя по натуге, с которым держит. Лоралея взяла у нее ведро, служанка выслушала короткое повеление и вернулась в здание.

Лоралея пошла в крохотный сад, полила крайний куст роз, он первым принимает удары солнца и ветра, следующие два пропустила, затем снова обронила бережно несколько капель на синие цветы с длинными, устремленными к небу чашечками.

Я крался следом, здесь Лоралея уже была раньше, наблюдатели в кустах на тех же местах, но, граф Ришар, сейчас я вам покажу мальчишку... вот чуть-чуть качнулась веточка, я моментально оценил расположение куста, как идут ветви, где самые толстые, как именно должен скрючиться засадник...

Стрела сорвалась бесшумно, хотя для меня легкий шелчок тетивы прозвучал, как удар линейкой по столу. Сжавшись, я ждал, замерев в мучительном ожидании. Куст колыхнулся, но за ним ни одна свинья даже не хрюкнула.

Сердце сжалось, то ли промахнулся, то ли попал очень даже точно, но надо спешить, ближайших двух я вычислил, перейдя на тепловое зрение. Стрелу оказалось накладывать ох как трудно, тем более — целиться, зато я мог все время держать цель взглядом.

Наконец из всех тайных телохранителей осталось двое, я уже крался за ними, медленно догоняя. Они наблюдают только за Лоралеей. Задача у них трудная, они должны прятаться и от Лоралеи, и от охраны, а то выдадут удивленными возгласами, и, главное, от меня. Одного свалил жестоким ударом в висок, чуть ниже края шлема, второго ударил так же, но услышал хруст кости, боюсь, этот уже не очнется.

Лоралея медленно повернулась, услышав непонятный шум и еще не уловив, откуда он доносится. Я поспешно вбросил обмякшее тело в кусты роз, и когда она окончательно повернулась, шагнул к ней с почтительным поклоном.

— Леди Лоралея...

Она охнула, отшатнулась.

— Сэр Ричард? Что вы здесь делаете?

— Я пришел за вами, — ответил я тихо. — Нам надо уходить.

Она вскинула брови.

— Что случилось? Почему?

— Потому что вы моя жена, — ответил я терпеливо.

Она еще выше вскинула брови, в глазах изумление.

— Сэр Ричард! Вы меня оскорбляете. Я — жена графа Ричарда. Он замечательнейший человек, я счастлива его вниманием, я рада ему...

Я торопливо оглянулся по сторонам.

— Леди Лоралея, я вам потом все объясню. Но сейчас нам надо бежать!

Она покачала головой и отступила на шаг.

— Нет. И не пытайтесь похитить меня силой. Я подниму крик, вас схватят и казнят. Потому уходите немедленно.

Я сказал быстро:

— Леди Лоралея, опомнитесь! Разве мое появление не доказывает, что я сильнее? Я уже сколько топчу землю в его крепости, а все люди графа так и не могут меня поймать!

Она покачала головой, в глазах мелькнула брезгливая жалость.

— Сэр Ричард... Прячетесь вы, а не он. И он гоняет вас, а не вы его. Потому не говорите глупости. Убегайте, пока еще можете. И не возвращайтесь.

Я снова огляделся, мы опасно выходим из аллеи на открытое пространство, леди Лоралея останавливаться не собирается, а если схвачу за руку, поднимет крик.

— Хорошо, леди Лоралея, — ответил я. — Я пошел, пошел, пошел...

Она проществовала дальше, высоко вскинув голову, прекрасная и гордая, недоступная. Я с разрывающимся от страданий сердцем отступил в кусты. Лоралея — настоящая жен-

щина еще и в том, что ее не привлекают отважные красавцы, что умеют лихо драться на дуэлях, прыгать из окна прямо в седло верного коня, а еще могут выпить любое количество вина не пьянея. Настоящая женщина смотрит в корень, а корень всегда в толстом бумажнике, счете в банке, своем деле, владении обширными землями. Такой мужчина всегда красив, умен, талантлив и обладает безукоризненными манерами, даже если ширинка расстегнута и рукав в коричневом.

Никакого притворства, да я и сам понимаю, что профессор всегда умнее и значительнее студента, как бы тот ни хвалился лихостью и умением обмануть профессора, а лорд лучше красавца конюха. Уже тем, что он не конюх, этого достаточно. А если ты чего-то стоишь — сумей из конюхов выбиться в лорды! Умом, отвагой, дерзостью, безумным риском...

Граф Ришар — лорд, владеет обширными землями, в его владении восемь городов и множество деревень. Он управляет гарнизонами, сбором урожая, разведением овец, ловлей рыбы, заготовками леса и много еще чем, так что в глазах Лоралеи он достоин восхищения, как и я. Но то, что он сумел отнять ее у меня, ставит его выше. А она, как нормальная женщина со здоровыми инстинктами, должна принадлежать и принадлежит сильнейшему.

Через открытый двор в личине исчезника пройти еще труднее, чем прикинуться простолюдином: для любого мага я буду высвечиваться красным, что ли, или мигающим светом, но обратят внимание сразу. Но и простолюдином не прикинуться, я же упакован в доспехи и оружие, как жук-рогач.

Отступая, я проскользнул в помещение не то склада, не то запасного хранилища, сейчас здесь пусто, от толстых каменных стен веет холодной враждебностью.

Я не успел понять, что же меня тревожит все сильнее, как раздался странный звук, словно по ту сторону стен лопнул огромный пузырь. Распахнулись все бывшие до этого момента незримыми двери: сразу резко и широко, будто с той стороны ударили в них бревнами. Ворвались люди, блещущие доспехами и обнаженными мечами, топорами, кинжалами.

Ришар все-таки заманил и поймал меня, мелькнула горькая мысль. Хорошо же, устрою вам пляску, прежде чем увидите меня в цепях или на пыточном столе... Руки мои на миг метнулись к мечу, но я перенаправил их к поясу.

Едва холодный металл болтеров лег в мои ладони, зал наполнился грохотом. Стальные болты со скрежетом пробивают стальные панцири, но люди бегут ко мне, падают, другие смотрят только на меня и потому глупо спотыкаются о мертвых и падают. Я старался видеть даже то, что за спиной, медленно отступал, успевая расстреливать все, что приближается, но их слишком много, все двери распахнуты...

Кто-то из задних рядов догадался метнуть топор. Я поспешно выстрелил и попал: голова взорвалась, как гнилая дыня, но еще трое бросили в меня топоры, палицы. Я уклонялся, одновременно стреляя в тех, кто пытался подобраться, укрываясь щитами.

Двое прыгнули, и хотя выстрелами я одному разнес лицо, другому разворотил грудь, они едва не сбили меня с ног, а три выстрела ушли в потолок. Оттуда посыпались камешки. Я двигался вдоль стены, не давая себя остановить, все двери распахнуты, чутье подсказало, что из этой вот крайней выбегало меньше всего народу. Я задержал дыхание и бросился в дверной проем, на всякий случай стреляя сразу в обе стороны.

Там послышались крики, в самом деле поразил болтами спешащих к месту битвы. Я заорал как можно страшнее, оскалил зубы и побежал по коридору, стреляя, стреляя и стреляя уже в каждого встречного, на такой войне гражданских не бывает, а если и есть, должны прятаться в погребах.

Сильная боль потрянула голову, в глазах замерцали звезды. Я механически выстрелил перед собой, потом запоздало догадался развернуться и послать три болта вдоль коридора. Там бездоспешный юнец вложил в пращу камень и снова неуклюже размахивал ею, стараясь не задевать за стены. Болт пришил его к стене, как жука булавкой.

— Он наверху! — донесся снизу крик.

По лестнице из холла бежали с оружием в руках с такой яростью и таким напором, что ни один не отшатнулся, когда выстрелы разносили им головы и пробивали тела. Они пада-

ли под ноги бегущим сзади, а я пятился, остервенелый, сея смерть из обеих рук.

В коридоре за спиной появились двое в латах. Я торопливо выстрелил, голова первого запрокинулась. Его отбросило на стену, по ней и сполз, оставляя кровавый след. Я пробежал мимо, всадил два болта во второго, толстого, как винная бочка, в нелепо-пышном кожаном колете, перепрыгнул через его тело.

— Ричард! — заорал я. — Покажись, если ты в самом деле еще рыцарь!

Во рту кровь, правый глаз видит только сквозь розовую пелену, стереть некогда, впереди еще люди с оружием. Я ломился через их ряды, как вепрь через камыш, постоянно стреляя, сбивая всем весом. Тело ноет от ударов, самые умные предпочитают забрасывать издали камнями, палицами, ножами, но метатели хреновые, только один попал острием, остальные кто рукоятью, кто плашмя, организм мгновенно заживляет порезы и ушибы, но меня начало шатать от слабости.

Странно, ни один не дрогнул и не испугался таинственной смерти, бросаются с безумной удалью и гибнут, как мухи в жарком костре. Наконец я увидел за их спинами человека в плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Он вздымал руки, и толпа людей с оружием повиновалась, как волны моря покорны фазам движения луны.

Я стиснул челюсти и, почти не уклоняясь от летящих в меня палиц, топоров и дубинок, ловил мага на прицел. Его все заслоняли телами, наконец я сам бросился навстречу, буквально расшвыривая закованные в железные панцири тела, и всадил в него сразу из двух болтеров.

Мага швырнуло на стену, я со свирепой радостью увидел, как из двух дыр в груди ударили фонтанчики алой крови. Он сполз на пол, а толпа замерла, люди начали оглядываться, растерянные.

Я прорвался на их сторону и понесся как раз туда, где меня не ожидали. Увы, впереди дорогу загородили лучники. Шестеро, до них не меньше, чем двадцать шагов, все тут же натянули луки. Я подхватил из рук убитого стража широкий щит и присел, закрывшись им. Застучало, как град по кры-

ше. Я выждал миг, ударила шестая стрела, я ринулся вперед со страшным леденящим душу воплем. Они успели бы выпустить еще по стреле, но ужас замедлил движения, а кое-кто и вовсе застыл, как жаба перед змеей.

Я ворвался в их строй с грозным ревом, они разлетались, как кегли. Я чувствовал себя зверем, что ломится через сухие стебли тростника за главной добычей.

— Ришар! — прокричал я снова страшным голосом. — Ришар, я обвиняю тебя в трусости!

На дороге к лестнице еще куча народу за панцирями щитов, ошетилилась копьями. Я сразу оценил, что даже с болтерами не пробьюсь, слишком мало места, сомнут, пробежал дальше, там узкая винтовая лесенка, бросился по ней, но это ж на башню, на полдороге выпрыгнул на стену, пробежал. Здесь то ли не ждали, то ли не хватает нужных людей, чтобы поставить на всех возможных путях отступления, но добежал до того места, где взбирался, встречные отпрыгивали в ужасе и срывались во двор.

Пальцы на бегу уже вытащили из-за пазухи веревку, зацепили готовую петлю за каменный зубец...

Уже спускался, когда наверху появилось усатое лицо. Огромная рука занесла нож. Я вцепился в веревку одной рукой, выстрелил. Усач исчез, но не рухнул в мою сторону, я продолжал спускаться.

Нехорошее предчувствие заставило взглянуть вниз. Из ворот крепости выбежали с десятков воинов с копьями. Я был еще на середине, когда они добежали до того места, куда я должен спуститься, и выставили копыя остриями кверху.

Веревка задержалась, наверху ее старательно режут, мелькнули две головы, но мне не показываются, ученые.

Я посмотрел вниз, посмотрел вверх. Сердце стиснулось в смертной тоске. На этот раз не светит даже попасть в плен. В плену все-таки есть надежда...

Наколюсь, как кусок мяса на десяток шампуров, никакая регенерация не спасет...

— Зайчик, — прошептал я. — Зайчик... Ко мне!... И ты, Бобик... ко мне!

Веревка затрещала, я пытался спускаться как можно быстрее, но она дернулась пару раз. Наверху сухо треснуло, раз-

дался торжествующий крик. Я ощутил, как тело стало невесомым...

Пролетел я, казалось, вечность, все это время в смертном ужасе чувствовал, как всей тяжестью напарываюсь на острые наконечники копий, как они с треском рвут мое тело, мышцы, сухожилия, ломают кости, как стальное лезвие вонзается в шею и в затылок, расплескивая все, что можно расплескать... а если в падении успею повернуться, то напорюсь на острия не затылком, а лицом...

Удар показался чудовищным, хотя упал я разве что с высоты в полтора-два человеческих роста. Рухнул на землю и на копья, но все почему-то лежат, а не торчат стальными жалами вверх.

Я повернул голову, в тот же миг на меня обрушилось тяжелое, черное и горячее. Мягкий язык облизал мне лицо, вычистил уши. Я ухватился за могучего зверя и кое-как воздел себя на дрожащих ногах.

Воины Ришара опомнились и уже не разбегались, кто-то присел и начал натягивать тетиву на лук. Еще четверо ковыляли к ним, сильно прихрамывая, а двое вообще ползли.

Зайчик провернулся боком, я ухватился за седло. Конечно, красиво бы вообще со стены прыгнуть прямо в седло, а потом с победной улыбкой...

Впрочем, не придется даже умалчивать о каких-то деталях, сэр Растер дополнит их из своей фантазии. В целях воспитания отваги и безрассудного мужества у молодых рыцарей.

Глава 12

Раны я заживил по дороге, но с седла меня сняли едва живого, бледного, истощенного и дрожащего от холода. Сэр Растер набросил мне на плечи теплый плащ, кто-то забежал вперед, отбросил и придержал полог шатра.

Я вошел, постукивая зубами и ежась, как на морозе. Из-за легкого столика навстречу поднялся встревоженный отец Дитрих.

— Господи! Что с тобой, сын мой?

Я рухнул в соседнее кресло, почти автоматически создал

чашку горячего кофе, жадно выпил, обжигаясь, но почти не замечая вкуса. Отец Дитрих опустил рядом, я перехватил его внимательный взгляд на чашку, однако отец Дитрих лишь повторил вопрос:

— Что случилось?

— Отец Дитрих, — сказал я, стуча зубами, — вы прибыли как никогда вовремя. Это Господь вас надоумил...

— Он надоумливает всех нас, — ответил он кротко, — только мало таких, кто его слушает.

— Я слушаю, — заверил я и снова содрогнулся. Дрожь неохотно покидала тело, время от времени встряхивая его так, что зубы могли бы перекусить берцовую кость слона. — Я ох как слушаю!.. Наверное, потому и полез в это логово.

Он спросил с недоверием:

— Ты был там?

— Да.

— Рискованно.

— Вся жизнь — риск, отец Дитрих.

— Это верно, главное — не потерять душу. Что ты имел в виду, говоря, что я прибыл вовремя?

— Отец Дитрих, у меня плохие новости.

Он перекрестился и сказал мирно:

— В Божьем мире все идет по его планам. И если где-то плохо, то это испытание одним, предостережение другим.

— Да-да, — сказал я нетерпеливо, — наверное. Я узнал, что граф Ришар не склонит голову даже перед всемогущей церковью.

Он ответил на удивление спокойно:

— Когда в деле замешана женщина, этого следует ожидать. Ни перед кем мы так не боимся показывать слабость, как перед женщиной. Убери женщину — и девять из десяти драк прекратятся сами.

— Что делать будем? — спросил я в нетерпении.

Он поинтересовался:

— Сведения надежные?

— Да, — отрубил я.

— Насколько? — спросил он вкрадчиво-мирно. — Сэр Ричард, граф всегда был на хорошем счету. И обвинять его вот так... гм... простите, но когда в деле замешана женщина...

Я сказал рассерженно:

— Сам слышал!

Он поднял на меня внимательные глаза.

— Вы... были именно в самой крепости?

— Да!

— На стенах? — уточнил он. — Где именно вы могли такое услышать? Солдаты могут такое говорить о своих лордах в их отсутствие, что просто и представить трудно...

— В самой-самой, — подтвердил я угрюмо. — Что делать, если кругом криворукие? А я не гнушаюсь и работой простого человека. Простые любят подслушивать и вынюхивать, чтобы потом позлорадничать. Словом, я был достаточно близко от графа, чтобы услышать его собственные слова, что у него могучие маги, которые в состоянии уничтожить любое войско. У них какая-то новая магия, от которой пока не существует защиты! Я даже подумал, что с такой мощью он мог бы сам стать гроссграфом, потом подумал, что его будут бояться и ненавидеть еще больше, чем меня. Он это понимает.

Отец Дитрих кивнул. Лицо стало задумчивым и грустным.

— Ну да, зато теперь может выступить, как избавитель от тирании.

— Да что вы все о тирании, — воскликнул я. — Какой из меня тиран?.. Тиран протирает задницей трон и тиранствует в окружении баядерок. А я, как простой гражданин, пока все спали при бабах, в потемках пробирался по вражеской крепости, подслушивал и вынюхивал во благо будущего Отечества.

— Подслушивать нехорошо, — укорил он мягко.

— Почему? — спросил я.

— Просто нехорошо, — ответил он.

— Не понимаю, — сказал я, — подслушивая, всегда можно услышать что-то интересное. Например, про самого себя.

Он покачал головой, в глазах мягкий укор.

— Сын мой, ты же сам знаешь, вижу, что подслушивать нехорошо! Почему спрашиваешь?

Я огрызнулся:

— Мало ли что знаю. Только у меня эти морально-этические вступают в противоречие, говоря высокопарно, с реаль-

ностью. И грубая реальность, увы, побеждает. Весьма грубо, я бы сказал.

Он сказал сочувствующе:

— Но ты этому не рад?

— Да вот почему-то... Хотя выгоду поимел.

— Сын мой, совесть — такая штука...

Я отмахнулся.

— Отец Дитрих, а если подслушивать не для себя, красавца, а на благо Отечества? Вы еще не представляете, святой отец, какой благородной представят в будущем профессию ныне презренного шпиона политики и власть имущие!..

Он покачал головой.

— Такое невозможно.

— Дуракам можно навязать любые вкусы и мнения, — возразил я. — Императорам, королям и вообще тиранам необходимы тайные службы из шпионов, убийц, палачей и провокаторов. Вы согласны? А раз так, то власть имущие сумеют со временем профессию шпиона и соглядатая представить, как самые что ни есть героические! Это, чтоб в них стремились, чтоб у королей был выбор... Ладно, это во мне видение ложного будущего заговорило. Простите, отец Дитрих... Конечно же, такого извращенного и циничного общества просто не может существовать в природе.

— Ты устал, сын мой, — сказал он мягко. — Тебе надо отдохнуть.

— Отец Дитрих, так что насчет военной магии, которую граф Ришар может обрушить на мое войско? Это не ложное будущее, это реальное настоящее!

Отец Дитрих сказал сурово:

— Если граф Ришар решится в своем глубоком заблуждении применить против наших христианских рыцарей нечестивую магию, новую или старую, то... церковь со всей скорбью, но весьма решительно накажет его за такой непростительный грех.

— Ну да, — сказал я, — это потом. В аду. А что сделать, чтобы его маги не потоптали мое войско сейчас? Завтра? Здесь же все люди — мои!

Он коротко взглянул на меня, грустная улыбка пробежала по бледным губам.

— А ты, сынок, уже гроссграф, — заметил он.

— Ну да...

— О каждом заботишься! — пояснил он. — Как же, твои люди.

Я огрызнулся:

— Граф Ришар — тоже мой человек! И все жители Армландии — мои. Потому я вообще хотел бы сохранить всех живыми и в полном здравии. Чтобы работали, дороги строили, налоги платили, экономику повышали, соседям преимуществ нашего образа жизни показывали... Я, отец Дитрих, предпочитаю влиять на соседей не военной силой, а более развитой экономикой... Мне бы еще богатые залежи нефти и газа найти!.. Отец Дитрих, может быть, мне попытаться выставить против магов графа Ришара тех алхимиков, что работают у меня?

Он нахмурился, глаза блеснули подозрением.

— Сын мой, они еще не очистились от скверны! И хотя просили ввиду большой занятости освободить их от обязательных посещений церкви, я не позволил! Все обязаны бывать на заутренней службе. А двоих я вообще наказал всемошной.

Я смолчал, сам в церковь не очень, но я паладин, от Господа получаю приказы напрямую, к тому же тиран, а не идущий на выборы политик, сказал просительно:

— Все же, отец Дитрих, вы их не очень... Надо соблюдать баланс интересов. Они уже наши люди, хоть и не сразу. В основном, все трудятся над обороноспособностью страны. Поэтому и в подвале. Секретность называется.

Он вздохнул, глаза померкли, а плечи опустились.

— Боюсь, сын мой, уже не успеют.

— Чего?

— Защитить наше войско, — ответил он невесело. — От магов графа Ришара. Если правда то, что давно слышу из разных... источников, у него в руках большая сила.

— Так почему не пускает в ход?

Он посмотрел с сожалением, как на не очень умного.

— Сын мой, такая сила не дробится. Ее копят годами. Когда выпустят, она сметет с лица земли войско или целый город! Затем снова годы только копить и копить.

Я подумал, кивнул.

— Ну, это я, при всей тупости, как раз усвоить в состоянии. Хотя так и не могу понять, почему читать чужие письма нехорошо? В смысле, подслушивать? Ладно, святой отец, не буду отрывать вас от высокого мирскими заботами.

Он хмуро улыбнулся, пытаюсь отвлечь от тяжелых дум, перекрестил.

— Иди с Богом. Укрепись сердцем.

Новый вид магии... Какой на хрен новый вид? Подобные крошки с другого стола. Или даже со стола, что в другом зале. А весь пиршественный зал с множеством богато накрытых столов называется наукой и высокими технологиями. Только он скрыт от нас надежнее, чем тот черный обелиск, проявленный Миртусом.

Этот пиршественный зал незрим, как Небесный Храм, который пытаемся воплотить на земле в дереве и камне, однако он существует. Только проявлять его нужно очень долго, кропотливо, неустанными трудами, упорной учебой, что никому вообще-то не нравится, если все только и рассказывают о счастливицах, кому повезло, кто просто вот так шел, ковыряясь в носу, и р-р-р-раз — наткнулся на сверхсокровища, сверхвозможности!

Я велел отвести от стен крепости все войска, а то кто знает, что задумал Ришар. Военачальники нервничали и то и дело проверяли боеготовность своих отрядов.

Я снова намекнул отцу Дитриху, что раз у нас положение шаткое, то все-таки неплохо бы вызвать сюда наших магов. Это не значит, что пользоваться их услугами, но если вдруг граф Ришар в самом деле... то наши маги могли бы попробовать. Хотя бы попытаться остановить.

Отец Дитрих нахмурился.

— Нет! Ни в коем случае. Магия — это нечестивый образ жизни. В христианском воинстве не может быть и речи, чтобы прибегать к нечистым методам!

Я вздохнул.

— Но если граф Ришар прибегнет? А он считается добрым христианином.

— Он не прибежит, — возразил отец Дитрих.

— А если вдруг?

— Он раскается, — ответил отец Дитрих кротко, очень кротко.

— А если нет?

— Раскается, — повторил отец Дитрих.

Все битвы и сражения начинаются рано утром, но в крепости с утра было спокойно, почти до обеда наше войско пребывало в ожидании и некоторой нервозности, затем палящий зной заставил не просто отступить под тень раскидистых деревьев, но многие вообще сняли тяжелые доспехи, раскалившиеся на солнце.

Когда солнце начало склоняться на западную часть неба, ворота крепости внезапно распахнулись. Мост не опустился, а с грохотом рухнул на сваи. Моментально из-за уже поднятой решетки по нему устремилась тяжелая рыцарская конница.

В нашем стане возник переполох, кони рыцарей Ришара перешли в галоп, копыта медленно опускаются, рыцари пригнулись, так менее уязвимы для стрел и арбалетных болтов, но у наших лучников тетивы спущены, арбалетчики дремлют, положив под головы свое грозное оружие.

Я услышал громовой голос сэра Растера:

— Сволочь!.. Как он мог? Без предупреждения... Какой же он рыцарь? Да быстрее по коням!

Из всей суматохи только Макс не растерялся, я видел, как он орал и выстраивал копейщиков, те торопливо направляли в сторону скачущих длинные пики, тупой конец уткнул в землю, два, а теперь уже и три ряда, эти устоят, но рыцари издали заметили грозное укрепление и сразу же от моста разделились на два отряда, начали обходить наш лагерь справа и слева.

Зайчик подставил бок, я взлетел в седло, бешенство и стыд трясут сильнее, чем трясло утром, рука ухватила молот.

— Хорошо, граф! Надеюсь, вы лично возглавили вылазку...

По мосту проскакал еще один всадник, но осадил коня, вскинул руки. Я запоздало понял, почему рыцарский отряд графа разделился на две части и ушел далеко в сторону. Сразу от моста прямо из земли поднялись на огромных призрач-

ных конях такие же великанские воины с мечами в рост человека.

Они не показались мне призраками, земля загрохотала и застонала под их весом, а стук копыт тяжелых коней слился в грозный гул. За ними поднимаются еще и еще, настоящая конница Древних Великанов, я затрепетал, увидев безумие и голодную ярость на мучнисто-белых лицах.

В нашем стане все как бы застыло, люди в ужасе смотрели на призрачных чудовищ, что пустили коней вскачь, вытягивая вперед исполинские мечи.

— Да черта с два! — заорал я в бешенстве. — Да пусть хоть весь ад пойдет против нас!.. Держитесь, друзья!

Призраки мчались огромные и страшные, доспехи блещут, в руках старинные мечи и топоры, и было ясно, что наши мечи и топоры их не возьмут.

Неожиданно из шатра вышел отец Дитрих, маленький и тщедушный. От ветра трепещет его плащ, седые волосы развеваются, но твердый взгляд его неотрывно устремлен на призрачных всадников. В руках ни посоха, ни жезла, он просто поднял кверху руки, не то благословляя, не то сдаваясь, я услышал его ясный и строгий голос:

— *In nomine Patris, et filii...*

Во главе отряда неслись на звероконях, вбивая землю на ладонь, два массивных воина в старых доспехах и с кривыми мечами в руках. Оба от слов отца Дитриха лопнули, словно взорвались. Во все стороны брызнули струи грязного тумана, другие гиганты лопались, когда достигали некой незримой черты. Лишь самые задние начали останавливаться, кто-то стал оглядываться. И тогда отец Дитрих шагнул вперед, голос его окреп, и все оставшиеся лопнули разом, как наполненные дымом бычьи пузыри.

Глава 13

Маленький и совсем тщедушный, он стоял спокойный и бесстрашный, без всякой рисовки, присущей нам, рыцарям. Мы даже в преклонном возрасте все равно драчливые пацаны, нам до свинячьего писка важно показать себя, и чтоб ни-

чего такого не подумали о нас, а отец Дитрих ничего не показывал и ничего никому не доказывал: в его сторону понеслись новые чудовищно огромные всадники на косматых страшных конях, он вскинул руку и сказал громко и ясно:

— Magetak!

Призраки успели промчаться не больше трех шагов, как их расплескало, словно ударились о летевшую им навстречу незримую стену из несокрушимой стали.

С диким ревом поднялись из земли и пошли в нашу сторону, ступая так тяжело, что содрогается земля, чудовищные исполины из камня. Отец Дитрих молча простер в их сторону длань, плазменный свет ударил со страшной силой налетевшего урагана.

— Pater noster! — произнес он четким голосом.

Каменные гиганты зашатались, самый огромный успел опуститься на четвереньки, и его так отодвигало. Земля трещала, за гигантом оставались глубокие борозды в твердой земле, а остальных разметало, разбросало, размолотило в мелкую гальку.

Не останавливаясь, отец Дитрих шел вперед. Человек на мосту вскинул руки. Над ним клубится черное облако, свирепо бьют резко изломанные молнии. Из земли снова начинает подниматься нечто огромное, рычащее, я ощутил далекий подземный гул.

— Sanctificetur nomen tuum, — сказал отец Дитрих громко.

Маг пошатнулся, опустил руки и указал на Великого Инквизитора. С пальцев ударили слепящее яркие молнии. Я видел как они вонзаются в отца Дитриха, но тот продолжал идти вперед, а когда оба оказались лицом к лицу, сказал ясно:

— Adveniat regnum tuum!

Маг вскрикнул тонким скрежещущим голосом. Его согнуло, он упал на четвереньки, словно хотел поклониться победителю, святой огонь охватил его тело и сжег за доли секунды.

Ветер смел и унес горстку пепла. Все это я увидел, оценил и ощутил, как сердце застучало чаще, нагнетая кровь для рывка. Один отряд Ришара заходит справа, второй — слева, хотя сейчас они подрастерялись, видя, как легко и страшно

расправились с их основной ударной силой, но главное... перед воротами никого!

— В атаку! — заорал я диким голосом. — Все на приступ!.. Захватим крепость!

Зайчик рванулся, поняв мой дикий замысел. Меня отшвырнуло на круп, за мной понеслись послушно и бездумно. В грохоте копыт сильный голос затянул «Кирийе элейсон!», десятки могучих мужских голосов подхватили, заглушив все на свете, и нас понесло, как на крыльях, как на ладони самого Господа,

Я с трудом выпрямился, сдернул с пояса молот, застоялся мой дорогой, зависелся, прости, покажи всю свою ярость, что она же и моя...

— Зайчик, — сказал я, — давай!.. Можем успеть...

Меня снова отшвырнуло на круп с такой силой, что хрустнула спина. Надо мной пронесся злой ветер, я успел увидеть, как сверху промелькнула каменная кладка. Значит, проскочили под аркой ворот, я даже не слышал, как копыта простучали по мосту.

За спиной глухо и тяжело лязгнуло. Огромная стальная решетка из прутьев, толщиной в руку, рухнула сверху и перегородила каменный коридор, отрезав меня от рыцарского отряда.

Я скатился с седла, ко мне бездумно бросились трое, но в моих руках вместо меча уже болтеры. Я всаживал стальные штыри, затем взбежал по каменным ступенькам наверх, откуда управляют воротами, и, всадив два болта в оставшихся, навалился на колесо. Мышцы затрещали, здесь работают вдвоем-втроем, но решетка скрипнула жалобно и медленно поползла вверх.

Поднять ее я не успел и до половины: самые догадливые из моих бросились на землю и проползли на эту сторону. Кто-то сразу вступил в бой, трое подбежали ко мне, я увидел влюбленные глаза Макса.

— Сэр Ричард, — прокричал он, задыхаясь, — мы дальше сами!.. А вы... командуйте!

Я выбежал во двор, решетка медленно ползет вверх, рыцари соскакивают с коней и пешими, пригибаясь, бросаются ко мне.

— Вперед! — прокричал я. — Захватить донжон, казармы!.. На башни — наших стрелков!

Никто не напомнил даже, что мы пока еще во внешнем дворе, закрытом с обеих сторон, видят молот в моей руке. Я с криком размахнулся, молот вылетел из ладони, как воробышек, но в полете набрал мощь летящей скалы. Во вторые ворота грянулся с силой железного слитка величиной с кузницу. Створки затрещали, полетели щепки, обе половинки отбросило в стороны.

Дорогу перегородила другая металлическая решетка. Не растеряйся защитники, нас бы можно сверху стрелами, арбалетными болтами, просто камнями, но двое молодых рыцарей, встав ногами на седла коней, полезли по неровным камням наверх, исчезли, послышался лязг, треск, решетка натужно поднялась.

Мы пронеслись по короткому каменному коридору, здесь еще одна решетка, мы вроде бы в ловушке, но граф слишком много народа увел из крепости, уверенный, что проклятого тирана уничтожат призрачные воины, а им нужно будет только догонять и добивать. Молодые рыцари, соревнуясь в отваге, решетку подняли таким же образом.

Двор просторен и пуст, если не считать множество подвод, телег и дорогих повозок. Я пустил Зайчика к главному входу в донжон, а рыцари без команды заученно бросились в разные стороны захватывать ключевые зоны крепости.

В распахнутые ворота с громким кличем «Ричард!» вливается железоблещущая река стали и ярости. Рыцари и простые воины устремленно мчались к баракам и караульням, стремясь побыстрее сломить сопротивление пока что захваченного врасплох противника.

Молот с веселой яростью ударил в покрытые золотом ворота. Донжон вздрогнул от дерзкого оскорбления. Створки с жутким треском и скрежетом исчезли, оставив в темном проеме на миг зависшие в воздухе щепки старого дерева.

Остатки половинок внесло вовнутрь, сдвигая ковры и сшибая треножники светильников. Чаши еще катаются, медленно успокаиваясь, масло пролито на ковры, но день солнечный, ни один, к счастью, не горел.

Зайчик весело пронесся через просторный холл, я чувст-

вовал, как за мной наблюдают испуганные глаза челяди, а мы взлетели по лестнице вверх. Конские копыта глухо и мрачно стучали через толстый ковер о каменные плиты.

— Наверх, — сказал я, — вверх... еще!

Зайчик бодро взбежал еще на этаж, здесь еще вчера я отчаянно сражался за свою шкуру, а сейчас здесь тихо и пусто.

Коридор тоже пуст. Я соскочил на пол, дверь маловата для нас двоих, начал по очереди открывать двери и заглядывать, стараясь уловить знакомые запахи.

За спиной простучали шаги, прерывающийся голос прокричал:

— Сэр Ричард, не отрывайтесь от нас так далеко!

— Мы победили! — крикнул я ободряюще.

Мощный голос грянул прямо из пустоты:

— Еще нет!

Из пространства навстречу хлынул поток воды, я не сразу понял, что это не вода, однако голоса за моей спиной отдались, а прямо передо мной появился человек в черной одежде, худой и с холодными немигающими глазами ящерицы.

— Сдавайся, — сказал я.

Он засмеялся, сделал короткое движение кистью. Из стены вышла полуящерица-полуженщина, вся покрытая чешуей, даже лицо в чешуе. Глаза должны бы смотреть в роговые щели, но веки были плотно зажмурены.

Она протянула ко мне руку. Я отступил и торопливо сдернул с пояса болтер. Два выстрела продырявили ей грудь, потекла зеленая кровь.

Она вскрикнула яростно, глаза начали открываться. Я увидел, как охнул маг и поспешно прикрыл ладонью лицо. Страх ледяными иглами сыпанул по коже, я отпрыгнул в сторону, женщина распахнула глаза, неожиданно огромные, кроваво-страшные. Я пугливо скакнул ей за спину и с хрустом вонзил лезвие меча прямо в позвоночник.

Страшный вскрик болезненно ударил по ушам, у меня едва не взорвалась голова. Чудовище начало поворачиваться ко мне, я пытался удержать за рукоять меча, но проще остановить гору.

Я ощутил ее взгляд, но сам упорно смотрел в пол, только самым краешком на периферии зрения улавливая ее движе-

ния. В голове зашумело, кровь бросилась в лицо, я ощутил, что сердце начинает стучать чересчур часто, вот-вот взорвется, и вовсе, как и маг, прикрыл рукой глаза.

Она произнесла шипящим голосом:

— Ты победил... Посмотри на меня...

— Да пошла ты, — ответил я и на всякий случай отступил еще на шаг, споткнулся и едва удержался на ногах, но глаза не открывал. — Ты не в моем вкусе.

О пол тяжело ударилось, я рискнул взглянуть, но опять же мельком, женщина-ящерица падала с колен вниз лицом, снова тяжелый удар, я подбежал и выдернул из ее спины меч.

Она перевернулась на спину, глаза быстро тускнеют, убийственное из них уже ушло, лицо потеряло жесткость.

— Спасибо...

— Это всегда пожалуйста, — ответил я нервно, — могу еще раз, если хочешь, только попроси.

В коридоре резко потемнело, прогремели тяжелые шаги, словно приближался незримый великан, способный одной рукой поднять дворец. Маг в глубине коридора вскинул руки и открыл рот для нового заклинания. Я одним движением сорвал с пояса молот. Раздались частые шлепки рукоятью по воздуху, маг даже не вскрикнул, его швырнуло через весь коридор о дальнюю стену. Удар был настолько силен, что дрогнули камни. Я выставил растопыренную ладонь, молот смачно шлепнул рукоятью, а то, что осталось от мага, медленно сползло на пол, оставив на стене кровь, мозги и даже внутренности.

За спиной послышался лязг, звон и быстрые шаги. Макс в измятых доспехах и с кровавой ссадиной на щеке выдвинулся вперед, готовый грудью защищать сюзерена.

Прибежавший за ним рыцарь вскрикнул и указал трясущимся пальцем. Расплескавшаяся на стене кровь медленно становилась черной, вязкой. Струи ее набухли, по камням сползали уже медленно тяжелые потеки, больше похожие на смолу, чем на кровь. А человеческая оболочка съежилась, над ней заструилось ядовито зеленое облачко, в нем заблистали искры.

Я выдернул факел из держака в стене и быстро поднес к темным потекам на стене. Багровое пламя начало лизать не-

человеческую кровь, там вспыхнул огонек, тут же охватил все пространство, куда попали капли. Я отступил, закрывая глаза от жара, а последним движением уже от двери метнул факел на тело колдуна.

Все вздрогнули, труп закричал жутко и страшно. Стало понятно, что раньше было притворство, и только сейчас для мага наступило самое ужасное.

Я стоял на пороге и держал молот в руке, пока огонь не затих, оставив копоть на стене и кучу золы на каменных плитах пола.

— Что... это было? — прошептал рыцарь.

— Соберите пепел, — велел я хмуро, — и развеите по ветру.

Макс спросил тревожно:

— Может быть, потом?

— Сейчас, — отрезал я.

Подоспели еще, блестя металлом доспехов, воины сгрудились, собирая пепел, а я пробежал через коридор, там еще лестница наверх, пронесся, чувствуя себя быстроногим, как олень, заглянул в первую же дверь.

За спиной раздался злой холодный голос:

— Стой! Твой путь здесь закончился!

Я замер, страх парализовал все тело, что-то я совсем не герой, когда вот так на прицеле у арбалета, ощущение такое, словно уже чувствую, куда всадят стальной болт с такого расстояния.

— Что ты хочешь... — спросил я медленно.

Он сказал жестко:

— Узнаешь. Повернись, я хочу взглянуть тебе в лицо. Тот ли ты, кто наводил здесь ужас?

— А почему не хочешь выстрелить в спину? — поинтересовался я, голос мой все-таки подрагивает.

Он сказал со злым смешком:

— А я изволю видеть, в кого стреляю. Повернись, что-то твой голос дрожит!

— Он не дрожит, — возразил я оскорбленно.

— Дрожит, — заверил он и добавил злее: — Поворачивайся!

— Ладно-ладно, — произнес я со вздохом, — я поворачиваюсь... только не спеши. Ты же не захочешь промолчать, какой ты крутой и как ловко ты выследил меня.

— Это мое дело, — бросил он зло. — И мне решать. Думаю, я не стану тебе такое рассказывать, ты и так все понял. Поворачивайся!

Я начал поворачиваться по миллиметру, будто скованный страхом, а когда неизвестный должен был решить, что я так буду еще целую минуту, а то и две, крутнулся со всей скоростью, какую только мог развить, одновременно сжимая рукоять болтера. Человек с арбалетом в руках дернулся, когда три стальных стержня прошли его насквозь, а его стрела с сухим шелчком сорвалась с тетивы и ушла в потолок.

Нервы мои едва не лопнули, я уже задействовал было всю регенерационную систему, готовясь заживлять рану от стальной стрелы, куда бы он ни попал. Ноги дрожали и гудели, когда я подошел к убитому. Зря он вот так решил побахвалиться, глупое любительство, желание продлить наслаждение, власть над перепуганной жертвой, чтобы запомнить ее страх и потом растягивать наслаждение, вспоминая эти сладкие минуты.

Два стальных стержня пробили голову, превратив в кровавое месиво, а третий оставил сквозную дыру чуть ниже кадыка.

В третий зал с противоположной стороны вошли двое, оба в темных одеждах, лица закрыты капюшонами, у обоих в руках посохи: старый резной и с драгоценным камнем в набалдашнике, второй — простой, недавно выструганный.

Они разом выставили посохи, я точно таким же движением вытянул вперед меч Арианта.

— Битва проиграна, — сказал я громко. — Крепость захвачена!.. вы можете сдать.

Старший маг ответил резко:

— Мы еще и не начинали.

Младший спросил:

— Просто уьем или превратим во что-нибудь?.. Может быть, как-нибудь изуродуем для потехи?

— Мы его лучше, — начал старший маг зловеще, — изменим в...

Он охнул, дыхание его прервалось. Младший, как и его учитель, застыв, смотрел на мою руку. Я проследил за его взглядом, кулак у меня хорош, но встречаются и побольше.

— Кольцо Всевластия, — прошептал старший маг в благоговейном ужасе. — Мы только видели его изображение...

— На гербе гильдии магов, — уточнил младший. Он тоже смотрел на мою руку, бледнея и трепеща всем телом. — Великая честь даже видеть этот знак над воротами их храма!

Я поднял руку, подвигал пальцами. Уже тесно от колец, больше половины я даже не знаю, как работают. Может быть, это и к лучшему. Кто знает, как действуют эти кольца всевластия на самого Верховного Мага.

— Да ладно, — сказал я вяло, — это всего лишь кольцо.

— Всевластия, — напомнил старший маг трепетно, — всевластия!

— Ну вот, всевластия... — согласился я. — А я — демократ. Мы с демонами и прочими людьми плечом к плечу сражались против этого самого всевластия. За гуманизм и выборную систему. Итак, на колени!

Они не просто опустили на колени, а рухнули, словно им срубили ноги. У младшего клацнули зубы.

Я сказал резко:

— Граф Ришар повержен! Отныне я ваш хозяин. Зла на вас не держу, вы лишь исполняли приказы, потому моему нещадному гаагскому трибуналу не подвластны. Будете работать на меня. Как вернеры фон брауны.

Говорил я холодно и властно, как и положено лорду, а еще и властелину Кольца Всевластия. Оба смотрели на меня со страхом и уже зачатками трепетного восторга, ура, будут служить самому обладателю такого кольца.

— Да, господин! — сказал старший истово. — Все будет, как ты велишь! И как пожелаешь. Меня зовут Геннегус.

Я кивнул.

— Ага, будет. А пока снимите все оставшиеся защитные барьеры.

Он спросил:

— Здесь, или и по всей крепости?

— И здесь, — сказал я резко, — и там. Не хочу, чтобы кто-то из моих людей вступил в какое говно. Я своих людей берегу!

Геннегус кивнул младшему, тот вскочил и опрометью бросился к двери, а сам взмахнул руками, прокричал тонким

отвратительным голосом. На стенах проступили невидимые раньше узоры.

Геннегус сказал просительно:

— Убирать и спящие?

— И самые долговременные, — велел я. — Сюда явится сам Великий Инквизитор!

Он охнул:

— А как же...

— Договоримся, — заверил я многозначительно. — У меня смывка с официальной церковью. На взаимовыгодной основе.

Он посмотрел на меня с еще большим, если только можно, почтением.

— Да-да, хозяин! Все здесь убираем...

Он снова взмахнул руками. Узоры на стенах налились ядовито-зеленым цветом, начали утолщаться, вздулись, как виноградные лозы, некоторые увеличились до размеров сытых змей, грозно и пугающе зашевелились.

У меня мелькнула мысль, что маг может и схитрить, напрягся и приготовился действовать, однако по взмаху рук колдуна все сплетение начало сползать по стене, будто та стала скользкой, как лед.

Стиснув зубы и с бешено колотящимся сердцем я смотрел, как это непонятное растекается грязным киселем и быстро впитывается в ковер, а через него — в каменный пол. Мы уже считаем себя хозяевами этой земли, но после Великой Войны Магов ее первыми захватило вот такое непонятное, а человек снова и снова, как слезшая с дерева обезьяна, тайлся и прятался, очень медленно осваивая заново дубинки, каменные топоры и пращи, отвоевывая сперва крохотный участок, которым побрезговали монстры, а потом медленно его расширяя.

Сейчас отдельные умельцы, как этот маг, сумели даже подчинить это вот, заставили засыпать на нужное время, а потом просыпаться по кодовому слову и убивать.... Или что они еще могут, как убивать, но сколько еще всякой гадости осталось после войны, как неразорвавшиеся снаряды?

— Все? — спросил я.

— Да, — ответил он торопливо. И добавил с жалостью: — Два года ушло...

— Будешь работать над важными вещами, — заверил я строго. — Над созиданием и возвышением, а также увеличением и ускорением. Ладно, веди к покоям леди Лоралеи!

— Как велите, хозяин!

Глава 14

Я пустил его впереди, если и остались где мины, пусть рвутся под ним. Впереди выглядывали головы и тут же скрывались. Залы становятся все богаче. Эта часть уже будто не принадлежит крепости, а почти дворец. Молодец граф, с виду держится рубакой и солдатским отцом, но пожить красиво любит.

Впереди показалась невыносимо блещущая золотом дверь, по обе стороны двое стражей громадного роста. При виде нас беспокойно задвигались, в руках копья толщиной с деревья, я демонстративно опустил ладонь на молот, а маг сказал громко:

— Вы меня знаете. Отойдите и откройте дверь.

Один из стражей сказал мрачно:

— Вас знаем, а... это, если не ошибаемся, сэр Ричард?

— Гроссграф Армландии, — добавил я. — Не подчиниться которому — мятеж. А мятеж карается не то медленным удушением, не то четверованием.

— Мы повинемся только лорду Ришару, — заявил страж.

Второй нервно кивнул и опустил забрало. Я взял в руку молот.

— Ну, ребята. Вы сами напросились. Я долго смирял гнев... Но сейчас вы меня разозлили...

Они побледнели, но с мест не сдвинулись. Геннегус вскрикнул:

— Хозяин, позволь? Я сам....

— Давай, — процедил я сквозь зубы.

Он сказал несколько слов резко и высоко. Глаза стражей погасли, оба молча убрали копья и отступили от двери.

— Молодец, — сказал я.

— Служу вам, — сказал маг.

— Нет, молодец, — пояснил я, — что не хочешь лишней крови. Когда можно без смертей и увечий. Надо так... да.

Он кивнул, понимая, что да, похоже, я точно из числа магов, пусть и скрывающих это. Маги вообще-то питают отвращение к убийствам, для них куда важнее сама власть над природой, в том числе и людьми, а вот пролитая кровь и расплесканные по стенам мозги... фи, грубо.

Дверь распахнулась, я шагнул первым, плечи расправлены, грудь вперед, подбородок выпячен, на лице каменное спокойствие победителя.

Лоралея повернулась от окна, со двора доносятся слабые звон, лязг, крики — лицо бледное, глаза трагически расширены.

— Боже, — прошептала она, — какой ужас...

— Дарвинизм в действии, — сказал я. — Леди Лоралея, в крепости поменялась власть, а у вас — муж. Прошу идти со мной.

Она быстро взглянула на мага.

— А... лорд Ричард?

Он прошептал торопливо:

— Я служу великому хозяину сэру Ричарду.

Я еще больше выпятил грудь, а в голос подбавил сарказма:

— Леди Лоралея, вам нужны еще какие-то доказательства?

Она опустила голову.

— Нет, сэр Ричард.

— Тогда следуйте за мной, — сказал я повелительно.

Мужем или супругом не назвала, мелькнуло в голове, я пока что сэр Ричард, но, думаю, это продлится не дольше, чем до ночи. Маг пропустил Лоралею и пошел последним.

Впереди снова пару раз выглянули, но так быстро, что я не успел рассмотреть даже гендер, а уже на лестнице мы встретили бегущих навстречу наших рыцарей.

Они вскинули мечи в приветствии, с лезвий стекает кровь. Сердце мое на миг болезненно сжалось, ну да ладно, это называется подвигами, в холле уже собирают челядь, мужчин бьют, женщин насилуют, а мы вышли во двор, где я указал на повозки.

— Выбрать лучшую!

— Будет сделано, — сказал маг.

— Не самую красивую, — уточнил я, — а самую надежную.

Впервые что-то вроде болезненной улыбки проступило на губах Геннегуса.

— Будет сделано, — повторил он. — Я сам буду охранять ее в дороге.

— Хорошо, — сказал я и добавил с угрозой: — Головой отвечаешь, понял?..

Он торопливо кивнул.

— Да-да, господин! Разве я осмелюсь ослушаться хозяина Кольца Всевластия?

— Отыщешь Миртуса, — сказал я. — Поступишь в его распоряжение. Это наш верховный маг.

Леди Лоралею под охраной провели к повозке, маг потоптался возле меня, в глазах вопрос, наконец решился:

— А... как насчет святой инквизиции?

— У меня дуализм, — объяснил я. — Два крыла, как и надлежит такому орлу. Взаимодействие, а не взаимоуничтожение.

На его лице вспыхнул восторг, хотя в глазах оставалось сомнение, такое невероятное взаимодействие не может продлиться долго, но поклонился и быстро побежал к повозке.

Из конюшни выскочил его помощник, в поводу двух знаменитых коней графа Ришара. Я смотрел как оба взобрались в седла, рыцари окружили повозку плотным кольцом. Лоралея выглянула, я махнул рукой, и вся кавалькада двинулась в сторону зияющего пролома на месте ворот.

Помощник мага оглянулся в мою сторону, сгорбился, перехватил мой взгляд и что-то сказал торопливо старшему. Тот отвечал, судя по его виду, тихо и не поворачивая головы, даже в посадке на коне чувствуется тревога и неуверенность.

Еще бы, мелькнула мысль. Переходить к научному методу познания трудно и мучительно. Вся прелесть магии в том, что некто может делать то, что не могут другие. В науке вроде бы то же самое, но там каждый может достигнуть вершин, а в магии в ходу тайны, недоговорки, всякие избранные да посвященные, а каждый лодырь мечтает оказаться именно тем счастливым, кому повезет стать особым уже от рож-

дения. В несказочной области это быть внебрачным сыном или дочерью графа, герцога, а то и короля, чуть позже по эпохе — внуком одинокого миллиардера, а в нашем мире — наткнуться в мусорном баке на лампу Аладдина.

Да, именно, чтоб повезло, потому что трудом и упорством — неинтересно. Это путь умных да настойчивых, но даже им в глубине души хотелось бы сразу овладеть могуществом, а еще чтоб другие им овладеть не могли. И тогда можно их снисходительно называть, скажем, маглами, а себя считать лучше уже на том основании, что за пазухой волшебная палочка.

Рыцари орали и, сняв шлемы, подцепили их на острия мечей и высоко подняли в воздух. Солнце ярко играет на блестящем металле, зайчики скачут в глаза, все по-дикарски дерзко, дико и весело.

Отец Дитрих проводил взглядом отъезжающую повозку. В запавших старческих глазах Великого Инквизитора я усмотрел облегчение и непонятную печаль.

— Поздравляю, сын мой.

— Спасибо, святой отец, — ответил я с чувством. — Я все еще не могу прийти в себя... ну, перед глазами все те всадники.

Он не спросил, какие, хотя я с изумлением видел по его лицу мелькнувшую тень непонимания, но затем он вспомнил и небрежно отмахнулся.

— А-а, это пустяки.

— Ничего себе, — запротестовал я. — Они бы нас всех стерли в порошок! То-то граф Ришар держался так уверенно!

— То была нечистая сила, — ответил он мирно. — Мне трудно поднять руку на человека, но когда встречаю такое... Я не просто этому хорошо обучен, сын мой. Это то, что умею делать лучше всего. Хотя это, скорее, побочное от моих занятий святыми текстами. Бывает такое, занимаешься одним, а потому обретаешь что-то еще.

— Хотел бы я так обрести что-то попутно! Все равно спасибо, святой отец! Вы спасли наши шкуры.

Он слабо улыбнулся.

— Твою еще не спас.

Я насторожился.

— Как это?

— Как нет пользы от колец в ушах для дикого осла, — проговорил он задумчиво, — так нет пользы от женщины с важной осанкою, если лукава в словах своих, лишена мудрости, словоохотлива и многоречива. Сходиться нужно с теми женщинами, которые сами за это будут благодарны. И в этом, сын мой, тебе пока что повезло...

— Спасибо, святой отец, — сказал я горячо.

— Не за что, — ответил он кротко. — Но в твоём счастье есть и доля искушения...

— Опять?

— Всегда, сын мой. Даже не доля, но это ощутишь чуть погодя.

— Справлюсь, — ответил я самоуверенно.

Он перекрестил меня, в глазах непонятная грусть.

— Хотелось бы. Искушение слишком велико.

Он проговорил сдержанно, но я уловил печаль в его обычно суховатом голосе:

— Увы, многих сгубила женская красота, ибо любовь красавицы подобна испепеляющему пламени.

Какая на фиг красота, мелькнула злая мысль. Да, Лоралея красива, кто спорит, но красота — это так мало для продвинутого вроде меня. Я же знаю, что самая что ни есть уродина может стать красоткой в руках опытного хирурга тысяч за пятьдесят евро, а за сто пятьдесят, так и вовсе Мисс Мира, так что на красоту уже не ловимся, это здесь еще ловятся... да и здесь, думаю, это второстепенное. Лоралея чарует мужчин совсем иным...

Из-за леса с шумом и гамом выехал блешущий сталью доспехов и наконечниками копий конный отряд. Впереди гордые Макс, Зигфрид, Ульман, Тюрингем, а в центре сэра Растер на своем грузном брабанте наклоняется к едущему рядом пошатывающемуся всаднику и время от времени поддерживает его в седле.

Когда всадник с трудом поднял голову, я с облегчением узнал графа Ришара. Макс пустил коня в галоп, издали вскинул руку в воинском приветствии.

— Сэр Ричард!.. Граф Ришар захвачен. Его рыцари сложили оружие!

— Великолечно, — сказал я. — Он ранен?

— Только оглушен, — заверил Макс. — Сражался храбро, но сэр Растер очень умело запустил в него топором! Я никак не думал, что его можно бросить так далеко и так точно.

— Обухом?

— Прямо в лоб, — ответил Макс восторженно. — Зазвенело так, что рыцари графа сразу опустили мечи. Барон Альбрехт хотел у них их отобрать, но сэр Растер воспротивился. Дескать, пусть благородные рыцари оставят их при себе, он верит им на слово.

Я буркнул:

— А ты веришь?

— Верю, — ответил он без малейшей заминки, но я понял, что больше верит Растеру, чем рыцарям графа. — Да и что им еще остается?

Отряд приблизился к нам, графу Ришару помогли слезть с коня. На шлеме заметная вмятина, а когда его с великим трудом сняли с головы графа, на лбу уже пламенеет, расплываясь, громадный кровоподтек.

Он поднял на меня налитые кровью глаза.

— Граф Ришар де Бюэй! — произнес я строго, в то же время стараясь не выказывать никаких личных чувств, сейчас я не мужчина, который отнял взад женщину, а мудрый и справедливый правитель. — При всем моем уважении к вам... И даже почтении, не побоюсь этих слов, должен сказать с прискорбием, что вы нарушили договор о мире, а также вассальную клятву! Я могу и просто обязан ваши действия расценить как измену. Прямое неповиновение гроссграфу, мятеж, рокош...

Он сказал хриплым измученным голосом:

— Вы... не гроссграф...

— Разве?

В нем чувствовалась стальная жилка, пошатывается, в черепе наверняка все еще звон, мысли путаются, но взял себя в руки и прохрипел:

— Нет.

— Почему?

— Мало ли кем себя называете, — проговорил он медленно. — На съезде лордов вас еще не утвердили.

— Лорды съезжаются неспешно, — согласился я, — но у вас есть основания считать, что я не буду гроссграфом?

— Сейчас вы еще не гроссграф, — ответил он упрямо.

— Уклоняетесь от прямого ответа?

— Вы не гроссграф, — повторил он, чуть возвысив голос, и невольно скривился, явно в черепе стрельнуло острой болью.

Я кивнул.

— Формально да. Я, скажем, лорд-протектор Армландии. Как Кромвель. Уж против этого возражать не будете?

Он произнес глухо:

— Я не приносил вассальную присягу лорду-протектору.

— Да, — согласился я, — формально вы не нарушили вассальную присягу, так как ее еще не принесли. Согласны?

— Да, — согласился он угрюмо и настороженно.

— Тогда и я, — ответил я, возвысив голос, — не нарушаю свои обязанности защищать вас, как вассала. Вы у меня украли жену, как просто у одного из лордов. Я осадил ваш замок, как один из обычных лордов, согласны?

Он буркнул с неуверенностью:

— Да.

— И потому теперь, — закончил я, — не связанный никакими законами и обязательствами сюзерена, поступлю с вами, как изволю.

Сэр Растер прогудел довольно:

— Правильно! Все сжечь, все разрушить, женщин изнасиловать, мужчин перевешать, посуду перебить...

— Видите? — сказал я побледневшему пленнику. — Выгоднее воевать с гроссграфом! А так... словом, ваше хозяйство, конечно же, пограбим, таков священный закон войны, а кто мы такие, чтобы нарушать древние обычаи? Неприлично и как-то унижительно для победителя не воспользоваться плодами победы. Будто чего-то опасаемся! Так что исполним все необходимые ритуалы, вы их все знаете, не раз применяли к побежденным, разве что теперь применим к вам и вашей крепости. Но все-таки пограбим милостиво.... В смысле, главный приз я уже отнял, а все остальное будет по мелочи. Сэр Растер, приступайте! Но помните, что граф Ришар вовсе не неприятель, а заблудшая душа.

Глава 15

Облака ушли, подул ветерок, все в мире стало яснее, отчетливее, я даже на далеких деревьях различал каждый листок, и голова не кружится.

Солнце медленно сползает по небосклону, вершины гор вспыхнули алым огнем, но от них почему-то на равнину пала грозная тень. Воздух чист и прозрачен, его как будто нет вовсе, перед нами плавными уступами, как застывшие волны гигантского каменного моря, опускается выжженное солнцем плоскогорье.

Все еще весь во власти недавней схватки, впечатлений море, я смотрел поверх остроконечных ушей Зайчика и думал, что женщины очень любят, когда их называют жестокими. А вот мне такое ни к чему, так что все непопулярные меры надо либо как-то объяснять, либо спихивать на кого-то другого. Если на своих соратников, то потом надо смещать и отодвигать в тень, что крайне невыгодно: кадры надо беречь, но есть старый добрый вариант внешней угрозы. Если это работало всегда и во все века, то сработает и сейчас...

Это к тому, что Тоннель самое то: объединит Армландию, как ничто больше. Все-таки по ту сторону, не надо забывать, Юг. И хотя настоящий лежит по другую сторону океана, но когда-то южане сумели и здесь закрепиться. Не стоит забывать, что королевство Кейдана находится во власти императора Генриха, резиденция которого за океаном. Ну, как Крым когда-то был греческой колонией...

За спиной громко простучали копыта, я смахнул далеко идущие мысли и принял уверенный вид победителя. Подъехали и пустили рядом коней барон Альбрехт и Растер. Барон почему-то совсем не радостный, на лице тревога.

— Что-то стряслось? — спросил я.

Он сказал невесело:

— Сэр Ричард, вы смотрите даже за горизонт, но не всегда видите то, что под ногами. А там уже разверзается яма. Даже пропасть. Без дна...

Я насторожился.

— Вы о чем?

— Об этой женщине, — ответил он и посмотрел мне прямо в лицо. — Сэр Ричард, вы отняли ее у графа Ришара про-

сто потому, что вы — сильнее. Он граф, а вы — грессграф. Но это никак не вяжется со справедливостью, о которой вы говорите. Вы сами подрубили ей корни.

Я стиснул челюсти, а кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Так хочется врезать ему железным кулаком в морду... особенно потому, что говорит правду.

— Еще не подрубил, — вступился сэра Растер. — Ну, подумаешь, рубанул разок... У справедливости крепкие корни! Да и не тот человек наш сэра Ричард, что вот так терять голову. Он — лорд. Гораздо больше, чем все мы вместе взятые.

Какой я лорд, мелькнуло горькое. Я тиран, верно сказал барон Альбрехт. У меня нет никаких законных прав, чтобы отнять у графа Ришара женщину, но я ее отнял. Только потому, что я — сильнее. Я не правитель, я тряпка. Такая же, как Менелай, что из-за Елены начал кровопролитную десятилетнюю войну, в которой за исключением самого Менелая и Одиссея погибли все эллинские герои до единого. И после которой в Элладе уже не осталось героев вообще.

Я сказал хрипло:

— Все поправим. Граф Ришар... получит компенсацию.

— Какую?

— Подумаем.

Альбрехт сказал бесстрастно:

— Вряд ли он ее примет. Граф — гордый человек.

— Придумаем что-нибудь, — ответил я, но внутри болезненно жалось. — Граф... разумный человек.

— В отличие от вас? — поинтересовался Альбрехт. — Не в силах поступать разумно, вы рассчитываете, что хотя бы другие будут поступать разумно?... Такое возможно, однако... я не видел еще, чтобы такое случалось. Сэра Ричард, я вижу впереди кровь, пожары, разорение, тысячи бегущих из Армландии, заросшие лесом поля и стаи волков в опустевших деревнях...

Навстречу выдвинулся лес, но дорога пошла по опушке, мы в благословенной тени, можно хоть на время спастись от жары. Далеко за деревьями видна полянка, оттуда доносится сухой стук. Присмотревшись, я увидел как там мелькают два яростных оленя, сцепившихся ветвистыми рогами.

В памяти сразу всплыла яркая картинка, как мы с Растером наткнулись на таких же оленей, что сражались жестоко и

бескомпромиссно. Тогда мы смотрели только на этих удалых бойцов, сейчас же я пошарил взглядом и наконец отыскал кроткую хорошенькую самочку, что мирно щипала траву в сторонке.

Да-да, кто победит, с тем и пойдет. Потому что он самый сильный. Женщина должна принадлежать самому могучему. От него и потомство здоровее, и защитить это самое потомство сможет.

Победит вот тот с разорванным ухом, она пойдет с ним на левый холм и будет считать, что левый холм — самое замечательное место на свете. Почему? А как иначе, ведь сюда ее привел ее муж и повелитель, а он — самый лучший, все знает и умеет.

Если же победит другой олень — пойдут на правый холм. Или в долину, неважно. И везде самочка будет безмятежно уверена, что лучшего места не бывает. По той же причине.

Я даже не знаю, нужны ли самочке вообще хоть какие-то мозги, если за нее все решают самцы. Может быть, секрет в том, что Лоралея моментально принимает взгляды того самца, который ее завоевывает, тем самым доказывая ей, что — самый могучий, самый сильный и вообще самый-самый?

Ладно, если поведение и сокровенную суть Лоралеи хоть как-то и объяснил, пусть совсем коряво, то поведение лордов не лезет ни в какие ворота. Про себя молчу, вообще стыдно подумать, что я тоже... этот. Да. Этот самый.

Мимо пронеслась, как ветер, повозка, впряжены красавцы-кони, реквизированные по праву войны из владений графа Ришара. Обогнав нас, притормозила, занавеска откинулась, выглянул смеющийся отец Дитрих.

Когда мы догнали, он сказал с чувством:

— Спасибо за коней, сын мой. Я сегодня же буду в крепости. Хоть и ненадолго отлучился, но успел соскучиться.

Барон Альбрехт быстро взглянул на меня и спросил громко:

— Как думаете, святой отец, всегда ли женщина — зло? Или от них бывает хоть иногда и польза?

Отец Дитрих сказал со вздохом:

— Помню, когда я был молодым, подслушал разговор двух престарелых настоятелей... Один спрашивает другого, святой отец, вы когда были в последний раз с женщиной?

Тот отвечает: полгода тому. А я, отвечает второй довольно, два года! Тьфу-тьфу, не сглазить бы!.. Ушли, посмеиваясь, а я остался в недоумении: дураки, чему радуются?.. Теперь понимаю.

Я посмотрел исподлобья.

— Я и теперь не понимаю.

Он вздохнул.

— Понимаете. Другое дело, не принимаете.

Он махнул рукой кучеру, кони рванулись, и коляска через пару мгновений скрылась далеко впереди. Барон Альбрехт с досадой хлопнул себя по боку.

— Черт... Придется и мне...

— Что? — спросил я с любопытством. — Завести себе женщину?

— Я что, — огрызнулся он, — совсем дурак? Коня нужно завести другого! Я так привык к своему буланому, что и в голову не пришло взять по праву войны из конюшни графа хоть одного коня.

— Обязательно возьмите, — посоветовал я. — Пока не поздно. Потом грабить будет уже неловко. Да и просто нельзя.

Он остановился коня.

— Тогда я вернусь?

— Да, — сказал я. — С новым конем догоните нас быстро.

В крепости меня ждал сюрприз: благородный сэръ Альвар Зольмс, командующий двумя полками элитной конницы Фоссано, по прямому приказу своего начальника первого гарнизона, графа Рейнфельса, сумел с тремьями прекрасно вооруженных рыцарей первым добраться через все болота до нашей крепости и жаждал быть представленным коннетаблю и получить от него приказы, что делать дальше.

Благодарный от победы, я передал через слуг, что приму его лично в своих покоях вечером. Лоралей вошла в свои покои с таким видом, словно никогда здесь не была, я терпеливо напомнил ей, что вот здесь ее угол с одеждой, здесь обувь, вот колокольчик для вызова слуг...

Ее лицо оставалось непроницаемым, а когда я попытался ее поцеловать, холодно отстранилась. Я поклонился, сдер-

живая улыбку. Мы это уже проходили, знаем, как пойдет дальше.

— Леди Лоралея, — произнес я почти официально, — вечером я принимаю лорда Альвара Зольмса. Это один из важнейших вельмож королевства Фоссано. Правда, здесь он подчинен мне... Я не хочу, чтобы у него создалось впечатление, что в Армландии одни грубые дикари. Постарайтесь в интересах державы и просвещенного армландизма устроить хороший стол и вообще создать милую обстановку... Ну, там свечи, розовая вода, запах благовоний...

Она наклонила голову.

— Я сама прослежу за ужином.

— Спасибо, — сказал я и добавил церемонно, — вы очень любезны, леди Лоралея.

— К вашим услугам, — ответила она почти враждебно и уточнила на всякий случай, если я совсем круглый дурак: — В интересах нашей Армландии.

— Да-да, — поспешно сказал я и отступил с поклоном, — в ее великих интересах.

Она вышла из комнаты, а я, чувствуя себя довольно глупо, прошел на балкон, откуда видна большая часть двора, стены, башни и даже далекие горы.

Завтра с утра обязательно рвану к Тоннелю. Там поблизости наверняка уже войска десятка моих верных вассалов. Вторжение с такими силами начинать еще нельзя... хотя, кто знает, но можно разместить их в герцогстве Брабант...

В бок резко кольнуло, я еще не понял, что случилось, и тут же взгляд упал на человека, который вышел из типографии, поднял голову и торжественно перекрестился, глядя в небо с таким видом, словно оттуда видят только его одного.

— Чертов Ульфила, — процедил я злобно, — все еще не уехал... нет, точно в шею придется...

Мимо Ульфиеллы шествовал сэр Грандкорт, спокойный и величавый, как гусь среди уток, и Ульфила изменил бы сам себе, если бы не оглядел благородного и немолодого рыцаря с головы до ног и не спросил сварливо, что он делает, шатаясь вот так по двору, когда есть церковь, есть крест, когда можно молиться, общаться с людьми, разговаривать со святыми отцами о высоких истинах...

Сэр Грандкорт в свою очередь с неудовольствием оглядел

с головы до ног невзрачного священника, и я услышал, на-
прягая слух, как он процедил сквозь зубы:

— Я разговариваю с собой.

Отец Ульфилла вскрикнул:

— Что? Вы с этим дурным человеком еще и разговари-
ваете? И даже общаетесь?... Немедленно порвите с ним вся-
кие отношения и прямо сейчас падите на колени и со всем
жаром души поговорите с Богом!.. Только он выслушает и
поймет вас!

Сэр Грандкурт поморщился.

— Господь и так все видит и слышит. Ему не нужен мой
громкий голос.

— Голос нужен не Господу, — отрезал Ульфилла, — а
вам, несчастный! Господь живет в каждом из нас, но услы-
шит он только, если внятно облечете свое мычание в гром-
кие и ясные слова, чтобы сами их поняли и прочувствовали.

Сэр Грандкурт спросил грозно:

— Это у меня мычание?

— А попробуйте сказать вслух, — предложил Ульфилла
со злым ехидством. — И сами узрите!

Он ушел, оставив сэра Грандкурта шевелить складками
на лбу, а я подумал с нехорошим предчувствием, что Уль-
филла слишком быстро обучается и полемике, за словом в
карман не лезет, а мы уже знаем, что фанатикам воли давать
ну никак нельзя.

Отец Дитрих счастливо перебирал листки, отпечатанные
за время его отсутствия. Молодые священники сутились во-
круг, наперебой показывая эскизы обложек: уже не только
из серебра и золота, но и варианты для бедных — из меди,
латуни и даже бронзы.

Он оглянулся на стук моих шагов, в глазах восторг, а
пальцы дрожат от жадности, не желая выпускать духовные
сокровища.

— Ах, сэр Ричард, — сказал он счастливо, — я просто как
в раю!.. Подумать только: всего за месяц можно получить эк-
земпляр Библии! Это же немыслимо просто.

— Да, — сказал я важно, — это скорость... Правда, когда
ребята наловчатся, то можно еще быстрее. Как второй стан?

Отец Дитрих засиял так, что мог бы осветить целый город, лицо озарилось, как у ангела.

— Это моя вторая радость, — произнес он ликуяще. — Скоро соберем! Почти все части готовы. Не могу себе представить: два экземпляра Библии в месяц!.. Это же сколько можно напечатать за год?

— Уйму, — подтвердил я очень серьезно. — Однако надо будет развивать книгопечатание и на местах. Мы не зря передали чертежи отцу Ульфилле. Кстати, он все еще здесь! Надо ему подсказать деликатно, что, если за сегодня не убереется, завтра вытолкают за пределы крепости пинками. За такой приятной операцией я прослежу лично. Мое терпение лопнуло.

Он поморщился, указал мне на деревянную скамью, сам сел на соседнюю, не выпуская из рук драгоценные листки.

— Да, — ответил он, — удивительно неприятный человек. Не может не наживать врагов. Но он бьет по самому чувствительному месту, и люди его слушают.

— Какому? Обличает богатых?

— Не только, — ответил отец Дитрих и вздохнул. — Человек не Бог, но и не скот. И он чувствует, когда слишком уж скот... Чувствует, но... живет. Все живут, и он живет. Каждый находит оправдание своему скотству в том, что не один. Но иногда находится некто, у которого хватает сил сбросить с себя скотство и завопить: «Люди, опомнитесь, куда мы идем?». И тогда маятник может качнуться в другую сторону. Порой... излишне резко.

— Знаю, — ответил я тоже невесело, — проходили. Савонарола, Торквемада...

— Савонарола? — переспросил он. — Ты уже упоминал это имя. Он тоже начинал вот так?

Я отмахнулся.

— Не совсем. Девушка, которую любил, посмеялась над ним, а он с горя ушел в монастырь. И там неожиданно для себя открыл новый мир. Увлёкся. Сам начал выступать с проповедями. Сперва в своем монастыре, потом перед народом. Требовал обновления церкви, обличал испорченность нравов и, главное, не стеснялся в выборе выражений. Тут, главное, не стесняться в выражениях, народ любит скандальные разоблачения. Вскоре его избрали настоятелем знамени-

того монастыря Сан-Марко. Ну, он и разошелся... После его речей дамы перестали одевать в церковь украшения, купцы возвращали найитое обманом добро, а затем дошло до того, что женщины и богатые юноши срывали с себя золотые украшения и бросали в огонь.

— Ого, — произнес отец Дитрих пораженно, — какой молодец!

— Ну да, — ответил я саркастически, — кто спорит...

— А мужчины после его проповедей, — спросил он, — брали в руки оружие и шли погибать за Отечество?

— Вот именно, — подтвердил я. — Даже самые распутные!

— Поразительно!

— Да нет, это как раз объяснимо. После речей Савонаролы им становилось стыдно, спешили кровью, так сказать, смыть свой позор и падение.

— Да, — произнес отец Дитрих торопливо, — рассказывайте. Рассказывайте об этом удивительном и замечательном человеке...

— Гм, — сказал я, — насчет замечательности спорно...

Отец Дитрих озабоченно качал головой, лицо приняло озабоченное выражение. Я продолжал рассказывать, опуская точные географические данные, имена и даты, как Савонарола не щадил никого: громил в проповедях священников, лордов, граждан и купцов, крестьян и солдат, холостых и женатых...

Когда правитель Флоренции Петр Медичи запретил ему проповедовать во время поста, Савонарола перебрался в Болонью, где жена правителя Болоньи приказала своим телохранителям убить дерзкого проповедника за то, что он прямо в церкви назвал ее дьяволом.

В своем монастыре Сан-Марко Савонарола продал все церковное имущество, изгнал всякую роскошь, а монахов заставил, неслыханное дело, работать. Папа римский Александр Четвертый пытался привлечь дерзкого проповедника на свою сторону, предлагал ему сперва архиепископство там же во Флоренции, потом — неслыханное дело! — пост кардинала, однако Савонарола, оставаясь по сути мелким провинциальным священником, все с негодованием отверг и продолжал яростно обличать Рим и духовенство.

Вскоре и без покровительства папы он стал настоящим

правителем Флоренции, после чего сразу же восстановил республику, перестроил работу политической системы, земельный налог заменил подоходным, основал заемный банк, изгнав из Флоренции всех ростовщиков и менял, что брали по тридцать два с половиной процента.

Сам Савонарола провозгласил королем Флоренции Иисуса Христа, а он, дескать, только его правая рука здесь на земле. Отныне флорентийцы постились, посещали церковь, женщины ходили только в простых одеждах, на улицах вместо песен распевали псалмы, из всех книг читали только Библию, многие уходили в монастыри.

В этом месте отец Дитрих начал озабоченно хмуриться, а я спросил ехидно:

— Что-то не так?

— Да нет, — сказал он быстро, — все хорошо, продолжай, сын мой.

Проповеди, рассказывал я, проходили в часы, когда флорентийцы обычно устраивали балы и маскарады. Святотатцам, которые предпочитали все-таки пойти на бал, он велел вырезать языки, азартных игроков разорял огромными штрафами, развратников и гомосексуалистов сжигал живьем на площадях при большом стечении ликующего народа под его одобрительные выкрики.

Отец Дитрих снова заерзал на скамье, даже листки передал подбегавшему монаху. Взгляд стал совсем встревоженным.

— Что-то не так? — спросил я с лицемерным удивлением. — Разве не похвально такое рвение?

— Похвально, — буркнул он, — похвально. Но только рвение.

— А дела?

— Дела нельзя вершить только по справедливости, — сказал отец Дитрих неохотно, — человек очень уж несовершенен. Его нужно тащить из болота медленно и осторожно, чтобы уши не оторвались... А оторвутся — еще глубже погрузится в болото грязных страстей.

— Да так, что и не вынырнет, — добавил я. — Знаем, проходили. Папа не раз пытался его удалить из Флоренции, но народ заступался за своего любимца и вождя. Против Савонаролы не раз выставляли других проповедников, он побе-

ждал всегда с триумфом, папа запрещал ему проповедовать, но для Савонаролы высшим судьей был Христос, и слава его росла, его проповеди переводили на иностранные языки, даже на турецкий для султана.

Не раз Савонарола словом останавливал вражеские нашествия, а у Франции он вытребовал захваченные ею флорентийские города. Удивительное дело, он преуспел даже там, где проваливались и умудренные правители и политики: удерживал свободу и независимость Флоренции, когда всю Италию захватывали то Франция, то могущественная Германия.

Если учесть, что папой римским был все это время человек, который в миру был известен как самый жестокий и коварный правитель на свете под именем знаменитого отравителя Борджиа, отправлявший на тот свет врагов своими знаменитыми ядами, а против Савонаролы также выступали герцог миланский и кардинал Асканио Сфорца, плюс все проповедники, потерявшие из-за Савонаролы репутацию, то удивительно, что Савонарола не только не отступал, но вел победоносную кампанию.

Папа римский поручил доминиканцам рассмотреть проповеди Савонаролы и найти ересь, чтобы отправить его на костер, но те с сожалением ничего не нашли, и папа снова и снова предложил дерзкому бунтарю сан кардинала.

Собственно, главная опасность Савонаролы не столько в его проповедях, а в том, что сумел доказать изумленному миру, дескать, добрый католик может и даже обязан противиться неверным приказам. Даже если те исходят от самого папы римского. И не только противиться, но и победить!

В попытке убрать Савонаролу герцог Миланский позвал против Флоренции императора Максимилиана, тот осадил Ливорно, синьория умоляла Савонаролу спасти город, Савонарола устроил процессию, поднял народ на защиту, и Ливорно был спасен.

На волне народного подъема Савонарола решил нанести последний удар по дьяволу и его приспешникам. Созданные им отряды мальчигов врывались в знатные дома и ломали драгоценные вещи, по городу всюду отбирали игральные карты, светские книги, музыкальные инструменты, духи и все предметы роскоши. Все это сжигалось на «костре тщеславия».

Все попытки просто убить Савонаролу с помощью наемных убийц были сорваны. Не в силах ни подкупить, ни как-то еще справиться с мятежным священником, папа наконец отлучил его от церкви. Савонарола отказался повиноваться отлучению и заявил, что имеет право апеллировать к Вселенскому собору. В пику папе он продолжал проповеди еще жестче, обличая Рим и его роскошь, бичуя и укоряя. Папа прислал указ с требованием отправить Савонаролу в Рим и заключить его там в тюрьму, а если этого не сделают, то вся Флоренция будет отлучена от церкви, а также все, что будет общаться с Савонаролой или даже слушать его.

Однако флорентийцы стояли за Савонаролу, он же требовал созыва Вселенского собора, на котором смог бы опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Этого папа римский никак не мог допустить, снова прислал указание схватить дерзкого и заключить в тюрьму, а своим тайным службам велел избавиться от него любой ценой. Пусть даже ценой временной потери Флоренции.

Отец Дитрих беспокойно завозился, лицо тревожное, примеряет к нынешней действительности, спросил глухо:

— И чем закончилось?

Я невесело усмехнулся.

— Ага, устали от его побед? Извините, я слишком увлекся и чересчур подробно...

— Нет, просто тревожно стало... очень тревожно. Такое наступление на грехи человеческие обычно заканчивается ужасающим реваншем. Скотство в человеке так легко не сдается.

Я сказал успокаивающе:

— Хитрые побеждают честных всегда. Политики поступили не совсем чисто. Вернее, совсем нечисто... Устроили грандиозную провокацию, сыграв на суеверии простого народа. Мол, такой божий человек, если чист перед Господом, сумеет пройти через огонь, тем самым доказывая свою невиновность и избранность. Разожгли на площади огромный костер, собрались несметные толпы народа. Савонарола, понятно, не явился. Разочарованный народ начал обвинять своего вождя и любимца в трусости, как же — такого зрелища лишились!..

— Толпа, — произнес отец Дитрих невесело, — хуже стаи

зверей. Но иногда умным людям удается использовать во благо даже ее звериность, тупость и жадность.

— Вот-вот, — согласился я. — Короче, он был схвачен. Его пытали четырнадцать раз в день целый месяц, но даже в тюрьме он сочинял проповеди, а последнее сочинение написал за несколько часов до казни на переплете одной книги. Его повесили, потом сожгли. Затем, понятно, через годы и годы учение оправдали, малость подчистив, в его честь составили службу, поставили памятники и статуи, как самоотверженному подвижнику церкви. Мертвый он не опасен, а жизнь его и деятельность в самом деле укрепили нравственный авторитет духовенства.

Отец Дитрих произнес уже строже:

— Надеюсь, отец Ульфилла не сумеет развернуться так же... широко.

— Не дадим, — согласился я.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Как?

Я ухмыльнулся. Надеюсь, это получилось не слишком отвратительно, а то в глазах отца Дитриха мелькнула некая тень отвращения или чего-то близкого.

— Я политик, — объяснил я торопливо. — Потому не дам кренить корабль ни на один бок. А кто будет мешать... могу за борт без суда и разбирательств. Мол, сам пьяный ночью поблевать вышел и споткнулся. Цезарь Борджиа перед нами щенок... Если покой команды и порядок на корабле дороже жизни одного смутьяна, то какие могут быть публичные разбирательства? А тайные службы на что?

Лицо отца Дитриха омрачилось.

— К счастью, он уезжает.

— Да, — сказал я, — пусть с ним местные лорды разбираются. Но если он воспротивится и восхочет задержаться еще хоть на сутки, то на следующие его похоронят!

Глава 16

Благородный сэра Альвар Зольмс, командующий двумя полками элитной конницы, оказался молодым и веселым рыцарем. Шрам на подбородке и еще один на скуле яснее

ясного сказали, что это не придворный хлыщ, а полевой командир, вон как пропечен солнцем, обветренная шея шелушится, а у глаз крохотные морщинки, что возникают, когда долго и тревожно всматриваешься вдаль.

Леди Лоралея держалась ровно и приветливо, ничуть не выдавая, что у нас с нею разногласия и что она вообще здесь пленница. Возможно, уже сказывается близость ночи, когда все волшебным образом изменится.

Лорд Зольмс с первой же минуты был настолько очарован Лоралеей, что сразу же начал тайком, когда я поворачивался к слугам отдать приказания, отпускать ей комплименты, чересчур откровенно и демонстративно тарашил глаза на ее грудь, вздыхал и хватался за сердце. Наконец я напустил на себя блаженный вид сытого и пьяненького, расслабился в уютном кресле и сделал вид, что заснул.

Зольмс начал отпускать комплименты откровеннее, леди Лоралея улыбалась, но никак не реагировала. Слуги начали ходить на цыпочках, говорили тихо. Один, самый бойкий и смелый, приблизился к столу и, отвесив лорду Альвару поклон, деловито взял со стола кувшин с вином.

Он только повернулся, чтобы уйти, я открыл глаз и сказал отчетливо:

— Эй, ворюга! Ты куда взял вино? Не видишь, что я сплю только для лорда Зольмса?

Лоралея звонко расхохоталась, лорд ужасно смутился, краска бросилась в лицо, сидел весь пунцовый, даже уши запылали цветом железа, когда его вынимают из груды раскаленных углей.

— Сэр Ричард, — сказал он дрогнувшим голосом, — меня подвело очарование вашей супруги... Не знаю, что со мной! Но, увы, она даже не обратила внимания на мои комплименты.

— Я знаю, — ответил я весело и доброжелательно, — прошу простить меня, граф. Я не должен был подвергать вас такому искушению.

— Увы, я начал сам...

— Но я мог остановить раньше, — прервал я. — Мою супругу зовут Лоралеей. У нее есть прозвище, которого я сам раньше не знал — Верная.

Лорд Зольмс перекрестился.

— Вам, сэр Ричард, неслыханно повезло. Я намеревался

поздравить вас с гроссграфством, но поздравляю с такой ска-
зочной женщиной!

— Спасибо, граф. А теперь давайте я расскажу, что вам и
вашим людям предстоит. Во-первых, быстрым маршем идете
к Хребту, сейчас я вам покажу место на карте...

Он вскинул в удивлении брови.

— К Хребту? Зачем?

— Когда придете в эту точку, — деловито объяснил я, —
получите дальнейшие инструкции.

— Речь, — произнес он настороженно, — не о простой
дислокации войск?

— Если бы о простой, — ответил я и посмотрел ему в гла-
за, — я бы сказал все сразу. Без напускания тумана. Пони-
маете?

Он вздрогнул, вытянулся.

— Да-да, сэра Ричард! Нет, не понимаю, но это неважно.
У вас уже есть определенная репутация в Фоссано. Потому я
выполню все ваши приказы, не задавая вопросов.

— Отлично. Теперь смотрите, как лучше пройти коннице...

Он следил за моей рукой внимательно, дважды задал
уточняющие вопросы, все строго по делу, поинтересовался,
где проще идти пешему войску, и сразу же уточнил, что у его
командира, лорда Рейнфельса, еще и двенадцать тысяч кнех-
тов, из них пятьсот арбалетчиков в тяжелом вооружении, им
бы поменьше лазить по скалам...

— Вот здесь и здесь, — указал я. — Здесь хорошая дорога,
карабкаться не придется. Вы, как понимаю, останетесь до-
жидаться подхода своих полков?

Он посмотрел мне прямо в лицо.

— Сэр, если можно, то я оставил бы это на своих млад-
ших командиров. У меня триста лучших из лучших рыцарей
Фоссано, я хотел бы.... Понимаете... если возможно...

— Хорошо, — оборвал я. — Я буду иметь в виду.

Он ушел счастливый, я сам закрыл за ним дверь, Лоралея
вернулась к столу, улыбка покинула ее лицо. Я подошел к
ней деревянными шагами, она вскинула на меня вопроси-
тельный взгляд, я отвесил церемонный поклон.

— Большое спасибо, — сказал я нейтрально, — вы держа-
лись великолепно. Так и должна вести себя госпожа Лора-
лея, супруга гроссграфа Армландии!

Она чуть наклонила голову, мне даже почудилась слабая улыбка на ее пухлых губах.

— Надеюсь, ваш гость не разочарован.

— Напротив, он очарован!

— Да, он смотрит на вас с великим почтением.

Я отмахнулся.

— Ерунда. Зато с каким восторгом смотрел на вас... Это надо было видеть. Я получил истинное наслаждение.

Я готов был говорить прочие банальности, они срываются с языка легко и бездумно, в сумраке сказочно видны ее ясные лучистые глаза и упавшая на лоб крупная прядь волос. Я еще не смел коснуться ее, только бережно и очень медленно взял ее ладонь в свои руки, молча целовал ее пальцы и замирал от нестерпимого счастья.

Она оглянулась в сторону спальни, на ее лице появилось задумчивое выражение. Медленно, словно в трансе, она пошла в ту сторону, я задержал дыхание, а Лоралея на полдороге вскинула руки, платье легко соскользнуло с тела, открыв его во всем блеске и красоте.

Все еще не дыша, я дождался, когда наклонится и возьмется за край одеяла, торопливо сбросил одежду сам и был уже у ложа, когда Лоралея только-только опустилась на перины.

Она повернула ко мне голову, глаза странно поблескивают в полумраке. Я встретил ее взгляд с радостным испугом и бешено колотящимся сердцем, прикоснулся ртом к ее губам, пока еще бережно и осторожно, ощутил слабый, очень слабый отклик, возликовал, мои ищущие руки пошли по ее телу.

Она нежно, почти неслышно и как-то неумело поцеловала меня в край губ, но мне хватило, чтобы жар начал заполнять от пяток до кончиков ушей, но я терпеливо ждал, наконец она сомкнула руки на моей шее, а ее тело стало горячим и податливым.

— Лоралея, — шепнул я жарко, — я люблю тебя... Я так тебя люблю... Я просто безумно тебя люблю!

— И я люблю тебя, мой лорд, мой повелитель...

Жар начал переливаться, я чувствовал, уже в ее тело. Странное ощущение, я чувствовал все ее даже самые затаенные желания, как и она мои. Дыхание мое пошло чаще, острое наслаждение зародилось моментально, заполнило меня

всего и не отпускало, держа на вершине наслаждения целую вечность.

— Лоралея...

— Ох, мой лорд!..

Потом мы долго лежали, часто дыша и не выпуская друг друга из объятий. Наконец я повернул голову и посмотрел ей в лицо. Лоралея улыбается чисто и ясно, глаза сияют, на щеках стыдливый румянец. Я снова начал покрывать поцелуями ее щеки, она смеялась и отбивалась, уверяя, что щекотно.

В широкие окна заглядывает узкий ковшик луны и яркие, почти южные звезды. Я держал в объятиях лучшую женщину Вселенной, самую совершенную, но, странные мы существа, мысли как-то незаметно и хитренько ушли к Тоннелю, я почти увидел, как по нему проходят мои железные войска, железные в том смысле, что в железных доспехах. А так пока что это еще та вольница, у каждого лорда свое войско, гроссграфу подчинен только сам лорд, но не его войско и вассалы.

— Сделаю кофе, — сказал я. — Тебе тоже?

— Да, мой лорд, — ответила она. — Мне очень нравится кофе.

— Я его обожаю, — признался я. — Просто не могу без него.

— Я тоже очень люблю кофе, — сказала она с мягкой улыбкой. — И аромат, и вкус...

Можно бы и в постели, но я ощутил, что в данной ситуации лучше встать, мы одни, за столом можно сидеть и голым. Лоралея провожала мою спину смеющимися глазами, все понимает, вернее, чувствует меня так, как только могу чувствовать себя сам, а то и лучше.

Я создал две большие чашки, одну подал ей в постель, Лоралея кивнула с благодарностью, я тихо любовался, как она медленно и с удовольствием отхлебывает горячий напиток, смешно оттопыривая верхнюю губу.

— Господи, — прошептал я, сердце мое шемило от ничем не омраченного счастья, нашей близости, ее доверчивого взгляда, собственной восторженной нежности и радости, — господи, как же я люблю тебя.... Это невообразимо!

— Мой лорд, — возразила она, — ты что-то путаешь, это я люблю тебя.

Потом я взял у нее пустую чашку, некоторое время она лежала неподвижно, а я сидел рядом, страшась спугнуть мгновения огромного и незаслуженного счастья, держал ее за руку, чувствуя ее всю через это прикосновение, а она, думаю, чувствовала меня.

Страсть начала подниматься во мне снова, однако я придал ей пока, успеется, надо насладиться этими сказочными мгновениями, когда вижу ее ясный взгляд, непорочность все еще нецелованных губ, а под одеялом чувствую непорочность ее молодого, но уже созревшего и ждущего меня тела.

Лоралея внезапно рассмеялась легко и беззаботно. Я не успел слова сказать, как она схватила колокольчик. На звон приоткрылась дверь, слуга просунул голову.

— Да, ваша светлость?

Я кивнул в сторону Лоралеи. Она сказала весело:

— А теперь ужин на двоих!.. И быстро.

Он исчез, она встала на ложе во весь рост, я обхватил ее и прижался головой к животу, еще горячему и пахнущему нашими телами. Господи, что за несказанное счастье, вот так держать ее в руках... остановись, мгновенье, ты прекрасно.

Лоралея деловито высвободилась, я с замирающим от счастья сердцем наблюдал, как она так же легко скользнула в платье, как недавно и покинула его. Я торопливо оделся, мы едва успели перейти за стол, как слуги внесли блюда с горячим пахнущим специями мясом, жареными цыплятами и овощами.

Мне после приема графа Зольмса есть не хотелось, сыт, да и Лоралея, как мне почудилось, заказала ужин лишь для того, чтобы не возникло неловкости от перебора переполнившего нас счастья, однако аппетит проснулся неожиданно, я очищал одну тарелку за другой, Лоралея тихо посмеивалась и смотрела любящими глазами, а за любовь, как я уже знаю, нет другой платы, кроме возможности любить еще сильнее.

Потом мы ели малину со сливками, снова пили кофе. Я изнемогал от счастья, Лоралея тоже беззаботно-счастлива, в открытые окна смотрят звезды, луна уже ушла из виду, на том месте таинственный темно-фиолетовый ореол, а еще по перилам балкона проскакала ночная птичка на тонких нож-

ках, чирикнула и, часто-часто замахав крохотными крылышками, исчезла, словно растворилась в темноте.

Привольно счастливое чувство, впервые за много лет странно спокойное, безмятежное и сытое, как эта затихшая, всем довольная ночь, я чувствовал, что глупо улыбаюсь, а Лоралея встала, легкая и грациозная, вышла на балкон и, опершись о перила, задумчиво смотрела в небо.

Звезды игриво подмигивали ей, такие же яркие и лучистые, как ее глаза. На стук моих шагов оглянувшись, лицо сразу вспыхнуло радостью, в чистых глазах еще ярче заблестели звезды, а губы налились сладким соком и покраснели.

— Мой лорд, — воскликнула она с чувством, — пусть Господь и дальше дает тебе терпение!

Я принял ее в объятия, наслаждаясь мягким податливым телом, что прильнуло ко мне, сливаясь с ним воедино, ощутил нежный запах волос, чистоту и свежесть, поцеловал в макушку, а когда Лоралея, смеясь, запрокинула голову, жадно и нежно целовал в щеки, скулы, оттягивая сладостный момент, когда доберусь до губ, таких горячих и уже полураскрытых мне навстречу.

Потом, отдышавшись, но не выпуская из объятий, спросил:

— А почему именно терпения?

Она кивнула в сторону двора. По внутренней стороне стен везде полыхают светильники и факелы, работы не прекращаются даже ночью, летом всегда так, посреди двора из бочки рвется ввысь яростное смолистое пламя, освещая большую площадь и бросая на стены длинные трепещущие тени.

Народ, как муравьи, таскает бревна и уже отесанные столбы, прямо во дворе строгают и обрабатывают доски, которыми предстоит обшить стены залов, доносятся голоса, стук топоров и молотков...

— Я видела этого ужасного священника, — ответила она, плечи ее передернулись, то ли от озноба, то ли отвращения. — Как ты, мой лорд, с ним терпелив! Я бы его уже убила.

Я спросил с интересом:

— За что?

— Он груб, — заявила она с возмущением. — Он невыносим!.. Он оскорбляет достойных людей, пользуясь своим саном священника. Не будь на нем рясы, его бы избивали на

каждом шагу и за каждое его слово! За дело бы избивали. За такого я бы не стала заступаться.

— Это верно, — согласился я. — К счастью, он уже уезжает.

— Сегодня?

— Увы, — сказал я с сожалением. — Я его увидел, когда солнце уже зашло. Отправим на рассвете. Книги уже загрузили в его повозку. И все необходимые чертежи и пояснения. Надеюсь, когда утром вылезу из постели, его уже и духу здесь не будет! Я велел проследить стражам, что если замешкается, чтоб его выпихнули насильно.

Она уткнулась мне лицом в грудь, я снова замер, чувствуя себя недостойным этого неслыханного счастья, даже пальцы мои дрожат от осознания, что прикасаются к лучшей и единственной.

Так мы стояли, вжимаясь друг в друга, и вдруг со двора донеслись голоса, я невольно прислушался и так же невольно выругался. Лоралея, не поднимая головы, прошептала мне в грудь:

— Что случилось, мой повелитель?

— Помяни черта, — сказал я с раздражением, — он тут как тут!

Снизу донесся, приближаясь, страстный и пронзительный, как звук стальной пилы, голос священника:

— Иисус ходил в простой одежде и нам велел жить в простоте! А что мы видим? Люди выставляют напоказ богатство вместо того, чтобы стыдиться его! Роскошь — великое преступление против людей, и так будет до тех пор, пока хоть один человек на свете нуждается!

Перегнувшись, я рассмотрел, как со стороны казарм в нашу сторону двигается целая толпа, во главе шествует отец Ульфила, а за ним тянутся его слушатели.

Остановившись, как нарочно, под моим балконом, он вскинул руки и завопил истошным голосом:

— Бегите роскоши! Это не просто грех! Роскошь развращает всех: и богача, который ею пользуется, и бедняка, который алчет ее! Я проехал долгий путь сюда и что узрел горьким сердцем? Вся эта роскошь и все то мирское, за что так жадно цепляетесь, не есть необходимое вам, но определенно помешает войти в Царство Небесное!

Вот еще один Савонарола, мелькнула злая мысль. Хотя бы ты поскорее закончил, как и тот, на которого ты так похож.

К нему сходилась все больше народу, окружили уже двойным кольцом, слушают не просто внимательно, я видел, как вскидывают кулаки, орут что-то, явно поддерживают. Ну еще бы, что-то типа отнять и поделить...

Тепло и спокойствие, окутывающие меня, словно солнечный свет по выходе из мрачной сырой пещеры, начали рассеиваться. Лоралея наконец подняла голову, в глазах недоумение, и, не выпуская меня из объятий, посмотрела вниз во двор.

С площади долетели страстные слова:

— Нет ничего более рабского, чем роскошь и нега! И нет ничего более царственного, чем труд!

Слышались и крики одобрения, Лоралея вздрогнула, словно попала под ледяную струю водопада, прижалась крепче и спросила с тихим упреком:

— А почему, мой лорд, ты ему не укоротил язык еще раньше?

Я ответил со вздохом:

— На мысли надо нападать с другими мыслями. На идеи не бросаются с обнаженным мечом. А подходящей, чтобы срезать этого гада, увы, у меня нет.

Она разжала руки, встала со мной рядом и в изумлении смотрела на разглагольствующего священника.

— Ты хочешь сказать, что он вне твоей власти?

— Конечно, — согласился я. — Он, скорее, во власти отца Дитриха. Но и то не в той мере, как у нас, военных. Ульфилла признает своим сюзереном только Господа Бога, скотина. Пойдем, дорогая. Ночи пока теплые, но я не хочу, чтобы ты простудилась.

Она не ответила, я подхватил ее на руки и понес в постель.

Утром мы завтракали, а я время от времени подходил к балкону и смотрел, как в повозку отца Дитриха, теперь уже Ульфиллину, впрягли лошадей, их подарил я, только бы эта сволочь побыстрее убралась. Сам Ульфилла поднялся на козлы и, размахивая руками, то ли удерживал равновесие, то ли

зазывал народ, выкрикивал уже донельзя опротивевшим для меня голосом:

— Все труды человека — для рта его, но душа его — горе нам! — не насыщается. Однако скорее верблюд пройдет сквозь игольные уши, нежели богатый войдет в Царство Божие! Посему раздирайте сердца ваши, а не одежды!.. Входите в жизнь тесными вратами, потому что именно в погибель широки врата и пространен путь, и многие беспечно и легко идут ими! Но тесны врата и узок путь в достойную жизнь, и немногие находят эти дороги...

Все правильно, подумал я зло, но лучше убирайся подальше с глаз моих и вообще из Армландии. Не все истины — те самые, которым нужно следовать немедленно. Коммунизм — прекраснейшая идея, да только не с тем говном строить, из которого состоит человечество. То же самое и с Царством Небесным. Верю, что построим, но если кто скажет, что можно забабхать в ближайшие десять лет... да пусть даже в сто, первым плюну такому в глаза.

— Не скоро совершается суд, — донесся истошный горестный вопль, — над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло... Но укрепитесь духом и бегите неправедности! И если ты вразумлял такого злодея, а он не обратился от своих дел недобрых, то он умрет в грехе и беззаконии своем, а ты спас душу твою и все-таки сделал мир лучше!

Давай-давай, святоша, поторопил я его мысленно. Достали твои проповеди. Знаем, проходили.

Наконец священник широким жестом благословил всех собравшихся, вдвинулся в повозку, и та сдвинулась с места. Кони бодро побежали рысью к воротам.

Я с облегчением вздохнул, чмокнул Лоралею, чувствуя как мучительно отрываться от нее.

— Дорогая, пришла пора великих дел. Я буду близко, если понадобится — посылай за мной! Прилечу быстрее, чем на крыльях.

Она слабо улыбнулась.

— Мой лорд... делай то, что должен делать. И думай только о своей работе. Мужчина должен заниматься делом.

Я еще раз чмокнул ее в губы, потом целовал в глаза, щеки, лоб, шею, пока Лоралея со смехом не начала отбиваться и не вытолкала меня за дверь.

Весь день я в самом деле провел достаточно близко: метался по долине, где сэр Растер, Макс, барон Альбрехт и даже приобщившийся к хозяйствованию Бернард встречают прибывающие отряды. Я снабжал их командиров инструкциями и отправлял к Тоннелю. После окончания междоусобных войск в Армландии осталось множество людей, умеющих воевать, которых уже трудно заново приучить к сохе. Среди них нашлось даже множество безщитовых рыцарей, после войн не удалось отхватить ни клочка земли, зато под их рукой отряды таких же бездомных, разве что еще ниже рангом, закаленных в боях и походах.

Размышляя, как я использую этих пассионариев для первого удара по ту сторону Хребта, я вскочил наконец в седло. Зайчик повернул голову, в глазах веселое удивление.

— Домой, — велел я. — Скоро наскачешься вволю... Сам знаешь, на что я намекиваю!

Жаркий закат воспламенил облака, как кочевники поджигают стога сена. Небо затянуло ало-сизой пеленой огня и дыма, на землю пал грозный отблеск небесной битвы, а затем черная тень протянулась от стен и башен, затопив двор, как темной водой. Люди двигаются вниз по простору крепости почерневшие от солнца, с обнаженными плечами и руками. Кто-то вообще щеголяет голым торсом, где тяжелая работа вытопила жир, оставив только сухие мышцы, коричневые, как выбравшиеся из-под земли корни.

Я прошел в покои, крикнул весело:

— Лоралея!.. У меня хорошие новости!

В первой комнате пусто, я вошел в большую, где ложе, сердце дернулось и застыло. Легкий аромат свежей кожи Лоралеи, ее золотых волос... исчез. Огромное помещение вдруг показалось пустым и мертвым.

Я стоял оглушенный, в черепе бьется одна-единственная мысль: снова увели, украли... но как?... Что я упустил? Что за такая могучая магия...

В коридоре кто-то бежал, громко топая тяжелыми сапогами. Дверь распахнулась без стука, без предупреждения. Моя ладонь метнулась к рукояти меча, но на пороге возник запыхавшийся молодой парень в одежде легкого воина. Я узнал разведчика из отряда сэра Норберта.

— Ваша... светлость, — прохрипел он, — ваша... светлость...

— Говори! — прорычал я.

— Леди Лоралея...

— Что с ней?

— Она... я был за крепостью, когда...

Я закричал:

— Говори быстрее!.. Бобик, ко мне!.. Мы сейчас в погоню... Кто ее увез, ты рассмотрел? В какую сторону?

Он сказал торопливо, все еще жадно хватая раскрытым ртом воздух:

— Она велела передать, чтобы ее не искали... Ее не увозят, она сама... умолила, чтобы ее увезли...

— Кто? — закричал я страшным голосом, по всему помещению затрепетали и пригнулись свечи. — Кто увез?

— Священник, — прошептал он виновато.

Тысячи образов промелькнули за доли секунды у меня перед глазами, прежде чем я прошептал самое невероятное:

— Отец Ульфилла?

— Леди Лоралея сказала, — проговорил он почти плачущим голосом, — что узрела истинный свет... и уходит в монастырь... отныне посвятит жизнь борьбе с Врагом...

На полдороге к двери я, воспламененный всесокрушающим гневом, ударился о незримую стену с такой силой, что в глазах потемнело.

— Ку... да... куда она...? Повтори!

— В монастырь, — повторил он виновато. — Это ее воля. Просит не разыскивать... Она ушла сама. По своей воле. Она станет невестой Христа.

Яростный свет померк перед моими глазами. Я физически ощущал, как из меня силой выдрали душу, а в оставшейся оболочке меня меньше, чем потеряно с ее уходом.

Он прошептал за моей спиной тревожно:

— Боюсь даже представить, какой святости может достичь такая чистая душа, как наша удивительная леди...

— Сплюнь, — ответил я мертвым голосом.

— Сэр?

— Ульфилла тоже... может.

Оглавление

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	69
Глава 9	77
Глава 10	86
Глава 11	92
Глава 12	97
Глава 13	104
Глава 14	111
Глава 15	121
Глава 16	129

ЧАСТЬ 2

Глава 1	139
Глава 2	148
Глава 3	160
Глава 4	167
Глава 5	172
Глава 6	183
Глава 7	193
Глава 8	202

Глава 9	208
Глава 10.	219
Глава 11.	226
Глава 12.	233
Глава 13.	243
Глава 14.	253
Глава 15.	265
Глава 16.	272
Глава 17.	279
Глава 18.	290
Глава 19.	299

ЧАСТЬ 3

Глава 1	304
Глава 2	312
Глава 3	320
Глава 4	327
Глава 5	335
Глава 6	343
Глава 7	349
Глава 8	357
Глава 9	365
Глава 10.	373
Глава 11.	384
Глава 12.	395
Глава 13.	402
Глава 14.	412
Глава 15.	419
Глава 16.	430

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ЛОРД-ПРОТЕКТОР

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Э. Казанцева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.07.2008.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 70 100 экз. Заказ 4669.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.

foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»

обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ISBN 978-5-699-29910-2

9 785699 299102 >

Ричард

Длинные Руки —
лорд-протектор

